Посвящается внуку Алессандро

Все определяется тем, чего ищешь в жизни, и еще тем, что ты спрашиваешь с себя и с других.

С. Моэм

Вагиф Гусейнов

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОДНА ЖИЗНЬ

Книга первая

НА ВЗЛЁТЕ
ПОД ПРЕССОМ

Москва – 2013

УДК 82-94
ББК 84-4
Г962

Гусейнов В.
Г962 Больше, чем одна жизнь. Кн. 1. — М.: Издательский дом «Красная звезда», 2013. — 384 с.
ISBN 978-5-88727-100-2

УДК 82-94
ББК 84-4

ISBN 978-5-88727-100-2
© Гусейнов В., 2013

К ЧИТАТЕЛЮ

Это не предисловие, а несколько мыслей вслух, поясняющих некоторые важные, на мой взгляд, особенности повествования.

Прежде всего, я стремился следовать совету классика мемуаристки – не вставлять себя сегодняшнего в прошлое, но смотреть на прошлое из сегодняшнего дня. Это оказалось непростым делом, но я все-таки старался.

Название книги «Больше, чем одна жизнь» родилось у меня раньше, чем я случайно наткнулся на некую эзотерическую книгу, в которой шла речь о реинкарнации душ и возможности нескольких жизней у человека. Автор настойчиво советовал: «Планируйте больше, чем на одну жизнь!» Я же имел в виду иное – крутые повороты судьбы и сопряженные с ними искусы, испытания и утраты, требовавшие начинать новую жизнь едва ли не с нуля. Что-то вроде того, о чем писал И. Бродский: «*Но забыть одну жизнь – человеку нужна, как минимум, еще одна жизнь. / И я эту долю прожил…*». Или сожалеющего признания Даниила Гранина: «*Кроме жизни, которой мы живем, у нас у всех есть упущенная жизнь. История моей упущенной жизни: я не ценил и не понимал людей, с которыми был знаком… Я всегда думал: да ладно, встретимся – еще поговорим*».

Так что немало светлых умов задумывалось над вопросом, что такое жизнь человека и прожитая и проживаемая им в том числе. Настраиваясь на свою книгу воспоминаний, стал размышлять о том и я.

Как и многие другие, я пытаюсь разобраться в не дающем покоя целому поколению вопросе: что произошло с нами - с СССР и Азербайджаном? Этот вопрос, как и сам факт великого цивилизационного раскола, еще долго будет будоражить наши умы, непроницаемой стеной вырастая перед каждой попыткой национального единения.

Долгие годы нас приучали к «черно-белой» интерпретации истории, общественных процессов. И чтобы разобраться в затемненных лабиринтах недавнего прошлого, надо непременно отказаться от этой пагубной привычки. Для истории особую ценность имеют свидетельства очевидца, участника тех или иных событий, изменивших или меняющих жизнь. Без этого не реставрировать стертые временем (или безвременьем) подлинные рисунки исторического полотна. В них и только в них – живых свидетельствах – само течение и ощущения минувших дней.

Приходит время, когда ответы становятся важнее вопросов, и по ним, как по вешкам, можно не только проследить жизненный путь человека, но и оценить его должным образом. Спросите у него, что ему мешает жить, и по его ответу вы поймете, что бы он хотел в своей жизни изменить или поправить.

От многих вещей зависит итог – тот вердикт, который мы выносим сами себе в конце пути. На этом конечном отрезке многое найденное кажется ненужным, а потерянное или отнятое – невосполнимой утратой. Что же касается счастья, то, как точно установил один из великих, в план сотворения мира задача сделать человека счастливым не входила.

Что бы о нас не говорили, мы обладали в молодые годы неиссякаемым запасом социального энтузиазма и умели довольствоваться и малыми радостями, которые высекала неутомимая молодость из стремительного прикосновения к кремнистым реалиям действительности.

Сегодня я могу совершенно искренне утверждать, что Отечество, которому я имел честь принадлежать и которому стремился служить верно и честно, стоило того, чтобы потратить на него лучшие годы своей жизни.

Мне повезло: я родился в нужное время, в нужном месте.

Эпоха застоя? Было и это. Но вот ведь сказаны же были о нашем времени эти замечательные слова, которые, право, стоят целой книги: «Как хорошо мы плохо жили!»*

Судьба дала мне возможность участвовать в строительстве жизни в самом высоком смысле этого слова. Чем достойней, масштабней дело, которым мы с полной отдачей занимались, тем ярче и прочнее воспоминания. А вспоминая, мы как бы проживаем свою жизнь заново...

Эта книга не появилась бы, если бы не настойчивость Хабибы, моей супруги, дочери Рены и моих близких друзей Расима Агаева и Юрия Поройкова. Именно они побудили и убедили меня заняться этой непростой и трудоемкой работой. Что получилось, судить читателю. Но я хочу поблагодарить, в первую очередь, этих четверых, чья помощь в подготовке книги к изданию поистине бесценна.

Так случилось, что обстоятельства вынудили нас в начале 90-х отправить шестнадцатилетнюю дочь Рену в Лондон, где она закончила колледж и весьма престижный университет, занималась успешной юридической практикой, а затем вышла замуж за хорошего парня Сандро Лавери, тоже юриста, и вот теперь, в самый канун моего юбилея, наша семья пополнилась долгожданным внуком.

Его назвали Алессандро. Ему я и посвящаю эту книгу.

* Рано ушедший из жизни талантливый екатеринбургский поэт Борис Рыжий.

ПРОЛОГ

9 января 1994 года около половины шестого утра я вышел из своего дома на Коммунистической, 1 (последняя советская постройка времен застоя для высшей партийной номенклатуры республики). У подъезда меня ждала машина — простенький, неприметный фургон — ГАЗ-24 моего давнего друга. Было еще темно, холодный бакинский «Хазри» — северный, особо свирепый ветер — сыпал пригоршнями снежной крупы. Отметив про себя, что постового не видно — разумеется, отсыпается где-то, вообще-то, в данном случае, это и к лучшему, однако, как же разболталась служба, я примостился на заднем сиденье, и мы тронулись в путь.

Накануне поступило сообщение, что ожидается карательная акция против тех, кто, по мнению властей, на данном этапе представляет наибольшую опасность для них. Назывались имена эксов: первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Абдурахмана Везирова, первого президента АР Аяза Муталибова и мое — Вагифа Гусейнова, последнего председателя республиканского КГБ.

Впрочем, группа, против которых со времен Народного фронта Азербайджана выдвигались самые немыслимые обвинения в предательстве национальных интересов, состояла из четырех известных лиц. В прессе даже забавлялись по сему поводу, именуя нас «Бандой четырех» — политологический термин, заимствованный из лексикона китайской пе-

рестройки, когда в КНР привлекли к суду ближайших соратников Мао — Великого кормчего. Четвертым значился бывший второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана Виктор Петрович Поляничко. За несколько месяцев до описываемых событий, летом 1993 года, он был назначен Б. Ельциным руководителем администрации в зоне чрезвычайного положения на территории Ингушетии и Северной Осетии в ранге вице-премьера правительства РФ — опытный был человек (за плечами Афганистан, сепаратистский Нагорный Карабах, мы еще встретимся с ним на последующих страницах моего повествования).

Развернуться, однако, в новом, неспокойном Северо-Кавказском регионе ему не довелось. 1 августа Виктор Петрович попал в засаду и был убит. Нагнала ли его месть армянских террористов — у них имелись свои, особые счеты с человеком Москвы и Баку, или ингушские сепаратисты нанесли упреждающий удар? Подставили ли свои? Эта — одна из многих тайн смутного времени так и осталась нераскрытой.

Пуля убийцы избавила Виктора Петровича от уголовных преследований азербайджанских властей. Хотя человек, рисковавший своей жизнью ради того, чтобы над Степанакертом развевался флаг Азербайджана (и он реял до самого развала СССР!), заслуживал, мягко говоря, лучшего отношения.

Приближалась окаймленная черной лентой дата календаря — 20 января. По традиции последних четырех лет республика погружалась в траур по безвинным жертвам событий 1990 года. Друзья и приятели, такие еще имелись на разных уровнях властных структур, сходились во мнении, что на сей раз годовщина кровавых событий рассматривается властями как удобный повод для окончательного добивания наиболее видных политических соперников, их полнейшей дискредитации, а еще лучше — изоляции.

В. Поляничко погиб. А. Везиров и А. Муталибов находились вне досягаемости азербайджанских властей — в Москве. Оставался я. Полгода назад (18 июля 1993 года) по личному распоряжению Г. Алиева, только что избранного председателем Верховного Совета АР, меня освободили из-под ареста, как было сказано в решении Генпрокуратуры республики, «за отсутствием состава преступления». И вот теперь, судя

по всему, в той же Генпрокуратуре следователи корпели над формулировками нового обвинения.

После того как я покинул камеру № 70 Баиловского следственного изолятора, мой бывший босс и партийный наставник по бюро ЦК Компартии Азербайджана, честно говоря, не проявлял особого желания общаться со мной. Свои поздравления по случаю моего освобождения передал через А. Рагим-заде, депутата Милли Меджлиса (ММ), близко стоявшего тогда к будущему президенту. Из приемной же и.о. президента на мои звонки следовал стандартный ответ — Гейдар-бей занят, перегружен делами.

Дел у него, я это хорошо знал по прежним, советским временам, хватало и в куда более спокойной обстановке. А в то бурное лето 1993 года...

Очередное армянское наступление, начавшееся с его появлением у власти, завершилось оккупацией Агдама и ряда других регионов, сотни тысяч беженцев хлынули в Баку. В Ленкорани ощетинились бронетранспортерами сторонники самопровозглашенной Талыш-Муганской Республики. На севере, близ границы с Дагестаном, плелись нити еще одного сепаратистского заговора — националистического лезгинского движения «Садвал».

В Москве знали о доверительных контактах между Баку и Анкарой. Б. Ельцин, и ранее не испытывавший особых симпатий к брежневскому фавориту, окруженный политиками «демократической» волны (Г. Старовойтова, Г. Бурбулис, Е. Боннэр и др.), с подозрением посматривал за маневрами того, кто отодвинул от кормила власти протурецкую партию Эльчибея.

Новые мосты взаимопонимания с демократизирующейся Москвой сподручней было бы наводить с помощью тех,кто располагал соответствующими связями,опытом. И такой вспомогательный резерв в республике имелся. При желании новый руководитель мог призвать на помощь кадровых спецов старой школы,выброшенных по милости его предшественников — квази-демократов на периферию политической жизни.

Так поступили в свое время большевики. Их примеру последовали в наше время в Казахстане, Узбекистане, на

Украине, в Армении. Помимо практических результатов, таким образом можно было бы приступить к консолидации национальных сил, в чем остро нуждалось уставшее от бесконечного противостояния и политической вражды азербайджанское общество.

Гейдар Алиев как патриарх советско-азербайджанской политической сцены в тот период, возможно, являлся единственным политиком, который смог бы обеспечить объединительный процесс. Многие тогдашние политики, не скрою — какое-то время и я, рассматривали его второе возвращение к власти исключительно под этим углом зрения и приложили немало усилий для его возвращения.

Но в то раннее, холодное январское утро 1994 года, когда я покидал Баку, у меня уже не оставалось никаких иллюзий на сей счет. Его сотрудничество — все более активное с сомнительными героями Мейдана — уже хорошо просматривалось. Партия национальной независимости Э. Мамедова слилась с теперь уже правящей — Новый Азербайджан, все это свидетельствовало о новых политических пристрастиях бывшего члена Политбюро.

Он навсегда удалялся от родных коммунистических берегов, прокладывая свой политический маршрут в новом направлении. В каком? Об этом в ту ночную непогодь в машине, везущей меня в аэропорт Бина, я мог только строить догадки. Но информация, поступавшая по разным каналам, слишком подтверждала знакомый почерк, чтобы усомниться в ее достоверности.

Сценарий предстоящего политического действа в общих чертах прорисовывался следующим образом. Накануне траурных мероприятий проводится заседание Милли Меджлиса (азербайджанский парламент), на котором публичной порке подвергаются наиболее видные фигуры партийно-государственного управления перестроечного — везировско-муталибовского периода. Таким образом, широкой общественности как бы внушается — вот они, главные виновники январской трагедии и всех бед, обрушившихся на вашу голову с началом армянской агрессии. После чего начинает раскручиваться маховик уголовных дел: вызовы в Генпрокуратуру, аресты, шельмование в прессе.

Среди кандидатов для этой публичной экзекуции — и я, бывший шеф службы безопасности, как пишут газеты всех мастей. Благо КГБ успели замарать и извалять в грязи еще с легкой руки горбачевцев. Сразу после января 1990 года народофронтовские писаки и агитаторы поработали в этом плане на славу. Так что убеждать особенно никого не придется.

Итак, страна приближается к новому расколу, грустно размышлял я в машине, пробивавшейся сквозь пургу к аэропорту. Период противостояния компартии и Народного фронта остался позади. Вчерашние коммунисты, рекрутированные решительным Г. Алиевым, объявили вендетту тем, кому республика обязана была всеми своими достижениями.

В жизни для каждого заготовлен экзамен. Для одних испытание длится один единственный миг, для других — всю жизнь. И все же для политического деятеля всегда лучше сохраниться, как шахматисту довести партию до конца. И тот факт, что ныне я имею возможность спокойно оглянуться на свой жизненный путь, так сказать, взять слово на судилище, длящегося почти два десятилетия, только подтверждает правоту непростого решения покинуть свою Родину. Хотя честно признаюсь — в то морозное утро я не мог предположить, что выезд в Москву, еще недавно бывшую родным мне городом, столицей общей родины (впрочем, только ли для меня одного?!), обернется долгой, нескончаемой эмиграцией.

Думалось, схлынет волна революционных смятений, поостынут политические страсти, кончится война всех против всех — рано или поздно азербайджанцам придется сообща поднимать свою страну из руин. Оказалось, я ошибался. А прав был другой политик, сейчас всеми забытый, и в обстоятельствах, столь схожих с моими, сказавший, что азербайджанцев губят «три вещи: жестокость, злопамятность, недальновидность»[1]. Впрочем, это меткое наблюдение Виталия Самедова не избавило его, второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана, большую часть своей партийной карьеры проработавшего с самим М.-Дж. Багировым, от той же

[1] *Гасанлы Дж.* Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954–1959). — М.: Флинта. 2009. — С. 70.

участи — покинуть Баку и прожить в Москве всю оставшуюся жизнь.

Сколько секретарей-руководителей сменилось в Азербайджане с той поры! В.Самедов стал доктором исторических наук, заведовал отделом в Институте марксизма-ленинизма, считался одним из лучших исследователей партии, политической истории Советского Азербайджана, а возвращаться в родные края у него так и не возникло желания. Отчего? На него ведь не вешали ярлыков, не фабриковали уголовных дел, не шельмовали из года в год в прессе.

Он сам ответил на этот вопрос, которым и поныне задаются историки и в народе: мстительность трансформировалась в естественное состояние власти, стала политической традицией, как и жестокость — особенностью политической конкуренции. Увы...

Часть первая

НА ВЗЛЁТЕ

О, Время, в котором мы стоим!
Фазиль Искандер

Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.
Борис Слуцкий

НАЧАЛО НАЧАЛ

«С каких краев будешь, земляк?»

Над этим вопросом — откуда взялся этот журналист, вдруг взлетевший к высотам советского государственного управления, ставший генералом всесильного КГБ СССР? — немало посудачили в свое время и во властных кабинетах, и на кухнях обывателей. Увлеченно рисовали генеологическое древо мое. И как же иначе может быть, коли правящая команда последние сорок лет, за вычетом короткого перестроечного периода, формировалась по принципу принадлежности к определенному региону?

Азербайджанцы, как известно, вкладывают в этот вопрос и иной смысл, заключенный в сакраментальном «харалысан?». Сколько боролись коммунисты с этим проклятьем прошлого — землячеством, регионализмом, а оно притаилось в глубинах человеческой души, прикрылось современными одеяниями. Заверяли — с трибун и вполне искренне — меж собой: исчезла наконец эта притягательная, живучая особенность национального характера, осталось только как понятие, идеологема, или как писали в научных докладах — пережиток прошлого, оказавшийся необыкновенно живучим. Как и этот древний, заповедно азербайджанский вопрос: «харалысан?» — «С каких краев будешь, земляк?».

Родился я в небольшом городке Куба, а вся моя сознательная жизнь связана с Баку. Стало быть, бакинец. В те

годы, 1940-е — вплоть до 1960-х — собственно, бакинцы делились на конкретные группы жителей, каждая со своим наименованием, коим немало гордилась: крепостные (т. е. жители бакинской крепости), чемберкендские — обитатели нагорной части города, черногородские, где весь XX век чадили нефтеперерабатывающие заводы, белогородские, «советские» — те, что проживали на одной из самых старых и длинных улиц, названной, по странной прихоти судьбы, Советской, что не избавило ее от любителей покурить анашу, пырнуть ножом из-за неосторожного словца, раздеть до исподнего припозднившегося прохожего. Вот таким был Баку. Нет, не только — были еще улица Торговая, Большая и Малая морская, чудный сквер Парапет (пл. Фонтанов) и много других названий, от одного звука которых и поныне сжимается сердце, как от мелодий детства... А все остальное: Ясамалы, микрорайоны, поселки Монтино, Ази Асланова и др. — памятники послевоенных пятилеток. Строились они по советским меркам быстро: по две-три за пятилетку.

Извилистым и долгим оказался маршрут проживания нашей небольшой семьи в Баку (мать, отец, я и сестра Наиля и часто наведывавшаяся к нам бабушка Хадиджа). А начинался он у самого въезда в Баку, с севера, где прилепились друг к дружке бесчисленное множество низких — с человеческий рост — домишек–мазанок, с такими же крошечными двориками. Это был по-своему знаменитый район столицы, долго именовавшийся «кубинкой». Названием своим он был обязан дороге, ведущей в Кубу, у начала которой и собирались все желающие попасть в этот райский уголок, на границе с Дагестаном, славный своей древней историей и яблоневыми садами[2].

---

[2] История топонима действительно представляет интерес. Название это встречается в древних албанских, персидских, арабских, турецких источниках, а сфера распространения его простирается от Монголии до Арабского Востока. Сказывают даже, что первая мечеть, построенная пророком Мухаммедом близ Мекки, именовалась Куба...Есть и другие версии, одна увлекательней другой, как и сведения о Кубинском ханстве периода XVIII века...Фатали-хан, правитель Кубинского ханства (1736–1789), власть которого распространялась на обширные земли от врат древнего Дербента до Талышских гор, пытался вновь воссоздать азербайджанскую монархию,

В наши дни, в угаре хлопковых, а затем и винодельческих отраслей, слава дивных кубинских садов как-то померкла. А ведь когда-то слагали о них песни...

Забвение ждет и «кубинку», обитатели которой всю войну и еще долго после нее делали свой бизнес на дефиците. Наплыв китайских и турецких товаров сделал их занятие бессмысленным.

Впрочем, первое местожительство наше имело и иную, куда более романтичную отметину. По соседству располагалась подпольная типография «Нина». Здесь когда-то в начале XX века печаталась легендарная газета «Искра». Уже в зрелом возрасте, оказавшись как-то в крошечном музее, главным экспонатом которого являлся примитивный печатный станок, собранный вручную грузинским социал-демократом Ладо Кецховели, я немало подивился изобретательности революционеров — лучшего места для типографии трудно было найти. Непроходимая грязь и непролазная чаща лачуг, до отказа забитых нищими обитателями — без специальной наводки никакому сыщику и в голову не придет, что в этой конуре печатают революционные листовки и газету «Искру», разлетающиеся по всей Российской империи. Впрочем, у полиции появился шанс накрыть подпольщиков, когда Л. Кецховели попал им в руки. Но тот оказался крепким орешком — так и не выдал «Нину». Хотя полиция тогдашняя не особенно заботилась о правах человека...

Традиционный городской социум в Баку имел те же черты формирования, что и все нынешние мегаполисы. В этом смысле бакинцы напоминают жителей, скажем, Нью-Йорка: ирландцы, евреи, англо-саксы, афроамериканцы, кочинос уверяют, что они и есть истинные нью-йоркцы. И с этим никто не спорит.

для чего даже вторгся в Персию, дошел до Ардебиля, поддерживал политические связи с Екатериной Великой. Оценки деятельности этого амбициозного объединителя земель азербайджанских отечественной историографией менялись — в соответствии с политической конъюнктурой. Та же участь постигла другого знаменитого кубинца, одного из наиболее заметных политических фигур в новейшей истории СССР и Азербайджана Мир-Джафара Багирова. Он возглавлял Азербайджанскую ССР на протяжении почти четверти века (1933–1953).

Таково мироощущение всего нашего поколения, сформировавшегося в недрах своеобразного плавильного котла новой людской общности, названного бакинцем.

Homo bakius, как шутили в те годы мы, вышел из большой городской семьи, в которой причудливо переплелись традиции и нравы людских потоков, устремившихся сюда со всех концов Европы и необъятной Российской империи в поисках счастья, обещанного первым «нефтяным бумом». И нефть не обманула ожидания ни Ротшильдов, ни Мусы Нагиева, ни Мухтарова, ни Нобелей, ни многотысячную армию безымянных разноязыких людей, нашедших здесь заработок, достаток, кров.

Советский Союз придал кипению бакинского котла новое — идеологическое содержание — интернационализм, термин позже ошельмованный и, тем не менее, довольно точно отражавший, по крайней мере, до перестроечной идеологии, суть человеческих взаимоотношений в большой бакинской семье. Убежден, что изобилие индивидуальностей — от легендарного Зорге и до не менее легендарного наркома Байбакова — могло появиться только в такой великой разноязыкой семье.

Говорю это не ради красного словца. Просто воздаю дань истории азербайджанской столицы. К тому же социальный феномен «бакинец» еще не раз, думается, возникнет в моих воспоминаниях, непосвященному читателю так легче будет ориентироваться в тонкостях азербайджанской ментальности.

Планомерное заселение завоеванных территорий в царской России мало чем отличалось от, скажем, британского, американского, французского опыта. Заселялись завоеванные закавказские территории армянами, издавна взятыми под своё покровительство русскими царями. Традиция эта жива и сегодня. Менялась демографическая ситуация. Баку, Гянджа, Карабах и другие регионы заселялись не только армянами. Сюда устремились потоки русских, украинцев, евреев, грузин, татар.

А в Кубе наш дом (на улице 28-го апреля) находился неподалеку от городской библиотеки и клуба, построенного в начале 1920-х годов, недалеко было и до старинного кладбища.

Чудное местечко, скажу я вам. Такие погосты, уже много лет спустя, мне встречались только в Европе — Германии, Франции, Италии. Все в зелени. Тишь и умиротворенность. Частокол фруктовых деревьев, незаметно врастающих в чащу, разбегающуюся далеко по склонам гор, темным лесом поднимаясь к низко плывущим облакам... Ему-то, старинному кладбищу, обязана вся наша семья своей жизнью, как бы парадоксально это ни звучало. Впрочем, чтят этот уголок по той же причине многие жители Кубы.

Рассказывала старая Хадиджа, бабушка моя, что когда-то, в году 1918-м, ворвались в город, в самый разгар весеннего цветенья, всадники. Решили крестьяне — большевики нагрянули, они тогда в Баку власть держали. Оказалось — армяне-дашнаки, которые тоже ту самую власть представляли. Для начала прошлись непрошеные гости по домам — забрали оружие, какое имелось, драгоценности, старинные ковры и др. А какой горец без ружья и личного кинжала? Тем более, в лихолетье. Все отобрали. А наутро началось побоище: собрали сперва мужчин на площади перед мечетью и всех перестреляли, а кто бросился бежать — тех саблями порубили.

Под истошные женские крики и детский отчаянный плач тетка схватила маленькую Хадиджу и бросилась к кладбищу, а оттуда — уже ночью — через заросли пробралась она, как и другие — в основном женщины и дети — в горы... Ну, а городом со всем его добром дашнаки владели три дня и три ночи — в соответствии с обычаями средневековых завоевателей. Вывезли все, чем славилась древняя Куба, — дивные ковры — сумах, изделия золотых дел мастеров, чеканщиков и медников. Разорили город, одним словом... И долго еще в Кубе росли дети сиротами. А я так и не узнал, отчего у меня нет, как у всех сверстников, дедушки. Только бабка Хадиджа, наш семейный летописец, была у меня. Одна — на всю родню...

В Кубе и по сию пору находят захоронения. Мудрено ли, полк, которым командовал Амазасп Срвандзатян, уполномоченный Степана Шаумяна, руководителя Бакинского совнаркома, огненным смерчем пронесся по Кубе и ее предместьям, вырезая заодно и еврейские, и лезгинские поселения. Времени разбираться не было. Смута на то и смута — бал головорезов и авантюристов.

Армия Бакинского совета, которую в срочном порядке назвали на российский манер Красной, численностью около 6 тысяч бойцов, на 70% состояла из армянских солдат, возвращавшихся с турецкого фронта. Начальником штаба этой армии был царский полковник, член партии «Дашнакцутюн» З.Аветисов, командирами бригад и сводных отрядов являлись также царские офицеры все той же национальности: А.Амирян, Казаров, Амазасп...[3]

КОНТЕКСТ

Любопытны публикации того периода: руководители Бакинского совета (С.Шаумян) заверяли Москву, что Амазапс со своим отрядом занят умиротворением конфликта между мусульманами и христианами. Сам же Амазасп говорил: «Я родом из Эрзурума – армянский герой, защитник его интересов. Я прислан сюда советской властью с карательным отрядом. Горе вам будет, когда я поднимусь на гору... и начну бомбардировку города, который снесу до основания. Я прислан сюда не для наведения порядка и установления советской власти, а для отмщенья вам за убитых армян»[4].

И всё это – не солдатам противника, а согнанным на площадь старикам, женщинам, детям.

Немало людей полегло после этой речи... Чрезвычайная следственная комиссия, созданная постановлением правительства Азербайджанской Демократической республики (АДР) в июле 1918 года, т.е. непосредственно после мусульманских погромов в Кубе, установила, что «по сведениям мулл, хоронивших убитых, они предали земле 2800 трупов». А хоронить Амазасп и его люди разрешили спустя четыре дня после хладнокровного массового убийства[5].

Разумеется, с течением времени вокруг этих давних событий немало накручено, наверчено лжи и фальсификаций исследователями с обеих сторон. А чего, казалось бы, проще: вглядеться в свиде-

---

[3] *Рустамова-Тогиди С.* Март 1918 года. Баку. Азербайджанские погромы в документах. – Баку: Издательский центр МНБ АР, типография «Indigo». – С. 22.

[4] *Рустамова-Тогиди С.* Куба. Апрель 1918 года. Мусульманские погромы в документах. – Баку: Издательский центр МНБ АР, типография «Indigo». – С. 76.

[5] Там же. С. 99.

тельства очевидцев, данные следствия, проведенного по горячим следам. Вот С. Шаумян пишет, что Баксовет, имея примерно 6 тысяч штыков, получил серьезное военное подкрепление от «Дашнакцутюна» – «3–4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении»[6]*. А.Микоян за свою долгую партийную карьеру не раз возвращался к этой теме – мартовским событиям в Баку 1918 года.*

Рассказывали старые бакинские большевики с обидой в голосе, что в одном из своих ранних газетных публикаций горделиво поведал Анастас Иванович, что именно он подпалил «Исмаиллийе» – красивейшее здание в центре Баку (здесь по сию пору размещается Президиум Академия наук АР), считавшееся оплотом азербайджанского национально-демократического движения. Годы спустя Анастас Иванович, еще при жизни нареченный «27-м бакинским комиссаром», засев за мемуары (они издавались дважды, с серьезными дополнениями и купюрами), начинает осторожно пробираться «меж струй» – большевистской и дашнакской: «Между прочим, хочу уточнить, что… партия Дашнакцутюн и Армянский национальный комитет объявили о своем нейтралитете. Но многие их солдаты не остались нейтральными, а активно участвовали в боях»[7]*.*

Между прочим, чезвычайный комиссар на Кавказе С. Шаумян, писавший о том же – объятых пламенем Баку, Шемахе и Кубе, даже не думал скрывать, что участие дашнакских отрядов в кровавых событиях «придало гражданской войне отчасти характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Мусульманская беднота сильно пострадала… Если б они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана»[8]*.*

Увы, пострадала и история Бакинской коммуны. Оказалось – столько диссертаций защищено, докторских и кандидатских, книг, поэм написано (в том числе и прекрасных, например, есенинские строки «26 их было, двадцать шесть…»), масса лент отснято, а правды всей так и не сказано.

---

[6] Там же. С. 23.

[7] *Микоян А.* Так было. – М.: Вагриус. 1999. – С. 63.

[8] *Рустамова-Тогиди С.* Март 1918 года. Баку. Азербайджанские погромы в документах. – Баку: Издательский центр МНБ АР, типография «Indigo». – С. 23.

Принято считать, что революции в начале прошлого века с гражданской войной, полыхнувшей от Петербурга и до самого Владивостока, названные Буниным «Окаянными днями», были чем-то специфически русскими. Забывают при этом, что в окаянные дни погрузились все, кто имел счастье (обернувшееся несчастьем) проживать по всей необъятной Евразии, называемой Российской империей.

Многие публицисты в разгар перестройки, когда обжигающие порывы новой гражданской войны уже опалили целые народы, задумались вот о чем: если такое дьявольское наваждение, как гражданская война, в России повторится, то Россия может не выдержать. А что говорить в связи с этим о маленьком, разделенном Азербайджане? По силам ли ему после кровавых испытаний XX века вызовы и опасности, которые поджидали его в начале XXI?

Господи, не возложи на плечи наши тот груз, который поднять нету мочи – так, кажется, сказано в Священной Книге…

Мало что помню из своего детства, но это вот не забылось. Мы с бабушкой пробираемся узкими и кривыми переулками к «Бешмертебе» — самому высокому, если верить бабуле, зданию в Баку, где дымятся жаровни с кутабами из бараньих потрошков, продаются восхитительно пахнущие вязкий мармелад и леденцы, называемые почему-то бакинцами на французский манер — монпасье, и где воздух напоен разливающимся откуда-то из-под ворот чудным конфетным благоуханьем (неподалеку ютится кондитерская фабрика, она простоит еще долго — чуть ли не до 1980-х годов, и каждый раз, проезжая мимо, я с наслаждением буду вдыхать этот неповторимый аромат моего детства).

Со звоном несется трамвай — мимо тесно сгрудившихся мазанок, ларьков, лотков и подозрительных типов, объясняющихся с нами кивком головы или многозначительным подмаргиванием. Они торгуют калошами, сапогами, солдатскими шинелями, рисом, мукой и бог знает еще чем. Выкупают драгоценности, ковры, хорошую одежду, хлебные талоны, облигации госзайма.

Здесь бабушка тоже уже не раз меняла на провизию что-то из своего девичьего приданого, хранящегося в старинном, обитом железом сундуке.

— Тут раньше магазины моего деда располагались,— вдруг говорит бабушка, оглядываясь. — Все 12. Коврами, золотом наши предки торговали издавна. Меня, однако, тянуло больше к ларькам с хурмой и прочими сладостями, завозившимися в Баку со всего света. А дальше — в тех переулках, Ханский и Бекский назывались они, — построил Сулейман — мой дед и твой прадед — свои дома. Сколько их было, и не помню.

— И куда все это подевалось? — живо интересуюсь я.

— Много будешь знать — быстро состаришься.

В новую, советскую жизнь имущие вступали, расставшись со своими социальными преференциями, потому как пришлось распрощаться и с их гарантом — собственностью. Магазины, мельницы, недвижимость вскоре были экспроприированы революционным правительством в пользу рабочих и крестьян, как и полагалось при диктатуре пролетариата. Обидно было, наверное. Но советская власть в этом вопросе не делала исключений.

В семье в те годы предпочитали не распространяться о былом житье-бытье предков. Откровения Хадиджи, думается, связаны были не только с ностальгическими воспоминаниями о былом. Она по-своему, как и тысячи других стариков, пыталась сохранить в памяти людской живую историю рода, а через него — своего времени. И ей это, в общем-то, удалось[9]. Чего нельзя сказать об отцовских стариках. И не потому что чурались истории, как раз у отца и его родни чувствовалась большая тяга к науке, да только не пощадили мстительные всадники Амазаспа многих мужчин в его роду. Если у бабушки Хадиджи полегли человек двадцать — из всей родни, отцовская семья также потеряла многих.

Жил Зейнал-киши, дед, значит, мой по отцовской линии, чуть ниже Кубы, где владел мельницей и большим садом — все

[9] К слову сказать, одну из старинных глиняных амфар с николаевскими золотыми червонцами Сулейман-киши закопал в укромном уголке старого яблоневого сада. Хадиджа хорошо запомнила это место. Да только когда наступили худшие времена — ни кувшина, ни червонцев. Кто грех взял на душу, оставив внуков Хадиджи без законного наследства, один Аллах знает. Утешилась тем, что честно нажитое добро не пропадает, а на ворованном счастья не наживешь.

Мама, сестра и Вагиф. 1955 г.

Отец

предали огню армянские конники, никого и ничего не пощадили.

Вот и весь сказ о предках.

Отец мой, Алиовсат Зейнал оглы Гусейнов, и мать, Санубар Мухтар кызы Касымова, представляли собой уже первое советское поколение без родимых пятен прошлой жизни — никаких сословных привязанностей. Зато, получив среднее образование в Кубе, можно устремиться в большой и завораживающий Баку, где работа на каждом углу, и главное — учись, на кого желаешь: врача, учителя, инженера. Глядишь, через несколько лет образованным человеком станешь. Что-что, а учить советская власть умела. Посадила весь народ за парты, кого элементарной грамоте научила, кому — начальное образование дала, открыла двери техникумов и институтов перед молодыми. Самая популярная профессия — учитель. Народ учителя уважает — раз научен сызмальства грамоте — значит, знающий. Государство зря не станет платить безусому юнцу большую зарплату.

Отец в 1930-е годы преподавал в Хачмасе — небольшом городке, что в трех десятках километров от Кубы. Городок — громко сказано, такого рода крупным населенным пунктам, посредством которых осуществлялась власть, дали очень точное название — райцентр (не город, но и не село). Мать в эти же годы училась в педтехникуме, мечтала об учительской карьере. Мечту эту прервал молодой учитель, которому Санубарханум приглянулась в сельском клубе, куда она наведывалась смотреть, как и все, советское чудо — кино.

Мелочь, казалось бы, что удивительного — переглянулись и познакомились в кинозале два молодых человека. Упоминаю об этой детали семейной истории как о примете времени — десятилетием ранее началась практическая эмансипация азербайджанки — она сбросила чадру. Разумеется, речь шла об общественной акции, инициированной властью. Однако стоит отметить и то, что молодежь увлекла не мечеть, а клубы, кино, дворцы культуры, театры.

В Кубе, как и в ряде других регионов Азербайджана, население не отличалось особой религиозной фанатичностью, как, скажем, на юге, близ Ирана или Апшерона. С чадрой многие расстались без сожаленья — семейные нравы оберегали женщин от чужого взгляда и без нее. Надо так надо, поживем по-новому, рассудил сметливый народ, издревле привыкший к переменам и потому ко всему в жизни подходивший со здравым смыслом и трезвым расчетом. В чадре в институт не пойдешь, а без нее — двери открыты.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Санубар Мухтар кызы, если бы не решительное сватовство перспективного жениха (из приличной семьи, образован, молодой, а уже учительствует), на третьем курсе прервавшего ее девичьи мечты.

С переездом в Баку временно наша семья поселилась по соседству с типографией «Нина», ставшей к тому времени одним из главных музеев города (наряду с домом-музеем Кирова и само собой — Ленина). Отсюда началось долгое кружение мое по столичным маршрутам, где каждая остановка — местожительство означало наше продвижение по социальной лестнице. Вот начало этого маршрута, так сказать, по родным пепелищам: «Кубинка» — Басина — Первомайская — Полухина — Щорса — Московский проспект, по нынешней топонимике: ул. Физули — Алиовсад Кулиева — Башир Сафар оглу — Монтино — Коммунистическая. Его прокладывал, как мог, отец. По сравнению с другими не так уж и плохо. Иных занесло не то что на окраины города — в Сибирь, в казахстанские степи...

Колесили по городу с 1939 по 1974 год, а дальше началась, как говорят в эстафетном беге, моя дистанция. О ней — позже, тоже занимательное путешествие.

Итак, следующая остановка — Басина, 55, бесконечная череда налево и направо прилепившихся к друг дружке лавчонок — от «Сабунчинки» и до «Бешмертебе» — с ширпотребом, коврами, золотишком, вперемежку с закусочными, сосисочными, рюмочными, пивными и газированной водой. Каким-то непостижимым образом торговые ряды по всей длине улицы прибрали к рукам наши, кубинские. Скорее всего, горские евреи, с незапамятных времен обосновавшиеся неподалеку, перетянули сюда свою многочисленную родню, а заодно и земляков — азербайджанцев.

Мы же в эти края переехали где-то в начале 1940-х годов: отец своему увлечению биологией нашел практическое применение — защитил кандидатскую диссертацию. Он — один из немногих азербайджанских ученых-биологов — преподает в Азгосуниверситете. Карьера его круто взмывает вверх — зав. кафедрой, декан факультета АГУ. В годы войны особым распоряжением советского правительства его, как и тысячи других специалистов, ученых, призванных в армию, неожиданно возвращают на кафедру — страна не имеет права разбрасываться своим интеллектуальным богатством, считают партия и правительство. И мы продолжаем свое кружение по городу — следующая остановка на Первомайской — типичный бакинский дом с двориком, соседями — русскими, евреями, армянами, общающимися меж собой на общем понятном всем языке — русском. Потом назовут его языком межнационального общения, и это было точно не только идеологически, но и с точки зрения городского быта, простого каждодневного человеческого бытия. Здание, в котором я учился до 5-го класса, вмещало каким-то непостижимым образом русскую, грузинскую и армянскую школы...

Таковы самые ранние впечатления, первые мои воспоминания...

И, возможно, первый сон, а может, первый мой вскрик, соприкосновение с внешним миром: мне хочется все время высвободить руки, а как и не знаю, оттого и кричу. Чьи-то лица, кто-то протягивает мне что-то яркое, наверное игрушку. Но разве я о том?.. Не есть ли эта первая неосознанная обида на людей, даже близких, воспринятая детской душой как

первая несправедливость и жестокость окружающего мира, неспособного понять такую простую вещь?

Главное ощущение тех дней — голод. «Ты все время плакал, потому что хотел есть. А вместе с тобой проливала слезы и я, потому что не могла тебе ничего дать. К тому времени все было продано: старинные ковры, золотые украшения, передаваемые от матери дочке», — вспоминала бабушка до самых последних дней своей долгой жизни.

Не скажу, что детство мое было таким уж безрадостным. А вот заплаканное лицо бабушки, горькие слова ее являются ко мне до сих пор. А виной тому не только война. Оплакивала старая Хадиджа и свою судьбу, которая так хорошо когда-то складывалась, да развернула ее к непрекращающимся горестям невесть откуда взявшаяся новая власть.

И вот странная штука какая: настигла тень беды точно так же ее дочь Санубар, словно по велению свыше. Все складывалось у нее в семье. На ее мужа, молодого, перспективного ученого, как-то обратили внимание в партийных органах. Ничего необычного в самом том факте не было — людям не хватало хлеба, а аппарату управления государством — кадров. Их и ранее неоткуда было взять, а сразу после войны, поглотившей лучших (шутка ли, 4-миллионный Азербайджан направил на фронт почти 600 тысяч солдат и офицеров, из них почти 250 тысяч остались на полях сражений), специалистов с дипломом, как говорится, днем с огнем не отыщешь. А тут — член партии, теоретически подкован, общественно активен, владеет русским, знает фарси — лучшей кандидатуры для Института красной профессуры трудно подыскать. А там, глядишь, идеолог с московской ученостью вырастет! Словом, оказался молодой, начинающий ученый Алиовсат Гусейнов в Москве.

Случилось так, что международному отделу ЦК ВКП(б) как раз понадобился партийный работник со знанием фарси и турецкого, и полетел запрос в Баку с предложением о переводе слушателя А.Гусейнова на работу в Москву. Радужные планы, которые строил в связи со своим грядущим выдвижением молодой и перспективный слушатель, прервал звонок «Хозяина» — так за глаза именовали тогдашние ответработники Мир-Джафара Багирова: «Что же ты, сукин сын этакий, вытворяешь?!»

Позже отец уверял, что он не сразу сообразил, что на другом конце провода сам грозный Мир-Джафар. Панибратский тон его, очень возможно, объяснялся еще и тем, что он воспринимал собеседника не только в качестве слушателя Института красной профессуры, но и как своего юного земляка, хоть и несмышленыша, да, видно, ловкого и расторопного.

– Не успел выучиться, за нас решаешь, куда пойти работать?! Больно прыткий! Тебя партийная организация командировала на учебу, ей и решать, где лучше тебя использовать!

Стоит ли говорить, что на этом политическая карьера А. Гусейнова и закончилась. Редко кто после знаменитой кузницы советской научно-партийной номенклатуры отправлялся работать в вахтенную школу. Если б не арест Мир-Джафара Багирова в 1954 году, думаю, доктор биологических наук А. Гусейнов так бы и остался учить ботанике кондукторов и машинистов азербайджанской железной дороги. В последние годы он преподавал в АПИ.

Словом, семье его пришлось перебираться из однокомнатной на Первомайской в коммуналку на Полухина, а оттуда на улицу Щорса. Это были мрачные годы – удача отвернулась от отца. И надолго. Если не навсегда. Позже, после багировских времен, ему не раз предлагали разные заманчивые выдвижения, как говорили, по общественной линии. Но он предпочитал не искушать более судьбу. Понял ли, обжегшись, что политика не его стезя, или первая любовь – наука – взяла все-таки верх?

Какие бы дороги мы ни выбирали в жизни, а судьба странным образом непременно подводит к перекрестку, однажды возникшему на жизненном пути отцов. Жизнь словно бы задает детям те же вопросы, на которые она так и не получила ответа от их предков.

Наберись терпения, читатель, и ты увидишь, как в совершенно иное время, при иных обстоятельствах я получил тревожный знак остановиться. Остановиться и сделать окончательный выбор – между политикой и увлечением молодости – журналистикой. Отчего же мне не вспомнился отцовский урок?

В сталинский период, по мере цементирования единого федеративного государства, в практику вошла подготовка

руководящего звена посредством предварительной обкатки будущих руководителей республиканского уровня в самой Москве, в центральном аппарате партии. Таким образом представители национальных отрядов коммунистов как бы вбирали формы и методы работы, осваиваемые штабом ЦК ВКП(б), непосредственно участвуя в формировании и реализации ее социально-экономической и культурной политики.

И в первые годы советской власти, и много позже любое выдвижение наших соотечественников в Москве воспринималось обществом и, в целом, простыми людьми, как большой успех, чуть ли не национальное достижение, подтверждающее талантливость азербайджанцев. На официальном уровне привлечение представителей азербайджанской партийной организации к работе в столице СССР подавалось как свидетельство равноправия советских народов, их практического интернационализма.

Все это так и было. Но официальное декларирование демократических принципов, естественные чувства национальной гордости никогда не отменяли соперничества во властных кругах. Более того, представители последних всегда мастерски прикрывались официальной идеологией для укрепления личной власти, стремясь максимально обезопасить ее от посягательств со стороны возможных претендентов. И чем сильнее, умнее, опытнее лидер, тем ловчее он в этом плане.

Мои современники, партийные боссы, в аналогичных обстоятельствах действовали куда круче покойного М.-Дж. Багирова... И то сказать, ведь никто не отрицает, что был и произвол...

А отцу моему понадобились годы, чтобы выбраться из безвестности, после чего нам удалось обосноваться в трехкомнатной квартире, чуть выше знаменитого «Черного города», в новом строящемся районе, до сих пор именуемом Монтино. По странному, почти мистическому стечению обстоятельств, нам пришлось еще долго жить по соседству со знаменитым мостом, который и поныне называют «багировским». (Эта бакинская достопримечательность, между прочим, на суде фигурировала в качестве одного из главных

пунктов обвинения против некогда всесильного секретаря ЦК — решение о строительстве моста в свое время он принял на заседании правительства, проведенного им поздней осенью под проливным дождем — в назидание наркомам за невнимание к городскому дорожному хозяйству. В результате многие из них слегли с двусторонним воспалением легких, но мост, обеспечивший беспрепятственные въезд и выезд в аэропорт и пригороды азербайджанской столицы, построили в кратчайшие сроки.)

Название ему присвоили сами бакинцы. Память людская отсеивает добрые дела вождей, даже если хранит она и воспоминания о злодеяниях, лучше историков и официальных документов.

Поэзия, распахнувшая окна в большой мир

«Оттепель», о которой позже было столько написано, я думаю, все мое поколение восприняло как данность, естественное течение истории. Для нас как бы не существовало 1937 года. Даже в те годы эта тема не педалировалась.

Была война, но она была священная, Отечественная, и этим оправдывалось так и не покинувшее детские души вечное ожидание желанной хлебной корки, вкуснее которой нет ничего на свете, длинные шумные очереди: за хлебом, туфлями, билетами в кино (на «Тарзана»!) — за всем, что нужно маленькому человеку.

Где-то в шестом классе проснулась тяга к чтению, и я зачастил в библиотеки. Наверное, наступил возраст, когда хочется заглянуть за привычный горизонт действительного, когда хочется, как сказал поэт, «и жить, и чувствовать спешить». Но был и импульс, непосредственная причина перемены, перехода к новому состоянию духа — общая литературная эйфория. То и дело слышалось: «Подписка на Есенина!» Или: В «Новом мире» — «Один день Ивана Денисовича», в «Юности» — Булгаков!». «В «Правде» Евтушенко пишет, мол, в сетях рыбам тесновато, задыхаются».

Никогда позже я не ощущал такого повального вторжения поэзии в жизнь. По литературным воспоминаниям могу пред-

ставить, что нечто похожее пережила страна на заре революции и после неё, достаточно вспомнить бакинскую эпопею Сергея Есенина. Но то был очень странный симбиоз: с одной стороны, аресты, доносительство, торжество бунтующих масс — утверждение рабоче-крестьянской власти, работавшей штыком и пулей, с другой — выброс за пределы России элитарного миллиона — дворян с великими именами — Бердяев, Бунин и — литературные салоны и площади, затаив дыхание слушающие кто Есенина, кто Маяковского. То была история, ее книжное прочтение. А тут — явь, голоса Вознесенского, Евтушенко по радио, загадочное звучание новых слов и смыслов, столь не похожих на привычные декламации.

Рассказывал позже кто-то из моих друзей-кинематографистов, что приехал в те годы в Москву знаменитый итальянский режиссер — Нанни Моретти — своими глазами посмотреть, как она выглядит, Москва послесталинская. Ну и потащили его советские друзья с ходу в МГУ — там должна выступить новая литературная знаменитость — Андрей Вознесенский. А в актовый зал университета не протиснуться — народу, как сельди в бочке: сидят, стоят, прижавшись друг к другу, и вроде бы уже не дышат — ни звука при таком стечении людской массы. Замерли, вытянув шеи, вглядываются в одну-единственную точку на сцене, вслушиваются. Итальянец ничего не может понять. Что это за поэтомания всеобщая? Не новый ли вид пандемии? Друзья на него зашикали тут же, мол, ни звука! Побить могут!

После концерта он все-таки допытывается: этот Вознесенский читал что-то антисоветское?

— Нет.

— А, наверное, эти его стихи никто не печатает!

— Да нет!

— Ага, понял — массовый психоз! — догадался итальянец.

А я вот думаю, поэзия нас лечила. Это была своеобразная терапия новым словом. И новое видение жизни.

Кто он, Есенин? Поэт? Так стихи в стране не сочиняет только ленивый: про партию, про Ленина, про коммунизм, наконец, про победоносную войну. На утреннике в честь Первомая старшеклассники читают стихи собственного сочинения — ничуть не хуже тех, что в учебниках. А тут: «Не жалею,

Члены сборной команды Кубы — участники соревнований вне конкурса на чемпионате СССР по пулевой стрельбе. Москва, 1961 г.

не зову, не плачу...» — грустно, по-человечески.

И про Баку, про нефть — не гимн, не торжественная героика, а легко, как песня под гитару: «Нефть на воде, как одеяло перса, а вечер по небу рассыпал звездный куль. Но я готов поклясться, с чистым сердцем, что фонари прекрасней звезд в Баку...».

Без всякого напряжения запоминается — и на всю жизнь: «Давай, Сергей, за Маркса тихо сядем, чтоб разгадать премудрость скучных строк...»

Не с этого ли иронического приглашения пробудился во мне скепсис и желание критически оглянуться окрест? Не оттого ли проснулся интерес к слову, искренности и поиску ее даже там, где она исключалась по определению — в политике, черта характера, доставившая столько хлопот и которая, если по-настоящему разобраться, и вела к непоправимым ошибкам?

А вместе с книгами пробудилось в душе что-то новое, необъяснимое — желание поскорее окунуться в жизнь, распрощаться с ученичеством, самому пройтись по земле хозяином. Откуда явилось оно, это новое понимание собственного бытия? Из книг? А может, от бесконечных споров старших о том, что важнее: теория или практика? А может, лозунг, многократно повторяемый постулат — «Труд создал человека», в соответствии с которым книги, газеты, радио, телевидение кричат и поют о рабочем человеке, чьим трудом возводится рукотворное здание социализма, за которым, говорят, виднеются светлые дали коммунизма. Так что, кем бы ты ни родился, к чему бы тебя ни влекло, а начинать жизнь правильнее с рабочей закалки.

Вот Бахтияр — Рашид Бейбутов — певец из популярного фильма «Аршин Мал-Алан» — в консерваторию шагнул прямо с Нефтяных камней. И такая биография трудовая у многих:

прежде чем стать инженером, надо побыть слесарем, токарем, бурильщиком. Короче, путевку в жизнь можно получить только у рабочего класса. Нет такого учителя, ученого, директора, руководителя в Стране Советов, чтобы не постоял в юности у станка или не месил раствор на стройке. И вообще, судя по раздавшимся плечам и тому, как я отжимаюсь на дворовом турнике, мне давно пора заняться чем-либо серьезным.

Тренировки по пулевой стрельбе в тире ДОСААФ, что неподалеку и куда я зачастил в последние месяцы, дело увлекательное и полезное: соревнования, выезды на стрельбища, спортивные разряды, во дворе сверстники как-то сразу зауважали — из пистолета стреляет, из винтовки!

И все же в какой-то момент мелькнула мысль: многие ребята устроились на работу — кто на завод, кто на нефтепромысел. На шее стареющего отца можно сидеть, пока ты несмышленыш с красным пионерским галстуком. А я уже вроде бы не мальчик...

Много лет спустя проезжал я как-то с дочкой Реной, тогда школьницей, по проспекту Нариманова, мимо домов, называемых в городе «каспаровскими» (не от фамилии пошла народная мета, как может показаться, а от наименования организации — Каспийское пароходство — мощного, богатого производственного объединения со своим строительным трестом «Каспстройремонт»).

— А вот те два дома, что за Политехническим, — мои.

Вопросительный взгляд ее сменяется полнейшим недоумением.

— С этой площадки начиналась моя карьера. Кладка и штукатурка в этих домах — моя.

— Как?!

— А очень просто: пришел как-то поутру на стройку, показал паспорт, мол, хочу работать. Взяли разнорабочим для начала, дослужился до каменщика. Разряд даже присвоили. За нее надбавку к окладу приплачивали, как и за лишний квадратный метр. Через месяц на руках появились мозоли. Зато положил на стол семейный полновесную зарплату! Давно это было, где-то осенью 1959-го...

А ведь, по большому счету, стройка обернулась для меня, вступающего в жизнь юноши, настоящей стартовой площад-

кой. Принес после службы документы в приемную комиссию Азгосуниверситета — включили в число льготников, трудовой стаж учитывается. Развернули трудовую книжку в «Азрадио» — вот находка! — рабочий, спортсмен и пишет неплохо. То же — в «Молодежке», не говоря уже о комсомоле — юнец, в общем-то, а успел уже и каменщиком поработать, и в армии отслужил по полной программе, такие комсомолу нужны!

Но дело не только в приобщении выходца из интеллигентной семьи к рабочему классу, что особо ценилось в государстве, считавшемся общенародным и по этой причине. Я быстро расстался с детством и никогда об этом не жалел. А на высоких партийно-государственных должностях, где принимались решения по улучшению жизни этого самого трудового народа, проблемы его мне знакомы были не понаслышке. И сам я не галочки ради ценил в биографии любого выдвиженца на политическом поприще этот штрих — рабочие университеты! А потом не раз убеждался — без них жизненный опыт не имеет чего-то важного, цементирующего. Как бетон, в котором переборщили с песком...

Какая она, солдатская перловка?

Еще неизвестно, что из меня вышло бы в дальнейшем, если бы не подоспело время военной службы. Я в армию пошел точно так же, как на стройку: собрал рюкзак с вещами первой необходимости и потопал в военкомат. Никому из домашних не пришло в голову как-то попробовать освободить меня от призыва. Хотя, если б взялись — смогли. К Советской армии в ту пору повсеместно отношение было особое — армия–спасительница.

Существовало мнение, что армия и воспитывает, и перевоспитывает. В те времена это было реально. Отправлялись на службу худосочными мальцами, возвращались окрепшими, возмужавшими юношами, к тому же овладевшими современными техническими специальностями. Было бы желание. И, наконец, служба в армии воспринималась как обязательный элемент образа жизни, государственное требование к своим,

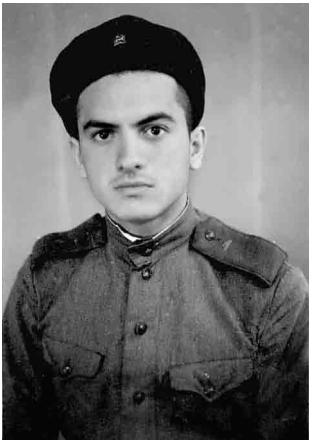
вступающим в жизнь гражданам — в советской стране нельзя было не ходить в школу (получение аттестата — семейный праздник!), нельзя не работать. Это право, дарованное гражданам, а уйти в солдаты — их священный долг, служение Родине.

Такое отношение к службе в армии, по-моему, ныне сохраняется в Турции, где лет 20–30 назад считалось неприличным жениховаться мужчине, уклонившемуся от воинской обязанности. Разумеется, в условиях нынешних демократических веяний такое понимание гражданственности выглядит анахронизмом. Однако ничто не в состоянии переубедить меня в правильности второго самостоятельного решения в жизни — направиться ранним сентябрьским утром 1961 года на призывной пункт в Баладжары.

Отведал я и солдатской перловки, и пшенной каши вдоволь, насладился и гречкой (ее давали исключительно по праздникам — 1 Мая, 31 декабря, 23 февраля!). Что греха таить, пришлось и кулаками доказывать кое-кому, что «салагой» быть не собираюсь. Убежден: армия — тот фильтр, сквозь который необходимо пропускать каждого здорового юношу. Так считалось в СССР, едва ли не всю свою историю вынужденного отбиваться от враждебного окружения.

По мне такое понимание долга перед Родиной должно стать одним из безусловных требований формирования молодой азербайджанской государственности. Война за Карабах — не эпизод. Азербайджану придется создать крепкую, надежную, современную армию, если он хочет сохранить республику и земли своих предков. Впереди немало вызовов, и Нагорный Карабах – только начало.

Пожалуй, следует упомянуть и о том, как встречала казарма вчерашних, будем откровенны, маменьких сынков. Мне повезло — к спортсменам в армии отношение было особое, и это обнаружилось в Баладжарах сразу. «Покупатели», как называли представителей воинских частей, старались пополнить свои команды не только футболистами, но и боксерами, борцами. А у меня «специальность» сравнительно редкая, привлекательная и почти армейская — пулевая стрельба. Кое-кто из спортсменов посчитал, что коли зачислили нас в армейские команды, то и служба у нас пойдет привилегированная. Ничуть не бывало: погрузили нас всех



Город Ленкорань. Начало службы. Декабрь 1961 г.

скопом в вагоны и прямиком в Ленкорань, до иранской границы — несколько десятков километров. Определили в танковый полк ленкоранской дивизии. И с места в карьер началось: физическая подготовка, строевая, освоение техники, оружия, стрельбы, политзанятия – одним словом, служба.

Первые дни с непривычки буквально валился с ног по возвращении в казарму. А подъем — в 6.00. А тут еще грянул печально знаменитый Берлинский кризис. Советское руководство предприняло односторонние меры по изоляции Западного Берлина. Пока Никита Сергеевич Хрущев прорабатывал планы возведения Берлинской стены, нас, новобранцев, еще толком не разобравшихся с карабинами Симонова, выбросили на границу с Ираном при полном боевом комплекте. Несколько суток простояли в ожидании приказа. Держались на одном сухом пайке. На третий день подбросили что-то очень похожее на горячий чай и кашу. И палатки вскоре стали казаться привычным жильем.

А эта спешка с продвижением к государственной границе, нервная суета офицеров, дозоры, патрули, напряженное ожидание приказа, многозначительная накачка газетной политинформацией — ежедневно! По часу! — имели целью поддержать боевой солдатский дух. И мы всем своим видом демонстрировали боевую готовность, хотя не особенно верилось, что придется бросаться в бой неизвестно с кем и, самое главное, непонятно, по какой такой причине. Впрочем, треть танковых моторов прогревалась все три недели невольного стояния под Астарой на советско-иранской границе.

Бетонная стена в центре европейского государства сейчас, в контексте современного миропонимания и мироощущений, несомненно, выглядит эдаким тоталитаристским выпадом СССР против Европы. Начиналось политическое про-

тивостояние с США, экономическая, военно-стратегическая мощь которых подталкивала западных политиков на своеобразное тестирование готовности СССР к отпору. Было и это. Очень могло случиться так, что повторилась бы на южных границах СССР история двадцатилетней давности, когда пришлось вводить войска на территорию соседнего Ирана.

Уже 4 июля, спустя всего лишь две недели после начала войны, И.Сталин счел нужным предупредить всех трех руководителей республик Закавказья — Азербайджана, Армении и Грузии: «Фронт от вас далеко, но вы находитесь в опасной зоне. Мы не можем быть уверены в нейтралитете Турции»[10]. Сразу после этого М.-Дж.Багиров, тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, совершает секретную инспекционную поездку по ту сторону Аракса, а 25 августа советские танки уже стояли под Тебризом. Логика И.Сталина была проста и чрезвычайно прагматична: на войне как на войне.

Так было в далёком 1941-м, когда Турция придерживалась нейтралитета и осталась ей верна, не в последнюю очередь ввиду решительных действий советского правительства в непосредственной близости своих границ. В 1961-м же соседняя Турция являлась членом НАТО, ее хорошо оснащенная по американским стандартам армия вполне соответствовала военным задачам, стоявшим перед ней, как южным флангом Североатлантического альянса. В Инджирлике размещалась американская военная база с ракетами, нацеленными на СССР. Так что наш танковый полк вовсе не зря подняли ночью...

Разумеется, и действия Москвы в 1961 году шли в разрез с Потсдамскими соглашениями, предполагавшими свободное перемещение населения и грузов между Западным и Восточным Берлином. Но Хрущев стоял во главе страны-победительницы, сокрушившей фашистскую Германию. Этим фактором определялось политическое сознание тогдашних советских политиков, и он не мог отступить, ибо помимо советско-американского противостояния был еще и фактор

---

[10] *Гасанлы Дж.* СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953 гг.). — М.: Центр пропаганды, 2008. — С. 95.

ГДР. Сейчас мало кто помнит, что в конце августа 1961 года, когда началось сооружение бетонной стены с контрольно-пропускными пунктами, немецкие коммунисты образовали живую цепь,простоявшую до тех пор, пока Западный Берлин не был «окольцован» бетоном. А по всему периметру живой цепи — грозный строй американских танков.

Мы же, 19-летние юнцы танкового полка Ленкоранской дивизии, стоявшие в ожидании приказа промозглой октябрьской ночью у заграждений советско-иранской границы, и знать не знали, что в эти же минуты где-то в Берлине, на Фридрихштрассе, уперлись друг в друга советские и американские танки, как пишут мемуаристы. Разведка донесла Хрущеву, что американцы собираются ночью снести пограничные заграждения у КПП «Чарли», и навстречу американским танкам выдвинулись советские. Так и простояли они два дня и две ночи — дуло в дуло. И только 28 октября танки развернулись и ушли. Берлинский кризис закончился. Но наш полк еще около двух недель топтался у границы. Наши командиры действовали в соответствии с популярной солдатской поговоркой: «Лучше перебдеть, чем недобдеть». Такое время было. И армией советской командовали генералы и маршалы, один легендарнее другого, вышедшие из огня Второй мировой. Шутить они не любили...

Тем и закончилось мое первое соприкосновение с большой политикой — забылись надолго и «кузькина мать» Никиты Сергеевича, и мат-перемат наших командиров, натыкавшихся то и дело в лесу на задремавших новобранцев. Вспомнилось все это сейчас, и вот что невольно подумалось. Отчудил тогда, конечно, Никита Сергеевич. Но что такое война холодная, нам еще предстояло понять много позже... Так что критики Берлинской стены, я имею в виду советских лидеров перестроечного времени, слишком легко согласились с западным идеологическим выпадом, объявлявшим берлинский кризис рецидивом имперской политики СССР. Забыли особенность политического момента: советское руководство добивалось двух стратегических целей: стабилизации положения в Европе и признания Германской Демократической Республики. Правы, думается, те, кто считал, что Берлин на тот момент являлся как бы своеобразным ба-

рометром международного климата. Позабыли и о нажиме, которое оказывало руководство ГДР, прежде всего лидер нового германского государства Вальтер Ульбрихт, на Н. Хрущева, чрезвычайно обеспокоенный вопросом жизненной важности — политическими перспективами ГДР.

Кстати, если уж оставаться исторически точным, то надо признать, что именно Ульбрихту и принадлежала идея построить стену в Берлине. Сам же Хрущев, как справедливо полагают близко знавшие его исследователи, действовал, будучи уверенным, что берлинский кризис ни в коем случае не угрожает миру военным конфликтом. Мощь Советского Союза и тогдашний авторитет его в мире придали ему уверенность в том, что Западу, в конце концов, придется смириться с берлинскими реалиями. Как говорил Бисмарк, в политике никого не интересуют намерения — всех интересуют возможности.

Окончание танкового противостояния пришлось на заседание XXII съезда КПСС. Сейчас об этом не всякий историк помнит, а мы, стоявшие на границе танкисты, запомнили на всю жизнь, потому как ежедневно штудировали материалы главного политического события в стране. Не могли не запомнить, как с трибуны съезда советский лидер, поддерживавший связь с военными, неожиданно предложил отвести советские танки. При этом он даже объявил, что не пройдет и двадцати минут, как американцы сделают то же самое. Через двадцать минут маршал Конев доложил съезду: американские танки развернулись и ушли в направлении Западного Берлина.

Эпизод этот — один из самых ярких сюжетов за годы моей армейской службы. Время в армии летело быстро. Может, из-за бесконечных спортивных сборов, соревнований: то общевойсковые, то чемпионат Закавказского военного округа, то подготовка к первенству Вооруженных сил. Начал я свои выступления на стрельбищах юниором, а закончил мастером спорта, побеждал в различных видах пулевой стрельбы. А команда стрелков в сборной Закавказского округа подобралась тогда сильная: чемпион мира по стрельбе из пистолета, бакинец Альберт Удачин, позже его переманили в Киев, А.Спиваков, также бакинец, чемпион СССР, после службы

перебрался в Москву. Предлагали и мне переехать в Минск, Москву. Но к этому времени я закрепился уже в сборной Азербайджана по пулевой стрельбе, а главное — учился в университете на факультете журналистики, и меня это вполне устраивало.

Пожалуй, самой яркой личностью, оказавшей на меня, да и не только на меня одного, огромное влияние, был Явуз Эминбейли, рекордсмен СССР в стрельбе из малокалиберной винтовки. Не только в сборной республики, но и на союзном уровне не так уж много имелось спортсменов, которые одинаково успешно проявляли свои таланты и в науке. Явуз, мастер спорта, трудился в НИИ химии присадок, который работал в том числе на авиацию и космос. Между прочим, он был одним из тех, кто участвовал в разработке присадок для топлива советских космических программ. Он был хорошо образован, начитан, увлекался музыкой. Заразил и меня филармоническими концертами, современным джазом, все время снабжал книжными новинками, в том числе и редкими дореволюционными изданиями.

Мы подружились, и я благодарен судьбе, что она в годы становления свела меня с этим интереснейшим человеком. Я знал, что его родственники подверглись в 1930-е годы репрессиям. Он об этой странице своей биографии рассказывал неохотно, но и никогда не ныл и не строил обид по поводу того, что по той же причине ему перекрыли дорогу в сборную СССР, на чемпионаты мира и олимпиады, впрочем, как и на научные симпозиумы за рубежом. Однако эти запреты не помешали ему блестяще защитить докторскую, стать вровень с самыми видными химиками своего времени.

Я.Эминбейли подвел меня к пониманию спорта не как к самоцели — все во имя рекорда, для того, чтобы быть первым. Параллельно с ним можно находить и развивать в себе другие качества и таланты, и человек от этого смотрится только совершенней.

Спортивный период в моей жизни тем и остался — сильным юношеским увлечением, средством физического совершенствования. Дух соревновательности приучил меня целеустремленности, умению самоутверждаться — став мастером

спорта и многократным чемпионом Азербайджана, много лет участвуя во всесоюзных и международных соревнованиях, я почувствовал какой-то особый прилив уверенности. Это было в то время, когда приходит ни с чем несравнимое ощущение силы, способности побеждать.

Перед демобилизацией. 1964 г.

В свободное от службы время

У юноши, вступающего в жизнь, должны быть и иные устремления, и спорт только в таком случае помогает раскрыться его талантам, делает человека конкурентоспособным, прививает настойчивость, веру в свои силы, уверенность в достижении поставленных больших жизненных целей. Словом, он укрепляет не только здоровье, но, прежде всего,— характер, сердцевиной которого на всю жизнь закрепляется желание брать высоту, быть первым, умение играть по правилам. Последнее — чрезвычайно важно. Все это формирующим образом влияет на становление личности, если спорт является потребностью, как книги, профессия, выбор своего места в жизни. (Профессиональный спорт закрепляет, как мне кажется, иные качества.) Ибо куда бы не вынесла кривая судьбы, жить и утверждаться приходится в условиях конкуренции. А по мере продвижения вверх значение этого фактора — конкурентоспособности — возрастает. Во всяком случае, сейчас, на склоне лет, я могу со всей определенностью утверждать, что рабочая закалка, армия и спорт в тот период наилучшим образом отшлифовали мой характер, развили в нем лучшее, что заложено в нем было природой.

Слышу вопрос, а каким бы я стал, чего бы достиг, если бы не три эти жизненные колеи. Наверное, нашел бы свое место и в журналистике, и в политике, да и в бизнесе. Но пробиваться к избранным целям было бы куда сложнее. Цепь обстоятельств, которые возникают помимо нашей воли, оказываются часто выше наших сил и возможностей. Это и есть судьба — когда наступает решающий бой — с самим собой. Когда суть сопротивления судьбе сводится не к тому, чтобы уцелеть, а к самой малости — не сломаться.

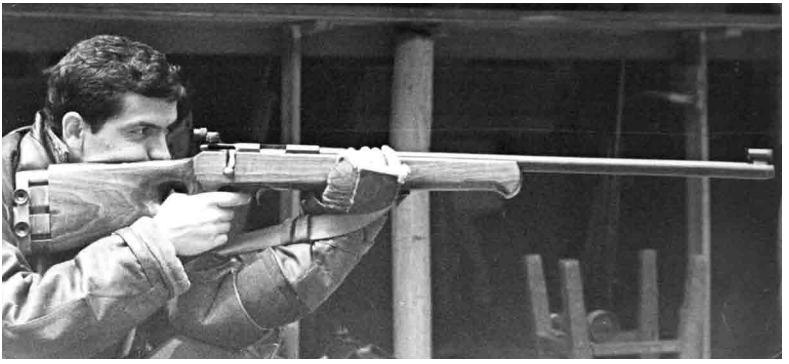
«Говорит Баку!»

Демобилизовавшись осенью 1964 года, я твердо решил идти в журналистику. Это была давняя моя мечта, и я знал, что она мне по плечу.

Был у меня друг — Жора Петров, бакинец из тех русских, чьи предки поселились на милых улочках Ичери Шехер (Бакинской крепости) в незапамятные времена и которые владели не просто азербайджанским языком, а его неповторимым бакинским наречием, равно как и гонорком и иными нравами «крепостных». А мама у него была диктором азербайджанского радио, знаменитым на весь Баку. Она-то и приобщила Жору к корреспондентской работе в редакциях радио. Через него туда попал и я.

С наступлением «оттепели» советская пресса заговорила раскованно, остро, захватывающе интересно! На слуху были имена Аджубея — создателя новых «Известий», Томаса Колесниченко, Мэлора Стуруа — блестящих международников. До сих пор помню первые строки репортажа М.Стуруа из Англии, с футбольного чемпионата, о поразившем всех нас поражении легендарной сборной Бразилии: «Он умирал в чужом, закопченном Ливерпуле, некогда могучий футбольный организм...» — редкое сочетание высокой публицистики и репортажного стиля. Или: «Пеле напоминал волшебную птичку колибри в грязных лапах португальской защиты» – какая образность! Вы что-нибудь подобное слышали по радио в последние годы?

Я уже учился на факультете журналистики Азгосуниверситета и с восторгом принял предложение Жоры подгото-



На линии огня. Чемпионат Азербайджана по стрельбе, 1967 г.

вить для «Последних известий» информацию о ходе соревнований на первенство республики по пулевой стрельбе. Могу этот свой первый корреспондентский опус воспроизвести — слово в слово — и сейчас. Вот он: «Сегодня в Баку завершились республиканские соревнования на первенство Азербайджана по пулевой стрельбе. В споре в стрельбе из малокалиберной винтовки на первое место с новым республиканским рекордом вышел Е. Модебадзе. Его результат 568 очков. Среди стрелков из боевой винтовки отличился мастер спорта В.Гусейнов, значительно опередивший своих соперников и набравший в итоге 537 очков. Победителям первенства через месяц предстоит защищать спортивную честь нашей республики на всесоюзных состязаниях». Подпись — В. Гусейнов.

Не шедевр, в общем-то, зато подпись схватывалась с лёту, сказал я скромно себе, когда неожиданно обнаружился невиданный спрос на спортивную информацию. Меня завалили предложениями освещать соревнования, и не только по стрельбе, участником которых я являлся практически круглый год, и редакции бакинских популярных в ту пору газет: «Вышки», бакинской «Вечерки», «Молодежки», «Спорта».

Моя востребованность в спортивной прессе объяснялась еще и тем, что газете вменялась обязанность расширять свой журналистский актив, всячески приобщая к сотрудничеству самих спортсменов, подобно тому, как в партийных изданиях

печатались рабкоры и селькоры. Подпись под заметкой «мастер спорта» убеждала. Но, как популярно разъяснил мне вскоре главный редактор вещания на русском языке Азрадио Натан Семенович Зорин, принадлежность к спортивной касте являлась не единственным моим достоинством, делавшим желанным автором в любой редакции. Прежде всего, я был русскоязычным. Это обстоятельство для меня, как представителя титульной нации, служило своеобразной форой, усиливало мою конкурентоспособность при зачислении в штат (до появления на радио я, как тогда говорили, нештатничал, т.е. сидел на гонораре, выполняя редакционные задания, поставляя информацию, добытую не только в спортивном мире).

Костяк бакинской русскоязычной журналистики в 1960-е годы состоял в основном из евреев, армян, русских или же метисов, являвшихся особенностью демографического облика азербайджанской столицы. Такой редакционный состав афишировался руководством как интернациональный, что особенно убедительно звучало, если в коллективе оказывались и азербайджанцы. Мне кажется, в те годы как раз и начался выход на общественно-политическую сцену нового поколения азербайджанцев, сформировавшегося под влиянием разных культур, и, казалось, самой историей собранных в Баку словно бы для торжества древнего принципа: E pluribus unum («В многообразии — едины»). В русской редакции Азербайджанского радио таким корреспондентом, серьезно усиливавшим интернациональные традиции коллектива, был Расим Агаев, только что закончивший филфак АГУ им. С.М. Кирова и удачно вписавшийся в полиэтническую массу радиожурналистов, атмосфера в которой, надо признать, была вполне дружеской, теплой и таковой оставалась еще долго. Так вот, эти двое — Н. Зорин и Р. Агаев — и сагитировали меня махнуть рукой на газетные страницы и закрепиться на радио.

Первый, будучи главредом, понимал, что ему необходимо создать такой баланс многонациональности в коллективе, который не только отражал бы демографические тенденции в Баку (доля коренного населения в городском социуме неуклонно росла и в описываемый период составила почти по-

ловину жителей азербайджанской столицы), но и учитывал особенности, так сказать, текущего политического момента.

А своеобразие национальной политики на местах повсеместно претерпевало серьезные изменения. Национальные окраины Советского Союза, в силу поистине революционных социо-культурных преобразований, обретали ту степень самостоятельности, которая начинает утверждаться с появлением национальной интеллигенции. Процесс этот всегда небезболезненный — имперские нации не сразу свыкаются с необходимостью расстаться со своими привилегиями, еще долго свысока поглядывают на то, как приобщаются к государственному управлению национальные элиты. Нечто подобное в свое время пережили и на территориях Великобритании, Франции. В СССР пытались максимально смягчить эти общественные процессы, которые, как ни покажется сейчас парадоксальным, стимулировались официальной практикой правящей партии, принявшей ряд важных документов о подготовке и правильном использовании национальных кадров. Соответственно, усиливался в заданном направлении официальный курс местного руководства. В Азербайджане этот курс официальной, скажем так, государственной национализации особенно усилился при Шихали Курбанове, секретаре ЦК, которого можно считать идеологом общественных перемен.

Н. Зорин, надо сказать, немало возившийся с начинающими журналистами, стремился обезопасить себя от все более усиливавшейся критики на партсобраниях. Р. Агаев же симпатизировал мне. В наших взглядах и увлечениях было немало схожего. И тот, и другой немало погоняли меня по заводам да фабрикам, в командировки в сельские районы, прежде чем решились пригласить на штатную работу — таков был порядок. Даже при очень высокой протекции претендента на штатную должность сначала пробовали в деле.

А репортерская работа в ту пору, при всей своей несомненной увлекательности, имела и свои сложности. Я и сейчас невольно улыбаюсь при виде множества крошечных диктофонов своих юных коллег на пресс-конференциях. Счастливцы! В их возрасте я закидывал на свою спину тяжеленный, килограммов эдак под 30, чемодан, называемый нами

бандурой, и топал на объект — пешком. Ибо с моим рабочим инструментом протиснуться в набитый битком народом автобус, троллейбус или трамвай (они тогда звенели еще по всему городу) практически было невозможно. Более настырные коллеги натыкались на грубоватые шуточки рабочего класса. На этом неудобства не кончались — никогда не было уверенности, что запись получилась, что речь интервьируемого не «поплывет», а если рванет ветер где-либо (а где он не гуляет в Баку), то пиши пропало — техники на радио непременно забракуют репортаж: в эфире все должно быть чисто и аккуратно, как в газете набор. И, тем не менее, я рвался на радио, и двигало мною не только желание приобщиться к популярной профессии (по популярности радиожурналистика опережала ТВ, делавшего первые шаги).

«Но я забыл еще об одной немаловажной детали — на радио можно было хорошо заработать — не четыре страницы, как в газете, а 12 часов времени, которые заполнялись не одними песенками, пусть и хорошими. Позже вообще вещание растянули на целые сутки. А еще имелось иновещание. Представляете, не эфир, а настоящий Клондайк!».

Это я цитирую воспоминания Расима Агаева, много позже популярно поведавшего о причинах нашего увлечения радиожурналистикой. Он, надо сказать, отметил и некоторые иные штрихи оттепели, особенности момента. «Это, скажу, довольно увлекательное дело — наматывать на магнитофонную ленту какие-то слова, не бог весть какие мысли, и наблюдать за тем, как из эфира в ответ льются тебе в карман денежки».

Что правда, то правда — мы впервые стали хорошо зарабатывать — на радость матери. Динамика жизнеобеспечения семьи менялась на глазах. Сперва бюджет формировался от получки до получки — отца, затем — от пенсии до пенсии. «Бандура» со своими кассетами, оккупировавшая значительную часть отцовского кабинета, при всех своих технических несовершенствах серьезно обогатила семейный бюджет, а лексику мамы — новым и сладостным словом «гонорар». Мы жили теперь от отцовской пенсии до моей получки, а к тому моменту, когда она стремительно приближалась к концу, поспевал гонорар.

«Это удивительное, ни с чем несравнимое занятие прервал Никита Хрущев, резко понизив многотысячной армии радиожурналистов ставки и систему выплаты гонорара, — продолжает вспоминать Р. Агаев. — Ту же подлую штуку он проделал с писателями и поэтами, учеными, академиками и прочим людом творческого труда».

Ностальгический сюжет о роли радио в моей карьере, пожалуй, нужно дополнить следующим наблюдением о просыпавшихся амбициях, без чего не бывает ни карьеры, ни творческого взлета. Большинство из нас свое журналистское будущее связывало вовсе не с продвижением по редакционной иерархической лестнице — от репортера до главного. Мечтой нашей оставалась работа в центральной прессе — как минимум собственным корреспондентом союзных изданий в Азербайджане, а еще лучше — за рубежом.

Собкоровский корпус «Правды», «Известий», «Комсомолки», а в связи с вторжением в жизнь и Центрального радио и телевидения (тогда писалось именно так — на первом месте радио!) являлся как бы элитным отрядом азербайджанской журналистики, привилегированным классом: полная самостоятельность, никакого многоначалия над головой и все блага, которые даровала советская власть правящему классу — номенклатуре: персональная машина, «вертушка» — правительственный телефон, спецмагазины, ну и «корочка» собкора, «человека» Москвы, приводившая в смятение многообразное чиновничество республиканского масштаба — от председателя колхоза да секретаря райкома.

В 1969 году Р. Агаев, заведовавший в то время общественно-политическими программами радио, первым из нас осуществил журналистскую мечту, выдвинувшись в собкоры Агентства печати «Новости», успешно конкурировавшего с советским официозом — ТАСС, и потому весьма популярного в журналистском мире. Благодаря этому передвижению я занял место редактора в русской редакции, Маис Мамедов (через пару лет он станет собкором Центрального телевидения) пересел в заведующие, а Джаваншира Меликова утвердили корреспондентом (очень скоро он проявит себя в качестве собкора влиятельной газеты «Социалистическая индустрия» — нынешней «Трибуны»).

Я останавливаюсь подробно на этой стартовой площадке своей карьеры, ныне представляющейся малозначащим эпизодом, вот по какой причине — впервые азербайджанцы в русской редакции Азрадио, а затем и в собкоровском корпусе, заняли доминирующее положение. Аналогичные процессы обновления шли и в других сферах государственной жизни, где традиционно ведущие позиции занимал инонациональный элемент городского социума: русские, евреи, армяне.

В современной азербайджанской литературе, в том числе и научной, такой перекос, сложившийся еще с дореволюционных времен, объясняется имперской политикой Москвы, заговором армянства, предательством национальных интересов со стороны азербайджанских коммунистов. Как и все в национализме, такого рода трактовка сложных исторических, общественных явлений и самой политической практики революционных партий, каковой являлся большевизм, слишком грешит упрощенчеством, чтобы принять за серьезное объяснение действительности. На самом деле, сложные процессы, возникшие в межнациональных отношениях в Баку, в других промышленных центрах Азербайджана, да и в других республиках, имели свои, специфические, исторические и социально-политические корни.

КОНТЕКСТ

К 60-м годам вступило в жизнь и все настойчивее стало заявлять о себе новое поколение азербайджанцев, получивших образование в вузах Баку, Москвы, Ленинграда, в соответствии с советскими программами по массовой подготовке национальных кадров для всех сфер общественной жизни.

Превосходное знание русского языка облегчало в значительной мере их карьерные устремления. Будем откровенны, в руководящих кругах республики, опираясь на соответствующие решения Центра, охотно продвигали русскоязычных представителей титульной нации, успешно конкурировавших с приезжими специалистами, с тем инонациональным элементом в производственно-хозяйственной и государственно-управленческой сфере, преимущество которого определялось часто одним лишь владением русского языка.

Рассказывая о преимущественном положении, которое занимали армяне в управлении дореволюционным Баку, А.Н. Квасник отмечал, что интеллигентный слой мусульман в городе составлял незначи-

тельное меньшинство. «Армяне же, наоборот, составляют большой процент интеллигентов-профессионалов и постепенно захватили все места в учреждениях, фирмах, городских институтах и т.д. Так, например, Совет Съезда бакинских нефтепромышленников всецело оказался в руках армян, так как все места в его многочисленных учреждениях заняты армянскими инженерами, врачами, конторщиками, счетоводами и т. д.»[11].

Интересное наблюдение, объясняющее причины быстрой политизации армянского населения, которое проявляло и завидный конформизм, помноженный на давние навыки дипломатии выживания в чуждой среде: «Оказалось, что все армяне стали большевиками...»[12]. *И такое доминирующее положение армян сохранялось довольно долго, тем более, что они всегда имели мощные лоббистские связи в партийных верхах.*

К началу 1960-х годов более 50% населения Баку составляли лица некоренной национальности. С середины 1960-х это соотношение изменилось в пользу азербайджанцев[13]. *И в это же время становится очевидным, что русскоязычная азербайджанская интеллигенция в состоянии оттеснить от командных высот инонациональный элемент. Эти социальные сдвиги соответствовали процессам урбанизации, роста городского социума.*

К слову, к началу XX века азербайджанцы составляли лишь третью часть всего населения Баку (36% против 35% русских и 30% представителей других национальностей)[14]. *И эти новые тенденции отнюдь не являлись чисто азербайджанским явлением. В разной степени они проявлялись практически во всех республиках. Процесс национализации, поощряемый официальной политикой подъема национальных культур, был необратим.*

Роджер Брубейкер, американский социолог, известный своими исследованиями процессов национального развития, как и ряд других современных западных ученых, вполне обоснованно говорит о существовании национализма, формируемого государством (state-fromed), и национализма, выступающего против государства (counter-state). Трудно не согласиться с этим выводом, как и с фактом существования и живучести различных форм гражданского и этнического национализма.

Нам пришлось на своем опыте познать и то, и другое[15].

---

[11] ГАППОД АР, ф. 277, оп. 2, д. 26, л. 1–7.

[12] Там же.

[13] *Агаев Р., Али-заде З.* Азербайджан. Конец Второй республики (1988–1993). — М.: Граница. — С. 27.

[14] *Исмайлов Э. Р.* Очерки по истории Азербайджана. — М.: Флинт, 2010. — С. 172.

[15] *Brubaker R.* Citizenship in France and Germany. — Cambridj: mass, Harvard University, 1972.

СТРАНА МОЯ — КОМСОМОЛИЯ

Найти свою тропинку

Принято считать, что карьерная стезя большинства советских лидеров закладывалась чуть ли не с юности. Молодые да ранние, шустрые комсомольцы всеми правдами и неправдами пробивались к дверям заветных кабинетов и, расталкивая локтями таких же, как и они, жаждущих власти юношей, овладевали навыками аппаратной политики, единственного в своем роде искусства своеобразной дипломатии, призванного обеспечить официальный статус лица, допущенного к правящей номенклатуре. Дескать, все ниши политической системы заполнялись осторожно пробиравшимися наверх по номенклатурной лестнице комсомольскими карьеристами, для которых особые правила политической игры давно стали частью профессии и даже образом жизни.

Ничего такого в описываемое время ни в себе, ни в окружающих меня людях я не ощущал. Я вел радиорепортажи о пуске станции бакинского метро, нефтяных фонтанах в море, упивался корреспонденциями о знаменитых спортсменах, политиках и ученых, одна встреча с которыми являлась для меня событием, журналистской удачей. Впрочем, очень скоро закончились оперативные задания редакции «Последних известий» на радио и начались командировки на спартакиады, чемпионаты, олимпиады — в «Молодежке»

обратили внимание на бойко пишущего мастера спорта В.Гусейнова и предложили работу заведующего отделом информации и спорта.

«Ее очаровательная улыбка много лет не сходила со страниц мировых изданий. Журналисты преследовали ее, фиксируя каждый шаг», — так, искренне завороженный неповторимой женственностью Натальи Кучинской, знаменитой советской гимнастки, я с удовольствием рассказывал о ней читателям и находил в этой своей работе истинное удовольствие, которое испытывает человек, нашедший свое место в жизни. И если быть искренним до конца, скажу, что те дни спортивного репортерства на всю жизнь запечатлелись в душе как миг настоящего счастья. Не потому ли в памяти моей сохранился не только облик изящного, стройного создания, но и полное грусти признание покидавшей помост гимнастки: «Сейчас все приходят в восторг от юных Ольги Корбут и Тони Кошель. Они очень талантливы. Но мне немного боязно за них. Слишком рано быть втянутым в водоворот гимнастических страстей, по-моему, опасно. Такое очень болезненно отражается на психологии юных спортсменов. Я сама от этого пострадала и сейчас хочу лишь одного, чтобы их не опалило это пламя успеха...».

Какое, однако, провидческое ощущение, заметим к слову...

Пожалуй, писать о спорте, вечной погоне за победами, феерических взлетах судьбы и бесславных падениях, первом успехе и последнем выходе на ринг или помост, переживать вместе с героем дня и вместе с ним видеть и чувствовать приближение неизбежного забвения — это было интересно, увлекательно, как захватывающий роман.

Итак, мне пошел 27-й год, я печатаюсь в популярнейшей газете «Молодежь Азербайджана», дружен с кумирами стадионов Анатолием Банишевским, Адылем Дементьевым, Валерием Гаджиевым и другими выдающимися спортсменами.

Газета, разумеется, должна поднимать злободневные темы, рассказывать о проблемах молодежи, например, разворачивать движение ударников пятилетки — под это отводится львиная часть полос — спорт и новости культуры задвигаются подальше. Однако последние две страницы и есть самые читаемые.

«Опять перебор со спортивной информацией. Тихой сапой сперва последнюю полосу оккупировали, теперь до третьей добрались. Где комсомольская жизнь? Производственная тема где?» — это редактор Асим Джалилов без особого нажима повторяет критику в адрес «Молодежки», постоянно звучащую на Бюро ЦК ЛКСМ Азербайджана.

«Так ведь у нас субботний номер — сами говорили: дайте людям вздохнуть свободно», — слабо защищается ответственный за номер, с ужасом наблюдая, как редакторское перо размашисто сокращает репортаж о последнем победном матче «Нефтчи» и вопросительно повисает над вспорхнувшей ввысь фигурой гимнастки. И редактора понять можно: «А вдруг кто-то там, наверху, посчитает фотку слишком фривольной?»

«Информация в газете вроде балансира у канатоходца. Любой перебор грозит падением!» — поучает кто-то из «стариков». «Старики» — это те, кому за тридцать, но нет еще сорока, застряли в «Молодежке», хотя те, кто с ними начинали, давно уже сверкают в большой прессе: кто в «Бакинском рабочем», а кто и в Москве.

«А вот Мара Пейзель сравнивал газету с хорошим коктейлем — все строго по рецепту: и виски, и водочка, и шампанское, и тоник», — вставляет кто-то из юнцов с явным намерением повернуть разговор в практическую плоскость.

До коктейля с тоником дело не доходит, но водочка, между прочим, «орджоникидзевская», в ту пору завоевавшая, кстати, незаметно бакинский рынок ввиду своего пшеничного, а не химического происхождения, достойно венчает «любое дежурство», как и любой «ударный» материал в номер. Кто заложил эту традицию — никто не скажет. Хотя все, наверное, сегодня согласятся — молодость. Не потому, что я шибко привязался к такого рода «молодежкинским» посиделкам, а потому, что без них не было бы той атмосферы дружелюбия, взаимовыручки и непринужденного освоения навыков газетчика, что и превратило «Молодежь Азербайджана» в своеобразный трамплин республиканской журналистики. Едва ли не каждый взобравшийся однажды на него обретал некое право для прыжков в бескрайнее море печатного слова, бурные воды которого выносили пловцов к раз-

ным берегам: кого к комсомольско-партийным, кого к редакционным. Сколько их — власть имущих и будущих авторитетов журналистского дела прошло через «Молодежку — сейчас и не упомнишь. Независимо от того, как складывалась карьера, «молодежкинская» площадка запоминалась на всю жизнь. Как первый урок, первая любовь, первый успех.

Новый руководитель республики

И вот тут, наверное, следует сказать о событии, которому, если честно, мы, тогда крутившиеся в водовороте захватывающих спортивных побед и поражений, не придали того значения, которого оно, несомненно, заслуживало — во главе республики встал новый человек — Гейдар Алиев, председатель КГБ.

— Ну, как тебе новый первый секретарь? — загадочно сверкая металлическим блеском искусственной челюсти, спрашивает у меня Натан Семенович, хотя прекрасно знал, что политические перемещения в столь далекой выси находятся вне пределов моих личных и профессиональных интересов. И не дождавшись ответа, хохотнул, хитро сверкая глазами:

— Теперь у нас новая организация — ЧК КП Азербайджана!

Не оставили без внимания смену республиканского руководителя и дома. «Каких-нибудь 15–16 лет назад скинули Багирова, кадрового чекиста, и вот вновь оказалось, что компартия не располагает подходящими лидерами. Приходится прибегать к помощи КГБ», — комментировал за чаем отец, впрочем, избегая развивать свой тезис под пытливым взглядом супруги. Ей, в общем-то, как и мне, было как-то все равно, кто возглавит Центральный Комитет. Но при этом она полагала, что к ботаническим и биологическим проблемам, в которые давно и вполне благополучно погрузился глава семейства, политические перевоплощения во власти не имеют никакого отношения.

Возникшая пауза, как я тут же смекнул, говорила о том, что партийная тема на сегодня не исчерпана, ибо отец, углубившийся в газетное сообщение с портретом нового руководителя, несколько раз многозначительно произнес свое знаменитое «Н-да...».

— Ты помнишь, Санубар, моего аспиранта Джалала?

— Как не помнить: ты все время нахваливал его — такой он способный, такой влюбленный в свои злаки да исполнительный. Довольно быстро с кандидатской управился...

— Он уже успел и с докторской управиться... Но я не о том. Мой бывший аспирант приходится генералу Гейдару Алиеву родным братом.

— Было бы куда лучше, если б он и сейчас оставался твоим аспирантом.

Последовавшая пауза оказалась намного продолжительней предыдущей и прервалась почти философским замечанием отца, на которые профессор ботаники был мастер: «Никогда не известно, что лучше...» С учетом того, что нынче несть числа свидетельствам о всенародном воодушевлении, которым якобы была объята солнечная республика в июле 1969 года, это умозаключение следовало бы сохранить для истории, по крайней мере, объективности ради, хотя как прогноз в отношении моей судьбы оно оказалось удивительно дальновидным.

И еще запомнился комментарий моего наставника из «Спорта», бывшего чемпиона Азербайджана по боксу Паши Амирова (когда-то ему, балаханскому пареньку, помешал стать чемпионом СССР знаменитый латыш Владас Шоцикас, соответствующую цитату из воспоминаний которого Паша обычно приводил после третьей или четвертой рюмки — каждый раз с новыми комплиментами в свой адрес): «Все! Теперь нахчыванцы косяком кинутся занимать кресла. Интересно, кто из них нацелился на место нашего редактора?» — громогласно объявил он, явно рассчитывая быть услышанным за фанерной перегородкой, называемой кабинетом главреда Мири Пириева, человека безобидного, неизвестно каким образом приобщившегося к спорту.

Однако Мири не чувствует никакой угрозы со стороны автономной республики своей карьере, и поэтому Паша продолжает развивать свои идеи о захватнических планах выходцев с берегов Аракса, утверждая, что наш нештатник Тельман («бывший борец-легковес») в последние дни преобразился, как-то приосанился, стал надевать галстук и комментировать турниры шахматистов.

— Это вам ни о чем не говорит? — вопрошает в заключение знаток этнических особенностей строителей коммунизма, глазами приглашая нас вглядеться в красочный галстук борца-легковеса, появление которого не оставляет сомнений в серьезности его намерений изменить свой социальный статус незамедлительным зачислением в состав штатных сотрудников газеты...

Вот и весь экспресс-опрос трудящихся в связи с событием, над судьбоносным значением которого я, начинающий спортивный комментатор, даже не задумывался. Впрочем, как и многие другие граждане нашей солнечной республики.

Комсомольский берег

Как бы там ни было, а карьера моя определенно получила ускорение именно в те дни и месяцы: после работы на радио я получил приглашение в «Молодежь Азербайджана», а вслед за этим меня прибило довольно быстро, совершенно неожиданно и без какой-либо инициативы с моей стороны, к комсомольскому берегу.

«Виной» тому явилась моя журналистская деятельность. Точнее, серия статей по проблемам детского и юношеского спорта. На мой взгляд, ничего выдающегося в них не было — фактическая сторона проблем была известна всем, многое лежало, как говорится, на поверхности. Другое дело, что серьезные попытки вникнуть в положение, сложившееся в этой области, были не так часты. Писать писалось, конечно, в молодежной печати, но как-то вскользь, между прочим. А тут в «Молодежке» эта тема стала ведущей, последовательно разрабатываемой. Получалось полемично и остро, читатели реагировали письмами, многие спортсмены приходили в редакцию, мол, желаем высказаться.

Логическим следствием моей активности явился разговор, который состоялся в конце 1971 года у меня с заведующим отделом ЦК ЛКСМ Азербайджана по спортивной и оборонно-массовой работе Эльманом Мамедовым.

Эльман был одним из опытных комсомольских работников, хорошо знающим свое дело. Работал я с ним в тесном контакте, отношения у нас сложились, что было только на

пользу газете. Не мудрствуя лукаво, как это практиковалось в комсомольских кабинетах, Эльман (мы с ним были давно на ты) выложил «главную новость дня»: он идет на повышение — зам. министра в одно из республиканских ведомств, с чем я его и поздравил. Но то была лишь затравочка. «На свое место я рекомендовал тебя»,— огорошил он меня.

Я же ни дня не был на комсомольской работе, и понятия не имею, чем и как могу оказаться полезным в аппарате ЦК.

Э. Мамедов, однако, как человек основательный, по-деловому подготовился к беседе, точнее, собеседованию — так назывались предварительные переговоры, связанные с приглашением на профессиональную комсомольскую работу. Дав мне высказаться, он кратко резюмировал:

— Во-первых, в армии ты довольно долго исполнял обязанности комсорга, во-вторых, ты мастер спорта СССР, многократный чемпион республики, тебя знает молодёжь, спортивная общественность. О лучшей кандидатуре и мечтать нельзя. Идём к первому секретарю. Он хочет с тобой познакомиться.

Так я оказался в кабинете тогдашнего вожака азербайджанского комсомола Рафика Аскерова, располагавшегося на 3-м этаже помещения, выделенного ЦК ЛКСМ в торце знаменитого когда-то здания Бакинской городской думы, именуемого по сию пору Баксоветом, хотя с советами покончили в Азербайджане уже лет как двадцать. В просторном кабинете Р. Аскерова до того мне довелось побывать лишь однажды, когда меня утверждали заведующим отделом «Молодежки».

Рафик Гамбарович принял нас радушно. Подробно интересовался моим видением причин отставания в спорте, особенно напирал на то, как выправить положение с детским и юношеским спортом. Оказалось, он знаком с моими критическими выступлениями на эту тему, с выводами, в целом, согласен, именно поэтому руководство ЦК комсомола считает целесообразным перебросить меня из газеты в отдел спортивной и оборонно-массовой работы.

— У нас детский спорт хромает. Может, от того, что занимались этим любители. А вы как бы профессионал. Давайте попробуем применить опыт и знания ваши в оборонно-массовом отделе. К тому же вы предлагаете пересмотреть сло-

жившуюся систему организации детского и юношеского спорта в республике. Идея правильная. Вот вам, как говорят в таких случаях, и карты в руки. Может, в самом деле, сдвинем с места проблему?

На невнятный лепет о юношеской мечте стать профессиональным журналистом последовал твердый командирский приказ-ответ: «Молодежь Азербайджана» — печатный орган ЦК ЛКСМ, наш кадровый резерв. А публиковаться вам не возбраняется. Даже приветствуется! Завтра утром вас ждут в Москве, на собеседовании в ЦК ВЛКСМ. Думаю, двух дней будет достаточно для того, чтобы познакомиться с соответствующими отделами, с тем чтобы успеть к субботе — на бюро ЦК рассмотрим ваш вопрос.

Через два часа мне вручили билет на ночной рейс в Москву, снабдив на прощанье телефонами ЦК ВЛКСМ...

В «Молодежке», как и на радио, словом, среди журналистской братии, к моему согласию сменить свободную жизнь спортивного журналиста на должность комсомольского функционера отнеслись по-разному: кто с недоумением покачивал головой, кто горячо убеждал одуматься, пока не поздно, кто одобрительно подмаргивал, мол, верным курсом идешь, товарищ! В кадровой практике, случалось, журналисты превращались в помощников высоких партийных чинов в функциональном смысле этого слова. Хотя стоит сказать и о том, что чаще наблюдался обратный процесс, когда проштрафившихся партийных функционеров, чаще всего из идеологических структур, направляли на руководящие посты в СМИ, называя это укреплением пропагандистского фронта. Однако газетчики в таких случаях хохмили: «Не редакция, а штрафбат!»

Отец, искренне радовавшийся моим творческим успехам и вместе с мамой увлеченно следивший за публикациями, не то чтобы не рад был неожиданному комсомольскому возвышению, как он говорил, «продолжателя рода», но, как мне хорошо запомнилось, восторга особого не проявил.

«Заметили тебя — это хорошо. Но газета все же лучше — известность, творческая атмосфера. Разумеется, тебя тянет попробовать свои силы на новом поприще. Заманчивые перспективы увлекают...».

Пройдет много лет, и мне вспомнятся эти отцовские слова, когда станет ясно, что политика – это не только вечная игра ума в непримиримом противостоянии. Это — всегда игра честолюбий. Недостаточно уметь выигрывать. Надо быть готовым и проигрывать. Хотя как учиться проигрывать? Сказать-то сказал в свое время отец, а как этому выучиться — проигрывать в честолюбии?

Что кривить душой, как ни колебался я, а в предложении Р.Аскерова таилось нечто большее, чем простая смена места работы. Я испытал что-то похожее на то, когда тренер вдруг решает изменить состав команды, влить в нее новые силы, и ты оказываешься в числе тех, на кого сделана ставка. А что из этого получится — грудь в крестах или голова в кустах — об этом в молодости как-то не думается. А думалось, наверное, что нельзя отворачиваться от судьбы...

Как бы там ни было, много лет спустя я имел право в одной из официальных речей утверждать, что в некотором роде я стал, как и многие молодые люди того времени, новобранцем нового курса Компартии, вошедшего в азербайджанский партийный лексикон под названием алиевского.

Если отбросить всякую мистику, то нить судьбы вяжется не провидением, как хочется иногда думать, определяется не только удачливостью наших шахматных ходов, но чаще слепым случаем. Но ведь верно и то, что случайное, в сущности, необходимо. А вообще наши поступки в жизни обычно интуитивны, наш выбор предопределен пониманием того простого факта, что если корабль никуда не плывет — ни один ветер ему не попутный — так, кажется, говорил Сенека...

Перевод в отдел оборонно-массовой работы ЦК комсомола позволил мне плавно и без особого ущерба для своих амбиций и творческой деятельности (я продолжал регулярно печататься в «Молодежке» и других газетах) трансформироваться из газетчика в комсомольского работника (номенклатура Бюро ЦК ЛКСМ!). Под стать мне были и оба сотрудника отдела — инструкторы Адыль Рамазанов и Камал Бабаев, симпатичные ребята, с которыми я уже был знаком(оба они позже пошли, как говорится, в гору: первый на партийном поприще, со вторым мне суждено было встретиться спустя

годы в КГБ, когда он уже бы полковником, бывалым разведчиком — тоже любопытная иллюстрация к разговору о комсомольских кадрах).

В отношениях со своими подчиненными (это слово никак не отражает сложившиеся к тому времени взаимоотношения в комсомольских организациях любого уровня, где дисциплина и высокий уровень исполнительной культуры поддерживались пониманием ответственности за порученное дело или участок работы) я поддерживал естественный для нашего возраста дух товарищества, взаимовыручки. Этим, кстати, в комсомоле очень дорожили, и я бы сказал, даже гордились. Вовсе не случайно чувство корпоративности оказалось очень живучим в советском комсомоле, помогло многим настоящим лидерам выдержать перестроечное и постперестроечное лихолетье.

Я, честно говоря, и не предполагал, какое огромное количество комсомольских организаций по каждому вопросу своей жизнедеятельности считает нужным согласовать их с крошечным отделом республиканского комсомола. В результате чего я со своими двумя инструкторами незаметно в собственных глазах вырастал действительно в важное подразделение азербайджанского комсомола, без советов, участия, конкретных решений (в том числе и чисто бюрократических) которого не могли прийти в движение механизмы многочисленных мероприятий — от крупных соревнований до проводов призывников в армию. От одних только запросов помощников по комсомолу воинских частей Бакинского округа ПВО, 4-й армии Закавказского военного округа, ККФ — Краснознаменной Каспийской флотилии, пограничных войск, войск МВД голова шла кругом, ибо не хватало ни людей, ни времени, чтобы побывать в воинских коллективах, посмотреть соревнования самого различного уровня, решить проблемы самого различного характера.

Считалось, что комсомольская работа не является чем-то профессиональным. Где-то внизу — в школе, вузе, техникуме, трудовых коллективах — комсомольские активисты самоутверждались в роли вожаков молодежных ввиду особой активности, изначально присущих лидерских качеств, умения утвердиться в качестве первого, сплотить вокруг себя

остальных, повести за собой и т.д. Это называлось проявить себя по общественной линии.

Что греха таить, смекалистые, карьерно нацеленные юнцы быстро уловили в этой роли возможность для быстрого продвижения наверх по служебной лестнице. И некоторым это удавалось. Хотя вряд ли сумма самых убедительных примеров может явиться достаточным основанием объявить Страну комсомолию обителью сонмищ молодых карьеристов, как это сделали в порыве перестроечного самобичевания.

Утверждать такое — значит грубо игнорировать простой факт юношеского романтизма, тот факт, что до определенного момента человеку свойственно изначально двигаться в жизни интуитивно, так же, как и лететь на крыльях мечты.

Некоторые сохраняют этот юношеский горючий материал надолго, иногда не избавляются от романтических устремлений до конца жизни, оставаясь в глазах близких этакими взрослыми детьми, дон-кихотами, людьми не от мира сего. Но именно они-то чаще всего и оказываются движителями самых смелых поступков и инициатив, реализаторами идей, до которых не доходят руки у вечно занятых повседневными нужными проектами официальных организаций, предприятий, научных или культурных центров.

Тогда, в 1960-е, каждый из моих друзей жил своей мечтой. Однако и в армии, и в спорте меня все время норовили выдвинуть в секретари первичной комсомольской организации. Никаких особых обязанностей или привилегий эта, как говорили тогда, общественная нагрузка не предполагала: собрать и сдать в кассу вовремя членские взносы, провести раз в месяц комсомольское собрание, при необходимости нацелить ребят на выполнение очередной задачи — участие в армейских буднях или состязаниях. Зато в случаях «ЧП» — самоволки, мордобоя или чего-либо похлеще – начальство разом вспоминало комсорга: «А ты куда смотрел?»

Нет, не зря все это вместо взятое – и комсорговские обязанности, и работа освобожденным секретарем первички, и служба в аппаратах всех звеньев – считалось сферой общественной активности. А носители этих качеств так и назывались — активистами. Хотя надо сказать и о том, что как-то

незаметно, постепенно официальная комсомолия стала копировать стиль, устоявшийся в партийной среде, началось с подражания, а кончилось дублированием организационного строения, прямым заимствованием форм и методов работы. Так двери и окна комсомольских кабинетов открылись новым ветрам, превратив их где-то к концу 1970-х в прямое продолжение партийных структур.

Логика своя в том, наверное, имелась. И все же новое поветрие явилось главной причиной перерождения, подменившего, в конце концов, в некогда здоровом организме энергию романтики карьерными соображениями. Но это все раздумья поздней поры. А тогда, в начале 70-х, оборонно-массовый отдел с увлечением создавал систему военно-патриотического воспитания школьников. Основой его стали военно-патриотические игры.

С точки зрения методики и функциональной подготовки в ходе массовых школьных состязаний юноши приобщались и к несению армейской службы, обучению основам военных специальностей. Немало насмешек довелось услышать в перестроечные годы по поводу военизации жизни в СССР, а настал час испытаний для Азербайджана — многим пригодились навыки, приобретенные в спортивно-технических секциях ДОСАФ: знания радиста, вождение боевых машин, мотоциклов. Вспомнились солдатам и командирам формирующейся армии военно-спортивные игры «Орленок», «Зарница» и т.д.

Это была вовсе не солдатская муштра, как живописали некоторые критики всего советского, а средство развития физической выносливости, сообразительности. В юношестве развивали истинно мужские качества: состязательность, лидерство, стремление к победе. Без всяких громких слов.

Организацией военно-спортивных игр я занимался с увлечением. Однако наша комсомольская дружина в свою очередь являлась объектом воспитания — партийного. И делалось это посредством подключения аппарата комсомола к разнообразным республиканским мероприятиям, проводимым под патронажем Центрального Комитета партии. Одно слово — помощники партии. Ничего зазорного в том никто не чувствовал. Известно было и другое: комсомол — резерв партии.

Стыдится ли мальчонка-подмастерье, который, прежде чем стать за токарный станок, должен продемонстрировать исполнительность в режиме «поди-подай»?

Памятный вояж с писателем А. Рыбаковым

Вот одно из первых поручений ЦК Компартии, выпавшее на долю нашего отдела, как было подчеркнуто в штабе по проведению Дней российской литературы в Азербайджане, весьма ответственное. Тогдашний заведующий отделом культуры Азад Шарифов, к которому вся азербайджанская журналистская братия испытывала особый пиетет — не так давно вернулся из Турции, где работал собкором «Известий», а в комсомольских кругах помнят его как задиристого редактора «Молодежки», ставит передо мной задачу: «Нужно обеспечить встречу гостей и разместить всех 800 поэтов, писателей, литераторов в гостиницах: кого в правительственной, кого в «Интуристе», кого в только что вошедшем в строй отеле «Азербайджан». Соответствующего сервиса в Баку еще нет. И неизвестно, когда будет».

Откровения высокого партийного функционера, сохраняющего в общей суматохе чувство юмора, как-то обнадеживает.

Для десантирования армии знаменитостей в Баку Гейдар Алиевич распорядился сформировать спецпоезд — сплошь из вагонов «СВ», что расшифровывается как «Спальный вагон», а в народе известен как «Правительственный». Таких в обычном поезде один-два. А тут — целый эшелон. «Гости — люди известные, многие в солидном возрасте,– не перестают наставлять нас в штабе, – сами понимаете...». Мы понимаем — я, завотделом оборонно-массовой работы, и все 120 активистов комсомольских организаций передовых промышленных предприятий и вузов Баку, брошенных на подмогу штабу. Ясно и без намеков, достаточно одних имен: Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Расул Гамзатов — кто их не знает, Валентин Катаев, Анатолий Рыбаков — сразу следуют восклицанья моих помощников: «Ага — «Белеет парус одинокий», «Кортик» («Дети Арбата» еще не написаны), Марина Полежаева, Андрей Дементьев...

Одним словом, в Баку прибывает весь цвет современной советской литературы. Принимают гостей на высшем уровне. На нашу комсомольскую долю выпала ответственная задача: не перепутать номера в отеле, без чего не обходится ни одно мероприятие такого рода, само собой — помочь разместиться, разобраться с багажом, и не дай бог, чтобы при этом что-то пропало, что тоже, увы, случается. К писательскому эшелону мы присоединяемся на подступах к Баку, часа за 3–4. Пока трудящиеся столицы Советского Азербайджана ликуют и произносят речи на привокзальной площади при виде тех, кого доселе приходилось лицезреть на обложках книжек и на экранах телевизоров, весь многотонный писательский багаж пробиркован (словцо-то какое, обратите внимание на профессионализм!) и доставлен в соответствующие номера. Всем гостям розданы памятки, сами они усажены в автобусы.

Я с чувством исполненного долга прохаживаюсь в холле сверкающего неестественным блеском отеля «Азербайджан», кто-то из высокого начальства спешно подводит меня к группе москвичей: «Анатолий Наумович, этот молодой человек лучше чем кто-либо выполнит вашу просьбу...» Передо мной Анатолий Рыбаков, сам оказавшийся в высшей степени деликатным просителем. Оказывается, писатель работает над новой книгой и в ней необходимо выписать образ Сталина. А хочется, чтобы Иосиф Виссарионович получился не таким, как его играл Геловани, и не таким, как рисуют сейчас, а все же реалистичным. Это крайне важно. А какой он был в реальности — теперь уже никто не знает. (Мне тоже не нравятся ни величавые, ни карикатурные портреты вождя.) Он, А. Рыбаков, много чего интересного раздобыл в архивах и в беседах со старыми большевиками. Побывать в Баку и не пройтись по сталинским местам — непростительная оплошность.

— Вот бы взглянуть на промыслы, завод Михельсона, где он появлялся, жилище, где он хоронился от полиции, типографию и т. д.

— И сидел,— вставляю я без тени юмора.

— Вот-вот — обязательно нужно заглянуть в бакинскую тюрьму, где держали «Кобу», а позже и 26 бакинских комиссаров!

— Тюрьма эта — Баиловская. А в Баку Сталина прозвали «Чопуром», то есть щербатым, — охотно делюсь я своими историческими познаниями.

Вообще-то предприятие, о котором упомянул писатель, в те времена называлось мастерскими Михельсона. Сейчас его название звучит как гимн «Чопуру» и его вечно живым коллегам — ордена Ленина машиностроительный завод имени лейтенанта Шмидта. Рыбаков был бы не Рыбаковым, если б по поводу последнего не заметил, красноречиво разведя руками: «Ничего не поделаешь, у нас без лейтенанта Шмидта никак не могут...»

Что касается сталинской партийной клички, то она тоже где-то встречалась писателю. Словом, пока остальные его коллеги выступали перед виноделами Шемахи, садоводами Кубы, наслаждались видами лимонно-мандаринового края — благодатнейших азербайджанских субтропиков — Ленкорани, мой новый знакомец — я и Михаил Гусман с Анатолием Наумовичем, можно сказать, сдружились — как завороженный бродил по мазутным тропам нефтепромыслов Романы и Сабунчи, жадно вдыхая настоянный на нефти и морской каспийской волне воздух, пробирался меж буровых вышек, с удовольствием здороваясь с нефтяниками, не подозревавшими, что у них вроде бы одно рабочее место с великим Сталиным, которого они уважают, несмотря ни на что, и по сему поводу готовы поспорить с кукурузником Хрущевым.

А. Рыбаков пешком прошелся по пыльным улочкам старинного апшеронского селеньица Новханы, что на самом берегу Каспийского моря, сгорая от любопытства, пролез в какую-то, грозившую вот-вот развалиться хибарку, пригибаясь, прополз в каморку, где, по преданию, лидер азербайджанских националов Мамед Эмин Расул-заде прятал от полицейских ищеек своего грузинского дружка «Чопура». Само собой, сводили мы писателя и в знакомую мне типографию «Нина», не забыв показать ему и развалюху, где прошло мое детство. «Кто знает, может, лет эдак через сто и сюда будут наведываться писатели, чтобы прочувствовать жизнь и деяния видного государственного деятеля Советского Азербайджана Вагифа Гусейнова?», — усмехнулся А.Рыбаков, оглядев непрезентабельное жилище моей родни. (Пророчество видного

писателя, честно скажу, всколыхнуло в душе начинающего комсомольского деятеля одну из самых нежнейших струн, звеневшую последний раз столь заманчиво после побития им республиканского рекорда по стрельбе. Однако с сожалением должен по прошествии почти полстолетия признать, что, увы, данное предсказанье выдающегося писателя к пророческим не отнесешь...)

Вполне детективным эпизодом осталось в памяти посещение Баиловской тюрьмы, точнее, следизолятора. Рыбаков так рвался взглянуть на эту достопримечательность пенитенциарной системы Баку, словно за сверхнадежными воротами знаменитого царского каземата его дожидался живой Сталин. Он даже прилег на одну из шконок камеры № 39, рассказывал мне Михаил Гусман, заменивший меня при посещении тюрьмы, обитатели которой в связи со столь неординарным визитом награждены были дополнительной прогулкой на свежем воздухе. Посидел у стола, вмурованного в бетонный пол камеры, где когда-то сиживал боевик, позже вошедший в историю генералиссимусом. Внимательно, с изумлением, оглядел потолок со свисающими комьями паутины, стены, хранящие следы пребывания сонмища преступников разных эпох и народов, с наслаждением вдохнул спертый воздух с очевидными миазмами параши, с удивлением пощупал твердь решетки на окне и, измерив немым взглядом метровую ширину стенки, с восхищением изрек: «На века строили! Никакой бомбой не пробьешь!»

Покидая камеру, писатель прощально оглянулся на бывшую обитель бывшего вождя. «А все же выбрался Иосиф Виссарионович и из этой крепости. И в Сибири не удержали его. Уметь надо. Не каждому такое удавалось. Хотя революционного народу в России в те времена имелась тьма-тьмущая...», — с нескрываемым восхищением объяснил он мне причину своей дотошности.

И я согласился с ним, не подозревая, что где-то в грядущем мне и самому придется немало дивиться приключениям, которыми сопровождалось мое собственное повторное и куда более длительное, отнюдь не добровольное пребывание в стенах этого добротного застенка.

Пройдет с десяток лет, и мы все будем зачитываться новой книгой Рыбакова «Дети Арбата» — бестселлером времен перестройки. Со страниц этого, может, самого лучшего романа тех незабываемых лет на меня глянул «Чопур» — Сталин, тот, который рисовался мне в беседах со знаменитым писателем. И что-то навеянное от увиденного в трущобах апшеронских селений, где когда-то прятался будущий вождь пролетариата, между сырых стен баиловского каземата, конечно, пропахшего нефтью бакинской земли, глянула на меня со страниц мудрая улыбка лучшего автора тех незабываемых лет...

Такой вот запоминающийся эпизод из комсомольских буден. Как не благодарить судьбу за такой поистине редкостный подарок...

Спорт — дело серьёзное

Главное, что было поручено нашему отделу, — подъем детского и юношеского спорта. Сложностей в этом деле было немало — отсутствие высококвалифицированных кадров, необходимого количества современных спортивных баз и тренеров.

Руководство спорткомитета одним из первых испытало на собственной шкуре суровость требований нового партийного курса, демонстрирующего готовность повсеместно укреплять дисциплину и ответственность за порученный участок не на словах, а на деле. Повод для нелицеприятного разговора о состоянии спорта в республике нашелся, словно по заказу — выступление азербайджанской сборной на очередной спартакиаде оказалось просто провальным. Дело даже не в количестве медалей — знамя республики на закрытии спортивного праздника, за которым неотрывно наблюдала вся страна, нес никому неизвестный, случайно подвернувшийся паренек. Негодованию общественности не было предела. Как и возмущению нового Первого, который одного за другим отвергал кандидатов на должность главы спорткомитета, пока в его кабинет не ступил, твердо чеканя шаг, генерал Халил Мамедов.

Спортивные функционеры посмеивались над министром с военной выправкой, на все лады варьируя одно из его на-

ставлений команде «Нефтчи», когда та вот-вот должна была вылететь из высшей лиги. Очевидцы уверяли, что речь началась с призыва сохранять спокойствие духа и кончилась на вполне оптимистической ноте: «Под Сталинградом хуже было!»

Он сразу проникся моим предложением активней заняться подготовкой детских команд республики к первенству СССР. В ту пору вниманием детворы овладели соревнования на кубок «Кожаный мяч», старшеклассники рвались отличиться в борьбе за кубок «Надежда», юноши 18–19 лет имели свои первенства. Перебираю в памяти те дни, когда мы опекали мальчишек, призванных в сборную Азербайджана, и ничего из ряда вон выходящего не припоминаю: сборы как сборы, отбор лучших. Пожалуй, новшество одно мы применили — капитана выбрать доверили самим юношам — лидера в мальчишеской среде лучше определять естественным образом.

Одним словом, атмосфера в сборных складывалась дружеская, доверительная. Ну, а Халил Мамедович обеспечивал решение многочисленных финансово-хозяйственных вопросов, что он любил и чем охотно занимался. Как бы там ни было, а самые крупные успехи детского и юношеского футбола Азербайджана совпали со временем, когда я оказался в оборонно-массовом отделе ЦК Азербайджанской республиканской комсомольской организации. Наши команды стали возвращаться с чемпионатов с золотыми, серебряными и бронзовыми медалями, чего раньше не случалось. Наверное, сказывался на этом факте и общий подъем азербайджанского спорта. Борцы, боксеры, волейболисты из Баку и до того блистали на всесоюзных спортивных площадках. В середине 60-х вырвался в первые ряды советского клубного футбола и бакинский «Нефтчи». А. Банишевский, К. Туаев, Э. Маркаров, С. Крамаренко, Н. Смольников, В. Гаджиев и другие замелькали в сборных СССР, они в те годы являлись кумирами юношества. А это — лучший стимул для массового развития футбола. В спорте, как в искусстве — увлечение начинается с подражания, желания быть похожим на собственного кумира. Иногда в душе мальчонки будущий футболист просыпается с первым увиденным красивым голом.

На практическую реализацию мальчишеского увлечения отпускались немалые средства. Число детских спортивных школ измерялось трехзначными цифрами. Как водится в таких случаях, об успехах подрастающего поколения азербайджанских футболистов заговорила во весь голос пресса – республиканская и союзная. Тренеры раздавали интервью, получали почетные звания, спортивные деятели приосанились, с полным на то правом рассчитывая, что соответствующим правительственным вниманием не обделят и их. И тут проявился характер министра спорта – прямодушие, житейская мудрость бывалого солдата. Он не только не склонен был присваивать себе победные лавры, но, при случае, громко говорил об энтузиастах республиканского ЦК комсомола, его оборонно-массового отдела. В результате, он и сам как бы поверил в наши особые организаторские способности, что нашло свое воплощение в кадровом замысле Халила Мамедовича взять меня к себе заместителем, и не простым, а первым!

Свою задумку он стал пробивать в высоких кабинетах с присущим танкисту напором. Начальственные двери уже начинали трещать, готовые сдаться на милость бывшего танкиста, когда грянуло «ЧП», какого не знал советский спорт со времен печально знаменитой истории ареста восходящей звезды советского футбола Эдуарда Стрельцова.

«ЧП» всесоюзного масштаба

Грянуло оно в Ташкенте, в ходе матча «Нефтчи» с местным «Пахтакором». Узбекская команда тогда играла хорошо, технично, и все же бакинцы редко уступали им в счете. Но в той, очередной встрече чемпионата СССР 1971 года, в события, разворачивавшиеся на поле, вмешался судья. Мало того, что он раз за разом сдерживал наступательный порыв бакинской команды, так он еще засчитал два явно «нечистых» гола. Свое возмущение наши футболисты выразили, скажем так, по-мальчишески – развернулись и ушли с поля. Всем составом. Несмотря на резкие возражения судейской коллегии и уговоры тренеров.

Что и говорить, спортсмены нашли не лучшую форму протеста – как бы ни был не прав судья, а столь вызывающее,

неадекватное поведение, выходящее за рамки существующих норм и советской спортивной этики, автоматически ставило «Нефтчи» в глазах дисциплинарной комиссии, да и рядовых болельщиков, в положение провинившейся команды. Скандал, подобно сейсмическим волнам, мгновенно докатился до Москвы. И не просто до спорткомитета, где возмущению спортивного чиновничества во главе с председателем С.П. Павловым не было предела. Пока мы у себя в Баку решали, что и как предпринять, союзный министр, кстати, в недавнем прошлом лидер советского комсомола, авторитет которого был достаточно весом, успел высказаться резко отрицательно о беспрецедентном происшествии, обещавшем занять соответствующее место в истории советского футбола. Как и ожидалось, к тому времени когда азербайджанская делегация объявилась на коллегии Спорткомитета СССР, вопрос о выдворении «Нефтчи» (за недостойный советских спортсменов поступок) был практически решен. Особо речистых деятелей в азербайджанской делегации не оказалось, и за всех ответ должен был держать я, потому как произошедшее свидетельствовало о низком уровне морально-воспитательной работы в команде, за что, как известно, ответственным считался комсомол.

Мой дипломатический ход — посокрушаться по поводу выходки родных футболистов и выразить возмущение относительно взяточничества, начинавшего расцветать в советской судейской среде, – успеха не имел. Напоминание о взятках только распалило членов коллегии. Меня бесцеремонно перебили, посыпались возмущенные реплики, словно мои подзащитные не просто проштрафились, а совершили групповое изнасилование прямо на футбольном поле, на глазах у всех 70 тысяч узбекских болельщиков.

В дискуссии столь высокого правительственного уровня я присутствовал впервые. Да и до республиканского масштаба мне было далеко. Так что мне неведомо было правило, согласно которому не рекомендовалось перечить союзному министру. «Если вы не собирались меня выслушать, то зачем же пригласили сюда?» — ничего лучшего мне в голову не пришло. Павлов, как мне показалось, не ожидал и не привык к такой реакции посетителей своего украшенного множеством

призов кабинета. Он осекся, насупившись, дослушал мои доводы, но это мало отразилось на участи «Нефтчи». Команду нашу, как ни прискорбно это вспоминать, исключили-таки из высшей лиги.

Не терявший никогда присутствия духа Х. Мамедов сумел подключить к делу самого Г. Алиева. Тот еще не входил в состав Политбюро ЦК КПСС и, как я заметил, не особенно жаловал спортсменов своим вниманием. (То ли руки не доходили, проблем и без спорта хватало, то ли не разделял страсти многочисленной армии фанатов, тогда именовавшихся как-то по-больничному — болельщиками.) Во всяком случае, на правительственной трибуне республиканского стадиона новый руководитель замечен был редко, хотя его коллега по Бюро, секретарь по промышленности Али Джаббарович Амиров, не пропускал ни одного матча «Нефтчи». Тем не менее, будить в нем местный патриотизм, как оказалось, не пришлось.

— Как, и в футболе взятки?! — возмутился Гейдар Алиевич, день и ночь вынашивавший хитроумные планы обуздания мздоимства в торговле, медицинских учреждениях, в вузах, в военкоматах и мобилизовавший на борьбу с негативными явлениями (эвфемизм, удачно позволивший до поры до времени избегать слова коррупция) все наличное воинство — от партийных органов до службы безопасности. Эту свою борьбу он считал новым курсом на обновление общественной жизни, главным и наиболее эффективным средством оздоровления морально-политической атмосферы в республике. И не без оснований. Народ встречал информацию об арестах врачей, доцентов, деятелей торгинспекции, военкомов с таким же воодушевлением, как некогда сообщения Совинформбюро об освобождении советских городов от немецко-фашистских захватчиков. Каждый случай о попытках сокрытия фактов взяточничества квалифицировался и воспринимался как вызов антиобщественных сил, а то и как свидетельство сопротивления новому курсу.

— Мы тут в Азербайджане разворачиваем борьбу со взяточничеством на любом уровне, во всех сферах общественной жизни, а решение Спорткомитета СССР фактически берет под защиту такого рода негативные явления в футболе.

Конечно, поведение нашей команды заслуживает всяческого порицания, и мы примем самые строгие меры в отношении зачинщиков этой безответственной выходки. Но инцидент-то спровоцирован сомнительным судейством! Как же можно наказывать тех, кто допустил моральный проступок, никоим образом не реагируя на тех, кто провоцировал его уголовно наказуемыми, антиобщественными действиями?

С.П. Павлову пришлось выслушать возмущенную тираду первого секретаря ЦК КП Азербайджана до конца, включая заключительную фразу, аккумулирующую весь политический пафос момента:

— Мы не понимаем этого! Центральный Комитет КПСС, Политбюро, лично Леонид Ильич Брежнев поддерживают курс Компартии Азербайджана на восстановление социалистических норм жизни, а руководство спорткомитета придерживается иного мнения. Как к этому отнесутся тысячи любителей спорта? Что сказать нам общественности республики, которую мы неустанно призываем действовать решительно и бескомпромиссно с фактами взяточничества, где бы они ни имели места?!

Этот спич, с нескрываемым удовольствием изложенный самим Первым перед членами Бюро ЦК КП Азербайджана, собравшимися обсудить скандальное поведение «Нефтчи», искренне восхитил меня — то был яркий пример партийной дипломатии, искусства умело, обоснованно защищать, отстаивать свою позицию в высоких союзных инстанциях. Дело не только в сложностях взаимоотношений Республика – Центр. Объективному подходу к различного рода конфликтным ситуациям Центру нередко мешали чванливость, высокомерие московских чиновников.

Меня поразила одна важная особенность логики Г. Алиева — он не апеллировал к пониманию чувств республиканского патриотизма, а негодовал в связи с невниманием, проявленным к общей политике борьбы с антиобщественными явлениями, имевшими общую советскую природу и значение. Он знал о реальном весе, который имел Павлов в коридорах власти. Будучи любимцем у Хрущева, он, естественно, не был близок Брежневу. Но и Павлов был прекрасно информирован о личных связях растущего азербайджанского

лидера, его выходах на высокое руководство. Г. Алиев намекнул на прочность своих позиций, может, несколько шаблонно, но строго в рамках партийной этики, чего оказалось вполне достаточным для опытного царедворца, каковым все-таки оставался Павлов.

Пожалуй, я в те минуты испытал и некое удовлетворение тем, что пришлось услышать от нашего лидера московскому вельможе, каковым мне рисовался Павлов (позже мне не раз приходилось общаться с этим опытным организатором спортивного движения, наблюдать, как к его всегда аргументированному мнению прислушиваются на всех уровнях, и я не мог не проникнуться соответствующим уважением к его личности, забыв о досадной стычке при первой нашей встрече). А в тот момент я испытал даже что-то похожее на гордость от силы и напора руководителя республики. К тому же мне пришлось познакомиться и с другой стороной алиевского способа партийного разбирательства. Он пофамильно перечислил всех спортивных чиновников, ответственных за безобразное, как он подчеркнул, поведение азербайджанских футболистов на чемпионате СССР (оратор особо подчеркнул уровень состязаний), проявив поразительную информированность о состоянии дел в отечественном футболе — от тренерской чехарды до пикантных вольностей, происходивших на базе «Нефтчи», что явилось полной неожиданностью для руководства клуба. В этом критическом сюжете я, как и другие участники партийной разборки, не мог не обратить внимания на одну деталь, удачно скрасившую все выступление и несколько разрядившую общее напряжение.

— Конечно, в спортивной жизни всякое случается — народ-то у вас молодой (тут сквозь суровую маску секретаря ЦК мелькнула еле заметная улыбка — как солнышко в пасмурный день выглянуло из-за сумрачных туч и тут же скрылось). Но где же дистанция между наставниками и футболистами? Вы же не просто тренеры, а воспитатели! — голос секретаря вновь посуровел. А последующая фраза заставила присутствующих вздрогнуть:

— Слишком много случайных людей вокруг футбола.

Он обвел тяжелым, пронизывающим взглядом присутствующих, и его постоянно полуприкрытые глаза вдруг за-

держались на моем лице, которое еще хранило следы улыбки в связи с секретарскими намеками на ночные гулянки футболистов.

— Вот вы, молодой человек, какое отношение имеете к спорту?

Я растерялся. Не столько от того, что вдруг оказался в эпицентре обсуждения, сколько от иронических улыбок, вмиг засветившихся на лицах присутствующих высоких начальников. Скептицизм, прозвучавший в алиевском вопросе, автоматически включал меня в число потенциальных козлов отпущения. Я не то чтобы держался обеими руками за свою должность, однако имел основание полагать, что как раз нахожусь на месте. Коротко представившись, я счел нужным добавить: «Мастер спорта СССР».

Вообще в случаях, подобных описанному, многомудрые аппаратчики рекомендуют не высовываться и без лишнего шума дождаться конца партийного суда, который любое неосторожное слово может превратить в экзекуцию с самыми непредвиденными последствиями. В общем-то, я ничего особенного и не сказал, не возразил, не принялся доказывать свою полезность. Ответил только на заданный вопрос. Но ответ не подтверждал высказанное соображение о засилье случайных людей в организациях, ответственных за развитие отечественного футбола. А это вроде бы и есть несогласие с официальным верховным мнением.

В том суть непререкаемости власти. Все это легко читалось в укоризненных взглядах одних и непроницаемых лицах других участников хорошо отрежиссированного партийного действа. Однако «судья на поле» настроен был благодушно: вопрос о смягчении наказания «Нефтчи» он решил на самом высшем уровне, в республике теперь и спортивный мир убедился, каким авторитетом и уважением пользуется Гейдар Алиевич на партийном Олимпе, виновные, конечно, понесут наказание. Однако подстегнуть команду, поднять дисциплину надо. Кому как не ЦК комсомола республики взяться за проблемы спорта вообще, и футбола, в частности. А ЦК комсомола в свою очередь, разумеется, все необходимые выводы из критики в свой адрес сделает. Что касается В. Гусейнова, разумеется, хорошо, что на спортивный участок поставили

мастера спорта. Однако пусть помнит: это обстоятельство вины с него за низкую дисциплину не снимает. Лица присутствующих подобрели, мол, молодец комсомол, не стал спорить или, того хуже, хорохориться, не принялся нудно перечислять свои спортивные заслуги. Другого, наверное, так и понесло бы.

Оказаться на острие критики Бюро ЦК и при этом покинуть его без потерь — это дорогого стоит, успокаивал меня Халил Мамедов. Уже тогда бывалые функционеры стращали: у Алиева память фантастическая. Попался ему на глаза — запомнит навсегда. Хорошее не забудет, плохое — обязательно припомнит. И в том, и в другом мне еще предстояло убедиться. И очень скоро.

Путь наверх

Пока добрый друг Х. Мамедов пытался перетащить меня в спорткомитет, появились реальные шансы для моего возвращения в газету.

Редактор «Молодежки» (А. Джалилов) поступил в Академию общественных наук при ЦК КПСС (элитное учебное заведение для качественной переподготовки руководящих партийных кадров), и в ЦК ЛКСМ озаботились поисками подходящей кандидатуры на этот важнейший участок идеологической работы. Так тогда говорили. Так оно и было. И дело не в популярности «Молодежи Азербайджана», и даже не в том, что она обладала официальным статусом, как и партийные издания. Редактор газеты становился автоматически одной из влиятельных фигур комсомольского истеблишмента, от которого зави-

Командир первой атомной подводной лодки СССР «Ленинский комсомол» Л.М. Жильцов

сел имидж и всего молодежного движения, и его первых лиц.

Естественно, первые лица хотели бы видеть на посту редактора человека из своей среды, соратника, единомышленника. Такой подход хоть и практиковался, но реализовать его мешали некоторые обстоятельства. Главное из них — необходимость согласования кандидатуры с могучим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Азербайджана, возглавляемым многоопытным Теймуром Сулеймановичем Алиевым.

Комсомол, разумеется, обладал известной степенью самостоятельности. Но недаром его называли помощником партии. Руководство ЦК ЛКСМ вольно было подбирать свои кадры вполне независимо, но будущий редактор без одобрения соответствующего отдела ЦК Компартии никак не мог возглавить «Молодежку».

Теймуру Сулеймановичу хотелось видеть во главе газеты, в первую очередь, партийно мыслящего редактора, руководство комсомола искало журналиста с комсомольской закалкой, а в самой редакции, как обычно, мечтали о редакторе, который выше всех идейно-политических установок ставил бы журналистское перо. Редактора-душку... Комсомольских кандидатов, морщась, отводил Теймур Сулейманович, а молодые функционеры из партийного аппарата, истосковавшиеся по самостоятельному участку, не устраивали Рафика Гамбаровича, комсомольского лидера, считавшего немаловажным оберегать честь мундира.

Не скажу, что я чужд был амбициозных мечтаний, тем более, что перед самым уходом в аппарат ЦК комсомола меня готовы были назначить ответственным секретарем, намекали — с прицелом на будущее. Однако в данном случае требовался импульс, чья-то подсказка, если нет явного толкача. Ничего такого у меня отродясь не водилось, а подсказать Рафику Гамбаровичу было некому — его самого поставили во главе ЛКСМ недавно, людей он особенно не знал, находился в фазе освоения комсомольско-молодежного мира. Как истый гянджинец, а был Р. Аскеров родом из древней Гянджи, чем немало гордился, он обладал развитым чувством национального, полагая, что по этой части комсомольская

организация недорабатывает, особенно в кадровой политике. И приветил меня он, скорее всего, ввиду этой врожденной черты.

— Что это мы все на стороне ищем редактора, в то время как под боком — профессиональный газетчик и опытный комсомольский работник — Вагиф чем не редактор?!

По ходу моего утверждения выяснилось, что я не член КПСС. Эта деталь может удивить современного читателя: а разве комсомолом руководили не комсомольцы? Руководили. В корчагинские времена. А затем, по мере того как партия взяла под свой идейный и организационный контроль молодежное движение, управленческий аппарат комсомола фактически стал частью советской партийной номенклатуры.

Инструктором в ЦК ЛКСМ еще могли назначить рядового комсомольца, но редактором мог быть только член КПСС. Рафик Гамбарович возникшую проблему решил просто и оперативно. Решительно взявшись за правительственный телефон, он подключил к неожиданно возникшей проблеме секретаря районного комитета партии.

Через несколько дней грозный идеолог Теймур Сулейманович Алиев, в нескольких емких фразах обосновав свое решение о новом редакторе молодежной газеты, заверил пытливо просматривавшего мое не столь уж пухлое досье Гейдара Алиева в том, что отдел пропаганды и агитации ЦК КП Азербайджана поддерживает кандидатуру молодого и положительно зарекомендовавшего себя журналиста, рекомендуемого руководством ЦК ЛКСМ, выражая уверенность, что он справится с обязанностями редактора.

Разумеется, моя встреча с руководителем компартии чисто с формальной точки зрения была простым следованием установившимся правилам партийной бюрократии. Однако в данном биографическом факте можно усмотреть и элементы неожиданного и непредуготованного. В чистой случайности при желании всегда можно разглядеть перст судьбы. Судить читателю. Я упоминаю о важнейших деталях встречи на самом верху партийной власти, чтобы читатель имел точное представление о цепи событий, которые подвели к встрече с человеком, ставшим политическим мифом

и во многом определившим мою судьбу на долгие годы. Только ли мою?

— Так ты сын Алиовсат-муаллима, — чуть улыбнулся наш грозный собеседник. Причем сказано было это так, словно речь шла о старых, добрых знакомых. Этот знак не остался незамеченным многоопытным Теймуром Сулеймановичем, в глазах которого мелькнуло тревожное любопытство: «Так вот в чем дело! А ты непрост, мастер спорта, радиорепортер и комсомольский работник. Совсем непрост...».

Уже в последующем, когда я поближе познакомился с алиевским стилем работы, мне предстояло узнать, что в кадровых решениях, как, впрочем, и в проблемных ситуациях, он не довольствовался одной лишь официально представленной информацией. Он почти всегда располагал сведениями из различных каналов, в том числе и спецслужб, которые как бы дополняли, а может, и перепроверяли данные личных связей. Имя моего отца в научно-преподавательском мире было достаточно известно, но не настолько, чтобы запечатлеться в памяти столь высокого должностного лица. Обычно, и мне еще не раз предстояло убедиться в этом в будущем, он наводил справки у особо доверенных лиц, в том числе и у своих братьев, уже упоминавшегося Джелала и академика Гасана Алиева. Как помнит читатель, у Дж. Алиева имелись все основания сказать несколько добрых слов о своем бывшем научном руководителе.

Я до сих пор вынужден по данному поводу строить предположения, поскольку сам Гейдар Алиевич в последующем ни словом, ни намеком не подтвердил мои догадки. Но и не развеял их. И все же на тот момент главным являлись не эти мои сбивчивые предположения. Главное содержалось в простой фразе: «Так ты сын Алиовсат-муаллима?»

С ее помощью Первый давал понять своему высокопоставленному функционеру, что его выбор вполне удачен и что можно выносить вопрос на Секретариат. Но не только. Он не мог не знать, что невинная, казалось бы, фраза очень быстро станет достоянием если не всех кабинетов, то тех, от которых зависело мое будущее. Таким нехитрым образом я обретал некую причастность, близость к Самому, потому как он счел нужным высказаться на сей счет вполне сознательно и определенно.

В « Молодежке»

Искренне признаюсь: нежданно-негаданно на меня свалилась удача. Как правило, каждый склонен искать причины своего успеха в собственных несомненных достоинствах, предпринятых шагах и маневрах, точном учете ситуации, без чего, мол, не обойтись ни на стартовых площадках карьеры, ни, тем более, в беге на длинные дистанции по пересеченной местности, называемой политическим поприщем. А редакторская должность в те дни, когда в Азербайджане происходило бурное кадровое обновление, выносила молодого человека в бурное море политики.

Моя удачливость была связана с простым жизненным фактом — я пришел вовремя. Можно сказать и так: меня привела к удаче неосмысленная закономерность...

Мое первое высокое назначение обретало особый смысл не только ввиду своей значительности. В нём таился элемент неожиданности, ибо я подарка судьбы не выпрашивал,не выуживал у начальства.

Я просто работал в охотку, стремясь быть лучшим, ибо вступающие в жизнь знали — профессионализм, выучка, равно как и дисциплинированность и старательность — в цене, тебя заметят, выдвинут и без, как говорили, «крепкой волосатой руки». И хотя каждого, кто шагал по лестнице вверх при поддержке папы или мамы, дяди или тети, мы знали наперечет, примеров того, как человек сделал себя сам, имелось также предостаточно.

Мой успех только подтверждал это не столь уж проницательное наблюдение.

За считанные годы проделать путь от нештатника до редактора — это не каждому удавалось. Но это и обязывало. Я не ощущал в себе никаких восторгов торжества. Я строил планы создания зубастой, читаемой газеты. В первый же день собрал сотрудников и объявил им, что рассчитываю исключительно на их способности, опыт, профессионализм.

— Мы по-прежнему остаемся товарищами, коллегами, — сказал я,— но не будем опускаться до панибратства, а творческая атмосфера не должна отменять производственной дисциплины.

Вскоре редакция осталась без ведущих работников — заместитель главного редактора А. Матушкина ушла в декретный отпуск, ответсекретаря А. Салаева разбил паралич, ряд лучших перьев получили приглашения из престижных партийных изданий. А тут еще комсомольский идеолог Рауф Ахундов стал готовиться к поступлению в Академию общественных наук при ЦК КПСС и, естественно, готовился уехать в Москву.

С одной стороны, это облегчало мою задачу — в редколлегии народ подобрался хоть и молодой, но довольно-таки профессиональный. Завотделы сразу обратили внимание на то, что с появлением нового редактора резко поубавилось число начальственных звонков, державших журналистский коллектив в напряжении, равно как и критических указаний, поручений, замечаний, что и как лучше сделать.

Эти перемены редколлегия относила на счет моего цекистского прошлого. В какой-то степени так оно и было. Но в целом повседневная информационно-идеологическая связка ослабла. И я не мог не чувствовать, что без официальной информационной подпитки о настроениях и новостях на политической кухне невольно терялись ориентиры текущей политики. Редактор все же должен знать, что происходит на Бюро ЦК, какие обсуждаются вопросы, каково общее мнение и что думает по возникающим проблемам каждый из секретарей ЦК комсомола, руководители городских и районных организаций.

И в издательстве, и в соответствующих отделах ЦК партии и ЛКСМ об успешности редактора в конечном счете судили, в том числе, по подписке: поднял тираж — значит, газета читаема, на худой конец — сохранил прежний уровень — значит, умеет работать. И наоборот. Без личных контактов, подготовки публикаций, проведения так называемых выездных редакций — встреч с производственными коллективами никакая административная система не смогла бы поднять тираж «Молодежки».

И откуда только силы брались после бессонной ночи в типографии выезжать в Гянджу на встречу с рабочими алюминиевого завода, да так, чтобы успеть через день на очередной республиканский молодежный актив (ударников, пе-

редовиков производства, молодых рационализаторов, девушек-комбайнеров, морских нефтяников — столько их было — всех не перечесть!). Когда же очередной номер просмотреть? Очень просто — урывками, порой на многочисленных совещаниях Бюро, ЦК и т.д., а еще лучше вечером, когда все расходятся наконец по домам, а редактор направляется в издательство — подписывать номер. Тогда ведь компьютерной техники не было, набирали полосы практически вручную. И каждая страница считывалась так, словно отвечать за ошибку — неважно политическую или орфографическую — придется лично перед самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным. А мне ошибаться было нельзя. Любой промах сразу берется на заметку в высоких кабинетах, докладывается начальству. А начальство у нас, у редакторов, я уже говорил, двойное — партийное и комсомольское.

Вот тут-то я впервые почувствовал на собственной, как говорится, шкуре, что успех редакционного дела зависит не только от лихости и остроты пера.

Известные журналистские изречения о том, что газета выйдет, если даже в редакции останется одна машинистка, следует понимать не буквально. Хотя каждый может припомнить случай, когда приходилось «вытаскивать» номер чуть ли не в одиночку. В газетном деле всякое случается. Суть упомянутого изречения о чувстве ответственности и высоком товариществе проистекает от усвоенного раз и навсегда принципа: кровь из носа, а газета должна выйти, что бы ни произошло.

Я остался у штурвала редакционного корабля фактически один, и рассчитывать мог только на ту команду, которой располагал. Ничего не оставалось иного, как доверить газету молодым, проявившим себя пока на корреспондентском поприще журналистам. В руководстве постепенно закрепились Таня Касумова, Рафаэль Гусейнов и др. (Т. Касумова вскоре уйдет собкором самой высокотиражной советской газеты «Труд» и по сию пору сохранившей своего читателя, а Р. Гусейнов вслед за мной возглавит «Молодежь Азербайджана». Он сделает далее блестящую карьеру в Москве, защитит диссертацию в Сорбонне, его пригласят в «Комсомольскую правду», откуда его, члена редколлегии уже перестроечной

«Комсомолки», заберут в ЦК КПСС, а в постперестроечное время он подтвердит свой высокий журналистский класс, работая в ведущих московских изданиях.)

Так я освоил одно из главных требований правильной организации коллективистского труда — доверять подчиненным, не сковывать их инициативу постоянным контролем, управлять ими, но не подменять их. Позже не раз убеждался: имеются два типа руководителя — одни берут все на себя, полагая, что таким образом можно застраховаться от ошибок и промахов, другие — стараются максимально использовать возможности каждого работника, нагружая их по полной программе. Так меньше обид, больше живой, здоровой конкуренции, а значит, и наиболее благоприятные условия для роста.

Словом, хоть и приходилось перерабатывать, но сказать, чтобы уставал или не поспевал — не скажу. В молодости работается в охотку и плохи дела у того, чей путь начинался с нелюбимой работы. Такое, пожалуй, похуже совместной жизни с нелюбимой, сварливой женой. В этом случае жизнь превращается в долгое, безрадостное и, увы, бесцельное странствие, где не ждут невольного странника ни радость удачи в начале пути, ни удовлетворение увиденным и пережитым в конце его.

Как-то само собой получилось, что едва ли не половину своего редакторского времени мне приходилось проводить в аппарате ЦК комсомола. «Вагиф, ты бы помог нашим писарям — к пленуму готовимся, а секретаря по идеологии нет», — таким нехитрым образом, как бы между прочим, я оказался подключенным к составлению докладов, выступлений, статей и отчетных записок комсомольского руководства. Такова была практика — к любой, требующей литературно-политического осмысления работе привлекали газетчиков, которые груду справок, отчетов, тонны словесной «руды» переплавляли в дышащие юношеским задором речи, аналитические справки, информацию. Эпоха пламенных импровизаций, непримиримой полемики, бурных словесных баталий кончилась задолго до моего появления в коридорах комсомольской печати.

Взвешенное, хорошо обдуманное, в меру смелое и не чрезмерно критическое выступление по «написанному»

ценилось как проявление государственной дисциплинированности, умения ясно и доходчиво излагать сложные общественные проблемы перед молодежной аудиторией. Работа эта для меня как журналиста была хороша тем, что ворох справочного материала, поступающего из всех отделов ЦК ВЛКСМ, вместе с многочисленными записками из Москвы с грифом «Для служебного пользования» служили своеобразным путеводителем по планете «Комсомолия». Передо мною возникала панорама истинного положения дел на всесоюзных молодежных стройках, в студенческой среде и — что особенно было интересно — раскрывалась палитра политических настроений в творческом мире, проблем с подростками и т.д. В связи с этим возьмусь утверждать, что тогда, в начале 1970-х, диссидентство только пробивало себе дорогу, инакомыслие не обрело еще явно выраженного антисоветского, антисоциалистического характера, не стало воинствующей нигилистической идеологией.

Вступая на политическую стезю, я, как и многие мои сверстники, был глубоко убежден, что нахожусь в русле начавшихся бурных преобразовательных процессов в нашей стране. Быть может, в наших представлениях есть много преувеличений, юношеской романтики. Но ведь кто-то должен брать на себя эту непростую общественную миссию?

Проба сил

Такое же чувство испытывали, наверное, в свое время многие представители послесталинского поколения. Политический маятник качнулся в сторону большей свободы, большего самоуправления — не это ли эволюция?!

В это верилось, а когда приходит успех — приходит и воодушевленность. И была в этих суждениях нашего поколения искра прагматизма, возможно, не замеченная историками.

Мы инстинктивно кинулись в политику, ибо не следует забывать:

в жизни действует простое правило: если не желаешь заниматься политикой сам — политика займётся тобой.

Меня забирают в ЦК ЛКСМ

Не скрою, внутри прозвучал голос честолюбия — я и редактор, и фактически заменяю секретаря по идеологии, что не оставили без внимания аппаратчики с наметанным глазом и охочие до прогнозов репортеры: «Тут что-то есть. Неспроста все это!» А все объяснялось как раз проще некуда — и второму секретарю, а им был Геннадий Орлов, и Рафику Аскерову, еще не освоившему специфику командования комсомольским воинством, было удобно держать рядом редактора: он и спичрайтер, говоря нынешней терминологией, он и газету выпускает без лишних проблем, и с активом ладит, ни с кем не успел испортить отношений, и даже наоборот — быстро входит в контакт с людьми. В общем, головной боли от него никакой, а польза двойная. Полное соответствие любимой поговорке Геннадия Александровича Орлова: «От добра добра не ищут». Хотя, если быть точным, то у Владимира Ивановича Даля сказано иначе: «От корма кони не рыщут, от добра добра не ищут».

Г. Орлов прибыл в Баку в качестве второго секретаря ЦК ЛКСМ не так уж давно. Но уже прикипел к нашему краю, оценил уровень подготовки комсомольского актива. Как опытный работник, вник в особенности Азербайджана, знаком со всеми сторонами жизни республики, старается глубже познакомиться и понять историю, искусство, культуру народа в целом.

«Таким образом, мы выходим на качественно новый уровень кадрового обновления: растет потребность в кадрах с современным кругозором, развитыми аналитическими способностями, научным мышлением. Одно только плохо — как найти замену идеологу, уехавшему в Москву на учёбу...».

После этих ежедневных речей-разминок, предшествующих составлению отчетного доклада на предстоящем пленуме ЦК комсомола, взгляд Геннадия Орлова — цепкий, иногда настороженно изучающий, все чаще останавливается на моем лице, словно бы в ожидании согласия с выдвинутыми

тезисами. С рассуждениями Второго никто не спорит, что касается меня, то я бы и сам с удовольствием перебрался в АОН при ЦК КПСС, где что ни профессор, то светило. Учеба такого уровня мне, больше обязанному кругозором самообразованию, как газетчику, продолжающему грезить карьерой журналиста-международника, совсем не помешает. Знаниям — специальным и теоретическим, а также практической выучке необходима системность. А ее можно обрести в моем возрасте в АОН или в Высшей дипломатической школе МИДа, больше негде. Однако на данном этапе об этом и заикаться не стоит — только-только утвердили редактором.

Однако в шутке Рафика Гамбаровича, подключающегося к злободневной теме, содержится некий намек практического развития соображений Г. Орлова: «Вагиф, ты у нас фактически секретарь-редактор. В партийном аппарате введена новая единица секретарь – заведующий отделом. Может, и нам воспользоваться этим опытом решения кадровых вопросов?»

Как я и предполагал, очень скоро правда, скрытая в каждой шутке, согласно известной пословице, неожиданно проступила во всей своей красе в предельно конкретном предложении первого секретаря, пришедшего к выводу, что редактора молодежной газеты разыскать проще, чем секретаря по идеологическим вопросам ЦК ЛКСМ Азербайджана: «Вон у нас сколько способных журналистов!» На последовавшее возражение, что из хорошего корреспондента не обязательно получается редактор, наш комсомольский лидер ответствовал с неколебимым спокойствием, из чего можно было заключить, что к разговору он подготовился основательно: «Вот и приглядись к своим наиболее талантливым ребятам. Время у тебя есть, сил тоже хватает на два участка. Утвердим тебя секретарем, заодно оставим за тобой газету, пока достойную замену не подберешь. В ЦК партии решение вопроса считают приемлемым и даже удачным».

Многоопытный Теймур Сулейманович, выслушав мою печальную повесть о несостоявшемся журналисте-международнике, мудро заметил: «Ты только вступаешь на карьерную стезю. Аппаратная обкатка в таком возрасте совсем не по-

мешает — новый уровень политического мышления, взаимоотношений. У тебя резко расширяется горизонт возможностей. Для журналистики высокой пробы, как и серьезного писательского творчества, такая жизненная школа только на пользу. Может статься, судьба и далее поведет тебя по карьерной лестнице руководящей работы. Но кто возьмется утверждать, что не встретятся на твоем пути иные повороты...»

И привел он в качестве примера себя: писал детские стихи, устроился когда-то диктором на радио, никогда и не думал, что станет идеологическим руководителем столь высокого ранга. И в заключение: «Коли доверили столь ответственный пост — дерзай, учись, набирайся опыта. Это все в твою копилку — пригодится!»

Это вроде звучало убедительно. А может, мне хотелось услышать нечто такое, что созвучно было моим еще не до конца осознанным желаниям. И все же предчувствие слишком крутой перемены отозвалось последним тревожным сигналом оставить все как есть. Я и сейчас внимал бы с уважением словам Теймура Сулеймановича, ибо все так и было.

Это так же верно, как и то, что во мне что-то позвало назад, в начало моего пути, где все было знакомо и ясно. Но неизвестность, желание перемен часто бывают сильнее интуитивного сопротивления им.

ЦК ЛКСМ же остается чем-то вроде острова, на котором еще не задули новые ветры и веяния. Благожелательность, с которой встречается мое появление в качестве нового секретаря по идеологии, как и назначение редактором «Молодежи Азербайджана» мало кому известного Рафаэля Гусейнова, объясняется во многом нашей принадлежностью к городскому социуму, как признак того, что еще можно сохранить земляческий плюрализм в политическом управлении республикой, на котором держались общественная стабильность, мир и спокойствие во власти со времен М.-Дж. Багирова.

В те дни, когда я допоздна засиживался над редакционным материалом и комсомольскими документами, мои мысли были о другом — мне верилось, что страна всколыхнулась, люди воспряли и вновь потянулись за партией, поверили в

то, что она готова, как и в далеком революционном прошлом, восстановить в правах вечные ценности — социалистическую законность, равенство и справедливость. Если и имелись в моих размышлениях преувеличения, то в рамках синдрома молодости.

Люди всегда хотят перемен. Когда их ожидания затягиваются и не сбываются, они начинают жаждать не перемен, а потрясений. Каждый, кто обещает народу обновление, пересмотр устоявшегося и начинает без оглядки ворошить начинающую костенеть систему общественных отношений, может, и подвергает себя немалому риску, но шансы стать трибуном, лидером, вождем у него вернейшие.

На рубеже 70-х годов в советском обществе явно проявлялись признаки поиска новых идеологий. Это означало, что идеи, увлекавшие отцов, не удовлетворяли более детей. А без революционной идеологии лишался энергетики мобилизационный ресурс социализма, без чего немыслима была реализация гигантских замыслов социалистического мегапроекта. Однако известно и другое — бесконечно поддерживать и в элитах, и в народе раскаленную драматургию жизни нельзя.

Брежневское руководство обратилось к испытанному способу закручивания административных скрепов, повышения ответственности, укрепления дисциплины. Так у руля руководства союзных республик появились Г. Алиев, Э. Шеварднадзе, С. Демирчян. Таковы практики тех, кто доволен существующим порядком вещей и заменяет «прагматизмом» стратегию ввиду прискорбного отсутствия последней. Наверное, есть все-таки своя логика в практической политике. Партии и лидеры могут декларировать что угодно, однако жизненно важные потребности политических сил производят отбор тех акторов, которые в наибольшей степени соответствуют и политическому моменту, и задачам, которые необходимо решать на данном этапе.

Борьба с негативными явлениями, позволившая приступить к искоренению коррупции в партийно-государственных рядах, была воспринята задремавшими было в условиях, в общем-то, благополучного государства гражданами как давно ожидавшиеся перемены. В этом смысле Г. Алиев проявил

себя не только как жесткий администратор. Он придал антикоррупционной кампании элементы нового курса, обновленческого процесса, естественно, представ перед жаждущими перемен народными массами в качестве гаранта обещанной социальной справедливости.

Не возьмусь утверждать, что речь шла о четко разработанной программе общественных преобразований, социально-экономического прорыва. Все-таки фундаментальные вопросы государственного строительства задумывались, прорабатывались и осуществлялись в Москве, как и проблемы социально-экономического порядка. Однако в рамках данных ему полномочий первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, в пределах самоуправления, каким обладали союзные республики, а они предоставляли широчайшие возможности, можно было добиться многого с точки зрения модернизации азербайджанского общества. Оно было внутренне подготовлено к такого рода преобразованиям всем ходом предшествующего развития.

КОНТЕКСТ

Не в те годы, а после, потом мы стали размышлять над тем, сколько было искренней юношеской веры в новый политический курс, инициированный КПСС в исполнении жесткого, последовательного, волевого администратора, каковым, несомненно, в первую очередь, являлся поставленный во главе Азербайджанской ССР генерал КГБ Гейдар Али Рза оглы Алиев.

На политическом Олимпе и даже в быту он предпочитал, чтобы его называли на общепринятый партийный манер — Гейдар Алиевич. Начиная от Брежнева и кончая не знавшими русского языка долгожителями из ленкоранского высокогорья, к нему так и обращались. До конца жизни, даже когда он во второй раз вернулся к власти, стал уже президентом независимой АР, отказавшись от своего коммунистического прошлого.

На моей памяти на встрече с деятелями культуры популярнейшая в народе певица посмела сказать с трибуны по-азербайджански: «Гейдар-муаллим...». И осеклась, остановленная гневным взглядом того, кому она собиралась пропеть очередную интеллигентскую мелодекламацию.

Отчего пробудилась вдруг вера людская к руководителю, чекисту по политическому происхождению и убеждениям? Еще не отзвенела «оттепель», еще помнились хрущевские сокращения в некогда наво-

дившей ужас на обывателя службе, уже не оставалось никакого почтения к аббревиатурам, звучащим как ружейный залп, как выстрел в ночи: ВЧК, ОГПУ, ГПУ, НКВД. И до чего же легко, без сожаления распрощались мы все с Вели Юсуфовичем Ахундовым, десять лет руководившим республикой — тишайшим, интеллигентным, не желавшим ни наказывать для острастки, ни преследовать ослушников.

Между прочим, в хрущевскую оттепель появились не только смелые стихи новых поэтов и обрушилась на страницы газет правда о ГУЛАГе. Именно тогда в людях возникло ощущение того, что в жизни появилось нечто такое, чего не было и не могло быть по определению при советской власти — богатые. Люди, привыкшие к социальному равенству, не могли не заметить, как все чаще власть закрывает глаза на появление растущей прослойки, живущей явно не по средствам. Откуда деньжата-то, коли с капиталистами покончили в 1917 году, а с кулачьем — в 1930-е?

Официальная пропаганда продолжала греметь о почетности рабочего труда, ордена и медали и даже порой Госпремии по-прежнему с помпой, празднично, вручались при вспышках фото- и телекамер рабочим и колхозникам — победителям социалистического соревнования. Но праздника не получалось, как и социалистического соревнования.

Моральный довесок к тяжелым будням бурильщиков или к тоннам «белого золота» под палящими лучами всепожирающего азербайджанского солнца, без солидной прибавки к заработкам, превратился в обузу, некую ширму, неспособную прикрыть очевидные признаки социального неравенства. Зарплата орденоносца, передовика производства была мелочью по сравнению с тем, что имел обыкновенный продавец из крошечного ларька, не говоря о завмагах, скрытых владельцах ресторанов, зарабатывающих на приеме в вуз преподавателях.

Он, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, взялся восстановить порушенную справедливость. И слово свое держит! Нет места этой коррумпированной швали в наших рядах! Никакая хитроумная реформа не в состоянии одолеть взяточников, коррупционеров, одно слово — негативные явления. Только исключение из партии, а некоторым и тюрьма! А больно прытких не худо бы и к стенке поставить! Что, репрессиями пахнет?! В таком случае подскажите способ мягкий, деликатный, демократичный, но такой же эффективный и чтобы без боли.

Не тем ли увлек народную массу Он, ни дня не блиставший на партийном ристалище, прирожденный чекист, как его называли бывшие московские коллеги? Ах, забыть бы, перевернуть бы эти страницы и никогда к ним не возвращаться. Да не получается, их не просишь, этих дум о былом, а они совершенно невольно, самостоятельно всплывают из глубин подсознания...

Мы еще не раз будем возвращаться к этой теме, не потерявшей своей актуальности спустя годы после его физического ухода из жизни — куда от этого денешься! — слишком круто он изменил естественное течение истории. Особенно в годы президентства, когда приступил, не убоявшись, к расчеловечиванию и власти, и действительности. Слишком подмял под себя тончайший слой носителей национального духа — элиты интеллектуальной, а до того — правящую, всевластную систему, сформировав новую структуру руководящей иерархии из лично преданного земляческого материала.

Доказано было тем примером, что личность, сумевшая подменить систему политических и нравственных ценностей при авторитарной государственности, может сыграть ту же беспроигрышную игру с западными политиками в их стремлении построить в постсоветском пространстве демократические общества.

Скандал в благородном семействе

Сейчас, оглядываясь назад, я вижу — путь наверх у меня получился стремительным — так сложилось во многом благодаря обстоятельствам. Но не только. Вот, например, не успел я усесться в секретарское кресло — грянул гром-скандал, каково не припоминали историки азербайджанского молодежного движения.

Всякое случалось на этом многотрудном пути: и двоеженцы попадались среди юных, подававших надежды, и в кипящий котел бросалась ударница коммунистического труда, обманутая секретарем комитета комсомола, и валюту через границу пытались провезти комсомольцы Сумгаита, города молодежи, славного своими интернациональными традициями, и необъяснимая опала Месуда Али-заде, прирожденного лидера, коего метили высоко, да вдруг отправили в кабинет проректора мединститута, где его достала пуля доведенного до отчаяния абитуриента-неудачника (кому нужна была эта опала и эта неожиданная смерть — так и осталось без ответа).

Жизнь есть жизнь — море житейское подводными камнями преисполнено. Но чтоб сотрудники орготдела главного штаба республиканского комсомола оказались замешанными в грязной истории с вымогательством и взяточничеством — такое никто не мог припомнить.

Скандал грянул буквально на второй день после моего вступления в должность секретаря ЦК ЛКСМ Азербайджана по пропаганде и агитации. В нем оказались замешанными многие известные имена, нити тянулись далеко вверх, арестованные торгаши называли все новые имена. В том числе и наших товарищей, ежедневно здоровавшихся с нами, пламенно выступавших с трибун, требуя корчагинской отдачи всего себя, без остатка делу коммунизма. В аппарате комсомола многие были в шоке, перераставшем во всеобщее уныние, ребятам с периферии нечего было сказать, приходилось отводить глаза. Как-то сама собой родилась идея — спустить дело на тормозах, не будоражить комсомольские организации, не выносить сор из комсомольской избы.

Но слышался и недовольный ропот: «После такого никто не отмоется. Так и останется на нас всех позорное пятно первых молодежных взяточников».

Рафик Аскеров молчал, обдуваемый обжигающими ветрами невиданного скандала, слухи о котором распространились по всей республике.

Утро начиналось с вопрошающего взгляда мальчишеских глаз моих инструкторов, в которых проглядывалось удивление за неисключаемое сокрытие преступления, не имевшего оправдания.

— Шила в мешке не утаишь. Слухи волнами разбегаются по республике. Трудно представить, что этот эпизод останется без внимания высокого руководства. Да если б удалось избежать этого — уважение потеряем всей организацией. Нам здесь лучше не работать при таких настроениях.

— Ты так считаешь?

— Не только я. Ребята в аппарате считают такой подход соглашательством.

Первый секретарь сощурился, молча внимая словам, которые, было видно, он явно не разделял. Я знал, что после этого разговора мне не вернуть прежнего благорасположения. Это было так же точно, как и пронзительные взгляды тех, кого я просто, как когда-то на спортплощадке, называл ребятами, если согласиться с компромиссом, который незримо витал в душном секретарском кабинете.

У нас у всех имелся один недостаток — мы были молоды и не обучены гибкой политике лавирования, без чего невозможно в принципе выживание в политике. И это правило одинаково верно для правящих и правимых. Разница только в том, что в высоких кабинетах к пользе компромисса приходится прибегать едва ли не ежедневно, и цена его куда выше, чем внизу, где приходится подавлять угрызения совести реже и большей частью в связи с житейскими потребностями.

— Я не рекомендовал бы вам пытаться замять эту историю. Это — скверное дело, и мы, таким образом спасая себя, погрязнем в его омуте навсегда. Тем более, что об этом уже заговорили и за стенами ЦК комсомола.

— Ты так считаешь?

— Не только я один. Мы оказались вмиг в аквариуме — за нами наблюдают не только любопытствующие зеваки. Нашим изящным скольжением в водах, до сих пор вызывавшим восхищение, очень скоро перестанут восторгаться.

— Даже если мы сохраним плавучесть?

— Даже если сохраним.

Такой вот разговор получился — секретаря по идеологии с первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана. И мы при этом питали друг к другу искренние товарищеские чувства. Только не знал я, что беседа эта станет последней в наших отношениях.

За многие годы работы в комсомольско-партийном аппарате, МИД, КГБ СССР, на государственной службе пришлось мне присутствовать не раз и не два на различного рода заседаниях высших рабочих органов властных структур, а врезалось в память то самое Бюро ЦК ЛКСМ, на котором обсуждалось прескверное дело о взяточничестве. И не только потому, что заседание, начавшись, как обычно, в начале рабочего дня, завершилось под утро дня следующего, многократно прерываясь во избежание неуправляемого разгула страстей.

Бюро раскололось на два противоборствующих лагеря: одни, их было меньшинство, требовали честного, открытого и справедливого суда чести. Суда по всем неписаным, но уже утвердившимся законам текущего политического момента

и в полном соответствии с моралью, которую мы официально и вполне искренне проповедовали. И были, несомненно, правы в своем радикализме. Другие видели в случившемся угрозу репутации всей организации, чего необходимо было избежать во что бы то ни стало. И в этой позиции содержалась своя правда, ибо решался не дежурный вопрос повестки дня — на кону были судьбы, не чужие, наших товарищей.

Возможно, некто, наделенный большим жизненным опытом и политической мудростью, нашел бы золотую середину примирения позиций. Нам этого не удалось. Да искал ли кто ее? За окном бушевали ветры начавшихся перемен, инициированных Гейдаром Алиевым, и оставаться в стороне от них не было ни возможности, ни желания.

Р.Аскеров, уставший от бесконечных прений, вынужден был смириться с устранением нескольких фигур в аппарате, в том числе ключевых. И то была его не последняя и отнюдь не главная жертва. Через несколько недель, когда страсти окончательно улеглись и, казалось, все стало на свое место, он был приглашен «наверх», как промеж себя комсомольцы называли аппарат ЦК компартии, где ему объявили о неожиданном назначении — первым секретарем Апшеронского райкома партии. Комсомольские орговики, впрочем, как и их партийные коллеги, долго еще морщили лбы над этим нестандартным ходом высокого начальства, искали объяснение ему, пытаясь точно расценить номенклатурную загадку, которую нельзя было назвать ни опалой, ни понижением. Ранг партийного руководителя городского района являлся с некоторыми оговорками равнозначным постом. И все же чувствовалось, и давно — витал в партийном аппарате слушок — Г. Алиев не особенно жаловал комсомольского лидера.

Такова была в принципе устоявшаяся практика, и никто бы против нее в данном случае не возражал, если бы не одно «но».

Как правило, в этом мягком варианте перетряски кадров широко применялись передвижения одних (разумеется, доставшихся по наследству) вниз или по горизонтальным линиям номенклатуры, и других (своих, протежируемых) по партийно-государственной вертикали вверх. Горизонталь-

ные перемещения, перевода еще не вышедших в тираж партийных руководителей в хозяйственно-профсоюзные обоймы всей управленческой номенклатуры явно преобладали.

С хрущевских времен в Москве постепенно отказались от публичных порок, всеобщего остракизма, навешивания ярлыков, в чем в прежние времена правящие круги достигли особой, иезуитской изощренности. На похороны доведенного до самоубийства видного азербайджанского философа в 1952 году не явились ни официальные лица, ни коллеги-академики, ни сослуживцы. И это воспринималось как норма партийной морали — так усмирялась совесть.

Лишение поста или «освобождение от занимаемой должности» проштрафившихся жертв нового курса стали сопровождаться обязательными разоблачительными постановлениями, проведением активов с демонстрацией единодушной поддержки всех коммунистов. Первоначально эти нововведения на фоне обновленческого процесса воспринимались хоть и как жесткая, но принципиальная борьба с нарушениями социалистических норм, партийная линия, способная оздоровить общественный организм. Вот почему смещение Р.Аскерова выглядело всего лишь как элементарное совершенствование кадрового потенциала.

Будем справедливы — большая, многогранная работа по созданию национальной школы управления как общеполитическая программа в рамках существующей системы оживилась. Но обновление механизмов взаимоотношений не могло избежать влияния субъективного, личностного фактора. Такова уж природа власти вообще, а централизованной и авторитарной в особенности.

А между тем...

Г.Алиев исподволь сколачивал свою команду — на перспективу. Он пристально всматривался в ряды молодой поросли комсомольско-партийной номенклатуры, все полнее открывал шлюзы кадрового обновления за счет хорошо знакомых и нужных людей из КГБ, где знал каждого и верил в их неукоснительную исполнительность, военное подчине-

ние и безусловную чистоплотность. Однако основным формирующим подспорьем в реализации своего видения обновления кадровой политики по-прежнему считал партийно-государственный аппарат и его вспомогательное звено — комсомол.

Как считалось, Р.Аскеров являлся выдвиженцем достаточно сильной гянджинской группировки, укрепившейся в верхних эшелонах власти со времен И.Д. Мустафаева, на которого сделала ставку хрущевская Москва после смещения М.-Дж. Багирова.

Имам Мустафаев, будучи ученым-аграрником, уверенно делал карьеру в качестве перспективного партийного государственного деятеля. Был он родом, как говорят в Азербайджане, из западной зоны республики, непосредственно примыкавшей к Гяндже (тогда еще Кировабаду). До появления в ЦК в качестве секретаря по аграрным вопросам он некоторое время руководил Кировабадской партийной организацией и, как повелось в партии с времен первых пятилеток, укрепление своих позиций в качестве главы компартии он осуществлял за счет тех, кого знал лично — земляков или по прежней работе.

Тревожный сигнал для Р. Аскерова прозвучал сразу же после того, как из орготдела был удален Тофик Масимович Багиров. Бывший фронтовик, партийный работник с хорошей трудовой закалкой, он являлся одной из ключевых фигур в команде В.Ю. Ахундова и должен был уйти (его сменил бывший начальник 5-го отдела республиканского КГБ Р.Г. Мамед-заде). Так считали не все, но многие. И уже совсем немногие догадывались о другой, чисто политической подоплеке аскеровской отставки.

Эффективность мобилизационного ресурса советской системы находилась в прямой зависимости от главного уставного требования — безусловного выполнения всеми звеньями правящей пирамиды решений, принятых на самом верху партийной власти.

Г. Алиевым, человеком с особой, военной выучкой, этот рабочий принцип воспринимался как сущность властных отношений во всем и всегда.

Профессиональный опыт и жизненная школа научили его воспринимать действительность не только в ее внешнем

проявлении, а заглядывать в скрытые закоулки фактов, явлений и человеческого поведения.

Объявив борьбу со взяточничеством как одной из главных общественных язв, поразивших и властные структуры, он хорошо понимал, что дружные аплодисменты одобрения вовсе не исключают скрытого сопротивления. Он справедливо полагал, что после того, как в Баку новое руководство (т.е. лично он сам) инициировало эту борьбу, новой политической линии должны следовать и на местах. Она должна быть взята на вооружение всеми государственными и общественными организациями и, прежде всего, комсомолом.

Описанный выше конфликт на Бюро ЦК ЛКСМ, о чем он, несомненно, имел исчерпывающую информацию, партийный лидер рассматривал именно под таким углом зрения. Скорее всего, он полагал, что двух мнений в подходах к скандальному эпизоду не могло быть. Любые сомнения в такой ситуации воспринимались как недоверие его, алиевскому курсу или того хуже — бойкотирование, открытое сопротивление.

У Р. Аскерова не оставалось шансов уйти, сохраняя перспективу, подобно его предшественникам (Абдурахману Везирову, Назиму Гаджиеву, Эльмире Кафаровой, Али Керимову). Он, пожалуй, один из немногих руководителей азербайджанского комсомола послевоенного времени, чье восхождение по политическому небосклону не оставило сколько-нибудь яркого следа. Хотя не лишен был качеств, которые совсем по-иному смотрелись, появись он во главе комсомола десятилетием ранее.

В стремнине

К 1974 году формирование правящей элиты определялось другой сильной социальной тенденцией — доминированием городских страт, социума новой, европеизированной ментальности. Позже Г. Алиев рассказывал в ходе одной из немногих откровенных бесед, что ему называли разные кандидатуры на роль лидера азербайджанского комсомола.

Предлагали отозвать из АОН при ЦК КПСС Рауфа Ахундова — грамотен, с хорошим современным кругозором,но

он вроде бы родственник бывшего партийного руководителя Вели Юсуфовича Ахундова, пребывающего ныне в Институте микробиологии. И хотя никакой он не родственник — ни прямой, ни косвенный, — против молвы не попрешь, все равно будут шептаться на столичном бульваре и по дачам о возрождении ахундовской команды...

Предлагали очень сильного, уверенного и пользовавшегося авторитетом среди бакинской молодежи Заура Алиева — работает в Москве, в орготделе ЦК ВЛКСМ. Да разладилось у него что-то в семейной жизни. Нет, не то все это...

Среди множества версий, гулявших по коридорам комсомольских штабов, меньше всего внимания уделялось моей персоне. При иных обстоятельствах, а именно, если б изначально моя карьера прокладывалась во властных кабинетах, наверное, признак столь низкого рейтинга ранил бы самолюбие. Но в данном случае я прекрасно сознавал, что являюсь человеком новым в комсомоле. В составе его Центрального комитета — главного молодежного штаба — немало известных, давно зарекомендовавших себя с наилучшей стороны имен.

Может, это и к лучшему — мечта о карьере журналиста-международника продолжала жить во мне, являясь в безрадостной суматохе аппаратной бюрократии в виде абсолютного воплощения юношеской мечты: полной свободы, заманчивых путешествий по другому, неведомому миру, радости творчества и, наконец, иного качества жизни. Что, признаюсь, также было немаловажно, особенно с очевидной перспективой рассчитывать исключительно на секретарский оклад, который даже с довесками премиальных и тринадцатой зарплатой сулил не более 200 рублей в месяц.

Надо заметить, что размышления на эту безрадостную тему все чаще возвращали меня к мысли о предпочтительности того пути, который привнес в мою жизнь столько радости и с которого я вдруг свернул. Подхваченный весенним половодьем, я и не заметил, как оказался в стремнине широкой реки, меняющей стремительный бег, кружа голову, не оставляя надежды прибиться к родным берегам, удаляющимся все далее за горизонты другой, не менее заманчивой жизни.

Тем неожиданней появилась информация знакомого инспектора орготдела ЦК Компартии, курировавшего комсомольские и профсоюзные органы, доверительно сообщившего, что в числе кандидатур, рассматриваемых на место первого секретаря комсомола, значусь и я.

Пока я прикидывал, чем эта новость может обернуться для меня, последовало приглашение явиться к С.В. Козлову, второму секретарю ЦК компартии, что следовало понимать как более чем серьезный поворот в решении персонального вопроса.

Сергею Васильевичу, опытному партийному работнику, пришлось пережить несколько досадных мгновений в связи с моей реакцией на предложение, которое, как он сказал, являлось итогом тщательного рассмотрения, проверок и оценок. Он несколько минут изучающе разглядывал мое лицо, на котором ничего, кроме растерянности, огорчения и искреннего желания воспринять его доводы, прочесть было нельзя:

— Я не уверен, что готов для этой роли. Я состоялся как журналист, редактор. Правомерно ли отказываться от оправдавшего себя профессионального выбора и пробовать свои силы на новом, достаточно ответственном поприще? Есть люди более подготовленные всем своим рабочим опытом.

— Почему в комсомоле столько карьеристов? — вдруг спросил С.В. Козлов, и по лицу его скользнула тень искреннего огорчения.

Я знал, что желание стать во главе единственной, самой влиятельной молодежной организации, с вершины которой просматривались заманчивые партийно-государственные дали, владело многими. В головных комитетах комсомола выросло немало энергичных, знающих специфику работы с юношеством функционеров. Но и С.В. Козлов, переброшенный в 1968 году из Москвы в Баку, когда остро встал вопрос обновления политического руководства Азербайджанской ССР, уже не мог не знать, что за каждым из вероятных кандидатов стояли определенные группировки, силы и общественные настроения.

Заочные представления о специфике азербайджанского общества, возможно, корректировались практическими зна-

ниями С.В Козлова, обретенными в ходе постоянного общения с людьми, больше начальственного порядка, чем с простым народом или интеллигенцией – такая уж у него, у Второго, была работа. Он держал под своим контролем кадровые вопросы, работу госучреждений, организацию и проведение важнейших партийных мероприятий, повседневную деятельность аппарата ЦК. Тут уж не до ленинских бесед с ходоками.

На партийном поприще он оказался сразу после недолгого пребывания на производстве, прошагал по всем этажам партийного иерархического монолита и являл собой законченный образец аппаратного образа жизни: вежлив, предупредителен, въедлив в работе над документами. Все это было хорошо известно в комсомольском мире, и я бы хотел добавить – ничего, кроме уважения, перечисленные особенности характера и профессиональной выучки Второго у нас не вызывали. Ничего от образа высокомерного наместника, нарисованного перестроечным агитатором. Другое дело, что Второй по своему статусу, адаптируясь к местным условиям, обязан был оставаться человеком Центра, не глазом Москвы, а скорее – судьей. Неким третейским судьей между своеволием местной интерпретации общепартийного, общегосударственного курса и установками на сей счет высшего руководства ЦК КПСС.

Была ли нужда в том и как осуществлялась на практике эта достаточно тонкая задача – другой вопрос. Над этим пришлось поразмышлять много позже, в иных условиях. Тогда же в непосредственном, первом и достаточно откровенном контакте со Вторым я воспринимал С.В. Козлова, как и положено, в контексте служебной субординации.

– Откуда столько карьеризма в комсомоле? – повторил свой вопрос С.В. Козлов.

– Я б не рискнул делать широкие обобщения. Панорама молодежной жизни многоцветна. Рисовать ее одной краской значило бы обеднять. В каждой организации, как и в каждом коллективе, в каждой семье, встречаются разные люди. Что же касается меня,то на роль лидера республиканского комсомола, убежден, я не готов. Я хотел бы и дальше заниматься журналистикой.

— А я говорю не только о нашем комсомоле. Скорее, размышляю о современной молодежи, её настроении. Раньше,несомненно,было больше романтизма, уверенности в завтрашнем дне, готовности к подвигу, к самопожертвованию. Согласитесь, это несколько иное восприятие жизни...

В те минуты мне казалось, что мой высокопоставленный собеседник рассчитывает таким способом прощупать мою идеологическую подкованность, а заодно и заполучить конкретную информацию о комсомольском руководстве, аппарате в целом. Однако позиция, занятая мной в отношении планируемого повышения, не столько озадачила его, сколько натолкнула на мысль поделиться со мной сомнениями, которые занимали его и на которые ни он, ни деятели повыше него не находили ответа. Или делали вид, что не находят.

Тишина цековских кабинетов хранила секреты неслышной позиционной борьбы, в ходе которой сметались с шахматной доски пешки, жертвовались победоносные фигуры, но ничто не выдавало накала страстей, никто не ведал о хитроумных кадровых комбинациях и перестановках, замышляемых самим гроссмейстером. С.В. Козлов на тот момент был единственным, кто мог быть посвящен в планы формирования новой команды. Как опытный мастер многоходовых комбинаций он желал и обязан был влиять на этот скрытый от посторонних глаз процесс.

— В таком случае будет правильным, не откладывая, посоветоваться с Гейдаром Алиевичем, — словно бы размышляя с самим собой, сказал он и тут же резко поднялся из-за стола.

Это означало высокую степень согласованности позиций по моему вопросу. Однако, похоже, Второй не припомнил случая из своей практики, когда бы потенциальный выдвиженец в последнюю минуту верному, беспроигрышному карьерному шансу предпочел вольную жизнь журналиста.

Лицом к лицу с Самим

«Я не исключаю, что имеет место искренняя юношеская влюбленность в газету. Собственное имя под газетной колонкой тешит даже людей зрелых, а в молодости окрыляет. А может, молодой человек просто кокетничает, желает по-

нравиться этаким нестандартным способом? — читалось во всем его сосредоточенном облике. — Вот вы, Гейдар Алиевич, и разберитесь с этой восточной загадкой. Я человек русский, бесхитростный, а Восток дело тонкое».

Второй изложил Первому содержание состоявшегося собеседования, как говорится, ничего не убавив и не прибавив. Однако в легком смешке, которым сопровождались его размышления, лукавом прищуре узких глаз волжанина угадывались невысказанные сомнения, утаивалось что-то недосказанное, хотя внешне он выражал одобрение рассматриваемому кандидату и даже не скрывал своего некоторого расположения.

Крупное, по-мужски привлекательное лицо Гейдара Алиева я видел так близко впервые. Увы, ситуация, при которой происходило наше знакомство, была не из самых благоприятных, и это легко читалось на неулыбчивом лице Первого. Он перевел свой тяжелый взгляд с расположившегося напротив собеседника на меня, сидевшего по другую сторону приставного массивного стола.

Какое-то время он, казалось, изучающе разглядывал меня, и я успел заметить, что один глаз — левый – с легким прищуром, словно его хозяин прицеливается в собеседника. Всегда лучше на прямой взгляд отвечать открытым взглядом, не отводя глаз, вспомнил я кого-то из классиков. Как на прямой вопрос — прямым, без экивоков, ответом. Особенно если тебе нечего утаивать. Я знал по рассказам о страхе, который овладевал многими оказавшимися в этом продолговатом, по-моему, в чем-то аскетичном кабинете. Ничего похожего я не испытывал, потому как вины никакой не чувствовал за собой. Оцепенение, естественное для первого выхода на ковер, оставило меня сразу после того , как мы обменялись несколькими фразами по существу моего нежелания испытывать судьбу.

— Ну что ж, вопрос непростой. Обдумать его нужно глубоко и всесторонне. Мы со своей стороны это сделали. И остаемся при своем мнении. Дадим товарищу Гусейнову пару дней для размышлений?— то ли обратился к С.В. Козлову с вопросом, то ли объявил свой вердикт Гейдар Алиевич. Говорил он, слегка прикрыв глаза.

Я мог бы, конечно, сказать, что со своей стороны также обдумал предложение основательно, глубоко и, в самом деле, всесторонне. Но такое продолжение разговора никак не вписывалось в нормы партийной этики...

Время на обдумывание прервалось через день неожиданным звонком из приемной Первого. Я вновь оказался в той же диспозиции, но на сей раз без поблескивающего стеклами очков С.В. Козлова

— В твоих доводах ничего нового для меня нет. Каждый хочет заниматься любимым делом, тем, что хорошо знает и умеет. И я слышу это не впервой. Одни хотят показаться лучше, чем они есть на самом деле. Другие — ищут работу поспокойней. Таких меньше. Рвутся на должности всеми путями как раз те, кто меньше всего готов работать — так, как я требую, — начал он, не дожидаясь моего тщательно отредактированного вступления. — А знаешь, что стоит за всем этим, по большому счету, если отбросить всякие там (небрежный взмах руки), как бы помягче выразиться, красивые фразы? Я скажу тебе – все желают командовать, все жаждут власти. Но при этом жаждут не пачкать,что называется, руки. А кто будет очищать страну от грязи? Кто будет расчищать авгиевы конюшни взяточничества, лихоимства, казнокрадства?! Я один?! Нет уж — вместе будем бороться, ибо один в поле не воин! Не воин! А мне нужна армия настоящих борцов!

И его глаза недобро сверкнули.

Он уже почти кричал. Как умел — гневно, напрягаясь всем телом. И мне, сжавшемуся за длинным необъятным столом заседаний, в единственном числе олицетворявшему молчаливую аудиторию его соратников, не оставалось ничего, как восхищенно внимать ораторскому искусству партийного босса, Первого, лидера. А он продолжал, словно бы читая мои мысли:

— Я один буду заниматься этой грязью, а вы мне аплодировать? Неплохо распределили роли! Ты, например, предпочитаешь писать о борьбе со взяточничеством и всякими приписками. Молодец! Хвала нашему молодому редактору-идеологу! И так поступают многие, даже те, кого я поставил во главе правоохранительных органов, партийных комите-

тов, вменив им в обязанность очистительную работу в качестве важнейшей, первоочередной задачи. Ты подумай только: взяточничеством заражен уже и комсомол! Куда же дальше?! Где мне кадры черпать для обновления руководства республики, как не из комсомола? На кого опереться?! Журналистике он, видите ли, желает себя посвятить! Такое в разведке называется иначе — запомни. Иди и работай. Будешь руководить комсомолом! Как я — компартией. А литературным творчеством еще успеешь заняться. Если время такое наступит...

Его гневная речь была полна искренности. Слова — убедительны. А концовка запомнившейся мне на всю жизнь тирады — преисполнена, нет, не диктаторского, такое мне и в голову не могло прийти, скорее, отеческого веления.

Я помню эту встречу и тот разговор в мельчайших деталях. Это воспоминание было связано вовсе не с мыслями о том, что встреча перевернет всю мою жизнь, направит ее по какому-то новому пути, к чему-то большому и значительному, что было бы вполне естественно. В словах Алиева, внешне не очень примечательных, прозвучало — в самой интонации, в том, как они были произнесены — нечто большее, чем начальственный окрик, приказ. Мне послышалось в них доверие, убежденность в правоте сделанного выбора.

Для меня, полагавшего себя человеком, созданным для совершенно иной деятельности — литературной, но никак не политической, это было не просто вопросом самолюбия. Партийный лидер как бы перенес меня в иную ипостась, приобщив к важному государственному делу, возложив на мои плечи новые обязанности своего соратника. А может, я ошибался тогда и в своем представлении о себе, и в оценке своего призвания?

Тот день, когда я прощался с тем, что считал своим истинным призванием — журналистикой, запечатлелся в памяти до мельчайших подробностей. То, что одним представлялось крупным везением, лотерейной удачей, другим — стечением счастливых обстоятельств, третьим — нестандартным кадровым решением, на которые был большой мастер Г. Алиев, являлось на самом деле началом главной тайны че-

ловеческих исканий, именуемой простым и необъятным, как сама жизнь, словом — судьба.

Иногда, оглядываясь на пройденные пути-дороги, думается: ах, если бы не тот шаг, не то слово, не тот взгляд. В самом деле, что произошло бы, если б я не явился на собеседование к Алиеву? Как бы сложилась драматургия моей биографии, случись такое?

Ясное дело — что! Махнул бы он рукой на затею выпестовать из редактора молодежной газеты комсомольского лидера. Подобрал бы другого, может, даже более подходящего для задуманной цели. И что, моя жизнь сложилась бы иначе? Несомненно. Но была бы судьба иной, лучшей? Не уверен. И никто не даст верного ответа на эти вопросы...

Мне в жизни пришлось еще не раз круто сворачивать с избранного пути, падать и подниматься, чтобы двигаться дальше. Судьба по-разному относилась ко мне: возносила, благосклонно спасала, случалось, отворачивалась. И надолго. И никакой мистики в том нет. Хорошо сказано еще в древности: «Судьба человека — это нрав его».

Каждый пройденный метр жизни хранит отпечаток нашего «я»: характера, знаний, опыта, воли. Мы имеем те знания, которые обретали, тот опыт, который копили, ту волю, которую закаляли. И тех друзей, которых выбирали. И реальность, в которой мне довелось жить. Для меня, вступающего в жизнь, она состояла в том, что существовали отработанные десятилетиями государственные принципы, на основе которых осуществлялась кадровая политика, без чего никому не нужны ни талант, ни знания, ни личные устремления.

Я знаю, на эту мою формулу судьбы найдутся тысячи аргументов, обосновывающих ущербность, несостоятельность советской системы управления государством. И тысячи примеров приведут, убедительно подтверждающих ее. На всех них найдется столько же контраргументов.

Не будем спорить. Наверное, когда-нибудь все-таки настанут времена, когда высшим критерием совершенства политико-общественных систем станет не военная или экономическая мощь сама по себе, не способ избрания президентов и парламентов, а благополучие каждого отдельно взятого гражданина, индивидуальные человеческие судьбы.

Сименон в прекрасной повести «Президент» заметил, что в карьере политического деятеля наступает такой момент, когда его личные интересы и честолюбие полностью совпадают с интересами и стремлениями его родины. Рискуя выглядеть излишне претенциозным, скажу, однако: не будь подобного ощущения, карьера многих из нас, комсомольцев 1970-х, была бы лишена необходимой для взлета энергии, а судьба — живительной драматургии.

От съезда к съезду

Такая рубрика была введена в советские СМИ — обязательная, своеобразный пересчет достижений — государственных, социально-экономических, производственных, личных — за пятилетие.

Съезда ждали, к нему готовились — на предприятиях подгоняли планы, в штабах партийных корпели над отчетами, докладами — с убедительной цифирью, с тщательно подобранными цитатами из Ленина, Брежнева (Маркса вспоминали все реже, Сталина — разве что в дни Победы). В кабинетах плелись интриги сюжетов будущих выдвижений, загадочных перестановок в составах ЦК, ревизионных комиссий, бюро и Политбюро.

Съезд означал движение вперед, став синонимом скачка для партии, продвижения и возвышения для ее командного состава.

Как-то забылось, что само слово «съезд» происходило от глагола «съезжать». А ведь «съехать» можно и с горы. Однако в том далеком 1974-м, когда мы собрались, молодые, тридцатилетние, в кабинете на третьем этаже здания ЦК ЛКСМ после Пленума, единодушно проголосовавшего за мое избрание первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, было не до лингвистических тонкостей.

Между прочим, пресловутое единогласие, особенно в случае появления новой фигуры, надо было еще обеспечить. Юных и ершистых комсомольцев, гораздых на сюрпризы, надо было еще расположить к себе, перетянуть на свою сторону. Команде, ответственной за организацию и проведение столь судьбоносного мероприятия, придавались опытные

ответработники для соответствующей обработки делегаций комсомольских организаций, точнее, их глав. Политическая накачка — дело нехитрое, но и достаточно тонкое. Этим искусством мастерски владели те, с кем я уже успел сработаться в аппарате: Адыль Рамазанов, Саша Оськин, Камал Бабаев, Юра Мамедов и другие. Надо заметить, что в комсомольском аппарате, как и в партийном, основным органообразующим стержнем являлось строгое следование особой норме подчиненности в каждодневной практике.

Норма эта являлась больше этическим, дисциплинирующим изобретением, нежели строго политическим, вполне увязывающимся с крепко сидящим в каждом азербайджанце обычаем приоритетности старшинства. Кстати, понятие аксакал, издревле почитаемое в каждой азербайджанской семье, общине, вмещает не только возрастное превосходство, которому должен сопутствовать большой жизненный опыт. В рабочих условиях любого коллектива — неважно, производственного или аппаратного — понятие, так сказать, аксакальства приобрело административное содержание. Хотя надо сказать и о том, что должность должностью, а опытные партийные и комсомольские секретари не чурались посоветоваться с теми, кто был рангом пониже, но пользовался репутацией хранителя теоретических, но чаще практических знаний, традиций, обладал умением гибко маневрировать в сложных взаимоотношениях, скажем, с центральным аппаратом ЦК КПСС. Сам видел и наблюдал.

Насколько непререкаем и авторитарен был Г. Алиев, а до самого последнего дня держал рядом Аскерова Исмаила Насруллаевича, Кирсанова Якова Михайловича. И не потому, что все его предшественники, начиная чуть ли не с М.-Дж. Багирова, доверяли седовласым, немногословным мужичкам тайны Общего отдела, с Секретной частью в составе (аналог Особого сектора в ЦК КПСС и орг. отдела — святая святых партии. Некогда возглавлял его легендарный Поскребышев! Брежнев доверил его любимому Константину Устиновичу Черненко), контролировавшей строго конфиденциальную переписку.

Хорошую команду сумела сформировать в ЦК ЛКСМ Э. Кафарова, но все знали — предпочитает посоветоваться с

Геннадием Рзаевым, лидером бакинского комсомола, человеком нестандартного мышления, прошедшим все ступени комсомольского аппарата. Такими конфидентами у меня, пожалуй, стали Юра Мамедов и Адыль Рамазанов, дотошные не только в уставных тонкостях, но и умевшие ладить со всеми — от московских кабинетов до низовых организаций азербайджанской глубинки.

Принцип строгой подчиненности вытекал из главенствующего организационного принципа советской политической системы — демократического централизма. Как видите, коммунисты не делали секрета из того, что их власть является обреченной на централизм, т.е. фактически то, что, по мнению их критиков, и делает авторитарным политическую систему.

Единодушие, утвержденное Сталиным с помощью страха, его преемники возвели в некое неуставное Правило, одно из многих норм, традиций, с помощью которого управлялась многомиллионная, объявшая огромную страну армия коммунистов. Но не только. Выполняя высшую идеологическую функцию — демонстрацию единства мысли, воли рядов — КПСС, по существу, сформировала вспомогательный нормативный устав для сохранения преемственности власти, мягкой передачи её кандидату — продукту консенсусного согласования высшего руководства.

Разумеется, погрешности в реализации этой непростой задачи всегда всплывали при подсчете голосов. Но тут уже действовал «заградотряд» в виде счетной комиссии, куда включались самые надежные, пользующиеся безусловным доверием первых лиц — воители аппарата. Они-то «дорисовывали» общую картину волеизъявления съездов, пленумов, согласно уставам избиравших руководящие органы партии (а значит и комсомола) при тайном голосовании. В результате слово «тайное» в данном случае приобретало двоякое значение.

Впрочем, наша память — память комсомольцев 1970-х — сохранила весьма показательный пример «ЧП» на организационном пленуме, грозившего собранию полнейшим провалом. Сообщение представителя ЦК Компартии о том, что есть мнение освободить от занимаемой должности Первого

секретаря ЦК ЛКСМ Азербайджана Эльмиру Кафарову в связи с переходом на партийную работу (все очень почетно, никаких упреков!) участники Пленума встретили решительными возражениями, заявив, что Эльмира Кафарова еще нужна комсомолу! Вот так — ни больше, ни меньше! Потребовались длительные прения — вполне свободные, — неоднократные увещевания Э.Кафаровой, дабы угомонить не на шутку разыгравшуюся стихийную демократию, сделать течение дискуссии управляемым.

Помнили об этом комсомольском волепроявлении наверняка и в аппарате ЦК. Сейчас всё больше говорят и пишут о некоем стадном послушании. А случаев подобного рода было немало и в России, и в обкомах Грузии,Украины, Белоруссии. И не только в комсомольских организациях. Так, во время моей очередной командировки в Минск мне рассказали интересную, на мой взгляд, историю, не слишком широко известную в то время.

Уходил на повышение в Москву руководитель компартии Белоруссии. На должность первого секретаря ЦК КП республики был рекомендован председатель правительства, член ЦК КПСС. Кандидатура была одобрена в Москве, в ЦК. Казалось, всё идёт своим чередом. Но когда представителем Москвы из ЦК КПСС кандидатура была внесена на рассмотрение пленума, неожиданно поднялся один из заслуженных членов ЦК, ветеран партизанского движения в Белоруссии, и сказал буквально следующее:

— Я и, наверное, многие члены ЦК КП Белоруссии не могут сказать ничего плохого о вносимой кандидатуре. Товарищ имярек хорошо знаком белорусам и уважаем. Но, видите ли, республика наша партизанская, да и большинство членов пленума, как вы знаете, воевали в партизанских отрядах или помогали партизанам. А товарищ, кого вы предлагаете и которого мы, члены ЦК, уважаем, во время войны находился на Урале. У трудящихся и у рядовых коммунистов невольно могут возникнуть вопросы, суждения. В составе ЦК у нас много достойных людей, например Петр Миронович Машеров. Герой Советского Союза, прославленный партизан, 1-й секретарь одного из обкомов партии. Предлагаю объявить перерыв на один час, попросить вас связаться с Лео-

нидом Ильичом Брежневым и довести до него мнение пленума ЦК КП Белоруссии.

И уже обращаясь к залу, оратор спросил: «Правильно, товарищи?! Или есть другие соображения?» Пленум энергично поддержал оратора. Был объявлен перерыв. Секретарь ЦК КПСС связался с Брежневым и проинформировал его о ситуации на пленуме.

Брежнев только спросил:

— Кого они хотят?

— Машерова, первого секретаря одного из обкомов партии, Героя Советского Союза.

— А что, хорошая кандидатура! Раз хотят, его и избирайте.

П. Машеров единогласно был избран руководителем партийной организации республики.

Тем не менее, несмотря на грозные предупреждения, агитационные меры, я все-таки схлопотал несколько «шаров» против. Честно говоря, при сотнях «за» — не причина для расстройства. Комсомол оставался послушным воле партии, но перестал бы быть молодежным движением, если бы не уважал людей с характером.

И все же, напутствуя меня, Г. Алиев, думается, не случайно сделал упор на повышении исполнительной дисциплины, подчеркнув напоследок: «Готовься к съезду комсомола — он не за горами. Эта для тебя первый серьезный экзамен!»

Ох, нелёгкая эта работа!..

Вот об этом-то и была первая дискуссия в тот памятный день в моем новом кабинете — о подготовке к XXIX съезду комсомола Азербайджана.

Содержательная часть предстоящего программного мероприятия меня, честно говоря, не очень волновала: почти полумиллионная армия юношества, организационно объединившаяся в рядах азербайджанского комсомола, как говорится, вкалывала на сотнях заводов — гигантских и малых, добывала нефть в открытом море, строила, собирала хлопок на полях, вела научный поиск, писала книги, выпускала газеты.

Скажут, это они делали бы и без комсомола. Верно, принадлежность к молодежной организации в ряде мест стала

формализованной. Однако реально существовавшее организационное объединение молодежи приобщало новые поколения к нравственным ценностям, советским, во многом соответствовавшим общечеловеческим, прошедшим испытание временем, оправдавшим себя в недавних исторических битвах за создание и утверждение по-настоящему суперверликой страны, пусть с множеством проблем, но устремленной вперед.

Как-то само собой в идеологических структурах ЦК ЛКСМ образовался клуб молодых ученых, своеобразное объединение молодых социологов, философов, историков, физиков и других.

Оживленные, несмолкаемые дискуссии этого клуба, который точнее было бы назвать Центром альтернативных суждений, помогали обкатать новые идеи, по-новому взглянуть на существо общественных проблем. Они были известны, и если в официальных документах их предпочитали упоминать обобщенно, в самих руководящих кругах, включая комсомольские, обсуждения проводились остро и открыто.

Очень скоро мой кабинет превратился в штаб по подготовке съезда, где шел оживленный обмен мнениями вокруг поступающей информации из низовых организаций, вопросов и проблем, выносимых в повестку дня предстоящего молодежного форума. В один из дней, когда, казалось, план мероприятий был уже готов, Орлов неожиданно объявил: «Главное — отчетный доклад — слово нового лидера. Первое появление перед народом всегда имеет значение политических смотрин. В данном случае перед комсомольским народом предстанет лидер новый формации. Вагиф Алиевич,— разъяснил свои соображения наш Второй,— пришел к лидерству через журналистику. Все знают — он редактор органа ЦК ЛКСМ, и, естественно, отчетный доклад многие будут рассматривать под этим углом зрения». (В аппарате давно воспринята была официальная форма обращения, хоть и с несвойственной нашему возрасту партийной суховатостью, но зато надежно оберегающая отношения от разлагающего рабочую атмосферу панибратства.)

В написании официальных текстов к тому времени я порядком поднаторел. Орловское замечание, однако, заставило

вспомнить армию давнишних коллег из СМИ, которые с особой придирчивостью будут пробовать на зуб каждое произнесенное мною слово, в то время как другая армия, куда более внушительная, функционеров примется искать основательность в тексте, сравнивать с речами и выступлениями былых комсомольских авторитетов. А тут еще меня магнетизирует покоящийся на рабочем столе, поверх вороха справочного материала, блокнот с записями важнейших установок Первого, ни одна из которых, я это знал точно, не может быть забыта. Ибо он помнил слово в слово все свои указания. Как и все, что происходило вокруг него — от мелочей до важнейших партийных решений — такая тренированная память. И я это тоже знал.

Я и сейчас слово в слово помню напутствия, точнее,установки Первого секретаря ЦК Компартии, которыми Гейдар Алиевич счел нужным вооружить меня после того, как я предстал перед ним в новом качестве.

— Имей в виду, что комсомол должен идти в фарватере партии. Это наш стратегический принцип. И никаких отклонений тут не должно быть, и мы их не допустим,— отчеканил по-командирски он, хотя беседа протекала вполне мирно. — А то твой предшественник, Рафик Гамбарович, считал, мол, и вы ЦК, и мы ЦК...

Я невольно усмехнулся:

— Неужели так прямо и говорил?

— Ты что, не веришь мне?

— Нет, просто странно, что такое можно подумать. Ну а если все-таки и взбрело в голову, зачем же так вот напрямую выкладывать?

Алиев искренне рассмеялся.

Я знал, что обычно в такого рода беседах-наставлениях, как и вообще в общении с подчиненными любого ранга и возраста, он всегда был строг и как-то не допускал вольностей. Собеседники, входя к нему, внутренне подтягивались, словно не на встречу с партийным лидером шли, а на допрос с пристрастием.

С самого начала у меня с ним установился несколько иной стиль общения. То ли характер сказался, то ли журналистский опыт, предполагавший большую раскованность, а

может, уловил я в Первом некоторую потребность в шутке, естественной в постоянной атмосфере нарочитой строгости. Так постепенно у нас сложилась, так сказать, эксклюзивная манера общения, допускавшая возможность ввернуть острое словцо, а при случае и анекдот рассказать свежий, чего, как оказалось, он не чурался. А если шутка была удачной, то Гейдар Алиевич мог расхохотаться искренне, непринужденно, что называется, от души. Таким его — хохочущим до слез – редко кому доводилось наблюдать. Разве что близким. Простой же люд довольствовался официальными портретами, не допускавшими ни сердечности, ни суровости — ничего такого, что могло изменить привычный лик, точнее, утвержденный в высоких кабинетах портрет-имидж. А ведь он мог быть и иным...

Техника подготовки важнейших документов в нашем комсомольском штабе была отработана. К группе по написанию отчетного доклада, состоящей из опытных в этом деле ответработников, ведущих журналистских перьев, я привлек и упомянутых выше ученых из дискуссионного клуба. Дирижировал этой командой, как всегда, Г.А. Орлов.

В орготделе ЦК Компартии, куда доклад был представлен после неоднократных доработок, ночных бдений над отдельными пассажами и формулировками, вызывавшими споры или замечания, текст восприняли с любопытством, некоторые положения сочли не бесспорными, присовокупив к ним и ряд собственных несущественных корректив.

«Окончательный вердикт за Ним» (многозначительный взгляд вверх) и полушепотом: «За Хозяином». Да, увы, опять же кто-то услужливый вбросил незаметно в аппаратную среду это словцо, извлеченное из, казалось, давно минувших сталинско-багировских времен. Кому принадлежало это нововведение — поди знай. Но никто не возразил. И как возразишь? Это может сделать он Сам. Но неизвестно — знает ли он о воскресшем из небытия словце или нет. На партсобраниях и аппаратных совещаниях Гейдар Алиевич то и дело взрывается негодованием по поводу шептаний и сплетен в кабинетах, а то и опрометчивых телефонных разговоров. Но об этой новации — ни слова. Впрочем, до этого ли было аппаратчикам, улавливающим почище любой хитроумной

«прослушки» любое самое незаметное движение в настроениях высокого начальства, когда с трибуны тяжело долетают слова, заставляющие содрогнуться едва ли не каждого: о самом интимном, тщательно скрываемом — подозрительных связях, порочащих взаимоотношениях с «теневиками», толстосумами, с «бывшими» и пр. и пр.

Тяжелый, пронизывающий взгляд (каждый внутренне вздрагивает — «В меня целится. Что-то знает») скользит по замершим лицам. И напоследок — взмах над трибуной большой руки, с грозно и предостерегающе вытянутым, словно взводящим курок невидимого маузера, указательным пальцем.

И каждый знает, что последует, если этот палец уткнется в него: мучительное ожидание разборки на Бюро, нескончаемая цепь выворачивающих душу обвинений и как следствие — мгновенное катапультирование из аппарата.

Разумеется, это не «тройка», не подвалы НКВД, не Колыма, ставшие загадочными образами песенного советского фольклора. Одно только — жизнь без будущего. Молчание телефонов, скороговорка коллег при случайной встрече на улице, унылое толкотня в очередях, ибо никто не привозит на дом ни дефицит из спецмагазина, ни праздничных «коробок» с дарами азербайджанской земли, продолжающей плодоносить, но теперь уже не для тебя. Одним словом, пусть никто не думает, что это перспектива для кого-то другого — не жизнь, а прозябание без шанса вновь выбраться наверх, на поверхность полноводной реки и плыть вместе со всеми легко и непринужденно по течению.

...У меня возникло давно забытое ощущение абитуриента, ожидающего последнего экзамена. Результат его я без труда прочитал на искренне расстроенном лице орговика, протянувшего мне папку с текстом, поверх которого лежала исписанная скорописью бумажка с многочисленными замечаниями Первого (не считая пометок на полях).

— Это все мелочевка, — кивнул он на подчеркивания, галочки и вопросительные знаки, украсившие уже первую страницу — неточные формулировки, повторы и пр. Главное требование — усилить партийное руководство комсомолом, молодежью, приобретающее на данном сложном этапе каче-

ственного обогащения основ развитого социализма, в условиях обостряющейся идеологической войны с Западом, принципиально важное значение, — отчеканил орговик, словно вызубрил установку не сейчас, а в детском саду вместе с песенкой о елке, которой холодно зимой.

Было видно, что он несклонен щадить самолюбие руководителя курируемой им молодежной организации после головомойки Хозяина. В качестве слабого утешения он передал мне совет Первого секретаря еще раз внимательно изучить его доклад на августовском (1969) Пленуме ЦК, а также просмотреть его последнее интервью газете «Правда». Со своей стороны орговик порекомендовал воспользоваться глубокой статьей Ричарда Косолапова, которая появилась в последнем номере журнала «Коммунист».

— В ней много свежих идей, новый взгляд на затронутые Гейдар Алиевичем проблемы...

Орлов крякнул, опрокинул чашку с кофе, словно комбат штрафного батальона перед боем кружку с водкой, успокоив, таким образом, напряженно вслушивающихся в мое сообщение помощников: «Лиха беда начало». И вновь зарылся в Монбланы бумаг, книг, журналов и газетных вырезок, украшавших рабочий стол второго секретаря ЦК комсомола.

К слову, тогда-то и родилась мысль присмотреться к теоретической переподготовке молодых кадров, имеющих вкус к научной работе, и вообще вплотную заняться вопросами повышения теоретических знаний всех руководящих звеньев азербайджанского комсомола. С этой точки зрения мне представлялось важным продвигать наиболее перспективных ребят в московские организации ВЛКСМ, как бы пропуская их через всесоюзную школу политического менеджмента с куда более фундаментальной базовой основой и качественно иным уровнем работы.

Таков был совершенно неожиданный эффект от алиевского подхода к работе над отчетным докладом. Я немало был наслышан о его рабочем стиле вообще, важнейшей частью которого являлась подготовка документов, которые выходили под его подписью. Никто не припоминал случая, чтобы печатный материал, представленный Первому, сразу прошел бы на ура. Если же речь шла о его предстоящем вы-

ступлении, докладе, статье, интервью, то он по нескольку раз встречался с помощниками, журналистами, подробно беседовал о содержании будущего текста, обращая внимание на свое видение рассматриваемых тем, событий, фактов. Часто выдавал импровизированные формулировки тех или иных сюжетов, которые опытными журналистами и спичрайтерами вставлялись в основной текст, как правило, без изменений — это было удобно, а Г. Алиев, знали, получал удовлетворение от удачного воспроизводства собственных надиктованных соображений — память у него, как я уже говорил, на эти вещи была отменная и чувство собственного стиля — отточенное.

Г. Алиев имел вкус к ярким, импровизированным речам, к которым, кстати, прибегал регулярно в заключительной части партийного действа: съезда, пленума, актива. Вовсе не случайно участники этих представительных собраний с нетерпением ждали конца отрежиссированных прений, зная, что в последнем акте подведет итоги прениям Первый. И он умеючи готовился к выходу на трибуну, подобно главному герою спектакля, от которого зал ждет любимого монолога, слышанного многократно, но который каждый раз звучит но-новому, заставляя внимать каждому слову, ловить каждый жест, каждый штрих в мимике актера, находя в них все новые интонации, нюансы, новые смыслы.

Конечно, аппарат предусмотрительно готовил в соответствии с его видением и заключительное слово. Но оно никогда не зачитывалось им, подобно докладам — чеканя каждое слово — от начала и до конца. После первых же абзацев Алиев отступал от текста и тут выяснялось, что заготовка спичрайтеров всего лишь затравка, а настоящая речь — отрепетированная до мелочей — хранится в тренированной памяти Первого, и этим холодным душем он обдаст все почтенное собрание — от сановных членов Бюро до последнего инструктора, обрушив на них залпы едких и выразительных пассажей, полный набор жареных фактов, источник которых был известен только ему. И каждая цифра, каждое имя, пример, эпизод, припасенный для этого случая, звучал как выстрел в гробовой тишине замершего зала, заставляя номенклатуру трепетать в тревожном ожидании, которому, ка-

залось, не было конца. Зал обречен был то холодеть, то ужасаться до тех пор, пока не удавалось уловить в голосе оратора нотки приличествующего партийному событию пафоса.

Дождавшись этого мига, зал с нескрываемым облегчением взрывался бурными и радостными овациями, возвещающими, что худшее миновало (на сегодня), впереди мобилизующие на новые дела и подвиги призывы. Их Первый едва ли не декламировал, хотя все прекрасно сознавали — и он сам, и трепетно внимающая ему аудитория, — что на десерт подносится дежурное воодушевление, исполненное неутомимым пером Ефима Григорьевича Гурвича.

После повторного просмотра в ЦК проекта моего отчетного доклада кто-то из орговиков посоветовал обсудить его еще раз с Первым лично. Надо заметить, я чувствовал некоторую теплоту в отношении себя, что выражалось, в частности, во внимании, с которым Г.Алиев относился ко всяческим комсомольским просьбам. Он никогда не отказывался принять по тем или иным вопросам, требующим предварительного согласования с ним или просто его оценки, совета.

Что и говорить, Гейдар Алиевич умел проявлять, используя фразеологию тех дней, отеческую заботу о соратниках, когда был к тому расположен. Зная об этом, я, как всякий прилежный и воспитанный ученик, старался не злоупотреблять его вниманием. Очевидно, с течением времени, как наставник, обычно даже чрезмерно строгий в общении с подчиненными, Первый секретарь по достоинству оценил тактичность своего ученика. Словом, я посчитал, что имеет место тот самый особый случай, когда нет риска быть воспринятым излишне назойливым, и при первой же возможности оказался в кабинете Первого секретаря. Выслушав мое сообщение о текущих делах, новостях из жизни ЦК ВЛКСМ и комсомола, он, как я и ожидал, развернул беседу в сторону съезда комсомола. Помня о его критических высказываниях к проекту доклада, я счел уместным честно признаться, что, несмотря на доработки, серьезные коррективы, у меня нет полного удовлетворения от плодов нашего творчества.

Г. Алиев пододвинул к себе папку, пробежал глазами первую страницу, заглянул наугад на другие, полистал, после чего дал действительно неожиданный совет.

— Почему бы тебе не показать доклад Гурвичу? Он умный и опытный человек вообще, а в этих делах — наш главный эксперт... Посоветуйся с ним.

Ефим Григорьевич (бессменный директор АзТАга, позже — Азеринформа,фактически — отделения ТАСС) находился неподалеку, на третьем этаже, в специально выделенном для него рабочем кабинете, в котором он допоздна священнодействовал в частые дни запарок — круглый, с короткими руками, пухлым, болезненно одутловатым лицом, лишенным какой-либо привлекательности. Но то был лик, который запоминается.

Не выказав никаких эмоций по поводу моего обращения, он подвинул к себе папку, поинтересовавшись, знаком ли Гейдар Алиевич с докладом и чем конкретно он недоволен.

— По его мнению, необходимо усилить тему партийного руководства комсомолом. Она у нас не раскрыта, не звучит. Так полагают и в отделе...

— Придется поколдовать, — вполне дружелюбно заключил спичрайтер Первого, и левая щека его вдруг дернулась. Если б я не знал о том, что он всю жизнь страдает тиком, эта гримаса сошла бы, пожалуй, за неуклюжее дружеское подмаргивание. И все же этот штрих мне запомнился...

Рука мастера

Спустя несколько дней, с нетерпением вчитываясь в произведенные исправления, я с удивлением обнаружил, что каких-то впечатляющих вставок или новых идей нет. Пожалуй, опытное перо чувствовалось в ряде чисто литературных, стилистических правок. И все же содержательная часть материала, точнее, его оформление, пополнилась рядом принципиальных новшеств. В результате романтически-возвышенный текст обрел форму добротно оформленного классического полотна. В нем обозначилась прелюдия — краткая ода Л. Брежневу. Вслед за тяжеленным партийным «гекзаметром», воздававшим должное «неустанному труду», «огромной политической и организаторской работе», а также «положениям и выводам, содержащимся в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л.И. Брежнева»,

неожиданно начинал звучать лейтмотив — кантата о трудовом вкладе молодежи в дело строительства коммунистического общества, оказавшемся возможным благодаря « огромной и неутомимой деятельности партийной организации республики, ее Центрального Комитета, бюро ЦК Компартии Азербайджана, в результате которой наметился определенный подъем, укрепились партийная и государственная дисциплина». Фортиссимо — «молодежь республики целиком и полностью одобряет и поддерживает этот курс»,— что призвано было подкрепить рефреном повторяющиеся оценки, выводы, партийные установки, означенные как алиевские.

Все это было выписано, на мой взгляд, без оглядки на взвешенность и чувство меры («Магистральным направлением нашей деятельности, как указывалось в выступлениях товарища Г.А. Алиева на XXYIII съезде, должна стать борьба за ускорение научно-технического прогресса...», «задачи, поставленные перед нами товарищем Г.А. Алиевым»).

Нет, Ефим Григорьевич, очевидно, был знаком с законом Мерфи, согласно которому «все сложные проблемы имеют очень простые для понимания неправильные решения». Однако в любом докладе, речи, выступлении, даже импровизированном, крайне важна интонация. Е. Гурвич поменял мне интонацию. Мне же казалось, что это не просто окрашенность голоса оратора, это то, чем окрашено сознание. Так, во всяком случае, мне представлялось.

Напомню, шел 1974 год, авторитет Г. Алиева был высок, мнение непререкаемым, поддержка широкой общественности безусловной. С моей точки зрения — молодого, только ступившего на арену политического ристалища человека, менее всего Гейдар Алиевич нуждался в этих, по существу, избитых, кочующих из уст одного оратора к другому, ритуальных заклинаниях. Никакой политической нагрузки и какого-то скрытого смысла они не несли, давно превратившись в словесную шелуху.

Аберрация лжи и правды — таково было мое отношение к возрождаемому в брежневские времена вождизму. Но как дерзнуть воспротивиться лавине словопрений, водопадами низвергающихся с трибун, экранов, эфира? Наверное, когда-нибудь можно будет переговорить обо всем этом с Самим,

решил про себя я. То было скорее спасительным утешением, нежели реальной возможностью. И я представить тогда не мог, что это неопределенное «когда-нибудь» возникнет в наших с Г.Алиевым отношениях в виде вполне конкретной даты: года, месяца, дня, часа. Как и не мог вообразить значение, которое придавал внешним признакам почитания тот, кому в те дни я искренне верил и к кому счастлив был обращаться как к своему политическому наставнику.

— Ну вот видишь, доклад выглядит основательным — чувствуется партийный подход и партийное понимание задач молодежи на современном этапе.

Я скромно улыбнулся и согласно кивнул головой — ясное дело.

— Ты чаще советуйся с Гурвичем. Он человек умный, опытный. Профессионал со знаком качества.

И Гейдар Алиевич приветливо улыбнулся. Напускная хмурость мгновенно испарилась, словно кто-то невидимый стер мрачную тень с лица этого сильного человека, упивающегося своей непростой работой, не считающегося с напряжением физических, душевных и умственных сил — ни в отношении себя, ни в отношении подчиненных. Его большое лицо, с крупно «выписанными» чертами, редко посещала улыбка, отчего в такие минуты оно преображалось и магнетизировало особой теплотой. В эти минуты в его благосклонность верилось с такой же безотчетностью, с какой ощущалась неумолимая беспощадность, когда его вечно прикрытые глаза наливались кровью негодования.

Так что же означала гримаса Гурвича — тик или же он по-свойски, как журналист журналисту, подмигнул мне, еще не очень искушенному в тонкостях высоких сфер аппаратной кухни?

XXIX съезд азербайджанского комсомола остался в моей памяти как веха, после которой начиналась новая жизнь. Другая, не та, которая грезилась еще недавно в юношеских мечтаниях.

Мой лайнер, рванув вперед по твердой полосе аэродрома, взлетел над землей безо всяких осложнений и без особых с моей стороны усилий и сопутствующих любому старту тревог. Хорошо отлаженная машина, повинуясь воле автомати-

зированной системы, стремительно набирала высоту и теперь бесшумно парила высоко в небесном пространстве.

Все было неправдоподобно надежно: и могучие крылья лайнера, и несокрушимая запрограммированность полета, и сама способность преодолеть вечное притяжение Земли — игра, увлекающая не азартом ожидания результата, а процессом загадочным и недоступным для большинства землян — состоянием невесомости...

Комсомольская путёвка

Право же, стоит иной раз взглянуть на перевернутые страницы истории под углом зрения современных реалий. Вот я докладывал на упомянутом съезде, что за отчетный период около 7 тысяч юношей и девушек направлены на важнейшие стройки республики по комсомольским путевкам. Несколько сотен посланцев комсомола выехали работать на всесоюзных ударных стройках, на строительство Байкало-Амурской магистрали, каскадов ТЭС в Сибири, возводимых на севере новых городов...

Представьте, обыкновенный бланк-документ, удостоверяющий, что обладатель сего направляется на работу из одного конца страны на другой, служил достаточным основанием для полного обустройства на новом рабочем месте. Вот что значила комсомольская путевка!

Позже, во время частых командировок по стране, ко мне не раз подходили мои молодые земляки, осевшие, обосновавшиеся в дальних краях, — познакомиться, просто пожать руку, рассказать о своем житье-бытье — нет, не на чужбине — страна-то была всюду своя, советская. Скажу так: вдали от исторической родины.

Одна из особенностей азербайджанской ментальности — привязанность к родному дому, земле. Я знавал немало ученых, литераторов, приобретших известность в Баку, прикипевших к городскому быту, тем не менее предпочитавших свой отпуск проводить не на курортах и в загранпоездках, а вдали от шума городского, в своей родной деревне. Многих успешных специалистов, партийных и государственных работников в разные годы перетягивали в Москву, в другие

крупные центры СССР, где карьера их шла, как говорится, в гору. И все же с течением времени их тянуло назад — домой, на родину. Вроде бы ничего плохого в том нет, даже привлекательная национальная особенность. Однако в условиях единого государственного пространства, а затем и глобализирующегося мира этот элемент ментальности, как ни крути, смотрелся недостаточной мобильностью.

Комсомольская путевка, с которой я начал этот эпизод, помогала преодолеть патриархальные привязанности, тянувшие назад, мешавшие утвердиться сотням наших молодых соотечественников в городах и весях России, почувствовать себя полноправным гражданином необъятной страны — Советского Союза.

Как-то, году в 1980-м, я оказался на строительстве БАМа с Эгоном Кренцем, лидером молодежного движения ГДР (через несколько лет он сменит Хоннекера, станет главой ГДР), а там отряд комсомольцев из Азербайджана вкалывает по полной программе. Узнаем: из 15 только один через несколько месяцев попросился назад — язва желудка одолела. По сравнению с отрядами из других республик процент отсева минимальный, доложил начальник строительства.

— Южан понять можно, — посочувствовал Р. Кренц. — Я ведь бывал у вас в Баку. У вас народ под стать климату — горячий. Какие из них сибиряки? — кивнул он в сторону азербайджанской бригады.

— Они-то и есть подлинные сибиряки. Их предки — древние тюрки — двигались на запад из этих краев не так уж давно: каких-нибудь тысячу-другую лет назад, — продолжил я разговор, дружески подмигнув оказавшемуся рядом чернобровому пареньку.

Ободренный вниманием высокого гостя из Москвы (я в ту пору работал секретарем ЦК ВЛКСМ), ладно слаженный крепыш шагнул к нам, крепко, по-рабочему, пожал нам руки, предварительно сдернув свои видавшие виды варежки, широко улыбнулся:

— Мы вас не подведем! Можете быть уверены!

Он действительно не подвел, тот паренек из Кубы: вырос в руководителя производственного объединения, сейчас из-

вестен как успешный бизнесмен. Мы часто вспоминаем с ним комсомольские годы, железнодорожное полотно, которое прокладывали комсомольцы со всех концов советской страны сквозь темную, казавшуюся неприступной тайгу, ту незабываемую встречу с Э. Кренцем.

— БАМ стал для всех нас своеобразной путевкой в жизнь. Здесь мы не просто нашли работу, впервые имели возможность хорошо заработать, найти себя, приобрести новую профессию. Это был шанс поймать птицу счастья за хвост. А те, кто прошел через БАМ, своего не упустит, — любит говорить мой давний знакомец.

На БАМе такие, как он, напоминали мне пионеров-покорителей Америки. По большому счету нам удалось в лучших из них зажечь дух ответственности, приключенчества, привить чувство конкурентности, самоутверждения. Они стали теми островками, вокруг которых сформировался архипелаг азербайджанской диаспоры, когда перестал существовать Советский Союз. Тысячи азербайджанских семей устремились в Россию в поисках лучшей жизни, бежали прочь от той «лучшей доли», которая была уготована им горе-реформаторами на родине.

Признаюсь, тогда, в декабре 1974 года, мое сообщение на съезде о тысячах азербайджанских молодых людях, направленных на стройки страны, для многих звучало сухой статистикой. Бурные волны молодежного протеста, пронесшиеся осенью 2010 года по европейским столицам с требованием обеспечить подрастающее поколение работой, достойной их опыта и знаний, напомнили о величайшем социальном благе, которое являлось нормой жизни в советские времена, — реализованном праве на труд.

Так что не зря столько внимания уделялось на съезде комсомола производственной тематике.

Замыслив эти воспоминания, я попытался раздобыть данные, хоть какую-либо статистику об обеспеченности работой лиц молодого возраста в сегодняшнем Азербайджане. Дело это оказалось непростым: имеющаяся официальная цифирь противоречит и плохо согласуется с данными независимых источников...

В сущности, работа комсомола как общесоюзного объединения молодежи, думал я, сводилась к усилению мобилизационного ресурса советского государства. На полигонах социалистического эксперимента имелось достаточно условий для приобщения новых поколений к научно-техническим и культурным достижениям современной цивилизации. На локомотиве социализма стране удалось за исторически ничтожные сроки сократить цивилизационную дистанцию, разделяющую вырывавшийся вперед Запад и народы, населяющие пространство советской Евразии.

Мы встроились в общепрогрессивную тенденцию мирового сообщества, думалось мне. Не отставать, продвигаться своим путем, заимствуя лучшее и отбрасывая все устаревшее, запустить механизмы совершенствования управления государственными системами. Практика саморазвития сама со временем отринет идеологическое пустословие, столь раздражающе действующее на молодые умы.

«Родина верит в молодое поколение, в его трудолюбие, настойчивость и самоотверженность...»

И убедительный перечень цифр и фактов: во всесоюзном смотре технического творчества молодежи принимает участие каждый третий труженик республики, каждый пятый студент, тысячи молодых людей направлены на предприятия различных сфер промышленности и сельского хозяйства, формируется 7-тысячный студенческий строительный отряд. Многие из них будут направлены на сооружение уникального промышленного комплекса — завода бытовых кондиционеров.

Это был преобразовательный процесс. Скольких людей он спас от улицы, приобщил к полезным делам, помог найти свое место в жизни! Можно ли оспорить это? Вряд ли! Помните, великого француза спросили: «Что вы делали, пока Робеспьер рубил головы, Фуше устраивал погромы, а Мирабо произносил речи?» — «А я жил», — ответил француз. Так вот — и я тогда жил.

Эта простая мысль — жить всегда, при любых обстоятельствах, в конце концов, сперва стала принципом, потом —

привычкой. И это помогло выжить в час, когда мир скукожился до размеров маленького оконца, забранного частой решеткой...

Но вот другая мысль в докладе: комсомольцы Сумгаитского трубопрокатного завода ряд лет поддерживают дружеские производственные связи со своими сверстниками с Нижнетагильского металлургического комбината, Первоуральска, Таганрога, Челябинска, Рустави. Но что это в масштабах 1/6 части Земли? Капля в море. Страна вроде единая, государство общее, а республики живут каждая своей жизнью? Признаками того, что из Советского Союза не получилось мегаплавильного котла для новой интернациональной общности? Да. Но понимание этого — истинного! — смысла пришло позже. Тогда же обнаружились первые трещины во взаимоотношениях республик, автономий, краев, народов, этнических меньшинств.

Можно ли было изменить тревожное положение, которое проявлялось в молодежной среде, с признаками национализма, с помощью туристических экспедиций «Моя Родина — СССР»? Дело хорошее, конечно, но по большому счету — легкий массаж, когда требуется серьезная терапия. Мы не верим в потерю до тех пор, пока не потеряем.

Я это к тому, что многое из того, что со временем стало болезненной явью, виделось уже тогда — в середине 1970-х годов. Однако верилось: преодолеем и это.

Социализм переболел многими общественными болезнями, а Советский Союз только окреп в борьбе с трудностями, стал могучей мировой державой. Кто с этим поспорит? Осознание советского опыта — это, прежде всего, цивилизационный вопрос. От него, как ближайшей опоры истории, нынешние политические элиты на постсоветском пространстве или отреклись, или прокляли. В том и состоит истинная причина того, что современные общества в независимых государствах оказались в некоем внеисторическом пространстве, существующем в ожидании катастрофы. Отсюда ощущение иллюзорности настоящего. Как, впрочем, и будущего...

Запомнились о первом моем комсомольском съезде (оказавшемся, увы, последним) эти размышления, а не победные

реляции, восторженные речи, коих тоже хватало, и даже не перетасовка руководящих органов республиканского комсомола — хочешь не хочешь, ЦК и аппарат пополнялись новыми людьми. Жизнь двигалась вперёд.

Но я выглядел бы неискренним в своих собственных глазах, не говоря уже о близких мне людях, если бы не упомянул о еще одном событии, имевшем место в том далеком декабре 1974 года. Событии хоть и не историческом, но изменившем — сущностно — всю мою будущую жизнь и потому заслуживающем того, чтобы быть отмеченным в данном повествовании.

Комсомольская свадьба

Работа в комсомоле имела то преимущество перед партийной, что продвижение по карьерной лестнице не требовало в обязательном порядке оформления брачного союза. Хотя принято было считать, что коли руководитель должен являть собой пример во всем, то и графа в анкете «Семейное положение» должна заполняться надежным и успокоительным, как валериановая настойка, словом «женат». Я же с выбором спутницы жизни явно припозднился. Не говоря уже о точке зрения национальной традиции — в Азербайджане исстари женились рано, обычно до 25 лет. При этом нелишне отметить, что мало помышляли о разводе.

Счастливый миг жизни

Перед съездом я второпях отметил свое 31-летие, обратив внимание участников импровизированного дружеского застолья, что истинную цену свободе только сейчас и начинаю познавать (восторженные аплодисменты холостяков, негодующие возражения оппозиционного меньшинства — женатиков).

Шутить по данному поводу оставалось недолго. И не потому, что дома незаметно образовался настоящий фронт сопротивления моему холостяцкому образу жизни, возглавляемый неутомимой Санубар-ханум, считавшей, как и все азербайджанки, что вопрос женитьбы не столько задача сына, сколько проблема матери. И даже не из-за участившихся намеков на официальном уровне на несовместимость статуса комсомольского лидера со статусом холостяка. У меня уже давно имелась избранница, и мы, по счастью, двигались к заданной судьбой гавани, прокладывая курс корабля не с помощью неписаных обычаев, а импульсами наших молодых влюбленных сердец.

Мы познакомились в Москве на одном из вечеров азербайджанской молодежи — студентов и аспирантов, обучающихся в столице.

Кто знает, что зажигает в юных душах тот яркий свет внезапного озарения, меняющий мир и высвечивающий в нем только ту одну, единственную, влекущую то ли улыбкой, то ли движением бровей, а может, и скольжением взгляда куда-то вдаль, мимо устремленных на нее взоров? Что? Несколько затуманенный и, одновременно, ясный и выразительный образ? Простота, которая самым непостижимым образом сочетается с тайной?

В том-то и кроется загадка женщины, ключ к сердцу которой скрыт в таинстве, именуемом любовью. А любовь, как известно, не поддается определению. Она есть тайна. Легче уловить момент ее зарождения.

...Она возникла предо мной в окружении блестящих молодых людей того времени — писателей, журналистов, популярных музыкантов, композиторов. Во всем ее поведении не было и намека на то, чтобы выделиться, привлечь внимание кокетством, блеснуть чем-то особенным. Однако не осталось незамеченным для пытливого взгляда — аура спокойного

достоинства, сопровождавшая ее, что-то таинственно неповторимое в облике. Впрочем, это «что-то» порой определяется одним словом «женственность».

И еще. Естественность манер и умение держаться в шумном, привлекающем всеобщее внимание обществе — качества, которыми природа предпочитает наделять прекрасный пол не слишком часто.

Без ложной скромности могу признаться, что я отнюдь не был обделен женским вниманием. Кое-какой опыт, приобретенный в спортивном и журналистском мире, конечно же, был. Мои шансы, помимо прочего, серьезно подкреплялись, как мне казалось, очевидным фактом моего положения в общественной иерархии. Вдохновленный сознанием собственного превосходства, я уверенно двинулся на штурм таинственной крепости под именем Хабиба, от которой исходило завораживающее сияние. Однако несколько остроумных реплик-стрел, обычно как минимум выражавших интерес, и пара-тройка еще не успевших обрасти бородой анекдотов, рассказанных, как мне казалось, с непринужденностью, были встречены с той интеллигентной вежливостью, которая не вдохновляет на продолжение беседы в том же ключе. Стало ясно, что имеет место случай, когда кавалерийская атака не может принести желаемого результата.

Не скажу, что такой поворот в любовной интриге мог охладить мой порыв, но некоторое замешательство в настроении имело место. Желанная крепость находилась на расстоянии более чем двух тысяч километров — в Первопрестольной. Свидания наши были редки, потому как Баку я мог покидать исключительно по служебным обстоятельствам, с ведома и разрешения высокого партийного начальства. Это означало, что мне придется приготовиться к длительной осаде оказавшейся неприступной крепости, предварительно вооружившись терпением и основательно обновив имеющийся арсенал средств, способных проложить путь к сердцу Хабибы Кашкай. Мы встречались урывками, нечасто, во время моих кратковременных командировок в Москву или ее наездов в Баку, связанных с работой над кандидатской диссертацией. В мои будни, заполненные до пре-

дела делами политического свойства, ворвалось нечто новое, живительное, волнующее. То были чувства и ощущения душевного праздника, которые навещают лишь раз в жизни. Особый оттенок придавала нашим отношениям любовь к театру и музыке. С ней невозможно было пропустить театральную премьеру или симфонический концерт в зале Чайковского. Почти по Бродскому: « Апрель. Страстная. Все идет к весне. Но мир еще во льду и в белизне...»

Предложение руки и сердца — естественное и логичное следствие ухаживаний комсомольского лидера за юной выпускницей консерватории, продолжающей учёбу в Московской аспирантуре, открывало зеленый свет на пути к практическому оформлению наших отношений, которые, с точки зрения гражданского права, должны были трансформироваться в чисто семейные, чему, однако, согласно народной традиции, не мог не предшествовать более или менее продолжительный этап жениховства. Это стало ясно сразу после того, как геологической знаменитости Мир-Али Кашкаю стало известно, что в жизни его дочери появился посторонний мужчина. Произошло это при обстоятельствах сколь любопытных, столь и запоминающихся...

В один из дней М.Кашкай выбрался из своего санаторного затворничества в столицу и объявился в общежитии, где проживала Хабиша. Тут-то и подкараулил его неожиданный телефонный звонок.

«Можно Хабибу ханум?» — услышал он мужской голос.

При таком повороте дела в душе любого отца, кем бы он ни был и какой бы нации ни принадлежал, всплывет ревнивый вопрос: кто он, этот посторонний мужчина, проникающий в комнату его дочери, пусть и по телефону?

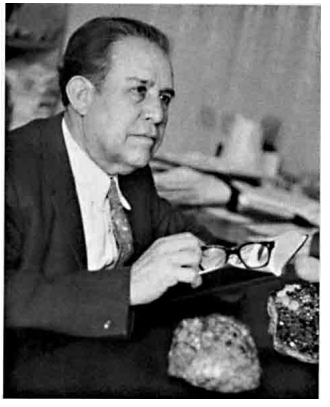
«Передайте, что звонил Гусейнов», — попросил незнакомец на другом конце провода и, извинившись, повесил трубку.

По свидетельству домашних, Мир-Али Кашкай в принципе лишен был традиционных восточных предрассудков, обязывающих отца создавать защитную систему этикета, призванную оберегать женскую половину дома от постороннего взгляда. Тем не менее неожиданный звонок встревожил его.

— Что это твои знакомцы представляются официально, как на партсобрании? «Передайте, что звонил Гусейнов...»

— Служебная привычка. Он ведь первый секретарь ЦК комсомола Азербайджана — Вагиф Гусейнов.

— Мог бы представиться и проще. Вагиф — прекрасное имя.



Мир-Али Кашкай

Так позже вспоминала Хабиба в книге «Кашкай», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ).

Для меня, как и для большинства моих соотечественников, имя Мир-Али Кашкая было связано с созданием Национальной академии наук, одним из отцов-основателей которой он являлся. Оказалось, происхождение фамилии, история семьи представляют не меньший интерес, чем геологические открытия отца моей избранницы.

Кашкайцы — так называется древний тюркский этнос. Они и поныне в Иране составляют одну из самых влиятельных этнических общин. Помимо прочего, от остальных граждан Исламской республики их отличает уникальное для мусульман свойство быта и образа жизни — раскрепощенность. Мужчины у них, например, исстари сами выбирали себе профессии и жизненный путь, а женщины никогда не носили чадру. Есть семейное предание, согласно которому прапрадед Кашкаев — Мухаммед-Сеид вместе со своими близкими покинул Родину и осел в Гяндже где-то в XVIII веке. Говоря языком генеалогии, пробанд, то есть исходное лицо в родословной Кашкаев, был богат и влиятелен, на новом месте женился на гянджинке, обзавелся большой семьей.

От него, Мухаммеда-Сеида, и пошел род моей супруги.

Лишь беглый взгляд на внушительный перечень народных предписаний не оставлял сомнений в том, что организация и проведение традиционных семейных шоу на радость родне, с большей частью которой предстояло позна-

комиться впервые, явно угрожали срывом выполнения азербайджанским комсомолом планов пятилетки, с соответствующим подрывом имиджа его лидера, поведение которого не могло не истолковываться как отказ от советского образа жизни.

Все эти этапы и атрибуты жениховства удалось миновать ввиду того простого факта, что Мир-Али Кашкай более всего ценил в людях (и соответственно — в своих детях) любовь к науке, что отнюдь не мешало ему проявлять уважение к другим родам человеческой деятельности. Требования обычаев были безжалостно принесены в жертву общественно-политическому статусу жениха и современным взглядам невесты.

Гейдар Алиевич, которого я проинформировал о намечающихся переменах в частной жизни лидера комсомольской организации республики, сурово предупредил:

— Надеюсь, что проведешь свадьбу без излишеств! Скромно!

— Свадьба будет комсомольская, — поспешил успокоить его я.

— У нас с Зарифой и того не было, — предался воспоминаниям он. Но тут же поспешил поставить точку в своем лирическом отступлении. (А то «было» случилось в голодные послевоенные годы.)

К слову замечу, что ослушаться совета, данного по-отечески непререкаемым тоном, с точки зрения практикуемых этических норм выглядело бы моветоном или хуже того — вызывающим игнорированием. Он считал, что должен оберегать своих подчиненных от опрометчивых шагов, дурного влияния, для чего им следует действовать в рамках партийных, этических условностей. В сознании азербайджанских лидеров почти всегда причудливо сочетались требования следования усвоенным партийным правилам с традиционными представлениями об особом месте и роли старейшины, аксакала семьи. В этом смысле Г. Алиев являлся законченной моделью азербайджанского советско-патриархального лидера, наделенного правом распоряжаться судьбами каждого члена семьи (компартии, ЦК, Бюро, Аппарата), мотивируя это защитой общепартийных, общегосударственных интересов. По-видимому, нужно слишком много

времени, чтобы политическое сознание рассталось с этим типичным проявлением авторитарно-патриархальной политической культуры.

Количество приглашенных безжалостно сокращается. Только самые близкие!

— А как же музыкальное сопровождение? — вопрошают глазами ответственные за организацию свадебного мероприятия друзья.

В самом деле, если у ворот, то бишь дверей, дома невесты не раздается вечером знаменитая трель зурны, возвещающая о появлении свадебного кортежа, какой праздник, какая свадьба?!

— Никаких излишеств!

Сбившиеся с ног, словно в предсъездовские дни, друзья понимающе кивают головой. И, тем не менее, в вечерний час во дворе кашкаевского дома на улице Гуси Гаджиева слышен музыкальный привет от жениха. Это Алхас Алиев из отдела пропаганды не удержался и вопреки всем предупреждениям, на свой страх и риск, пригласил зурначей, без пронзительных трелей которых, как считал Алхас, а вместе с ним и весь Азербайджан, нет свадьбы. Что тут поделаешь? Комсомольцы не могут без инициативы. Но эта из тех, за которую никого не накажешь...

Состояние бесконечного дежурства, почти военной мобилизованности на дела, совещания, речи, отчеты и заседания, в котором я пребывал последние годы, вдруг обернулось мгновением озарения. Ничего подобного со мной не случалось никогда прежде. Видно, правы те, кто утверждает в романах, что такое — ощущение счастья, когда ничто не неволит тебя и будущее видится ясным, без единого облачка — бывает только раз в жизни. В сущности, это был миг — один только миг!— упоительное скольжение по синим волнам океана, а помнится всю жизнь. Так, как будто оно никогда не покидало наши сердца...

Это неправда, что счастья не бывает. Ощущение ее иллюзорности есть плод величайшего разочарования: «На свете счастья нет, есть лишь покой и воля...» Правда то, что оно невечно. Как и сама жизнь... «Такими именами одарив, дала судьба союз им долгий, ибо без Хабибы другим бы был Вагиф,

а без него другой была б Хабиба»... Согласимся с поэтом, возблагодарим его и судьбу, из удаляющейся невозвратности которой текут «и две любви, как два ручья»[16].

А поздно ночью самолет унес нас в Москву — свадебное путешествие. Можно было воспользоваться и отпуском, кстати, первым за многие годы — 15 дней, разрешенных руководством. Зимние месяцы — период затишья в партийной работе: никаких тебе сборов хлопка, сдачи строительных отчетов. Это время отпусков руководителей.

Так что наше свадебное путешествие — одно из самых счастливых мгновений в жизни — кажется вечностью. Но мне надо возвращаться к своим делам. Сказано ведь: никаких излишеств!

Главная задача

И еще было сказано мне: «Вагиф, главная твоя задача – изменить отношение Гейдара Алиева к комсомолу. От отношения первого лица во многом зависит реальный авторитет наших организаций, следовательно, и их практические возможности. В условиях республики с восточной ментальностью значение этого фактора возрастет многократно. Проблему эту не решить без установления надежных, продуктивных личных отношений. Помни, пожалуйста, об этом. Считай это своей сверхзадачей».

Так сформулировал Борис Николаевич Пастухов свои наставления, напутствуя меня в ходе ознакомительной беседы, обычно сопутствующей приему нового руководителя республиканского комсомола в ЦК ВЛКСМ.

На первый взгляд, задача, поставленная передо мной, в значительной мере облегчалась тем фактом, что Г. Алиев сам вроде привлек меня, сделал членом своей команды, не скрывая своей симпатии к молодому, еще неопытному в политических играх человеку, всячески поддерживал. Как я успел заметить, эта поддержка имела и свое конкретное содержание: он учил словом и делом искусству аппаратного

[16] *Поройков Ю.* О будущем, которое прошло. Книга размышлений. — М.: Граница, 2007. — С. 132.

управления людьми, коллективами, умению взаимодействия с министерствами и ведомствами — средоточием реальных ресурсов, партийной администрацией — главным двигателем и опорой советской власти.

Каким бы энергичным ни являлся лидер республиканской организации, какими бы личными связями и авторитетом он ни обладал, при решении многообразных специфических проблем (создание рабочих мест, движение за механическую уборку хлопка, формирование строительных отрядов, не говоря уже о проведении различных массовых мероприятий — съездов, фестивалей, форумов, международных встреч и т.д.) он должен был располагать поддержкой местных властей. А они, как правило, ориентируются на первое лицо республики. Так заведено.

В связи с этим стоит сказать о том, что, наряду с определенной зависимостью от партийно-государственных структур, комсомол являлся в финансовом отношении самодостаточной организацией. Откуда поступали средства? От молодежного туризма — одна разветвленная сеть международных туристических центров «Спутник» приносила многочисленные доходы, путевки бакинского молодежного лагеря «Гянджлик», что в Загульбе, всегда были нарасхват. Прибавьте сюда средства от издательской деятельности (журналы и газеты с многотысячными тиражами!). Другое дело, что все эти денежные потоки, находившиеся в распоряжении ЦК ВЛКСМ, как бы опекались Управлением делами ЦК Компартии республики, зорко следившим за тем, чтобы они направлялись исключительно на нужды комсомольской организации при соответствующем обращении ее руководства и, само собой, при соблюдении существую-

Вручение комсомольского билета. 1976 г.

щей жесткой системы отчетности. Что греха таить, списать на пикники и всяческие гулянки деньги общей казны всегда найдутся охотники, а среди молодых да ранних – тем более.

С участниками комсомольского съезда

Так вот, я не припоминаю ни одного случая, чтобы курирующие организации проявили невнимание к моим многочисленным обращениям организационного или финансового порядка. Охотно шли навстречу и министры, и руководители госкомитетов, ведомств, всесильные секретари обкомов, горкомов, райкомов партии, хотя были среди них разные люди: и с государственной ответственностью, и грубоватые, капризные, а то и высокомерные.

Я далек был от мысли относить всеобщую благожелательность к собственной компетентности и иным талантам, прекрасно понимая, что тон задавало в этом деле первое лицо ЦК Компартии республики. Раз за разом при подведении итогов года или обсуждении результатов очередной кампании, связанной с выполнением директив Москвы или проведением важных правительственных мероприятий (Дни культуры РСФСР, международные конференции, фестивали, визиты важных зарубежных делегаций и т.д.), Гейдар Алиев не забывал подчеркнуть: «И ЦК ЛКСМ оказался на уровне поставленных задач. Комсомолия наша поработала хорошо, с полной отдачей». Или давал указание спичрайтерам внести в текст своего доклада абзац о вкладе комсомольской организации.

Словом, оценка деятельности комсомола ставилась в один ряд с партийно-государственными институтами Системы. Если и находились у него критические замечания в отношении моей работы, он делал это взвешенно, на каких-то своих внутренних весах выравнивая баланс сдержанной похвалы

и умеренной критики. Но не раз и не два — в тех случаях, когда выявлялись у меня недоработки или ошибки, связанные с личными упущениями, Первый аккуратно продолжал эту тему при личной встрече, давая понять, что он оберегает меня, молодого еще, неопытного ученика, от обвальной критики, нападок, охотников на которые всегда хватало в высших эшелонах власти. Однако где-то подспудно, как говорится — на интуитивном уровне, я понимал, что находиться в такой ситуации комфортно в целом, но чувствовал таящиеся в том латентные опасности: удачливых жалуют, конечно, но и завидуют им. А эта, не столь безобидная черта даже в быту. А что говорить о сообществе, где идет подковерная борьба за самоутверждение, за власть и где многие, если не все, научены работе локтями и подсечками.

В обманчивой тишине коридоров власти

Конечно, в таком своеобразном выстраивании взаимоотношений с соратниками заключались не только субъективные подходы Первого к кадровой политике, неизбежное присутствие симпатий и антипатий, но и выработанная годами личная система тестирования: «А как поведет себя выдвиженец, вдруг допущенный к трону?» Непростое испытание для человека, которому чуть больше тридцати, и он неожиданно для всех, а прежде всего, для себя, шагнул из суматошного журналистского мира в коридоры власти, обманчивая тишина которых только призвана скрыть молчаливую схватку страстей, бушующих за плотно прикрытыми дверями кабинетов.

Моим шефом и покровителем в одном лице являлся человек, прошедший жесткую школу советской спецслужбы, когда она именовалась еще НКВД, возглавляемой загадочным, как сфинкс, Л. Берия, а затем В.Н. Меркуловым, В.С. Абакумовым, С.Д. Игнатьевым, И.А. Серовым, А.Н. Шелепиным, В.Е. Семичастным и, наконец, Ю.В. Андроповым (имена-то какие, некоторые давно позабытые, но не потерявшие от того своей загадочности, ибо даже за самыми неприметными из них — скрытая история великой страны). И этот перечень имен вскрывал лишь один, верхний, види-

мый слой биографии. А что там, внизу? Тайная миссия за бугром? О чем даже люди информированные годы спустя говорят шепотом или полунамеками?

Когда-то давно, в годы Второй мировой войны, в Анкаре полковник советской разведки, заместитель резидента НКГБ в Анкаре Константин Волков решил уйти на Запад, запросив политического убежища в Великобритании. Все продумал и просчитал перебежчик, да одного не учел. Надо было тому случиться, что шифрограмма резидентуры Сикрет Интеллидженс сервис (СИС) в Турции, направленная в Центр, оказалась на столе начальника 9-го отдела (контрразведка против коммунистических стран и организаций). А им был... Ким Филби. Так в Москве узнали о замысле предателя, обезвредить которого после вмешательства легендарного Филби, нашего человека в СИС, являлось делом техники.

«Если бы Константину Волкову удалось уйти на Запад, по-другому сложилась бы карьера и жизнь одного из подчиненных Волкова по имени Гейдар Алиев и как следствие — немного иной стала бы история одного из современных молодых государств»,— рассказывает об этой детективной истории Юрий Батурин в своей книге «Досье разведчика»[17].

Что за этими несколькими строчками, какая информация? А в покрытых пылью времени папках, тщательно скрытых за семью печатями политического архива КГБ? Если коротко — то долгий ход рядового опера по лабиринтам тайной службы до генерала и председателя республиканского подразделения Комитета. Столь же долгая и покрытая тайной дружба с Цвигуном, с человеком Брежнева, присматривающим за Андроповым?! Везение ли, сверхудача, редчайший ли шанс стоять близко к такому человеку, пользоваться его доверием и покровительством? Несомненно! Но сколько в этой политической диспозиции подстерегает опасностей, подсчитал ли кто? Они за каждым поворотом, за каждым неосторожным движением, случайно оброненным словом.

Нет, не простая то была игра длиною в 21 год. Игра сперва в одной команде с 1974 по 1982 год, затем три полновесных раунда с 1982 по 1987 год, с 1988 по 1992 год, и последний

[17] *Батурин Ю.* Досье разведчика. — М.: Молодая гвардия, 2005. — С. 512.

раунд с 1993 по 2003 год, который прервался с его уходом из жизни. Впрочем, начало наших отношений мне иногда представляется первыми шагами будущего канатоходца, повисшего впервые над пропастью, предварительно доверив собственную жизнь и судьбу своему наставнику.

По-разному распоряжаются новички вотумом высочайшего доверия, оказанным высшим держателем власти. Спина невольно выпрямляется, голова гордо откидывается, глаза скользят мимо теней, замерших в тревожном ожидании или суетливо снующих вокруг. Иные, наоборот, сгибаются в три погибели, преданно заглядывают в глаза, выражая полнейшую готовность к любому приказу. Умение оглядывать себя со стороны и критически оценивать собственные поступки — вот все, что требуется для того, чтобы оставаться самим собой, не склониться, не отдаться воле общего течения, водовороты которого затягивают так же незаметно, как и увлекает своим завораживающим половодьем великая река политической жизни.

Помнится (как не помнить!) предостережение, заключенное в словах известного писателя и дипломата: «...Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Да,только о последней мечтают сонмища молодых людей, рвущихся на политическое поприще. На их характере, привычках, понимании своего места, роли и истинном предназначении оставит свой глубокий отпечаток образ мыслей того, кто являлся им примером в политике, управлении государством.

Кто возьмется измерить потери в государственном строительстве, общественном развитии, вызванные личностью — пусть и выдающейся, вознамерившейся олицетворять собой лидера, учителя, вождя? На каких весах измерить общественно полезное, прогрессивное, истинно необходимое стране и своему народу и потери, жертвы, принесенные во имя своих представлений об исключительности собственного властного предназначения?

Без ошибок, потерь и жертв не бывает политики. Но они находятся в прямой зависимости не только от талантов, опыта и знаний руководителя, но и единственного его стержневого достоинства — меры ответственности, без чего желание встать во главе народа является или авантюрой, или хуже того — преступлением...

Мой первый наставник в самом начале политического поприща, о чем я, честно говоря, не подозревал, входя в кабинет Рафика Аскерова, тоже с симпатией относился ко мне. И без привычных наставлений чтить старшего по возрасту, званию и должности, соблюдать исполнительскую дисциплину, быть верным дружбе и товариществу не обходилась, пожалуй, ни одна встреча с ним. Но крепко сидело в нем и другое.

— Что еще интересного? — вопрошал он после доклада об очередной командировке или отчетно-выборном собрании в городах и весях республики — айры?

Вообще-то это словцо в азербайджанской лексике многозначно. Оно может означать и «что еще?», и «что нового?», и «короче», и т.д. Первоначально я невольно напрягался, лихорадочно перелистывая блокнот с записями: не упустил ли чего? И тут же пускался в рассуждения об отмеченных недостатках и упущениях, проблемах в комсомольских коллективах, пожеланиях иных комсомольцев, иногда личных просьбах.

— Айры? — нетерпеливо перебивал шеф, и в голосе его звучало недоумение. Мол, экий ты, братец, непонятливый — все о работе да о работе.

Я терялся, тушевался, невнятно бормотал, мол, вроде бы сказал обо всем, в следующий раз буду более внимательным... Пришлось в конце концов Рафику Гамбаровичу прибегнуть к открытому тексту.

— Мы должны знать не только о том, что говорят о нас с трибун. Истинное мнение и отношение звучит только в частных беседах и разговорах.

Что думают о комсомольском начальстве в комитетах, районе, а главное — в самом аппарате — важнейшем механизме власти, который должны отличать не только высокая исполнительская культура, профессионализм и знания. В какой мере он управляем, предан, нет ли интриг, группировок, не работает ли кто на иные центры власти? Таков был смысл знаменитого аскеровского «айры».

В начале аппаратной работы мне показалось это особенностью характера нашего руководителя, человеческой слабостью, над чем, кстати, многие посмеивались на всех трёх

этажах здания ЦК ЛКСМ, считая ее причудой, блажью, проявлением неистребимого провинциализма, довольно часто встречающегося среди азербайджанских руководителей различного ранга. Позже убедился, что имеет место достаточно распространенное явление, воспринимаемое у нас как чисто административный способ владения аппаратом, управления им с помощью неформального информационного канала.

Не скажу, что Г. Алиеву был чужд интерес к такого рода информации. Но уж если говорить об этом, то следует признать, что полная информированность обо всех сторонах жизнедеятельности членов своей команды являлась одним из основных принципов его рабочего стиля, живого, не ослабевающего внимания к нуждам аппарата, не исключая и частную жизнь тех, кого он подбирал себе в соратники, помощники, выдвигал на руководящую работу. Пожалуй, это было даже больше, чем привычка, стиль. Скорее, речь идет об особенностях характера, на практике, по существу, трансформировавшихся в отдельное, особое направление его повседневной деятельности.

Занимался он этим со свойственной ему основательностью, на должном профессиональном уровне, с подключением спецслужб, а также иных, как говорят социологи, каналов обратной связи, не чураясь помощи своих, лично преданных ему людей, исподволь, неприметно расставляемых им по всей вертикали и горизонтали властного пространства. Недаром он любил повторять: «Для того чтобы правильно работать, избежать ошибок, надо располагать правильной информацией». Почти по Норберту Винеру, создателю кибернетики: «Правильно жить — это жить, располагая правильной информацией».

Было бы ошибкой думать, что в нем говорила только лишь привычка или большее доверие к своей прежней службе. Скорее, оба чувства были по силе равны. А способ формирования кадров, сколачивания аппарата, выдвижения по иерархической лестнице он рассматривал как одно из условий достижения главной цели — непререкаемости власти.

Причем известно было, чтобы быть спокойным за свой аппарат, Первый реанимировал подзабытую в годы «оттепели» практику проверки и перепроверки номенклатуры

сквозь сито КГБ. К слову, не надо думать, что к этому методу прибегал один лишь М.-Дж. Багиров. До «оттепели» это была общая практика. Прибегали к услугам КГБ и партийные органы, за ними потянулись и Совмин, советские органы[18]. Так что, с одной стороны, ничего нового в таком осуществлении кадровой политики вроде бы и не было. С другой, Гейдар Алиевич поднял это требование, как говорится, на новый уровень, и придал ему некий обязательный бюрократический флер. И это несмотря на то, что уже однажды громко, во всеуслышание ЦК КПСС устами Н.С. Хрущева осудил подчинение партийных органов спецслужбам.

Он с нескрываемым интересом выслушивал мои сообщения о положении на местах, проблемах, возникающих во взаимоотношениях комсомольских, партийных и государственных органов, любил, скажу честно, некий баланс положительного и отрицательного в этих сообщениях, имел вкус к политическому осмыслению общественных явлений и событий.

Несмотря на постоянную занятость, находил время обменяться мнением по внешнеполитическим вопросам (когда речь шла о международных связях азербайджанского комсомола), живо, с юмором реагировал на случаи незадачливости некоторых визитеров, курьезы, а то и пикантные эпизоды, на которые богаты молодежные олимпиады, фестивали и даже научно-политические конференции. Но что-либо похожее на знаменитое «Ayri» в ходе официальных, полуофициальных и частных встреч (довольно частых в годы моей работы в Москве) не припоминаю. Слишком уж ответственно он подходил к собственной личности, относясь к ней как к жизнетворчеству.

Он умел обозначать свой собственный уровень руководителя и старшего по политическому званию и возрасту, как у нас говорят, статус истинного аксакала, сохраняя дистанцию между собой и подчиненным, как бы он ему ни благоволил. Первый, как никто другой, знал о силе своего влияния, впрочем, и его соратники знали о том, что лучше ему не пе-

[18] *Исмайлов Э.Р.* Азербайджан: 1953–1956. Первые годы «оттепели». — Баку: Адыльоглы, 2006. — С. 89.

речить, не плыть против течения, мол, Первому виднее, кого миловать, а кого наказывать. Столь же прямолинейно и безотказно действовала эта технология административного управления, когда не дай бог высочайшая милость вдруг сменялась непреходящим гневом. Вокруг провинившегося вдруг возникала непроницаемая стена отчуждения, непреодолимая смесь недопонимания, игнорирования, обструкций.

Мне еще предстояло узнать, что нарушившему это неписаное коллективистское правило не прощалась минута своенравия, проявления чувства солидарности с объектом остракизма — своеобразной формой политического недоверия по умолчанию. По большому счету, это было одним из правил утверждающейся в правящей касте системы взаимоотношений, частью партийной ментальности. И не самым главным.

Его ущербность, полное выхолащивание сути коллективного руководства выпукло проявляется, если рассматривать стиль руководства, культивировавшийся Г. Алиевым в отрыве от общей практики. А она в том или ином виде была принята везде. Простой пример — М.С. Горбачев, провозгласив курс на демократизацию, до последней минуты не терпел возражений, безжалостно избавлялся и подвергал обструкции каждого из членов Политбюро, не согласного с верховным мнением.

Жесткие правила игры, раз и навсегда исторически сложившиеся в сознании правящего класса СССР, обязывали каждого, кого она, говоря сталинской лексикой, рекрутировала в свои ряды, оставаться в уготованной ему колее.

Разумеется, личность руководителя, его общая политическая культура, сложившиеся традиции коллективного руководства накладывали свой отпечаток на стиль и методы управления, но тенденция к жесткому авторитаризму сохранялась общая. Руководитель страны при любом государственном устройстве, а тем более при централизованной власти, определяющим и самым непосредственным образом влияет на события и судьбы, скажем, как никто другой, остается орудием истории. За этим зорко присматривает царь-случай.

Итак, молодежь училась, работала, овладевала знаниями. Резко возросла доля городского социума в общем составе населения. Американцы, заезжающие в Баку по линии Комитета молодежных организаций (КМО) и Бюро молодежного туризма «Спутник», сравнивают азербайджанскую столицу с Хьюстоном. Под этим подразумевается не только внешнее сходство двух нефтяных мегаполисов. Троллейбусы, автобусы, перебрасывающие ежедневно сотни тысяч жителей из одного конца растущего Баку в другой, ходят строго по графику. Бакинское метро работает в неукоснительном соответствии с советскими стандартами «подземки», усвоенными еще в 30-е годы с появлением Московского метрополитена: мраморный блеск станций, точность движения поездов, вежливость обслуживания, стерильная чистота. По движению бакинской электрички, пускающейся в путешествие по Абшерону с 5 утра и до 1 ночи, можно сверять часы.

И еще поражает иностранцев отсутствие пьяных на улицах. Слово «бомж» еще неизвестно местной прессе. Наркомания проявляется в потреблении настолько малым числом жителей так называемых неблагополучных районов города, где курение анаши является такой же традицией, как и спекуляция дефицитными товарами. Слово «анашист» в Баку имеет презрительно-оскорбительное содержание. В наркологическом диспансере зарегистрировано несколько десятков больных, именуемых малопонятным термином «морфинист». Это в основном люди, приобщившиеся к уколам морфия вследствие медицинских обстоятельств. Экзотическое курево марихуана и героин, которым страны Латинской Америки забросали США и Западную Европу, звучит для азербайджанского слуха так же загадочно, как и блатные песни о «серебристых дорогах кокаиновой пыли».

Бог с ними, с наркотиками. В Баку водки вдоволь, вина производится столько — всю солнечную республику можно споить. А вытрезвителей — один-два и обчелся, да и те, как правило, не всегда полны. Разумеется, действуют, как пишут публицисты, механизмы национальной ментальности: пьющий мужчина — стыд и позор семьи, рода. Но Баку, как и большинство индустриальных центров, сохраняет свой многонациональный облик.

Так что вовлечение комсомолом в свою орбиту вступающего в жизнь юношества, приобщение молодежи посредством множества общественных инициатив к трудовому процессу, как главное условие советского образа жизни, равно как и в спортивное движение, воинская служба имели не только огромное значение в деле формирования принципов здорового образа жизни.

Комсомол практически оберегает сотни тысяч мальчишек и девчонок от всего того, чем манит в этом возрасте улица. Кто возьмется сегодня оспаривать это? Факт остается фактом: на месте старого Азербайджана создана инфраструктура новой реальности — в виде заводов, фабрик, городов с новым жильем и городским транспортом. И главное — городским социумом, городским образом жизни. Ничего этого в Азербайджане ранее не было, а если и имелся в Баку городской уклад, созданный капитализацией, то в нем национальный, азербайджанский, элемент не являлся доминирующим. Мы привили целому народу новую трудовую этику, дали народу Общее дело. Это и есть модернизация.

Закрытое общество, «железный занавес»? Конвергенция из лекций американских профессоров и трудов еврокоммунистов проникла в политическую практику противостоящих супердержав — США и СССР. А как же иначе? Такова, если хотите, цена мирного сосуществования. Потому как главное содержание эпохи противостояния систем — угроза войны. Она исходила от американского милитаризма, доказательств чему множество — от Хиросимы до секретного плана ЦРУ «Дропшот». А советский народ искренне желает избежать войны. О ней — беспощадной, голодной и холодной — он знает не по учебникам. Мое поколение — по голодному детству...

Однако бесспорно и другое: в тихую, безмятежную советскую провинцию доходят смутные слухи о заявлениях академика Сахарова, новых книгах Солженицына, сентенциях генерала Григоренко, лишенного советского гражданства. И, наконец, прочно закрепилось в лексиконе современника слово «диссидент».

Они, диссиденты, думал я тогда, оценивают советскую действительность исключительно сквозь призму нерешенных проблем, гималаев ошибок, нагромождений недостат-

ков. Для них Советский Союз окрашен не в красный, как для нас, а в сплшной черный цвет. За ним правды не разглядеть. А правда — большая — заключается в том, что на Советский Союз надо смотреть как на первое в истории человеческой цивилизации, полностью искусственное общество, как беспримерный социальный проект, призванный целенаправленно, сознательно и по-новому построить общество равноправия и справедливости, социально ориентированное государство.

Величайшим продуктом этого государства является новый тип человека — «человек советский», «гомо советикус». Вот он — продукт культурного программно-проектного эксперимента, переработавшего менталитет целых народов... Социализм, если хотите, был востребован историей, он был необходим как закон — закон истории. Говорят, что он невозможен, а если и возможен, то только как прекрасный миф. Может, и так, но кто сказал, что нам, советским людям, не под силу невозможное?! Совладать с невозможным — вот цель борения. Все революции прошли через это. И наша — не исключение. Для того чтобы себя изменить, надо взяться за невозможное. Это ведь не мы, комсомольцы, придумали.

Инакомыслие? Это другое — все революции, любая оппозиционность начиналась с инакомыслия. Вон у Амальрика по прибытии в США «Голос Америки» спрашивает: «Сколько инакомыслящих в Советском Союзе?» «300 миллионов!» — отвечает диссидент.

Что и говорить, остроумно. И, как во всяком остром слове, доля правды. Только вот сколько ее, правды?

Если глубоко разобраться, инакомыслие можно разглядеть и во многих писателях, историках, лекторах-международниках, обладающих большей и откровенной информацией о состоянии международного коммунистического движения. Многое из того, что они говорят, и то, как они трактуют новые тенденции в меняющемся противоречивом мире, явно отличается от официальной точки зрения. Так что иначе мыслить не запретишь. Где-то инакомыслие смыкается с критическим взглядом на действительность. Отказаться от такого, естественного для любого общества осмыс-

ления жизни — то же, что и лишить врача права на свой диагноз. Тогда возникает ситуация, о которой грузинский философ Мераб Мамардашвили говорит: «Существовать, не существуя...»

О том же говорит на лекциях наш бакинский, философически настроенный профессор Байрам Таирбеков по поводу запретов на упоминание ряда исторических событий и личностей: «Приказано присутствовать, отсутствуя».

Тоже ведь инакомыслие...

Гейдар Алиевич несколько раз предупреждает: «Обрати внимание на студенчество. На молодых поэтов и писателей. Надо быть ближе к ним. Знаешь, небось, что творится в Москве...»

Естественно, доносилось и до нас.... С творческой молодежью у меня прочные личные контакты с журналистской поры. Максуда Ибрагимбекова знаю со времени работы на радио, он в те же годы являлся собкором иновещания Всесоюзного радио. Отличная школа. Дружу с Рустамом, чьи работы идут с успехом на всесоюзном экране. В нашем доме частые гости лауреат международных конкурсов Фархад Бадалбейли, популярнейший Муслим Магомаев, Полад Бюльбюльоглу, Эльдар Кулиев и др. Вслед за азербайджанской композиторской школой заявляют о себе и исполнители. Полад и Фархад вошли в состав ЦК ЛКСМ. Все они охотно принимают участие в мероприятиях комсомола — никакого снобизма, всецело поглощенные творчеством, свободно мыслящие люди. Особенно Рустам Ибрагимбеков — с убеждениями, принципами, которым не изменял, невзирая на изменения политического и социального строя, переоценку ценностей, когда дрогнули многие.

Что же касается студенчества в целом, оно у нас — в особой повестке дня.

Число специалистов в республике росло с каждым годом. Однако по этой части Азербайджан все же серьезно уступал соседней Грузии, не говоря об Украине, Белоруссии, республиках Прибалтики. Рост числа вузов и техникумов, увы, не сопровождался соответствующим подъемом качества подготовки педагогов, инженеров, врачей. И даже налицо были явные признаки попятного движения.

Об этом, кстати заметить, мы подробно говорили на одной из наших встреч с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Михайловичем Тяжельниковым. Он согласился с тем, что выход из сложившейся ситуации – в максимально возможном использовании союзного потенциала в деле подготовки специалистов, не раз оправдавшем себя в прошлом. Значительное увеличение числа юношей и девушек из Азербайджана, направляемых на учебу в вузы Москвы, Ленинграда и других городов Российской Федерации и союзных республик, – сказал он, – несомненно, скажется на уровне их профессиональной подготовки, не говоря уже о других аспектах формирования лучших качеств личности.

Вопросы отбора молодых людей для учебы в вузах союзных республик, условий проживания, учебы, распределения — одним словом, весь комплекс проблем подготовки молодых специалистов и ЦК Компартии, и Совмин, и комсомол республики держали, как говорится, под контролем. Практически каждая моя командировка в Москву включала различные мероприятия с азербайджанским студенчеством, изучение конкретных дел и проблем молодежи. О поднятых студентами вопросах я регулярно информировал нашего лидера, выносил на обсуждение Бюро ЦК партии, а то и привлекал к их решению соответствующие министерства и ведомства. С таким же вниманием в ЦК ЛКСМ относились к непростым вопросам трудоустройства молодых специалистов.

Не раз и не два эти обсуждения на вершине власти завершались острыми перепалками с чиновниками самого высокого ранга. Не всем нравилась напористость ЦК комсомола, как и не нравилось, что нелицеприятный разговор поднят на высочайшем уровне — Бюро ЦК. А третейским судьей в таких случаях являлся Первый. И когда становилось известно о невнимании к нуждам наших земляков в Москве или где-то еще, миновать гневных тирад и оргвыводов было непросто.

Без преувеличения можно утверждать, что окончательная деградация образовательной системы, наступившая в конце 1980-х годов, имела бы еще более худшие последствия для всех сфер производства и государственной жизнедеятельности, если б не тысячи специалистов, подготовленных в наше время.

«Считать это первейшей обязанностью комсомола!»

С этих слов тогда же, в 1970-е, актуализировалась другая проблема — военно-патриотическая подготовка молодежи. Началось все, помнится, с постановления ЦК КПСС, в котором указывалось на то, что во многих национальных республиках вопросам призыва в армию, военной подготовке уделяется мало внимания. Это становилось тем более нетерпимым в связи с известными перекосами в демографическом развитии страны: в России, европейской части — недород, в Закавказье и Центральной Азии — демографический взрыв. Вклад упомянутых демографически благоприятных регионов в укрепление личного состава Советской Армии явно не соответствовал их возможностям. Хуже того, наметилась тенденция к уклонению от воинской службы (слабое знание русского языка, образовательный уровень, не соответствующий возросшим требованиям армии), карьера офицера давно перестала быть престижной и т.д. Да что там говорить, об этом все хорошо знали.

Как секретарь ЦК комсомола я входил в состав республиканской призывной комиссии и, естественно, видел эти процессы, работая в ней. К сожалению, было немало тех, кто без особой охоты шел в армию, все больше парней из села. Не раз обсуждались эти проблемы и в ЦК ЛКСМ. Реакция Первого на упомянутое постановление была молниеносной и решительной. Правда, первоначально на прицеле партийного руководства оказалось взяточничество, процветавшее среди офицерского чиновничества, сотрудников военкоматов. Ничего странного в том не было — борьба с коррупцией являлась стержневой линией нового курса. Со скандалом полетели головы нескольких военкомов, сменилось руководство республиканского военкомата, в вопросах своевременного призыва в армию внешне был наведен относительный порядок.

Аналитическая справка, подготовленная комсомольскими экспертами, обширная информация о состоянии дел по пополнению офицерского корпуса Советской Армии, недоукомплектованности многих воинских подразделений, увы, никак не соответствовали общим радужным представлениям

военкоматов о популярности военных среди выпускников школ.

Мы привыкли гордиться знаменитыми поэтами, композиторами, учеными, художниками. А где генералы, адмиралы, офицеры? Раз-два и обчелся. А военная косточка укрепляет нацию. Говорить о гармоничном, всестороннем национальном развитии без военных традиций — значит, сознательно упрощать проблему военно-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Такова была позиция не только моя — всех членов Бюро ЦК партии. Личная точка зрения даже в руководящем органе, каковым являлось Бюро ЦК партии, обретает государственную силу при единстве взглядов и безусловной поддержке Первого. Это также усвоено было мной и теми, кто высказывался по данному вопросу. Как отнесется к ним Первый? А вдруг учует националистический крен? Тут уж одним грозным окриком дело не кончится...

— Наши ребята служат или в строительных батальонах, в лучшем случае водителями. Где танкисты, артиллеристы? — гневно вопросил Алиев Г., недобро поглядывая на соратников, день и ночь исполнявших его поручения по выполнению и перевыполнению планов пятилетки.

Признаться, мы, как и, наверное, вся советская страна, полагали, что Советская Армия, находившаяся под пристальным вниманием Политбюро, пребывает в надежных руках. И если возникнут какие-то проблемы, то генералы и маршалы знают свое дело, не подведут партию и правительство.

— Где наследники генералов Шихлинского, Ази Асланова, Героя Советского Союза Исрафиля Мамедова? — вновь вопросил Первый.

И я понял: в число тех, кто вовремя не озаботился подготовкой смены легендарных героев, внесен и я, со всеми последствиями из этого печального факта.

— Почему Москва должна напоминать нам о нашем патриотическом долге?! Ведь речь идет о самом святом — защите Родины!

Эти тезисы позже не раз звучали предупредительным рефреном на пленумах и съездах, активах, многочисленных партийных и комсомольских мероприятиях, связанных с по-

пуляризацией военного дела среди молодежи, патриотическим воспитанием, подготовкой к воинской службе.

С течением времени, однако, появились признаки того, что наш лидер, как бы точнее сказать, несколько преувеличивал значение жесткого контроля за работой военкоматов. Упования на административные меры являлись его любимой методой. Однако чем больше мы у себя в комсомоле занимались проблемой призывников, тем яснее становилось — причины отлынивания от воинской службы имели куда более глубокие корни. Выносить проблему на широкое обсуждение не представлялось возможным по идеологическим причинам, но напомнить, привлечь внимание политического руководства к некоторым историческим аспектам проблемы было необходимо. Впрочем, не следует думать, что партийное руководство, тем более Г. Алиев, так уж не ведали о них. Знали, конечно. Но как о них сказать — доверительно, так, чтобы быть правильно понятым.

А исторический нюанс заключался в том, что в царские времена азербайджанцам, как, впрочем, и некоторым другим инородцам, попросту не доверяли. Русская армия шла в бой под лозунгом «За веру, царя и Отечество!» Магометанам со временем предоставили возможность обойти службу с помощью выкупа. Вот и приучились, особенно на селе, откупаться от службы. И казне польза, да и если инородцы отвыкают от военного дела — царю спокойней. Только в ходе Первой мировой войны патриотически настроенные азербайджанские общественные деятели добились создания воинских формирований из числа воинов-азербайджанцев. И вот после того, как азербайджанцы с боями прошли сквозь Вторую мировую войну, служба в армии стала рассматриваться как свой гражданский долг, кто-то вновь их приучает откупаться. Вот в чем беда! — так примерно обосновывался наш новый подход к постановке военного дела в специфических национально-исторических условиях Азербайджана.

И наш Первый не имел ничего против такого подхода, разумеется, решая проблему, не акцентируя ее исторических ипостасей, максимально используя возможности, которые предоставляли новые условия единого советского государства, его первоклассной военной машины. Я, как комсо-

мольский лидер и кандидат в члены Бюро ЦК Компартии, видел в данном направлении политической линии хорошую возможность внести новый элемент оздоровления и во всю кадровую политику.

— Служба в армии, скажу по своему опыту, формирующим образом влияет на характер молодого человека, вступающего в жизнь. По мне, каждый, кто выдвигается на руководящую работу, наряду с дипломом, должен иметь и воинский билет, подтверждающий добросовестную службу в рядах Советской Армии. Вот на Украине считается постыдным делом избегать службу, а отслужив, возвращаться в родное село без сержантских нашивок.

Гейдар Алиев не был бы Алиевым, если бы на довод собеседника не ответил контрдоводом, умело обогащая стоящую мысль собственными соображениями, незаметно превращая ее в обоснованную концепцию.

— Азербайджану с его молодой государственностью, азербайджанцам, как молодой нации, история предоставила редчайший шанс воспользоваться опытом и возможностями одной из величайших армий современности — Советской Армии. А мы не хотим палец о палец ударить, чтобы воспользоваться этой поистине прекрасной школой воинской доблести и выучки. Откупаемся! Стыд и позор! Займись этим вопросом вплотную. Эта работа — на года. Считай это первейшей обязанностью комсомола. Надо сделать так, чтобы к службе юноши относились не как к упущенному времени, а как к гражданскому долгу и мужской чести. Сам воинский призыв должен стать праздником! Со взяточничеством я разберусь сам. Есть другая сторона проблемы — воинская специальность, офицерство. Знаешь, сколько у нас офицеров на действительной службе?

К стыду своему, точными сведениями на сей счет я не располагал. Он же, если ставил вопрос, обязательно знал на него ответ. Не помню точно приведенной им тогда цифры, но сама беседа врезалась мне в память не в последнюю очередь из-за поразившей статистики: несколько генералов, десяток-другой полковников да младшие офицеры.

Так началась большая и по-настоящему государственного значения работа по улучшению всей постановки военно-пат-

риотического воспитания, армейского дела в Азербайджане. По своему содержанию, масштабам и достигнутым результатам ее можно считать проявлением политической самостоятельности в жестких условиях единого государства. Хорошо также помню, как много делалось для популяризации воинской службы, внимательно отслеживалось направление в военные училища выпускников школ.

Однажды разразился скандал – в справочном материале, представленном республиканским военкоматом, за внушительной цифирью поступивших в военные училища посланцев республики азербайджанцы составили разве что треть. Досталось и мне заодно за то, что доверился военкомовским сведениям, не поинтересовался истинным положением вещей. И поделом.

Пришлось создать целую систему отбора и подготовки абитуриентов в Бакинское высшее военно-морское училище имени С.М. Кирова – одно из старейших учебных заведений по военно-морским специальностям. Вскоре командующим Каспийской краснознаменной флотилии, доминантной, сдерживающей силы СССР в регионе, был назначен вице-адмирал Касумбеков Гамид Габибович.

В какой-то мере появление во главе одной из советских флотилий флотоводца-азербайджанца явилось отражением грамотно обоснованной и разработанной политики республики по участию в укреплении оборонного потенциала страны. Министерство обороны не могло не учитывать патриотического и воспитательного влияния колоритной фигуры азербайджанца-адмирала в республике с быстрорастущим

С дважды Героем Советского Союза космонавтом Николаем Рукавишниковым среди офицеров Каспийской краснознаменной флотилии

населением. В большой политике часто используется и такой пропагандистский эффект.

А вслед за этим, не без напряженных споров с советским генералитетом, удалось открыть в Баку специализированный военный интернат для молодежи имени Дж.Нахчиванского.

Мы не уставали доказывать своим оппонентам: Азербайджан является одной из демографически растущих республик, где много свободных молодых рук. Молодому человеку из Азербайджана непривычно перебираться в Воронеж, куда-то на Урал (другое дело Москва — столица!), чтобы поступить в военное училище. В свое время, когда создавался Бакинский индустриальный институт (нынешняя Нефтяная академия), преподаватели выезжали в районы для популяризации среди населения нефтяного дела, профессии инженера-нефтяника, убеждали мы недоверчивых генералов. Появление курсантов училища на улицах Баку, возможность жить и учиться в столице, да к тому же на полном государственном довольствии, перетянет детей из малоимущих семей. А это, как правило, не неженки, такие умеют преодолевать жизненные невзгоды.

Как-то во время посещения одного из воинских подразделений, что Г. Алиев делал всегда с большой охотой, внимательно оглядев солдатские койки в казарме, заметил: «Для иного паренька из глубинки такие условия — романтика, о которой можно лишь мечтать». И усмехнулся, наверное, вспомнив свое голодное детство: «Спали на полу, один матрац, и то на троих — вечное перетягивание одеяла...»

Много сил и энергии было потрачено для приобщения азербайджанского юношества к военному делу. Скольким молодым людям благодаря этому удалось получить прекрасное военное образование, скольким привит был вкус, потребность к военной карьере! Реализовать эти замыслы, пробить в московских инстанциях, где всегда настороженно относились к новшествам в сфере обороны, оберегая армию, особенно флот, от излишней «национализации», стремясь сохранить ее первозданную русскость, партийному или комсомольскому секретарю из небольшой, в общем-то, республики, не блиставшей военными успехами в прошлом, было отнюдь не просто. И все же удалось шаг за шагом пе-

реломить инертное отношение к воинской службе, к воинскому делу.

Можно говорить о том, что эта линия ЦК Компартии Азербайджана являлась продуктом тщательно взвешенной, обдуманной и разработанной национальной политики, что бы там ни говорили. Она свидетельствовала о самостоятельности политического мышления руководства республики, его государственном уровне. Ее реализация подтвердила старую истину: федерации (пусть даже именуемые империями) провозглашают и законодательно закрепляют пределы самостоятельности составляющих их государственных образований. Реализовать это право — дело самих народов, их элит и лидеров.

Уловив истинно национальные потребности, предвосхитив их, можно в полной мере воспользоваться возможностями федерации, а при определенной настойчивости, государственном подходе — и серьезно расширить рамки возможного. Полагаю, эта линия явилась одним из крупных достижений нового курса. И вклад в ее осуществление Г.А. Алиева, особенно на первом этапе руководства республикой, несомненен. Воздадим ему должное за это.

ЦК ЛКСМ, как и партийные, государственные, общественные структуры, в эти годы значительно активизировал работу, объединив свои усилия с Советом революционной славы, куда входили ветераны партии, с политотделами военных частей Закавказского военного округа, Каспийской флотилии, Бакинского округа ПВО, пограничных войск и другими. Со временем сложилась четкая структурная схема взаимодействия государственных и общественных организаций в вопросах военно-патриотического воспитания молодежи.

Небезуспешные результаты деятельности руководства республики естественным образом подвели Г.Алиева к мысли об активизации участия Азербайджана, его индустрии, науки и, наконец, представителей республики в освоении космоса. К этому вопросу руководство республики подходило осторожно, предварительно подготовив надлежащую научно-производственную базу. Азербайджан охотно сотрудничал с советским военно-промышленным комплексом, идя на создание закрытых заводов оборонного значения, которые со

временем серьезно укрепили научно-технический потенциал Баку, Гянджи, Сумгаита. На современных, оснащенных передовой техникой предприятиях концентрировались своеобразные советские «синие воротнички» — высококвалифицированная инженерия, среднетехническая интеллигенция, представители новых современных рабочих специальностей.

Всячески поддерживались начинания известного азербайджанского ученого, динамичного организатора Тофика Исмайлова, инициировавшего создание в Баку производственного объединения, привлеченного к участию в космических программах СССР.

Воодушевляющий эффект для «космических» задумок нефтяной республики имел полет космонавта бакинца Виталия Жолобова, выпускника Бакинского индустриального института. После своего триумфального полета космонавту устроили еще более триумфальную встречу в родном для него Баку.

«Посланец космоса» оказался на редкость симпатичным парнем, и я с удовольствием организовывал и участвовал в его многочисленных встречах со студентами, учеными, молодежными коллективами, комсомольским активом, деятелями культуры и исскуства. Общение с живым героем, к тому же приветливым, искренним, с юморком человеком из космической команды Союза ССР доставляло всем нам какое-то забытое ощущение праздников ранней юности. Мы с ним сблизились, наши отношения естественным образом перешли в крепкую мужскую дружбу, которой не помешал даже распад нашей общей великой страны.

Кажется, после этого посещения столицы Азербайджана «космическим пришельцем» во время редких доверительных бесед Первый высказал мысль о необходимости добиться включения азербайджанца в группу подготовки космонавтов.

— Я тут кое-что предпринял со своей стороны...

Гейдар Алиевич редко посвящал своих соратников, даже близких, в свои планы, замыслы, задумки. И тут он заговорил в своей обычной многозначительно скрытной манере, не вдаваясь в подробности.

С космонавтом В. Рождественским на приеме в ЦК КП Азербайджанской ССР

— Тебе тоже нужно подключиться к этому делу. ЦК ВЛКСМ очень плотно работает с космонавтами. Вот и ты иди на контакт. Я вижу, ты сдружился с Жолобовым. Это хорошо. Пригодится. Но одного этого недостаточно. Нужны крепкие, надежные, обширные связи. Понимаешь?

Я понимал. Что тут не понять? Общее руководство, общая политическая благожелательность Москвы само собой. Но практическое решение любых вопросов — от реализации самого важного постановления Политбюро по народно-хозяйственным проблемам до выделения путевок в престижные здравницы страны и восточноевропейских друзей — зависит от конкретных людей на местах: министров, их заместителей, начальников управлений, руководителей предприятий и т.д. и т.п. Стоит одному винтику в этой бюрократической махине застопориться — и глядишь, с превеликим трудом пробитое «добро» самого Леонида Ильича повиснет в воздухе, грозя превратиться в жалкую бюрократическую бумажку.

С летчиком-космонавтом Виталием Жолобовым. Баку

Восхитительность идеи заслоняла сложность, точнее говоря, практическая неосуществимость замысла. Однако Г.Алиев был не

тот человек, которого могли остановить барьеры, возникающие на пути к поставленной цели. А тут предстояло иметь дело не с барьерами, а шлагбаумами и плотно прикрытыми вратами великого государства, в котором космонавтика при всей своей всенародной любви оставалась секретом за семью печатями и недоступной для непосвященных.

Одна малоизвестная деталь: в отряд космонавтов подбирали летчиков особой выучки, опытных, как правило, из истребительной и стратегической авиации. К слову, существовали вполне официальные жесткие заслоны, предотвращающие проникновение в стратегическую авиацию лиц неславянского происхождения. Со временем эти искусственные препоны размылись — в частности, из-за демографических проблем в славянских республиках, спада интереса молодежи к авиационному делу, да и требования смягчились. Тем не менее...

Впрочем, в ЦК комсомола у нас постоянная связь с нашими земляками в воинских частях от Москвы и до самых окраин, как и с многочисленными военными училищами, поддерживалась постоянная. Однако летчиков среди них — раз-два и обчелся...

Обучались наши будущие командиры и в танковых училищах, и в артиллерийских, и в общевойсковых. Порадовались вместе мы и появлению курсантов-азербайджанцев в военно-морских училищах — не только у нас в бакинском, но и ленинградском. Далее радоваться было нечему.

В то время как Г. Алиев, верный своим привычкам, упорно обрабатывал Устинова, тогдашнего министра обороны СССР, мои посланцы, как говорится, с лампадами в руках рыскали по авиационным полкам и училищам. Результат их поисков был, мало сказать, удручающим: ни одного боевого летчика-азербайджанца не нашлось в составе славных военно-воздушных сил СССР. Ни одного! Каюсь, все мы, и я в том числе, увлеклись радужной общей статистикой.

Что было, то было. Короче, получил я наказ — подобрать и направить на учебу призывников в Ульяновское авиационное училище. Работали над этим, казалось бы, простым поручением сообща и ЦК ЛКСМ, и административный отдел ЦК партии, и руководство ДОСААФ, и военкомы. А собрали

— с миру по нитке — что-то около сотни юношей. Желающих бороздить небесные дали, стать асами летного дела больше не нашлось. С отчаянием обреченного я копался в архивных справках о первых авиаторах в Баку. Оказалось, в дореволюционном Баку увлечение аэропланами было столь же модным и сильным, как в Москве, Петербурге. Романтиков хватило и советскому ОСОАВИАХИМу (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (1927–1948) — общественно-политической оборонной организации, предшественнику современного ДОСААФ. «Сталинские соколы» тоже не миф, не пропагандистские штучки. Юношей увлекали не только песнями о полетах в поднебесье, боевому летному делу мечтали служить дети первых лиц правящей элиты. Направил в боевую летную часть своего сына Василия и генсек Сталин. Мир-Джафар Багиров никак не мог уклониться от генеральной линии — выучился на истребителя, настоящего аса, Владимир Багиров.

Рассказывал как-то Энвер Мамедов, самый, как считаю, выдающийся журналист-международник, ас телевидения (первый заместитель председателя АПН, первый заместитель председателя Гостелерадио СССР, основатель радиостанции «Маяк» и т. д.), что начинал он свою жизнь с учебы... в авиационном училище. А пришел он туда после окончания планерной школы и парашютных курсов — готовился стать летчиком-истребителем. Война нарушила все планы: училище эвакуировали в Среднюю Азию, и юноша попросился на фронт. К фигуре этого действительно выдающегося человека мы еще вернемся. Конечно, время иное было — романтичное. Способность летать окрыляла юношеские мечты. Но и правители иные были...

Немало думалось и о другом. Не успели мы тогда подобрать офицеров из выпускников Ульяновского училища, кандидатов в космонавты — история распорядилась иначе. Зато сотня-другая молодых азербайджанцев, влившихся в состав ВВС СССР, и составила позже костяк, основу летного дела в Азербайджане. Вот что значат национальные ориентиры в государственном мышлении! Не думаю, что эту чисто армейскую проблему можно и сейчас считать разрешенной. И вот почему.

Известно, что турки-османы, считающиеся наиболее близкой к азербайджанцам частью тюркского этноса, являлись когда-то прекрасными флотоводцами. Турция не раз громила европейские флоты, а Средиземное море являлось некоторое время внутренним морем Османской империи.

В беседах с призывниками, ветеранами армии, а также в ходе ознакомления с воинской историей нашей республики, мое внимание привлекла одна странная деталь: длительное время — в борьбе с иноземными завоевателями и позже, в периоды пассионарного взрыва, а также в сравнительно недавнюю историческую эпоху российской экспансии на Кавказ, в ходе советских военных кампаний — азербайджанские воины великолепно проявляли себя в качестве конников, стрелков, артиллеристов (один царский генерал Алиага Шихлинский чего стоит!), танкистов (по мнению некоторых военных экспертов, танковые атаки генерала Ази Асланова явились новым словом в организации военных операций с применением крупных танковых соединений), отличились в воздушных боях и летчики-азербайджанцы (Гусейнбала Алиев, Зулейха Сеидмамедова), участвовали азербайджанские бойцы и в партизанском движении, даже прославились в европейском Сопротивлении (Героя Советского Союза Мехти Гусейнзаде, кавалера ордена Почетного легиона Ахмедия Джебраилова, Мирдамата Сеидова и поныне помнят в Италии и Франции) и другие.

Примеры можно было бы продолжить.

Воинская жилка есть. Но вот какого-то особого следа в воздухоплавании и мореплавании не обнаруживается. Интерес к летному делу, явно проявленный бакинцами в 1930-е годы, а затем и в Великой Отечественной войне, как-то с годами угас. И вина в том, я думаю, наша, общая, не занимались военной, армейской подготовкой основательно, по-государственному. А про моряков и летчиков вообще забыли.

В ходе многочисленных бесед с призывниками, тщательного отбора новобранцев, направляемых в летные училища, я не почувствовал по-настоящему юношеского увлечения небом, желания летать. Не привита эта страсть юношеству, как, скажем, романтика моря. Хотя отечественные капи-

таны столетиями плавали в бурном Каспии, а вскоре и на танкерах, и сухогрузах появились капитаны-азербайджанцы, вышедшие в океанские воды. Не то с военно-морским делом...

Рассказывал когда-то «Нефтчи-Курбан», что трудно было с кадрами морских нефтяников и в 1946-м, когда в Баку задумали десантировать разведчиков нефти в открытое море. Поди же, построили ведь Нефтяные Камни — город на Каспии. То же в спортивном движении — азербайджанские борцы и боксеры сразу заявили о себе на союзных и международных состязаниях. Секрет прост — традиция. А вот волейболистов, легкоатлетов, фехтовальщиков, стрелков высокого класса пришлось ждать долго. Дело двигалось медленно, но все же удалось приобщить — через массовость — новые поколения к современным видам спорта.

Решение таких вопросов требует государственного подхода. Речь идет о формировании национального характера, придании ему элементов мобильности, способности шагать в ногу со временем, а значит — не отстать от других.

Примерно таков был ход моих размышлений, после того как сообщил своему партийному наставнику малоутешительную новость о состоянии подготовки боевых летчиков-азербайджанцев.

— Вот ты и займешься этим, а мы тебе поможем, — ответствовал он. — Говорить и писать высоким слогом о Родине, о любви к народу мы все горазды. А вот работать с молодежью, отбирать самых способных, создавать условия для учебы, воспитывать и растить — это труд незаметный, но архинужный. А руки у нас до всего не доходят.

«Иностранцы уж на дирижаблях по небу снуют, а для нас и автомобиль диковинка...», — процитировал я к месту великого Сабира. Но Первый не любил цитировать классиков.

— Советский Союз помогает братским народам социалистического содружества шагнуть в космос, укрепить их дух, веру в себя, в свои силы, а мы тут, в составе СССР, не думаем и не планируем воспользоваться величайшими возможностями космической державы, — поспешил я «переложить» классика на привычный партийный язык.

Такой вот примерно разговор получился.

Я давно заметил: более всего усваивают требования исполнительской культуры те, кто прошел школу военной выучки. Это относится и к руководителям любого ранга, и к простым служащим. Поразительным подтверждением этого наблюдения является полное отсутствие чувства ответственности в быту и в сфере политических взаимоотношений Эльчибея и его сподвижников по Народному фронту.

Среди лидеров движения, собиравшихся разгромить армянских сепаратистов, постоянно делающих хвастливые заявления, по-моему, не было ни одного отслужившего положенный срок в армии, относившегося к призыву на службу как к своему конституционному долгу. Не задумываясь над последствиями всего этого, они охотно обвешивались оружием, облачались в генеральские мундиры, каракулевые папахи, которые они поголовно обожали, становились во главе армейских подразделений командующими и главнокомандующими. И эти люди собирались победить в войне против коварного, опасного соседа, пользующегося военно-политической поддержкой России, Европы и США! Собирались разбить хорошо обученную, сплоченную армию армянских сепаратистов, имеющих многократное преимущество в командирских кадрах, не говоря уже об участии в составе имперских войск практически во всех войнах, которые вела Россия последние 300 лет.

В высокой требовательности, предъявляемой ко всем, кто выдвигался на ответственную работу в ЦК, мне виделась одна из позитивных сторон нового курса. К слову, это понятие — чувство ответственности — народы воспринимают по-разному.

Однажды меня поразил рассказ японского журналиста о своем отце — отставном адмирале, поставленном на склоне лет руководить пожарной охраной порта Йокогама. Когда там случился пожар, в одном из пакгаузов взорвались баки с краской. При этом погибло двое пожарных. В репортажах о случившемся все телеканалы восхищались адмиралом, который героически руководил тушением пожара. Однако, вернувшись в свой кабинет, бывший моряк адмиральским кортиком сделал себе харакири. В предсмертном письме сыну он написал, что решил уйти из жизни, ибо считает себя ответственным за гибель двух подчиненных. Так что ответственность — не только и не столько должностное требование. В высоком смысле этого слова — это традиция, черта национального характера, эквивалент гражданственности.

Г. Алиев, кстати, одобрительно отнесся к внедренной в комсомоле практике — при любом кадровом выдвижении учитывать службу в армии, воинское звание, специализацию. Можно только сожалеть, что требование это так и не стало всеобщим, обязательным. Ни в наше время, ни — что обидно — с началом карабахского конфликта.

Армянская агрессия, территориальные претензии и вражда кончатся не скоро. Руководство АР сумело наладить отношения с Израилем, имеется информация о налаживании прямых отношений разностороннего сотрудничества. Эти признаки гибкой дипломатии можно было бы приветствовать. Вот бы вслед за этим воспользоваться огромным опытом Израиля в деле приобщения всего взрослого населения к армейской службе. Опыт этот, кстати, во многом заимствован из арсенала СССР. Армянская агрессия направлена ведь не только против азербайджанской армии — против всего народа! И народ не может в таком случае не быть военнообязанным!

А ведь иначе нельзя. Если мы хотим выстоять и победить, придется отказываться от изживших себя привычек, обычаев и взглядов. Ничего не поделаешь — время на дворе иное.

Я рассчитывал выжать максимальную общественную пользу в формировании кадрового корпуса профессиональных организаторов комсомола и в более широком масштабе — молодежного движения. Им предстояло в дальнейшем работать на важнейших участках государственного управления, руководить различными сферами экономики и культуры.

В комсомольском и партийно-государственном аппарате сотни выходцев из патриархального социального массива приобщались к новому типу мышления, новому образу жизни — городскому социуму, учились умению управлять общественными и государственными механизмами.

В связи с этим невольно вспоминается, как лидеры Народного фронта Азербайджана (вот уж действительно безумцы без царя в голове!), вдоволь поиздевавшись над партийными аппаратчиками, обозвав их всех скопом партократией, вынуждены были прибегнуть к их услугам, когда государственная машина, захваченная ими, окончательно остановилась и стала распадаться на глазах.

Осенью 1992 года победу на президентских выборах, призванных легализовать политические результаты государственного переворота, совершенного НФА при прямом участии иностранных разведок, Эльчибею принесли не герои митингов, а функционеры из районных комитетов партии, привлеченные ими в помощь своей разноликой и разношерстной армии уличных агитаторов, большинство из которых были выходцами из среды неудавшейся интеллигенции, беженцами из Армении, отсидевшими в тюрьмах спекулянтами.

Первый легальный диссидент

Один из преподавателей Азгосуниверситета, арабист, некто Абульфаз Алиев, оказывается, на протяжении длительного времени ведет со студентами идеологически вредные беседы, можно сказать, пропагандирует антисоветские

взгляды, замешанные на старых идеях пантюркизма. Создал даже что-то вроде неофициального кружка. Во всяком случае, некоторые студенты регулярно собираются со своим учителем в чайхане, где и ведут разговоры об АДР, мусаватистах. В общем, сплошная благостная бредь. У этого А. Алиева и его учеников явные протурецкие взгляды.

Ничего интернационального — сообщается в записке В.С. Красильникова, председателя Комитета государственной безопасности СМ Азербайджанской ССР.

Члены бюро, погруженные в хозяйственные дела, ждут дополнительной информации о совершенно неожиданном явлении в умонастроениях студенчества, обещающих собственных — азербайджанских — Солженицыных, Буковских и Амальриков. Первый наверняка знает о однофамильце больше того, что счел нужным изложить в своей короткой, тщательно отредактированной записке Красильников.

Это нежелательное явление. Но случай единичный, не имеющий глубоких корней. Азербайджанский народ, общественность республики, творческая интеллигенция всецело поддерживают внутреннюю и внешнюю политику ЦК КПСС, его ленинское руководство во главе с Леонидом Ильичем Брежневым. Леонид Ильич уделяет огромное внимание Советскому Азербайджану, подъему его экономики, науки и культуры, — чеканит Гейдар Алиевич. Словно перед ним не члены республиканского руководства, а участники всесоюзного форума КПСС.

Он четко произносит крепко, добротно сколоченные фразы, внушительно, внимательно вглядываясь в каждого из нас, своих соратников — поочередно, изучающе, — полукругом расположившихся перед ним. Как студенты перед профессором. Как обвиняемые перед прокурором.

Конечно, продолжает он, в таком большом деле, как коммунистическое воспитание трудящихся, особенно молодежи (тяжелый взгляд в мою сторону), говорит он, имеются, к сожалению, серьезные недостатки, упущения и недоработки. ЦК ЛКСМ (тов. Гусейнов) должен сделать соответствующие выводы из этого националистического рецидива, вплотную заняться студенческими коллективами. Активней, живей и смелей должны действовать наши идеологические службы,

в первую очередь СМИ. Идет идеологическая борьба, мы находимся на переднем крае информационной войны, пантюркистские идеи, как и панисламистские, живучи. Неокрепшие умы легко могут попасть под их влияние. Об этом и свидетельствует дело Абульфаза Алиева.

На том обсуждение сообщения республиканского КГБ заканчивается.

Главный вывод, точнее, политическая установка в связи с инцидентом и дискуссией вокруг него, включая несколько реплик и недоверчивые взгляды в сторону Красильникова, заключен в выступлении Гейдара Алиевича. Он, как всегда, РАЗЛОЖИЛ все по полочкам. Антисоветское студенческое брожение в Азгосуниверситете, разумеется, вносит совершенно новый, диссонирующий штрих в общую картину всеобщего благополучия. И оно совсем некстати – перед XXV съездом КПСС. Компартия готовится к своему XXVIII съезду, и не сказать о резонансе, который получило диссидентство в общественных кругах, нельзя.

Судя по поступающим сигналам из Москвы, советское руководство всерьез обеспокоено деятельностью диссидентствующих интеллектуалов, распространением самиздатовской литературы, против чего, если говорить честно, не найдено противоядия. В Москве предпочитают жесткий разговор с носителями новых идей, педалирующих права человека и Хельсинкскую декларацию. Это подтверждается и жесткой позицией Красильникова в отношении азербайджанских антисоветчиков, которую он не считает нужным скрывать. «Дискуссии в бакинских чайханах» дают благоприятный шанс выкорчевать на корню малейший крен в сторону от генеральной идеологии, заодно продемонстрировать бдительность республиканского КГБ, его боеготовность и профессионализм.

Однако Г.Алиев видит ситуацию несколько иначе. Азербайджанские чекисты проявили бдительность и решительно пресекли попытки внести в студенческую среду вирус антисоветизма, антисоциалистических настроений.. Инцидент исчерпан, вопрос закрыт. Суд определит степень вины этого Абульфаза, меру его наказания, да и других «вольнодумцев». Раздувать же единичный факт – значит, делать из мухи слона,

подключать прессу, а тем более — делать его предметом общественной дискуссии — пойдут кривотолки, обязательно начнутся спекуляции на «Голосах». Глядишь, вылепят из заурядного арабиста героя-мученика. Кому это нужно? Ничего, кроме вреда, это не принесет, и в широком, стратегическом плане наши идейные, политические противники сделают все, чтобы создать у международной общественности впечатление того, что диссидентством объят чуть ли не весь Азербайджан. Наша цель — показать миру, что советское государство, как никогда, прочно, а Азербайджан является одной из самых стабильных республик.

Красильников не возражает — все ясно и, как всегда, убедительно.

Через несколько месяцев состоялся суд над незадачливым агитатором национализма, многие его ученики повели себя так, как и просчитал Красильников. Однако какой-либо огласки в прессе, общественных кругах процесс не получил. Не вышло из неизвестного никому арабиста и героя-мученика.

Это было по-своему типично азербайджанское явление — диссидент-одиночка, мечтавший об изгнании русских из Азербайджана, освобождении, как он считал, от российского колониального ига и соединении с родиной-матерью — Турцией. У него не было связей ни с правозащитниками в Москве, ни с националистами на Украине, Грузии или с лидером крымских татар М. Джамилевым. Так, несостаявшийся революционер с пересаженной памятью.

Приговорили его к двум годам исправительно-трудовых лагерей, и заглохло, закрылось его дело. Стоит, пожалуй, упомянуть также о том, что на суде А. Алиев вел себя отнюдь не геройски. А после освобождения из тюрьмы устроился на довольно престижную работу в Рукописный фонд при Академии наук старшим научным сотрудником, что по тем временам было непростым делом.

Позже исследователи писали, что мягкий приговор, как и престижная работа, не могли обойтись без протекций высших сфер. Справедливо намекали на то, что если б даже речь шла о выдающемся ученом, каковым А. Алиев не являлся, желание руководителя фонда должно было согласовываться на уровне не ниже руководителя КГБ, который, в свою оче-

редь, под собственную ответственность решение трудоустройства единственного на всю республику диссидента вряд ли бы взял. И логика, признаемся, в такого рода соображениях имелась[19].

Вспомнится ей суждено было много позже, на другом историческом повороте, неожиданно столкнувшем бывшего арабиста Абульфаза Алиева и бывшего генерала КГБ Гейдара Алиева — таких разных, казалось бы, таких далеких, непохожих людей. И мы еще не раз удивимся, наблюдая за тем, как два непримиримых врага азербайджанского политического ристалища вновь окажутся вместе, связанные невидимыми путами политических интриг...

Оппозиционность, действительно, не в традициях азербайджанской политической практики, более нацеленной на обладание властью посредством интриг. Никаких особых программ, иного видения национальных проблем, будущего республики и его народа давно не просматривается в политическом истеблишменте. Давно, вместе с Гусейном Джавидом и Ахмедом Джавадом, похоронены идеи пантюркизма, тюркского единства, хотя неясные симпатии к Турции, турецкой музыке, да что там — ко всему турецкому, остается, и при слове «Стамбул» у многих замирает дыхание.

Азад Шарифов, заведующий отделом культуры ЦК Компартии Азербайджана, внимательнейшим образом вслушивается в звучание новых музыкальных ансамблей, в которых нет-нет да почудятся оттенки, мимизмы турецкого мелоса. В псевдонимах иных поэтов и музыкантов ему также мнятся опасные симптомы тюркизма. «Тофик Байрам еще куда ни шло. У нас уже принята, сложилась эта форма. А вот Полад Бюльбюль оглу — явный слепок с турецкого», — выговаривает он новоявленному азербайджанскому шансонье, резонно напоминая, что настоящая фамилия у него Мамедов (чем она плоха?!), как и у его отца, известного певца, поменявшего исконно народное имя Муртуз на поэтическое Бюльбюль (соловей). И добавляет: «Жаль, конечно, что ты с псевдонимом отца не заимствовал заодно и его голос...»

---

[19] *Агаев Р., Али-заде З.* Азербайджан. Конец второй республики (1988–1993). — М., 2006. — С. 35–37.

А. Шарифова, наверное, все-таки заносит, не стоит, как говорит Первый, из мухи делать слона. Определяющее значение имеет социально-экономический прорыв в развитии республики. Это — главная тенденция. Это понимают и чувствуют люди. Видят, не могут не признать того и в Москве.

Факт, что отношение к республике меняется к лучшему. А ведь по большому счету, что представляет, с точки зрения индустриального, аграрного веса, Азербайджанская ССР в державном измерении? Это не Белоруссия с ее мощной индустрией и ВПК, не Казахстан с Байконуром и целиной, фантастическими нефтяными залежами, хлебом — житница страны! И даже не Узбекистан — главный поставщик «белого золота», а теперь и настоящего, гребут его нынче чуть ли не лопатами. Суметь выдвинуть небольшую республику (88 тыс. кв. м, около 7 млн населения) в число значимых — надо уметь. Это дорогого стоит. Республика работает, растет.

Москва считает — это пример для остальных регионов, последовательно срывающих пятилетку за пятилеткой, становящихся все менее управляемыми, пораженных пьянством, тунеядством, наркоманией, а теперь еще и диссидентством.

КОНТЕКСТ

Как конкретная личность, со всеми достоинствами и недостатками, как лидер, каким я его знал на протяжении длительного времени, Гейдар Алиев воспринимался типичным продуктом советской политической системы. Можно сказать и так: в его делах, способах решения задач — народнохозяйственных, кадровых, политических, в его взглядах на жизнь, понимании политики и своего места на политическом поприще удивительным образом совмещались как лучшие черты советской школы управления, так и порочная методология политической системы.

Природа не поскупилась, наделяя его качествами, отличающими действительно масштабного государственного деятеля: крепкой — на года — памятью, целеустремленностью, волей, умом, способностью оперировать государственными категориями. Перечень несомненных достоинств можно было бы продолжить: отточенных, отшлифованных, закаленных не столько в университетах (хотя он имел заочное историческое образование), сколько на специфической карьерной стезе службы безопасности.

Таковы основные штрихи к портрету Г.Алиева, если рисовать его, не ударяясь в верноподданнический экстаз.

Однако тут уместней было бы напомнить, что не бывает идеальных людей, а тем более — политиков. Как и не бывает безошибочной политики. И не будем забывать о том, что Азербайджан являлся одной из республик СССР, по сути федеративного государства. При известной степени самостоятельности республика и ее руководство были связаны жесткими конституционными нормами, правилами и установками партийного Центра, устоявшимися механизмами субординации. Вот здесь-то и начиналась настоящая политика — умение проводить в жизнь свою линию, добиваться для своей республики тех преференций, в которых кровно заинтересован ее народ и которые открывают перед ним широкие перспективы развития.

Общая ориентированность на равноправие всех союзных республик на практике часто искажалась и подменялась потребностями Центра. Интересы республики подчинялись общесоюзным проектам, часто ошибочным, необоснованным. Республиканский руководитель должен был проявлять недюжинное дипломатическое искусство, политическую гибкость сочетать с упорством, настойчивостью, искать и находить свои неформальные пути реализации национальных целей. И все это, заметьте, при усилившейся конкуренции с другими членами Союза.

Напомним также: Г.А. Алиева с Л.И. Брежневым, с семьей генсека, некоторыми лицами из его окружения связывали еще и личные отношения, которые он выстраивал долго, упорно, не жалея сил да и средств. Этими отношениями он вправе был гордиться, как важным политическим достижением, и весьма ими дорожил. Он умело использовал личные связи для укрепления своих позиций в Центре, усиления своего влияния. Но не только. Благодаря им удавалось решать многообразные вопросы, связанные с жизнедеятельностью республики. Однако личная близость в политике, помимо благ, накладывает и определенные обязательства. Крылатое выражение о том, что дружбы в политике не бывает, конечно, верно — по сути. Она и в жизни не часто встречается, эта человеческая способность дружить. Разве что в юности...

А когда наступает время борьбы за существование, время конкуренции и политических интересов, в человеческих отношениях многое корректируется, подвергается коррозии.

Меньше всего он любил распространяться на эту тему. Лишь однажды, в глубокой старости, неожиданно для окружающих, а возможно — и для самого себя, задумчиво обронил: «У меня нет друзей... И никогда их не было. Что — друзья?..»

У нас еще будет возможность привести примеры того, как он понимал это — дружбу и человечность в политике...

Национальные лидеры, первые лица имеют дело с историей, успехи возносят их высоко над современниками, неудачи и ошибки не прощаются. И то верно, что цена ошибки в большой политике не может измеряться копейками. Увы, нет и четких, определенных критериев оценки деятельности политического лидера. По мне — важнейший критерий очень прост и многократно подтвержден жизнью.

О любой личности, решившейся возглавить государство, нужно судить не по обещаниям, а по делам. О делах же — по конкретным результатам. И не обязательно на данный момент — в исторической перспективе. Можно просидеть на троне полвека, а историку, глядишь, и нечем заполнить биографию. Иной правит всего лишь несколько лет, а остается в исторической памяти народа навсегда. Лучший пример — Шихали Курбанов. Неполных два года работал он в кресле главного идеолога Компартии, а остался в истории не только своей политической организации, а страны, запечатлевшись в этом качестве в самом надежном неформальном документе — исторической памяти народа. А сколько было секретарей-идеологов — и до, и после Шихали Курбанова? Кто помнит? Впрочем, по своему значению, социополитическому смыслу пробиваемых им идей национального возрождения Ш.Курбанов и при жизни, и с исторического расстояния воспринимается как фигура первостепенная, затмевающая официально многих лиц в руководстве Азербайджанской ССР.

Под этим углом зрения и сужу я о делах Г. Алиева и их значении в судьбах азербайджанского народа. Тема эта занимает, может, слишком много места в моем повествовании. А куда от этого денешься? Мы работали вместе, служили одной идее — социалистической (я не боюсь об этом заявлять открыто, он к концу жизни предпочитал не вспоминать о своем коммунистическом прошлом). Становление мое как государственного деятеля, как личности происходило под непосредственным его влиянием. Умолчать — нечестно по отношению и к нему, и к общественному долгу. А если говорить, то — ничего личного, беспристрастно. Прежде всего, оставаясь исторически точным.

Блеск звёздного часа

Мой друг, народный писатель Азербайджана Имран Касумов, литератор большого публицистического дарования, назвал эти годы – середину 1970-х – звездным часом Азербайджана. Писатель, как и многие тогдашние ораторы, вдохновлялся, несомненно, личным политическим прорывом азербайджанского партийного лидера, свершившимся на

XXV съезде КПСС, который азербайджанскими коммунистами, да и, пожалуй, широкими общественными кругами, воспринимался как триумф республики. Произошло невероятное – человек, имя которого еще недавно не было еще знакомо широкой публике, из безвестного шефа службы КГБ республиканского масштаба шагнул на капитанский мостик советского командного флагмана.

На XXV съезде (февраль – март1976 года) первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Алиев Гейдар Алирза оглу был введен в состав Политбюро ЦК КПСС в качестве кандидата в члены этого руководящего органа партии и де-факто СССР.

Такие ошеломляющие взлеты (как и падения) часты были в сталинскую эпоху. Кстати, столь высоко в партийной иерархии из азербайджанских коммунистов удавалось дойти до этого одному лишь Мир-Джафару Багирову. Но и ему для своего карьерного продвижения, помимо дарования жесткого администратора, верного следования курсу и постоянного демонстрирования преданности великому вождю, понадобилось где-то неполных двадцать лет.

Надо было пережить 1937 год, проявить себя в суровую годину Великой Отечественной , обеспечить бесперебойную подачу бакинской нефти в мотор победоносной войны, поставить на службу советского государства недра Каспия, чтобы получить чрезвычайные полномочия члена высшей партийной инстанции (1949 год, XIX съезд ВКП(б)). И уж, конечно, не обошлось без поддержки всесильного Лаврентия Берия. Поддержка эта дорогого стоила, поскольку пришлось нейтрализовать старого партийного интригана А.И. Микояна, чья подковерная борьба с закавказскими коммунистами, особенно с бакинской парторганизацией, имела давнюю историю, а в случае с Багировым продолжилась до самого расстрела последнего.

Так что личные связи, пристрастия, симпатии и антипатии всегда играли немаловажную роль в передвижениях фигур на шахматной доске коммунистических гроссмейстеров. С одним только «но». Фигура должна была зарекомендовать себя, проявить в деле, всем последующим служением подтвердить ожидания и высочайшие надежды. В противном

случае вслед за разочарованием карьера летела под откос. Таков был в общих чертах главный принцип кадровой политики. Отходы от него, причем резкие, вызвавшие недоумение и раздражение в партийных рядах, начались самим Никитой Сергеевичем, подумывавшем в конце своей карьеры о подключении к руководящей работе своих близких родственников (небесталанного, например, Аджубея, но, тем не менее, зятя).

Ничто не указывало на то, что эти рецидивы авторитаристского наследия расцветут особо пышным цветом при Брежневе. Первоначально он, как и все советское руководство, демонстрировал коллективистский стиль работы в Кремле. Сам Леонид Ильич, во всяком случае, такой, каким мы его видели в 1970-м в Баку, производил впечатление еще крепкого, энергичного мужчины, умевшего решать крупные государственные задачи, контролировать аппарат управления партией и страной. Мне не раз приходилось слышать о том, что до XXV съезда многое в его рабочем стиле внушало оптимизм, да и сам он производил и на простых людей, и на лидеров США и Западной Европы в целом благоприятное впечатление.

Политическое руководство на рубеже середины 1970-х годов демонстрировало способность к реалистическому анализу международной обстановки, отставание в научно-технической сфере было очевидным, но представлялось преодолимым. К тому же в составе Политбюро — и на нижних ступенях партийной лестницы, и на правительственном уровне — имелось немало молодых перспективных деятелей (Кулаков, Романов, Алиев, Шеварднадзе, вместе с новым поколением образованной технократии, пополнившей повсеместно управление государственным и индустриальным строительством).

Все это воспринималось как свидетельство стабильно поступательного шествия социализма.

Тем не менее, накануне XXV съезда поползли слухи о возможном уходе Брежнева со своего поста. Говорили о преклонном возрасте, нездоровье, утомленности и высказанном им пожелании передать бразды правления новому поколению руководителей и, мол, таким образом положить

начало новому этапу обновленчества в партии, сменяемости руководящих органов, вывести это уставное положение из сферы теоретизирования в область практики, трансформировать схоластический постулат в политическую традицию. Повторюсь: об этом шли разговоры в те годы на разных уровнях. Некоторые историки и авторы мемуаров ссылаются на них и сейчас, стремясь, может, «задним числом» оправдать допущенные генсеком ошибки и свалить причины застоя на неких соратников. Мол, генсек понимал, что пора уходить, да вот окружение не позволило. Думаю, эти разговоры и доводы не имеют под собой почвы. И вот почему.

Единодушная подчиненность партийных структур верхним эшелонам оставалась неколебимой. Времена, когда на съезды, конференции коммунисты приходили со своими платформами, со своим видением животрепещущих проблем партийной демократии, остались на страничках учебников и академических исследований. Тихо, без лишнего шума, перед самым XXIV съездом была нейтрализована последняя попытка бунта в стройных руководящих рядах. Да так, что молва о нем осталась лишь в воспоминаниях лиц, так или иначе причастных к этой подковерной борьбе.

Аппарат встретил сообщение о включении Г. Алиева в Политбюро с ликованием. Радовалась и понимающе улыбалась интеллигенция, за вычетом, разумеется, «обиженных». Молодежь, включая, кстати, и студенчество, видно было по сияющим лицам на собраниях, также почувствовала прилив сил. Как-никак, а республику выделили, отчего бы не радоваться?

Одним словом, настроения в народе прибавилось. Однако Алиев был бы не Алиевым, если бы из этого карьерного достижения — не только личного и всепартийного, а по большому счету и всенародного (трудилась все-таки вся республика, хоть и под его руководством) — не выжал максимум морально-политического эффекта.

По городам и весям прокатилась волна активов общественности и собраний трудовых коллективов, включая и школьные. Представители республиканского центра всенепременно участвовали в этих своеобразных митингах,

формально посвященных итогам XXV съезда КПСС. Воодушевленно рассказывали о том, каким авторитетом пользуется наш первый секретарь в Москве, да что там в Москве — слава о его организаторском таланте, принципиальности, бескомпромиссности, борьбе со взяточниками и прочими негативными явлениями разносилась по всему Советскому Союзу, по всем 15 советским республикам.

Все правильно, так оно и есть. Однако тут же приглушенно сообщаемая информация посланцами Центрального комитета: мол, в Москве давно поговаривали о том, что надо бы Гейдара Алиева перевести на другую, более масштабную работу. Он давно вырос из «республиканской шинели». Его давно пора перебрасывать на союзный уровень. По собственной инициативе вряд ли кто возьмется произносить эти доверительные речи с секретарями горкомов и райкомов. По-разному могут истолковать эти намеки, даже уловить в них некую двусмысленность. Мол, Гейдар Алиевич нужен республике, своему народу. Он еще столько может сделать для советского Азербайджана. А вы тут спешите вытолкнуть его в Москву. Куда клоните?

Однако информация доверительная. Все понимающе вслушиваются и многозначительно кивают головами. А как подтверждение всех догадок и достоверности самой информации, он сам лично на Бюро, как бы между прочим, бросает: «В ЦК КПСС многие считают, что Алиев нужен в Москве...»

Теперь остается теснее сплотить ряды коммунистов и беспартийных, работать, не щадя сил, выполнять и перевыполнять планы, начертанные XXV съездом КПСС. И начать необходимо с изучения документов исторического съезда. Важнейшие из них: доклад генерального секретаря ЦК КПСС и выступление нашего дорогого Гейдара Алиевича. За сим следовал обязательный набор тостовых выражений, красочность и объем которых с точностью новейшего стетоскопа отражал степень экзальтированности оратора.

Я слушал не раз — на съезде и многократно повторенный по республиканскому ТВ — ту речь Гейдара Алиева. Он прочел её так, словно знал наизусть (в сущности, так оно и было, ибо ответственные, значимые выступления свои он сам по-

долгу тщательно полировал, оттачивал, произнося вслух, уединившись в своем кабинете, иногда читал перед членами Бюро, предварительно раздав им текст для ознакомления), твердо чеканя каждое слово, мощным ударением в конце каждого абзаца, приглашая участников съезда к аплодисментам.

В некотором роде это был шедевральный спич, что-то среднее между культовым обращением и великолепно пропетым на широком политическом олимпе дифирамбом, которому, чтобы назваться таковым, не хватало разве что торжественного гекзаметра.

С учетом плюралистических веяний, бушующих вот уже четверть века за окном, и демократической психологии, пустившей -таки прочные корни в массовом сознании, пожалуй, за такой тост нынче могут на Кавказе побить. Но сделай скидку на смену эпох, читатель...

Что же касается 25-кратного повторения имени генсека, то тут есть некоторое преувеличение. Имя Брежнева произносилось с общепринятым упоением всего-то девять раз. Культ есть культ, и даже Машеров с Романовым, которые избегали общепринятого словословия по поводу неутомимой деятельности генсека, деятеля ленинского типа и т. д., и те вынуждены были неоднократно отдать должное традиции и партийной дисциплине.

Шеварднадзе, ни в чем не уступив в этом плане своему сопернику, счел нужным произнести, как он сказал, « Слово о генеральном секретаре...», обосновав свое дифирамбическое новшество тем, что «это вовсе не похвальное слово личности, а сугубо партийный, деловой, съездовский разговор. Вопрос этот принципиальный». Он нашел чисто кавказский ход для своего принципиального гимна, в котором поэтичная образность соперничала с революционным отрицанием географии: «Грузию называют товарищи солнечной страной. Но для нас истинное солнце взошло не с Востока, а с Севера, из России, солнце ленинских идей».

Это вам не микояновская готовность рассыпаться перед Никитой мелким бесом!

Как бывший радиожурналист, скажу словами моего редактора Марка Ворошиловского, наставлявшего нас, начи-

нающих репортеров: «В двухминутном комментарии дважды повторенное слово — уже плохо. А повторение мысли — чистейший брак!»

А тут...

Это надо видеть — людское преображение, бурные аплодисменты, нет, это стертый эпитет, газетное клише — неистовые рукоплесканья. Другое клише — «долго не смолкающие» также недостаточно отражает всеобщее экзальтированное ликование, нежелание зала смолкнуть. Так, пожалуй, точнее.

И пристальный взгляд его, невидимой тенью скользящий по рядам, в едином порыве вскочившего на ноги зала, по лицам, словно пересчитывающий участников республиканского актива, изучающий степень искренности каждой улыбки, каждого хлопка. Было ли то началом нового поклонения безусловному лидеру, каковым Г.Алиев, несомненно, являлся, или то стало началом нового культа, поклонения вождю, засевшего глубоко в партийном сознании, притаившегося и ожидающего своего часа? Трудно сказать. Но то, что с середины 1970-х годов на посту первого лица республики неожиданно возник человек, наделенный практически неограниченной властью над гражданами, — это утверждать можно. Если до 1976 года еще находились смельчаки, считавшие нужным отстаивать свое особое мнение по тем или иным вопросам, а то и позволить себе критические замечания по поводу недоработок или ошибочных решений, то в последующем эти порывы внутрипартийной демократии как-то само собой выветрились из кабинетов и залов заседаний.

Критика снизу, со стороны, извне раздражала всех. Как и тех, кто должен был искать и находить недостатки по роду службы. Профессионального, неуступчивого, пользовавшегося своими прямыми выходами на кабинеты в Москве Красильникова незаметно поменяли на Юсиф-заде, человека, обязанного своей карьерой местному руководству. «Дуайена» корпуса собкоров центральной прессы, корреспондента «Правды», писавшего фельетоны еще в багировские времена Леонида Таирова, мягко проводили на пенсию, посадив на его место Заура Кадымбекова, журналиста, близкого к семье

Первого. Многолетнему собкору «Известий» Эльмире Алиевой повезло меньше, на ее отстранении настояло цэковское руководство, добившись назначения начинающего журналиста из Али-Байрамлы, некоего Шамиля Меджидова. Право на критику и независимое мнение стало Его привилегией.

Можно сказать и резче: кончился Алиев, партийный лидер, и его сменил на высоком партийном посту полубог, живой памятник самому себе. Во всем его облике, фигуре, движениях, обращении к коллегам по Бюро появились элементы монументальности небожителя. А тут еще техническая атрибутика обслуживания кандидата в члены Политбюро: особые охранные мероприятия, обязательное сопровождение, тяжелая, бронированная «Чайка», потом «ЗИЛ» (бакинские остряки не замедлили окрестить новинку «Членовозом», но об этом — втихомолку). А так: внушительный проезд по узким бакинским улицам — без московской стремительности — по-восточному торжественно, значительно, неторопливой поступью.

Нет, это совсем не рабочий выезд, это — явление правителя народу. Он уверенно, по-деловому взошел на пьедестал, сооруженный самим же, и считал, что так и должно быть. Это были его путь, его воля. Но было и остается другое: азербайджанцы не знали монархии. Не есть ли постоянное стремление к единоличной власти их лидеров имманентно присущая потребность, тяга к абсолютизму?

Об этом невольно думалось, глядя на то, с каким особым пиететом взирали в 1970 году на гостившую пару дней в Баку шахиню Ирана Феррах повсюду, где бы она ни появлялась, включая даже официальных, должностных лиц.

КОНТЕКСТ

В июле 1969 года оставил свой высокий пост — пост Первого секретаря ЦК Вели Юсуфович Ахундов (1958–1969 гг). Он не был отставлен или отстранен от власти. С просьбой разрешить ему покинуть свой пост в связи с ухудшением здоровья он обращался в Политбюро не раз.

Л.И Брежнев предлагал ему поработать послом СССР в Бельгии, имелись и другие привлекательные предложения, которые подчеркивали удовлетворение деятельностью В.Ю. Ахундова. Он, однако,

предпочел остаться в республике, перейдя на научную работу (сперва в качестве вице-президента АН Азербайджана, а затем — до конца своей жизни — директора НИИ вирусологии, ставшего при нем образцовым медицинским исследовательским центром).

Свое желание оставить пост он объяснял следующим образом: «Это первый случай в истории Азербайджанской партийной организации — уход с поста первого секретаря ЦК по своей просьбе и с объявлением благодарности со стороны ЦК КПСС. Своим уходом я еще хотел заложить традицию... Очень надеюсь на это»[20].

Данный факт ценен не только тем, что восстанавливает важнейший штрих в политической биографии одного из наиболее крупных и неординарных фигур в новейшей истории Азербайджана. Он указывает на наличие новой тенденции в демократическом мышлении профессиональной партийной элиты, ее желании расстаться с вождистской традицией, внести серьезные, далеко идущие коррективы в авторитаристский механизм партийной власти.

В связи с этим представляет интерес признание В.Ю. Ахундова, сделанное, думается, вполне обдуманно на прощальном встрече с сотрудниками аппарата ЦК. На вопрос одного из молодых аппаратчиков о том, что считает Первый своим главным достижением за почти одиннадцать лет пребывания на высоком посту руководителя партийной организации республики, он ответил не сразу, как утверждают очевидцы, решив, в конце концов, быть кратким: «Я свою миссию видел в том, чтобы, прежде всего, снять у людей страх. Полагаю, что в этом плане мне кое-что и удалось. Это и есть мое главное достижение...».

И — все. Никаких громких слов о внутрипартийной демократии, борьбе с пережитками прошлого и т.д. А ведь сам факт того, что какой-то функционер решился задать Первому секретарю вопрос с подвохом, как говорится, на засыпку, да к тому же на аппаратном собрании, лучше всего свидетельствует о том, что «кое-что» Вели Юсуфович все-таки добился. И даже больше того. В этом убеждает и инцидент, произошедший в том же зале несколькими днями позже в ходе июльского пленума, рассмотревшего вопрос об избрании нового руководителя компартии.

Капитонов, тогда заведующий отделом оргпартработы ЦК КПСС, предложивший от имени Политбюро кандидатуру председателя КГБ республики Г.А. Алиева, вынужден был выслушать вопрос одного из участников пленума, при всей его дипломатичности преисполненный недоумения, иронии и скрытого недовольства. «А разве партийная организация республики не располагает достаточным кадровым потенциалом? — спросил один из районных секретарей партии (по рассказам им был Кямал Абдуллаев, секретарь Шема-

[20] *А. Ислам.* Чтобы помнили // Зеркало. 2011, 14.05.

хинского РК) и продолжил: «Дело вовсе не в личности кандидата, а в специфике его работы и профессиональной карьеры. В компартии выросло достаточно зрелых, опытных, грамотных партийных руководителей. Как отнесутся к такому выбору рядовые коммунисты, партийные организации, вот в чем вопрос!»

За этой достаточно осторожной фразой, на ходу отредактированными соображениями явственно проступают вопросы, которыми задавались многие участники пленума и которые, несомненно, отражали в целом общественные настроения. А как же багировский урок? Время-то на дворе иное — оттепель, даже Хрущева не расстреляли, не ославили как врага народа, не подвергли остракизму — просто освободили от занимаемой должности. Получается, вновь чекист во главе правящей политической организации?! Кто знает его, этого Гейдара Алиева? Может, человек он хороший, и работник умелый, опытный. Да работа эта иного рода, не партийная. Партийный работник — плохой ли, хороший ли – у всех на виду, чем и отличается от спецслужбиста. Сотрудники КГБ — что рядовые, что руководящие — как и положено людям их профессии, больше действуют за кадром, иными, присущими службе безопасности методами.

«Нет ли опасности повторения прошлых ошибок?» — вопрошал меж тем не учтенный регламентом оратор, который так и не получил вразумительного ответа.

Конечно, В.Ю. Ахундов был прав, утверждая, что люди изменились, новое поколение коммунистов обладало куда большими знаниями, эрудицией, иначе строили они и отношения с рабочими, колхозниками, интеллигенцией. Но эти перемены не обрели того масштаба и того качества, чтобы говорить об окончательном повороте от авторитаристского опыта и авторитарных механизмов управления.

Централизованная власть, из которой произрастало единовластие, требовала особо тщательного подхода при подборе кандидатуры на роль руководителя республики. Но не только. Партийная власть нуждалась в ограничителях единовластия, создания управленческого баланса, усиления коллективистских начал в руководящем механизме.

И последнее — требовалась жесткая фиксация сроков пребывания первых лиц по всей вертикали правящей партии. Думается, компартия оказалась не готовой воспринять ахундовский урок...

Партийный съезд

Ни я, ни кто-либо другой из новых лиц, включенных в состав вершины властной пирамиды, до последнего мига не располагали точной информацией о намечающихся пере-

менах. Догадывались, ориентировались по намекам, слухам, просачивающимся из щелей цековских кабинетов. По одной лишь кандидатуре имелась определенная ясность, устоявшееся мнение — Данил Пириевич Гулиев, секретарь по идеологии.

О предполагаемых передвижениях по конъюнктурной горизонтали и вертикали ведал только узкий круг лиц, посвященный в подготовку официальных документов главного партийного форума. Но и особо приближенные никогда не видели списка предполагаемого состава Бюро ЦК Компартии. В этом заключалась суперинтрига драматургического действия, каковым, несомненно, являлся съезд. Сюжеты его «закручивались» и закладывались в общий сценарий лично Самим, на тот момент не без согласования со Вторым — С.В. Козловым и до организационного пленума, который собирался тут же, в зале съезда, после окончания его работы. И хотя все участники пленума прекрасно знали, что никаких особых перемен не предвидится, основные игроки останутся на своих местах, зал замирал в тревожном ожидании чего-то исключительного.

Вроде бы ничего особенного, даже обыденно как-то, а абсолютная тишина исполнена особого смысла. Выход Г. Алиева на сцену, его прохождение к столу президиума, на привычное председательствующее место, подчеркивает незыблемость Правила. Короткое отсутствие главы — вынужденная дань формальностям. Достаточно одного взгляда на то, как Он держится, на посадку, поворот головы, походку, чтобы понять — движения его не просто отточены тренингом — они в высшей степени сознательны. Иначе говоря, в его движениях исключена случайность, импровизация, они выработаны, осмыслены и все вместе подчинены идее — Он — тут. На сцене и — всегда. Пожалуй, это даже не просто лидер. Это законченное изваяние. И ваятель — Он сам.

Аплодисменты звучат, как аккомпанемент, призванный скрасить ожидание, повисшее над головами присутствующих. И тут представитель центра произносит слово-заклинание: «Предлагаю избрать первым секретарем ЦК...» — остальное тонет в бурных и долго несмолкаемых аплодисментах, радостных выкриках и здравницах. Все взоры обра-

щены к Нему. На лицах едва ли не экстатическое просветление.

Первый привычно оглядывает ряды, приглашая прервать ликование. Он, как всегда, строг, неулыбчив, деловит. Левая рука незаметно извлекает из внутреннего кармана темно-синего костюма (своеобразная трансформация знаменитого сталинского кителя — вечно в одном и том же одеянии — элемент незыблемости) свернутую вчетверо бумажку, кладет ее на стол, разглаживает. И начинает...

Съезд показал, что партийная организация республики работала в пятилетку хорошо, справилась с возложенными на нее задачами. Разумеется, допускались иногда и ошибки, недочеты — в большом деле без этого не бывает. Но руководящие органы партии в целом работали слаженно, ответственно, грамотно (никаких там «дружно», «команда» и прочее. Все четко, точно, каждое слово будто предварительно взвешено на ведомых только ему одному весах).

И далее, не мешкая, к делу — о составе Бюро. Это — главное. Сложенная вчетверо бумажка — это чеховское ружьё, которое должно выстрелить в конце действа. Фамилии следуют в строгом соответствии с номенклатурным распорядком руководящих постов.

С.В. Козлов уходит. Ну что ж, почти десять лет — срок вполне достаточный для «человека Москвы». Дело свое он знал. Про него не скажешь — «барин». Известных пристрастий, в чем обвиняют обычно москвичей, не проявлял, умело руководил аппаратом, ладил с людьми. Многие помнят, случалось, умел и возразить Первому. Выдвигал по справедливости. Любимчиков не имел. Члены пленума прощаются с ним с приличествующей случаю теплотой. На его место пока еще никого не подобрали. Но за этим дело не станет.

Далее, кто там в списке? Предсовмина, Али Измайлович. Работоспособен. Большая роль принадлежит Совмину в экономическом развитии республики. Он еще принесет немало пользы. Остается... Следующий — председатель Президиума Верховного совета Азербайджанской ССР Курбан Алиевич Халилов. Его также заприметил Гейдар Алиев летом 1969 года, дисциплинирован, честен, пользуется уважением. Остается. После короткого всплеска торопливых аплодисментов

Алиев как бы делает небольшую, еле заметную паузу. Это неспроста, догадываются ряды. И следующей своей фразой оратор подтверждает догадку зала: «Секретарем по идеологии у нас был Данил Пириевич Гулиев...» Ага, вот оно что — «был»! Как же он уйдет — в небытие или еще куда?

Решено направить на одно из важнейших идеологических участков — директором ИМЭЛ (азербайджанский филиал Института марксизма-ленинизма — хранителя ленинского теоретического наследия). Что ж, и почетно, и регалии сохраняются: членство в ЦК. Опять же высокий оклад, машина, спецмагазин № 1, правительственный телефон. На этой работе не то что до самой пенсии — до собственного некролога можно досидеть... Но это, собственно, мало кого интересует.

Кого же на идеологический участок выдвинет Первый? Кто станет третьим секретарем, как неофициально именуется главный партийный идеолог? Пост этот особенный, приметный. Все время на виду. Вот Шихали. Говорят, в свое время В. Ахундов собирался рекомендовать его на свое место...

Оратор умело держит паузу. Политику этим искусством надо бы владеть, как и хорошему актеру. Плох тот актер, который играет, не веря пьесе. Он, Алиев, верит каждому слову срежиссированного им лично спектакля. Без этого — не было бы и веры в него тех, кто сидит и внимает ему в темноте зала...

Секретарем по вопросам идеологии рекомендуется Рамиз Гусейнович Мамедзаде. Стало быть, возвращают бывшего начальника 5-го отдела КГБ, возглавившего орготдел ЦК сразу после главного события века — 1969 года. Вообще-то, он не из кадровых кагэбистов, из партийного набора, до того работал в Сумгаитском горкоме партии. Разведчиком не стал, но и в партийной работе звезд с неба не хватает. Г. Алиев именно на его, Р. Мамедзаде, кандидатуре остановился несколько лет назад, когда в Москве вдруг обнаружили, что в аппарате ЦК КПСС нет ни одного азербайджанца. Все больше армян, грузин, дагестанцев даже прибавилось. Однако Мамедзаде в ЦК КПСС тоже не задержался — решил Гейдар Алиевич его вернуть. Значит, тут что-то есть... Впро-

чем, не обошли вниманием и Вагифа Гусейнова. Рекомендует его Гейдар Алиевич кандидатом в члены Бюро, впрочем, как и Зулейху Гусейнову, председателя азербайджанского совпрофа. Тоже из серии неожиданных ходов, на которые мастер наш дорогой Гейдар Алиевич. Чтобы комсомол и профсоюзы одновременно подняли столь высоко, привлекали в правящую партийную команду — такое, пожалуй, без консультаций хорошего партийного историка трудно припомнить.

И что мы имеем в конечном результате? Команда у нас стабильная, при этом она обновляется, «свежая кровь» прибывает-таки. Разумеется, вся республика, не только одни партийные интриганы, внимательнейшим образом изучает биографии членов руководящего рабочего органа. Компетентность, опыт, деловые качества — это без труда прослеживается в официальной информации, какой бы скупой ни было азеринформовское сообщение. И потом карьера каждого из них на виду — личности, прошедшие огни и воды жизненных взлетов и падений. Личности, умеющие думать, анализировать, предвидеть, разбираться в людях и еще — разговаривать с людьми, находить нужные слова. Это дается с опытом.

Качественная перемена в моем статусе – введение в состав Бюро ЦК компартии Азербайджана — не осталась незамеченной ни в Баку, ни в Москве, в ЦК ВЛКСМ. Мои предшественники так и не удостоились такой чести, точнее — доверия. В определенном смысле появление в составе Бюро лидера республиканского комсомола свидетельствовало не только о благосклонности Первого. Комсомольская организация республики восстанавливала свои позиции в политическом руководстве, утраченные после Э. Кафаровой и Р. Аскерова. Менялось, причем довольно круто, отношение номенклатурных кругов всех уровней и всех структур. На местах, в горкомах и райкомах, министерствах и ведомствах, тут же сделали соответствующие выводы, а главное — повсеместно прибавилось практической поддержки многим начинаниям комсомола.

Независимо от карьерного значения данного факта надо отметить, что сама по себе, как технология, обеспечивающая

авторитет, подчеркивающая значимость молодежных проблем, она себя, несомненно, оправдывала. Политический лидер как бы подчеркивал, что тем самым завершает формирование своей команды, окончательно освободившись от кадровых наносов прошлого.

То, что закладывается начало новой кадровой политики, вряд ли кто в те дни думал. Не той политики, которая провозглашалась в тщательно отточенных формулировках официальных документов, а той, которая вынашивается, планируется и проводится в жизнь посредством многоходовых комбинаций с привлечением особо доверенных лиц. И уж вовсе маловероятно, чтобы кто-то тогда мог представить, во что выльется тайная подмена принципов формирования кадрового потенциала республики — важнейшей составляющей всей государственной деятельности Компартии.

Промышленная переориентация республики

Возвращение после XXV съезда в Баку в новом политическом качестве сопровождалось не только внешними, скажем так, проявлениями успеха азербайджанского лидера, воспринимавшегося партийной организацией и в целом республикой как несомненное национальное достижение, убедительное свидетельство ее растущего авторитета, как говорили в те годы, — высокой оценки союзного руководства трудового вклада Азербайджана в выполнение планов пятилетки.

Отметим: люди — что на полях, что у заводских конвейеров — работали с большим напряжением, и возвышение руководителя республики в определенной степени играло разряжающую роль. Тем более, что в снабжении продовольственными и промышленными товарами не наблюдалось резких перебоев, а прилавки магазинов в крупнейших городах выглядели, пожалуй, даже лучше, чем во многих российских регионах.

Окрыленное успехом руководство Азербайджана с энтузиазмом стало продавливать давно вынашиваемый план промышленной переориентации республики. В разработке и обосновании проекта «первую скрипку» играл упоминав-

шийся ранее мной Али Измайлович Ибрагимов, предсовмина, экономист высшей пробы, министр сталинской выучки, когда-то в 30 лет поставленный во главе Закплана — общего планового центра всего Закавказья.

Исходили ЦК партии и правительство при этом из того очевидного факта, что Баку утратил ведущие позиции в нефтедобыче. Усилить экономическую мощь Азербайджанской ССР ее руководство рассчитывало с помощью перевооружения промышленности, строительства современных предприятий нефтехимического и электротехнического производства. По большому счету, осуществление проекта открывало перспективы для новой промышленной модернизации и урбанизации страны.

Чуткий на перспективные идеи Г. Алиев с воодушевлением ухватился за нее, уверенный, что реализация плана промышленной переориентации придаст руководимой им республике недостающую индустриальную мощь, усилится ее интеграция в единую систему экономического хозяйства СССР и — что совсем немаловажно — умножатся связи с ВПК и новыми перспективными наукоемкими отраслями. Пользуясь своими новыми полномочиями, возросшим влиянием, не упуская мига удачи, Алиев добился от Совмина СССР решения о сооружении около двух десятков промышленных предприятий.

Не обошлось без поддержки старого бакинца и тонкого лоббиста Николая Константиновича Байбакова. Тут надо бы отметить одну важную деталь советской экономической машины. Добиться от Госплана СССР при распределении тех или иных производств не являлось такой уж непреодолимой проблемой: достаточно обосновать предложение, проявить настойчивость — и можно добиться включения в пятилетний план сооружения желаемого объекта.

К 1970-м годам Азербайджанская ССР располагала реальным потенциалом для практической реализации любого современного производства: высококвалифицированными кадрами, рабочей силой, развитыми коммуникациями, достаточными энергоресурсами и т. д. Успешное сооружение Бакинского завода бытовых кондиционеров, завода ЭВМ, ряда высокотехнологичных предприятий ВПК только подтвердило

возросшие интеллектуально-технические возможности республики, реальность плана ее индустриального переоснащения.

Подключились к практическим делам по сооружению многочисленных промышленных производств и комсомольские организации. Повсеместно комплектовались молодежные бригады, своё применение нашли для себя в этих условиях члены Советов молодых ученых и другие, объявлялись ударные стройки. Причем крупнейшие из них, мы знали, находились на контроле ЦК КПСС, Совмина СССР, а у нас — под повседневным надзирающим оком Первого, который в данном случае поступал как настоящий хозяин вверенного ему края: требовал соблюдения сроков выполнения строительных заданий, давил на союзные министерства, добиваясь своевременной отгрузки необходимой техники, материалов, проводил совещания на объектах.

Этот стиль повышенной ответственности, взыскательности, требовательности заимствовался всеми управленческими звеньями. Я, вместе с комсомольскими вожаками районов, разве что не ночевал на бакинском нефтехимическом гиганте — НБНЗ, где возводилась установка по качественной очистке нефти ЭЛОУ-АВТ, интересовался не столько производственными вопросами (хотя куда от этого денешься?!), приходилось вникать в организацию труда молодежных бригад, подбор инициативных ребят, ярко выраженных вожаков. Надо было вникать в особенности трудовой атмосферы, быта, состояние общежитий, словом — во все мелочи. Дни и ночи кипела работа: планерки, встречи, совещания. Ругань, ссоры, надрыв...

И потом по опыту я уже знал: периодические заезды в рабочие коллективы, может, и производят впечатление, но дистанция, разделяющая чиновников из высших кабинетов и простой люд, продолжает сохраняться, а по мере формализации взаимосвязи она грозит трансформироваться в пропасть, в чем всем нам еще предстояло убедиться. Так что приходилось придумывать самые различные формы оживления рабочих контактов, поощрения лучших. По общему мнению, немалый практический эффект дали в этом плане регулярно проводимые слеты молодых представителей ра-

бочих профессий: нефтяников, хлопкоробов, строителей, организация конкурсов «лучший по профессии» и др.

Своеобразие ситуации на рынке труда заключалось в том, что как-то незаметно все привыкли к изобилию рабочих мест при явном падении интереса новых поколений к рабочим профессиям. Трудовой порыв, которым сопровождались будни первых пятилеток, романтика самого труда, связанная с верой в то, что простой труженик участвует в созидании первого общества справедливости и равноправия, ушел в историю вместе со стахановцами, героями Магнитки и Днепрогэса, Нефтяных Камней. Какое-то время он поддерживался высокой оплатой, социальными поощрениями (профсоюзные путевки на курорты, санатории, всесоюзные здравницы, зарубежные поездки, продвижение передовиков во власть — в состав руководящих партийных, профсоюзных, комсомольских органов, избрание депутатами всех уровней).

Финансовую составляющую трудового энтузиазма подкосил первоначально Н. Хрущев. Нефтяники, составлявшие, как говорили тогда, ядро рабочего класса, в одночасье лишились всех своих материальных преференций. Особенно больно ударили хрущевские реформы по морским нефтяникам, которых лишили надбавок за работу в непростых морских условиях Каспия. На суше ту же штуку проделали с подземщиками, бурильщиками, обесценив их тяжелый, трудоемкий и в то же время требующий высокого профессионального опыта, сноровки труд.

На какой-то момент удалось увлечь молодежь романтикой целины, а затем и строительством БАМа, многочисленными стройками Западной и Восточной Сибири. Но на советских просторах дули уже иные ветра, шумели новые поколения. Слеты молодых рабочих и колхозников внесли некоторое оживление в комсомольскую жизнь. На стройках, хлопковых полях, морских эстакадах появились новые имена, наметился трудовой подъем. Однако с каждым годом все явственней ощущалось — на одном энтузиазме не добиться перелома. В сознании нового поколения уже крепко засели соображения об экономической заинтересованности, без которой не мыслился социальный прогресс.

И это понимали все. Экономическая мощь Советского Союза была велика, возможности казались неограниченными. Но действовали факторы, о которых мало писалось и говорилось, — гонка вооружений, растущая помощь национально-освободительному движению, развивающимся странам, преобладание экстенсивных способов хозяйствования и многое другое — всего не перечислишь. Пропагандистские и организационные усилия комсомола не подкреплялись материальной поддержкой, адекватной времени. В этом состояла противоречивость всей ситуации, преодолеть которую нашей экономике так до конца и не удалось. Строящиеся промышленные предприятия служили своеобразными центрами урбанизации — заводы полимеров, полиэтилена, полистирола в Сумгаите, завод глубоководных оснований в Гарадаге, ТЭЦ в Мингечауре, ЭВМ и «Азон» — предприятия советской оборонки в Баку и многочисленные производства легкой промышленности, разбросанные по регионам.

Все это меняло облик и структуру не только экономики, но и людей. Многие предприятия были высокотехнологичными, и туда приходила молодежь с профессиями, которые рождением своим обязаны стремительному развитию научно-технического прогресса. Менялась структура экономики, менялись и люди.

Вызов как публичная пощечина?

Демократическое отношение в партии произрастает из устойчивых традиций толерантности общества. Заботу об этом, как и многих других общественных проблемах, взяла на себя, как известно, компартия. КПСС, в силу ряда объективных, исторических причин (подполье при самодержавии, гражданская война, Великая Отечественная война, традиции политической непримиримости, максимализма, радикализма и т.д.) слишком долго формировалась и управлялась командно-административными методами. В условиях бескомпромиссной борьбы за выживание эти методы подтвердили свою эффективность, способность максимально выжимать мобилизационный ресурс.

Отсюда, думается, и предпочтение, которое отдавалось лидерам сильным, решительным, жестким. Это как-то уважалось и бюрократией, да и самой массой народной. Силу у нас, как известно, побаиваются, но и любят применять. И еще уважают. Толерантность, терпимость к критике очень часто воспринимаются как мягкотелость, нерешительность, неприемлемые во властных отношениях.

Насколько обманчивыми могут быть наши субъективные трактовки стиля руководителя высокого государственного ранга, я попытаюсь проиллюстрировать на двух примерах.

В году 1968-м, а может, и чуть ранее, случилось мне побывать на партийно-хозяйственном активе в Баку в связи с редакционным заданием. В зале развернулась довольно острая критика дел на промышленных предприятиях города, речь шла о жилищно-бытовых неурядицах рабочих, невнимании к их нуждам. Скажу также, что в ту пору практиковались выступления без заготовок, допускались импровизации, начальство даже с некоторой благожелательностью относилось к привычным проявлениям критики «снизу», когда какой-нибудь работяга, поднявшись на трибуну, начинал рубить правду-матку без написанного текста.

Так вот, бурная дискуссия приближалась к концу, когда вдруг с задних рядов через весь зал к трибуне направился очередной оратор, не предусмотренный регламентом. Председательствующий растерянно наклонился к сидевшему рядом В.Ю. Ахундову, не упуская в то же время из виду стремительно приближающегося к столу президиума неизвестного с высоко поднятым над головой партбилетом.

Первый секретарь развел руками, мол, что тут необыкновенного, рядовой коммунист желает высказаться, пусть говорит.

Через минуту притихший зал услышал короткий, но хлесткий, как удар плетью, спич заводского партийного вожака.

— Уважаемый Вели Юсуфович, я на протяжении длительного времени обращаюсь в ЦК, лично к вам с письмами о тяжелом положении, сложившемся на нашем заводе. Я писал не по личной инициативе и не о личных проблемах, а о делах коллективных. Полагал это обязанностью своей как коммуниста, руководителя парткома. Я не только не получаю

никакого ответа на свои обращения, у меня создалось впечатление, что наша жизнь — жизнь рабочего человека, ее проблемы — глубоко для вас безразличны. Извините, но я не считаю возможным находиться в партии, столь равнодушной к обращениям рядовых коммунистов.

С этими словами оратор положил на стол перед первым секретарем свой партбилет и твердым шагом направился к выходу.

Это был вызов, а если быть точнее — публичная пощечина. Как поступали в столь нестандартных ситуациях партийные вожди? Одни принимались раскручивать маховик цековской разборки с оргвыводами, с приличествующими случаю пространными постановлениями, публикациями в прессе, осуждением нерадивого заводского начальства на пленумах и съездах. Другие нюхом чувствовали в произошедшем заговор, подкоп под авторитет, со всеми вытекающими отсюда явными и завуалированными репрессалиями.

В.Ю. Ахундов публичным дебатам вокруг, прямо скажем, неприятного инцидента предпочел аппаратные решения. Головомойки нерадивые руководители заводского и районного масштаба, скорее всего, не избежали, аппаратчиков вызвали на ковер, но делать из разочаровавшегося коммуниста героя он тоже не стал. Как и не возразил его решению покинуть партию. Чего ради насильно удерживать коммуниста в партии, чем бы ни мотивировал он свое решение?

И второй эпизод, имевший место на осенней сессии Верховного совета, тогдашнего парламента республики.

Мероприятие было дежурное — подведение итогов 1977 года, утверждение бюджета на следующий год — то ли решающий, то ли определяющий, уж и не помню, год пятилетки. Подуставшие к концу дня депутаты из высокой номенклатуры прохаживались в вестибюле Дома политпроса в ожидании конца государственной рутины. Объявление председательствующим на вечернем заседании Сулейманом Рустамом (Народный поэт, председатель Совета старейшин), что по обсуждаемому вопросу выступило достаточное число ораторов и можно прекращать прения, депутаты встретили с нескрываемым воодушевлением. Но тут с места поднялся

Гамбой Мамедов, бывший прокурор республики, лишенный должности тремя годами ранее.

Ничего необычного он не предложил, просто попросил дать ему несколько минут, чтобы высказаться по теме дня. Такое непредвиденное выступление по тому или иному поводу периодически случалось на сессиях, работа которых мирно протекала по заранее отработанному и согласованному с ЦК сценарию, называемому в обиходе партитурой.

Особых возражений или удивления такого рода инициативы ни у кого не вызывали, разве что легкое раздражение некоторой части парламентариев, подуставших от однообразной и тягучей говорильни.

Но тут попросился на трибуну Гамбой Алескерович, отставленный от прокурорского пьедестала, оставивший о себе память как прокурор непростого, крутого нрава, умевший отстаивать свое, надзирающее за законностью мнение на любом уровне, продолжающий пользоваться огромным авторитетом в правоохранительной системе республики, да и в самой Генпрокуратуре СССР (поговаривали об особом расположении третьего и самого долговечного советского генпрокурора Р.А. Руденко к своему азербайджанскому коллеге, который, помимо безупречных профессиональных качеств, честности и принципиальности, являлся еще и Героем Сталинградской битвы. А это дорогого стоило!).

Ходили также невероятные слухи о неприязненных отношениях двух бывших чекистов — генерала Г.А. Алиева и полковника Г.А. Мамедова, между которыми пролегла пропасть непримиримой вражды, когда они возглавляли отделы в одном и том же ведомстве — КГБ Азербайджанской ССР. Поговаривали, что Г.А. Мамедов давно должен был поплатиться должностью, да мешал Р.А. Руденко — непререкаемый авторитет в Кремле. Как же! Советский государственный обвинитель на Нюрнбергском процессе плюс прокурор, мастерски доведший до логического конца непростое дело Л. Берия в 1953 году. С того памятного года и находится на своем прокурорском посту.

Словом, было отчего прийти в замешательство престарелому поэту С. Рустаму, не чуравшемуся писательских интриг, но не имевшему должного опыта в тайных схватках

спецслужбистов. В то время как в глазах депутатов зажигался немеркнущий огонь естественного любопытства: «Что-то будет!»

Председательствующий повернулся к застывшему с каменным лицом истинному творцу и дирижеру парламентской партитуры Гейдару Алиевичу.

«Что будем делать?» — проговорил вконец растерявшийся С. Рустам, забыв о том, что микрофон разносит его совершенно неуместный вопрос до самых крайних рядов замершего зала.

— Вам решать. Я тут ни при чем...

Пока несчастный автор комсомольских баллад и любовных газелей осмысливал значение слов, произнесенных Первым секретарем ЦК, бывший командир пулеметного дивизиона уже выскочил со своего места, как из окопа, и стремительным броском овладел трибуной.

— Хочу довести до сведения депутатов, что многочисленные факты, содержащиеся в основном докладе и высказанные в прениях относительно выполнения народно-хозяйственных планов, имеют мало общего с реальной действительностью. Один миллион тонн хлопка, якобы собираемый в республике, есть результат практики приписок, осуществляемой повсеместно по прямому указанию руководства республики во главе с Гейдаром Алиевичем Алиевым. То же самое можно сказать о продукции так называемого «всесоюзного огорода». Прокуратура республики в свое время произвела проверку на предприятиях различных отраслей республики и выявила многочисленные серьезные нарушения того же порядка. Практика приписок, взятая на вооружение при прямом участии первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, наносит вред и самой партии, и трудовым коллективам, и всей морально-политической атмосфере в республике.

Лучше бы экс-прокурор взорвал на сессии противотанковую гранату или прошелся бы пулеметной очередью по свежеокрашенным стенам Дома политпроса! Позже некоторые, даже очень информированные авторы (Вл. Калиниченко — следователь по особо важным делам при Генеральной прокуратуре СССР) живописали, как экс-прокурора Азербайджана стаскивали с трибуны переодетые сотрудники

КГБ, а он продолжал швырять в зал жареные факты о существовании подпольной экономики. Ничего такого и в помине не имело места. Кто-то из не потерявших бдительность районных руководителей «торпедировал» бригадира чабанов из глубинки, тот поднялся с места и без особого возмущения, но и небеспристрастно, заявил, дескать, сессия поделовому и добросовестно обсуждала государственные вопросы, а Гамбой Мамедов без спросу выскочил на трибуну и все испортил. Есть ли необходимость в его выступлении?

Оглушенный произошедшим, а главным образом — собственной нерасторопностью, С. Рустам вопросил, обращаясь к залу:

— В самом деле, давать ли слово депутату Мамедову?

Хотя тот речь свою уже произнес, даже больше того. Дружное депутатское «Нет! Не давать!», возгласы «Прекратить прения!» свидетельствовали о том, что задачу свою парламент понял. Г. Мамедову ничего не оставалось делать, как мирно развести руками, мол, подчиняюсь мнению большинства и, обстреливаемый колючими взглядами и возмущенными выкриками, проследовать к своему месту.

И тут выяснилось, что экс-прокурор, как и полагалось опытному чекисту, предусмотрел и эту ситуацию. Он знал, что, отстраненный от реальной власти, вскоре лишится и депутатского статуса, пока еще надежно предохраняющего его от еще худших неприятностей.

Публичное обвинение с градом взрывоопасных фактов так или иначе должно быть опровергнуто.

Для того чтобы заготовленная им «бомба» не дала осечку, как выяснилось, бывший разведчик продумал все до мелочей. Он уселся в широком проходе у самого входа в зал. Ему никто не мог воспрепятствовать при попытке пройти к трибуне, в то же время при желании он мог бы в любой момент покинуть зал, что он и делал неоднократно, после того как зал загудел, воспрял духом, и депутаты, расталкивая друг друга, кинулись к трибуне, чтобы выразить свое «фе». Г. Мамедов находился на трибуне не более пяти минут. Ему ответили долгими и гневными речами в общей сложности около двух часов. Только к полуночи, когда ораторы явно стали повторяться, с места поднялся Г. Алиев, встреченный громом оглу-

шительных аплодисментов и здравниц. Надо сказать, Алиев мог держать удар. Однако выпад бойца и разведчика потряс его. Это было видно по багровому лицу и по непривычно скомканному, невнятному началу речи. И все же он постепенно нащупал нужный стиль, тон и стал выстраивать систему аргументации.

Упомянул, что отношения у него с полковником Г. Мамедовым не сложились еще в КГБ, посвящать, однако, депутатов в детали похороненного в архиве дела не стал. Впрочем, кое-кто из участников сессии обладал тщательно скрываемой информацией.

Г. Мамедов накопал немало неприятного, сомнительного в биографии стремительно продвигавшегося по служебной лестнице молодого, перспективного чекиста, к 1930-м годам ставшего начальником отдела! По тем временам — в 1950-е годы — случай редчайший для КГБ, где, по признанию самого же Г. Алиева, тон всегда задавали русские, евреи, армяне... Тому же Г. Мамедову, чтобы забраться на такую же карьерную высоту, понадобилось потопать пять лет по дорогам войны и более десяти лет проработать следователем.

Их соперничеству особую остроту и морально-психологический подтекст придавало неповторимое дыхание послевоенного времени: вернувшиеся с полей безжалостных сражений фронтовики, как известно, повсюду относятся к таким карьеристам, тем более успешным, с изрядной долей неприязни...

Выводы комиссии Г. Мамедова не оставляли шансов будущему члену Политбюро находиться в рядах партии, не говоря уже о разведке.

Тем не менее, бывший архивариус, успевший в то же время побывать за бугром, добился невозможного. Заплатив за «грехи молодости» по полной программе — строгач с занесением в учетную карточку, резкое понижение в должности (из начальника отдела в оперативники), Г. Алиев в дальнейшем пошел еще дальше. И никакого чуда в том не было. Национальные кадры после хрущевского погрома в спецслужбах были наперечет.

Таков был, если вкратце, первый раунд боя двух «тяжеловесов»-чекистов,завершившийся, условно говоря,вничью.

Пока Г. Алиев тяжело поднимался с пола после мощного гамбоевского нокдауна, тот занял одно из ключевых мест во властной структуре республики — пост прокурора Азербайджанской ССР. Надо ли говорить, что новый хозяин республики не забывал старых обид, а прокурор не склонен был закрывать глаза на нарушения законности...

Пока ораторы спешили выразить свое возмущение бестактностью экс-прокурора, тот как-то незаметно исчез из зала. Позже выяснилось, что опытный чекист, попадавший на фронте и не в такие переделки, усыпив бдительность следовавших за ним по пятам бывших коллег, поздно ночью выехал в Тбилиси, а оттуда не составило труда добраться до Генпрокуратуры СССР. Увы, его возможностями не могла воспользоваться многочисленная родня экс-прокурора, которая посыпалась с занимаемых должностей, как спелые абрикосы после дождя. Летели головы партийных секретарей, руководителей предприятий, директоров школ, имевших несчастье состоять в родственных связях со знаменитым прокурором — близких и даже еле просматриваемых. Кто-то поплатился должностью, кто-то партбилетом, а кого-то под общий шумок упекли в места не столь отдаленные. В Карабахе, откуда Г. Мамедов был родом, еще долго с восхищением рассказывали о подвиге некоего заправщика евлахской автостоянки, бросившегося наутек от нагрянувшей за ним милиции и исчезнувшего навсегда на необъятных просторах Страны Советов.

Последний визит Г. Мамедова к московскому начальству уберег его от неминуемого ареста, но не мог поколебать позиции кандидата в члены Политбюро. За сим последовали головокружительные взлеты успевших добраться до трибуны депутатов в тот злополучный вечер и осудивших смутьяна, а также выразивших личную преданность хозяину, достижения которого он посмел подвергнуть сомнению: бригадир чабанов возвысился до руководителя районного масштаба; Гасан Гасанов, импровизированная филлипика которого превзошла все остальные своей яркостью, недавно назначенный партийным руководителем Сумгаита, получил новое назначение — во второй город республики Гянджу (Кировабад), первый секретарь которого был отправлен в небытие ввиду непрощаемой принадлежности к родне экс-прокурора. Хозяин,

и до того не особенно жаловавший карабахцев, едва ли не в каждом выходце из этого горного края стал видеть родственников или последователей своего недоброжелателя.

В общем-то, зряшный, я бы сказал, не очень обдуманный и не имевший каких-либо шансов на политический успех критический выпад Г. Мамедова не заслуживал подобной бури неприятия и тех последствий в кадровой политике, которые демонстрировал явно в силу особенностей своего характера партийный лидер такого масштаба и уровня, каковым являлся на тот момент Г. Алиев.

В практику фактически запускалось новое кредо, не имеющее ничего общего ни с партийной, ни с государственной политикой. Принцип, усвоенный в партийной идейно-политической деятельности: «Кто не с нами, тот против нас», сам по себе также грешивший максимализмом, непримиримостью, поощрявший радикализм политического мышления в компартии, получал новую интерпретацию: «Кто против меня, тот против партии!» Надо ли говорить о том, что речь шла о внесении в государственный менеджмент чуждых ему принципов, заимствованных у страт, формированием и деятельностью своей обязанных круговой поруке?

Поединок с Г. Мамедовым обнажил и обострил другую особенность политической ментальности Г. Алиева — внутренне убежденный в верности ставки на землячески-клановое формирование правящей команды, он не мог не относиться с недоверием к выходцам из других регионов, особенно к тем, кто всегда задавал тон в правящей элите Азербайджана: бакинцам, карабахцам, гянджинцам и др. Г. Мамедов, характер которого впитал в себя, наверное, черты, свойственные карабахцам, тем не менее как деятель формировался на войне, в открытом бою. Вряд ли он мог предположить, какие пагубные последствия будет иметь его тактически ошибочный поступок для его же близких, даже еще шире — представителей карабахского региона.

Очень скоро Г.А. Алиев расстанется с Али Измайловичем Ибрагимовым — экономистом высшей пробы, у которого он многому научился. Будет отправлен в отставку Али Габибович Керимов — руководитель Бакинской партийной организации, возможно, самый опытный партийный руководитель, человек честный и принципиальный, и многие другие.

Вот и все, пожалуй, о двух эпизодах, которые невольно вспомнились мне в связи с размышлениями о том, какой отпечаток накладывает на стиль, методы, всю рабочую атмосферу личный демократизм лидера или его явно выраженная авторитарность.

Разглядеть эти человеческие особенности посредством СМИ или производственной характеристики — пустое дело. На экранах ТВ, как и на страницах газет, предстает профессионально отретушированный портрет, как и в народной молве, — большей частью имидж, а не подлинный облик.

Внутренние политические устремления лидера удается разглядеть наилучшим образом, оглядываясь на его дела, а еще лучше — обращая внимание на окружающую нас действительность. По ним и судите, кто был демократ, а кто диктатор...

КОНТЕКСТ

И все же никогда ранее Азербайджан не пользовался таким вниманием политического руководства Москвы. Г.Алиев добивался близости с Брежневым и с его непосредственным окружением. Эта была своеобразная сверхзадача провинциального правителя, вырвавшегося на просторы большой политики сверхдержавы. Можно сказать, что в этом плане он был первоклассным политтехнологом, блестящим менеджером и прекрасным ваятелем собственного имиджа.

Многие обращали внимание на явную удачливость в делах, умение добиваться невозможного, выбираться из, казалось бы, безвыходных ситуаций, когда у соратников опускались руки. Кое-кто объяснял его успехи везением, забывая, что удача сопутствует смелым, решительным, умеющим, когда надо, идти на риск. Всем этим он наделен был в полной мере — и от природы, и жизненная школа, профессиональные пути-дороги научили.

Как человек, крайне ответственно относящийся к возложенным на него обязанностям, своему месту в государстве и обществе, он постоянно работал над собой. В конце 70-х в Баку проводилась международная конференция по проблемам мирового социалистического движения. Мероприятие было на контроле Политбюро, рассматривавшего предстоящий обмен мнениями видных деятелей коммунистических и близких к ним партий, ученых, теоретиков международного коммунистического и рабочего движения в качестве своеобразного смотра дружеских сил, прежде всего в странах Ближнего

Востока, Азии, Африки и Латинской Америки. Сроки конференции все время переносились в связи с тем, что Г. Алиев раз за разом возвращал на доработку свой доклад, рассматривавшийся в качестве программного документа ЦК КПСС. Передвигать дату проведения мероприятия, утвержденного Политбюро,– дело нешуточное. Ответработники ЦК КПСС, верховодившие в Оргкомитете, в панике отказывались выходить с таким вопросом «наверх». Г. Алиев решительно брался за телефонную трубку и добивался переноса срока у самого генсека. Такой прерогативой располагали и некоторые другие руководители республик. Да не все могли успешно пользоваться ею.

На прощальном банкете он неожиданно удивил собравшихся, а это — первые политические лица, элитные ученые, своеобразный интеллектуальный потенциал ЦК КПСС — нестандартным тостом, включив в него стихи молодого Маркса. Эксперты по теории научного коммунизма, чувствовавшие себя в океане марксова учения как рыба в воде, явно не предполагали услышать подобные тексты из уст провинциального лидера, каковым им представлялся на тот момент азербайджанский лидер. Разумеется, стихи те он выучил не в студенческие годы, он воспользовался ими в ходе подготовки к конференции, но надо было найти и выучить их, прочесть в нужное время, в нужном месте.

По-своему это был тонкий ход установления уважительного контакта с именитыми учеными, создания климата доверия и уважения. Точно так же он мог удивить известных поэтов, писателей в ходе официальных встреч, обнаруживая точное знание творчества литераторов, а то и композиторов, художников, историков. Это и есть постоянная работа настоящего политика по углублению своих знаний, умению все время поддерживать планку ответственности своего государственного местоположения. Для этого, помимо прочего, необходимо обладать и огромной работоспособностью — качество, которым Г.Алиев удивлял даже на склоне лет. Вот в чем секрет успешности его политики с Центром, от которого зависела не только карьера, судьба партийного руководителя, но и положение дел в республике, решение многообразных каждодневных вопросов и трудных проблем: избыточных трудовых ресурсов, повышения качества и уровня жизни населения, снабжения продовольственными товарами и т.д.

Мудрено ли, что интеллигенция, не говоря уже о простых людях, находила его умным, мудрым, обаятельным лидером. Он умел влюблять в себя людей, как и мог заставить противников уважать себя, свою силу. Скажут, европейские аристократы нечто подобное — обаяние — обнаруживали и в других диктаторах, стоявших во главе куда более масштабных государств. Трудно с этим спорить. Сколько их по миру, авторитаристов разных мастей и масштабов. Многие ли из них, сея зло, вселяя в души страх, делали для людей немало полезного и нужного?

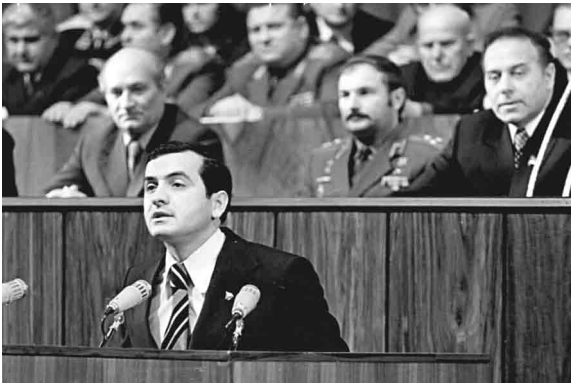
Встреча на Красном мосту, на границе закавказских республик первых секретарей ЦК ЛКСМ (слева направо): Ж. Шартава (Грузия), В. Гусейнов (Азербайджан), Г. Котаджанян (Армении)

Делегаты 17-го съезда ВЛКСМ Г. Орлов, В. Гусейнов, Ф. Бадабейки, К. Агагусейнов. Москва, 1974 г.

Летчик-космонавт Валерий Федорович Быковский на встрече с молодежью. Баку, 1975 г.

С известными советскими писателями Мариной Прилежаевой и Владимиром Амлинским на Всесоюзной неделе детской книги. Баку, 1977 г.

Съезд комсомола Азербайджана 1978 года. В президиуме – 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев, летчик-космонавт, Герой Советского Союза В. Жолобов



Секретари и ответственные работники ЦК ВЛКСМ.
Сидят (слева направо): Б.Н. Пастухов, инструктор орг. отдела ЦК КПСС (фамилию, к сожалению, запамятовал), Е.И. Пушкин, А.В. Федулова.
Стоят: Б.Н. Рогатин, В. Артемович, В.А. Гусейнов, В.П. Грошев, Г.И. Янаев, В.Г. Волчихин, А.В. Жуганов, А.П. Деревянко, З.Г. Новожилова, В. Ситцев, Д. Охрамий, В.И.Мишин.

ВОЗВРАТНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

Дела международные

Летом 1975 года в Баку прибыла довольно-таки представительная делегация Национальной студенческой ассоциации США. Возглавляла ее президент НСА Кетти Келли, оставившая впечатление боевой, целеустремленной и прямой в беспрестанно вспыхивавших дебатах студентки-активистки. К.Келли и ее группа были первыми представителями американского студенческого сообщества, вошедшими в контакт со своими советскими коллегами.

Первое же ее заявление могло шокировать кого угодно: «Вам, конечно, известно, что в годы холодной войны деятельность НСА широко использовалась ЦРУ в своих специфических, узкопрофессиональных целях. Американские студенты положили этому конец!» — энергично выпалила Кетти, упершись взглядом в глаза своего азербайджанского визави (им был ваш покорный слуга), явно приглашая к откровенному обмену мнениями по затронутой теме.

Разумеется, в Баку, как и повсюду в мире, с развитой прессой, открытой для информационных потоков, достаточно были наслышаны о людях ЦРУ в молодежном движении, в том числе и среди студенчества. Не думаю, что ЦРУ продвинулось слишком далеко в этом плане от спецслужб из других стран. Способ не новый, а ЦРУ — вполне квалифицированная организация, придумает что-либо более эффективное,

чтобы возложенные на нее американским правительством задачи были решены в интересах страны.

Важно другое, а именно — американское студенчество активно участвует в антивоенном движении. Мы приветствуем вклад НСА в дело прекращения войны во Вьетнаме.

— Несколько лет назад НСА инициировало движение за заключение Договора о мире между народами США и Вьетнама. Сотни тысяч американских студентов поставили свои подписи под этим документом!

К. Келли явно испытывает удовлетворение от напоминания об этой нашумевшей акции. И она спешит сообщить о том, что делает НСА для того, чтобы провести реформы в образовании — из-за повышения цен на учебу многие студенты вынуждены покидать аудитории...

Действительно интересно, особенно если студентам удается влиять на политику цен...

Подготовка и проведение крупных международных мероприятий стали отдельным направлением комсомольской работы. Азербайджан становился одной из базовых площадок для реализации курса на расширение международного молодежного сотрудничества. Баку с его полиэтническим населением, привлекательной индустриальной базой (чего только стоили морские нефтепромыслы — города на Каспии!), неповторимым архитектурным обликом, современными туристическими возможностями (Международный молодежный центр в Загульба) предоставлял широкие возможности с точки зрения пропаганды советского образа жизни.

С заместителем заведующего международным отделом ЦК ВЛКСМ А. Королёвым и инструктором отдела Ю. Цинговатовым. Чехословакия

В ЦК ВЛКСМ учитывали и то, что бурно растущая азербайджанская столица одной из пер-

вых в Союзе подключилась к разнообразным формам международного сотрудничества. Это был действительно молодежный город, в вузах которого обучались тысячи юношей и девушек из разных концов СССР и из более чем 100 стран мира.

Делегация ВЛКСМ в Лаосе, встреча со школьниками. 1980 г.

Это придавало особую атмосферу человеческого общения, стимулировало взаимодействие молодежных структур с разноязычным студенчеством.

Появление иностранцев стало обычным явлением, и общение, что с официальными лицами, что с простыми людьми, проходило в непринужденной обстановке, атмосфере открытости, живого диалога. Немаловажное значение имел и человеческий фактор, например,традиционное советское гостеприимство, сдобренное азербайджанскими традициями, имеющими многовековую историю.

В ряде регионов к тому времени стали испытывать нехватку продовольственных товаров. В этом плане Азербайджан выгодно отличался изобилием — здесь всегда имелось что выставить на стол. К описываемому времени гостей стали потчивать и прекрасными винами, коньяками, прохладительными национальными напитками.

Что и говорить — заполненные товарами магазины, богатые восточные базары одним своим видом опровергали разговоры о продовольственном кризисе в СССР. По качеству и разнообразию азербайджанские продукты, что бы там ни говорили, не уступали западным, эксплуатация темы продовольственного кризиса в дискуссиях особого успеха не имела. Да и люди на улицах выглядели сытыми, довольными, хорошо одетыми, радушными. Такую «массовку» никакой шоумен не придумает.

Помнится, несколько лет спустя, в ходе встречи советско-американской молодежи в США (это был как бы ответный визит на бакинский раут 1975 года), Дж.Холлман,руководитель американской делегации, искренне признался:

— Мы тут несколько переполошились, когда стало известно, что советскую делегацию возглавит Вагиф Гусейнов, наш старый знакомец из Баку. Дело не только в том, что за это время вы шагнули высоко по карьерной лестнице (я был к тому времени секретарем ЦК ВЛКСМ). Просто после Нефтяных Камней и Шемахинских погребов надо было предложить вам нечто нестандартное, столь же запоминающееся.

Три дня в Лас-Вегасе, дарованные советской молодежи сверх официальной программы, по мысли американцев, являлись вполне достойным сюрпризом.

Сорок с лишним лет прошло, а феерическое путешествие в город кинозвезд у меня до сих пор перед глазами...

Столь подробно на американском направлении работы международной деятельности комсомольской организации республики я остановился еще и по следующей причине.

Так уж повелось, что восточные республики Союза принято было подключать к внешнеполитическим акциям, связанным с «третьим миром», республики Закавказья и Средней Азии как бы служили убедительной иллюстрацией реализации национальной политики Советского Союза.

Очевидно, такой подход начал формироваться со времен упований на перманентную революцию, когда в Баку был проведен наделавший много шума съезд народов Востока, где тон задавал сподвижник В.И. Ленина Г. Зиновьев.

Активное подключение Азербайджана, Грузии, Казахстана, Узбекистана и других республик к международному направлению в деятельности ВЛКСМ способствовало преодолению стереотипов в этой работе, резко расширило масштаб и возможности внешнеполитических акций. Да и у нас в Баку подтянулись по части организации и проведения политических мероприятий, приобщения к проблемам международной жизни. Появился интерес к этому направлению идеологической работы, прибавилось знаний, вкуса к полемике, без которых не обходились встречи молодежи, причем не только из капиталистических стран.

Молодежные организации стран социалистического содружества выступали сообща по всем важнейшим политическим, экономическим, глобальным и региональным проблемам. Эта позиция, как правило, тщательно разрабатывалась, обсуждалась и принималась к исполнению.

Однако ряд молодежных организаций придерживался отличной от общей точки зрения позиции на процессы, протекающие в мире, в странах социализма, в мировом коммунистическом движении. Я далек от мысли представить эти молодежные организации как сепаратистские, намеренно саботирующие общие подходы и решения. Скорее, их позиция говорила о высокой степени зависимости конкретных молодежных организаций от политики, которую проводили тогда правящие партии отдельных стран.

А вот что двигало лидерами некоторых партий — это другой, куда более сложный вопрос. Он требует отдельного рассмотрения. Коснулся я его тут в связи с тем, что ближе к 1977 году решено было провести встречу советской и румынской молодежи, как говорится, на бакинской площадке.

Советско-румынский молодежный фестиваль

Делегацию Коммунистического Союза молодежи Румынии, прибывшую в Баку во второй декаде октября 1977 года, возглавлял первый секретарь ее ЦК, он же министр по делам молодежи Ион Траян Штефанеску. Пожалуй, этот нюанс в статусе молодежного лидера и являл собой принципиальную разницу в структурировании наших организаций. В практическом плане, может, в том и имелось рациональное зерно: комсомольский руководитель изначально обеспечивался твердой государственной опорой — то, чего недоставало, например, нам в повседневной деятельности.

Впрочем, в первую же минуту члены советской делегации были немало удивлены и другим своеобразием чисто этического порядка румынских руководителей — Нику Чаушеску, секретарь ЦК Союза по международным вопросам, появился на трапе лайнера под ручку с ослепительной дамой, чья внешность и манеры не оставляли сомнений в том, что сына ген-

сека сопровождает на высоком политическом мероприятии отнюдь не невеста представителя правящего семейства.

Обменяться мнениями с высокопоставленным отпрыском относительно проблем антивоенного движения, которым жила Европа, как и вопросов образования, студенчества (в Бакинском нефтяном институте училась большая группа румынских ребят), честно говоря, не удалось — его очередная пассия слишком отвлекающе влияла на лидера румынского комсомола де-юре. В ходе редких встреч он держался корректно, хотя по тому, как расступались члены румынской делегации при появлении секретаря, чувствовалось — перед нами королевич.

Надо заметить, в той или иной степени привилегированным положением в обществе были обеспечены дети многих руководителей Компартий.

Леонид Ильич, по его собственному признанию, так и не смог ничего поделать со своей необузданной дочкой. Сына у него не было, и симпатичный, крепкий муж Галины — Юрий Чурбанов из комсомольских выдвиженцев — быстро поднимался на вершину государства в государстве — МВД — под крылом всесильного Н.А. Щелокова, старого сослуживца и друга генсека. Но, к чести Ю. Чурбанова, бравирование своим родством или иных царских замашек себе не позволял.

На короткое время яркой молнией пронеслась по китайскому политическому небосклону молодая и честолюбивая Цзянь Цинь — супруга Мао, бывшая актриса. Разве что в КНДР сразу определились с наследованием власти — Ким Чен Ир (преемник великого автора «Чучхе» Ким Ир Сена), уверенно шагал к вершине власти при всеобщем согласии.

Николае Чаушеску, пожалуй, именно в этом беззастенчивом обращении с властью, как семейной собственностью, являл собой совершенно уникальное явление в повидавшей много всякого старой, доброй Европе. Оппонирование КПСС, советскому руководству в определенной степени позволяло сближаться с Западом, готовым при такой политике смотреть сквозь пальцы на причуды коммунистического диктатора, каковым, несомненно, являлся генсек Н. Чаушеску.

Полагаю, наши руководители в столице выбирали «бакинскую площадку» не без определенных расчетов. Для меня, помимо прочего, это столь интересное и столь же напряженное мероприятие имело несколько личное значение.

ЦК ВЛКСМ не скрывал, что мероприятию на Старой площади придают особое значение — идейно-политические шатания социалистического содружества давно беспокоили Политбюро.

Значение акции подчеркивалось и участием в ней руководителя советского комсомола Б.Н. Пастухова. Шел третий год моего пребывания на посту первого секретаря ЦК ЛКСМ Азербайджана. Так что для меня приезд Бориса Николаевича являлся чем-то вроде смотрин: как там ведет себя Вагиф Гусейнов, не тушуется ли перед местным начальством, не подмяла ли его влиятельная партийная администрация, какая у него команда? А позиция? Каковы возможности и авторитет комсомола?

С Б. Пастуховым у меня особой близости не было, можно сказать, — рабочие отношения. Мне нравилась в нем строгая подтянутость, врожденная дипломатичность. Он умел четко и предельно кратко излагать суть политических установок, каждый раз обнаруживая глубокое знание специфики комсомольской работы, точное представление о практическом положении дел в комсомоле и его региональных организациях. Прекрасно разбирался в международной политике.

Я, как и все в аппарате всесоюзного комсомола, хорошо знал: от его цепкого, пристального взгляда ничего не ускользает. Помнил я и о критических стрелах, не раз на совещаниях запущенных Пастуховым в мой адрес, скорее даже в адрес организации.

За товарищеским ужином Пастухов расщедрился на несколько ободряющих фраз, что было редкостью для его рабочего стиля, думается, демонстративно избегавшего комплиментарности:

— Мне кажется, Вагиф, ты сильно продвинулся как организатор, без чего нет крепкой, надежной политической организации. Не будем вспоминать предшественников — у каждого свои достоинства и недостатки, но подтянуть за короткий срок дисциплину, исполнительность, сколотить рабочую команду — это дорогого стоит. И — спасибо!

Что и говорить — похвала начальства всегда воодушевляет, но в те минуты мои мысли были заняты другим. Я помнил о напутствии лидера ВЛКСМ, когда он «благословлял» мое избрание.

Накануне у меня состоялся отдельный разговор с Первым, в ходе которого я убедительно просил его вместе с членами Бюро «освятить» своим присутствием открытие встречи. Убеждать пришлось долго. Но убедил. Встречать молодежную делегацию Румынии в аэропорту отрядили второго секретаря ЦК Компартии Ю.Н. Пугачёва и первого секретаря Бакинского горкома партии А.Г. Керимова.

В соответствии с протоколом Г. Алиев принял руководителей делегаций советско-румынской встречи молодежи. Принял, как положено: по-товарищески приветливо, с учетом политического своеобразия советско-румынских отношений.

На открытие встречи кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев, о котором румыны были немало наслышаны, явился лично — вместе со всем составом Бюро. Затем вместе с делегациями возложил венки к мемориалу 26 Бакинских комиссаров. Это произвело впечатление на москвичей. Да и на посланцев Бухареста тоже. Даже вечно подвыпивший и всецело поглощенный своей чрезмерно яркой подружкой Нику Чаушеску как-то преобразился, словно в президиуме появился не Гейдар Алиев, а сам папаша Николае Чаушеску.

К слову, Нику, как и остальные участники встречи, знал, что дети азербайджанского лидера находятся в активе ЦК ЛКСМ, видел их на мероприятиях. Ничем особенным они не выделялись от остальных членов нашей делегации. Севиль Алиева до того проявила себя на мероприятиях советско-американской встречи. Г. Алиев считал, что такая общественная активность только на пользу детям, тем более, что Ильхам, тогда еще школьник, уже свободно владел английским, что в ту пору было не частым явлением. Между прочим, его отец в доверительных беседах со мной каждый раз предупреждал о том, чтобы никаких преференций или особого внимания им не уделялось: «Как все, так и они. Пусть работают, общаются со сверстниками, особенно с ребятами с за-

водов, колхозов. А то растут в четырех стенах — так жизни не узнать...»

Признаюсь, у меня не было оснований понимать эти отцовские наставления как-то иначе. И уж точно не мог даже при желании разглядеть в том тайное намерение приобщить своих отпрысков к политическому поприщу. В советском опыте еще свежи были поветрия старого аскетичного большевизма, культивировавшего строгость, взыскательность в семье.

Г.А. Алиев относился к типу «закрытых» лидеров, и мне пришлось немало поработать, чтобы убедить его в необходимости уделить как можно больше внимания советско-румынской встрече молодежи. В результате он встретился с делегациями, переговорил с главами, был предупредителен с Б.Н. Пастуховым, в беседе с которым коснулся практического решения ряда проблем азербайджанского студенчества в РСФСР.

Что и говорить, встреча удалась — таково было общее мнение.

— Наверное, в Баку сложилось мнение, что я излишне придирчив к азербайджанским товарищам. Мне и самому сейчас кажется, что я перебарщивал иногда с критикой. Понимай, как хочешь. Если я был не прав, то ты наилучшим образом ответил на несправедливую критику. А это мне по душе — это по-мужски. И главное — развернул-таки Гейдара Алиевича в сторону комсомола!

То был не тост, не комплимент на дружеском ужине. Так наш первый секретарь, прощаясь в аэропорту, выразил удовлетворение проделанной мной работой, четко доведенной до конца акцией.

Позже Г.Янаев, с которым я был дружен, звонил и рассказывал, как комсомолец «номер один» делился своими впечатлениями о пребывании в Баку: там, в Азербайджане, отношения комсомола и компартии не снисходительно командирские, а партнерские, деловые.

Впрочем, столь ценное и вполне искреннее признание не избавило меня от столь же ценной и искренней критики в руководящих органах ЦК ВЛКСМ — тогда и в последующем...

Погода в доме — лучше не бывает!

Этот период в биографии — самый стабильный, преисполненный уверенности, когда работается в охотку, когда все получается, все удается. И, как никогда в жизни, верится в будущее...

После женитьбы я обратился с просьбой к Г. Алиеву помочь с квартирой. Через некоторое время мне выделили квартиру в новом престижном доме по улице Лермонтова, 3. Напротив — здание партшколы, кузницы советских партийных кадров для всего Закавказья, направо — ЦК Компартии Азербайджана. На работу можно ходить пешком, через улицу.

Впрочем, с большим удовольствием я езжу в Загульбу, на правительственную дачу, где мне выделили отдельный коттедж по соседству с министром внутренних дел Азербайджанской ССР Арифом Гейдаровым, с которым мы быстро сдружились.

Ариф Назарович относился к такому типу людей, которые нравятся всем. Он довольно молод, симпатичен, интеллигентен. Кадровый чекист. До МВД находился на дипломатической работе — работал в советском посольстве СССР в Турции.

Нас сближал общий интерес к международной политике, спорту, увлечение театром и книгами-новинками. До сих пор никак не могу взять в толк, с чего Гейдар Алиев посадил этого интеллигентнейшего человека из своего окружения в МВД? Сколько ни стараюсь, никак не могу припомнить, чтобы в ежедневных долгих беседах генерал А.Гейдаров заговорил о проблемах или людях милицейского ведомства. На мой взгляд, он был готовым министром иностранных дел — широкий кругозор, совершенное знание английского и арабского языков. Как бы он пригодился десятилетием позже, когда Азербайджан вышел в международное плавание и МИД отдавали ничтоже сумняшеся то посредственному физику, то столь же невыразительному филологу или — того хуже — партийному товарищу, так и не избавившемуся от старых райкомовских замашек.

Все знали: Г. Алиев и А. Гейдаров дружны со времен, когда оба служили простыми операми в КГБ.

Случайность ли, что мы оказались соседями? Он прост, доступен, никакого генеральского высокомерия. Всегда готов помочь советом и делом: то кадры комсомольские возьмет к себе на работу в ведомство, то технику подбросит — у МВД мощная материальная база.

В то же время генерал МВД как бы патронирует меня, иногда наставляет, но без менторства. Не поручение ли босса?

— Гейдар Алиевич к тебе хорошо относится. Даже очень хорошо. Ты не забывай об этом, — периодически напоминает Ариф Назарович.

Делал это он дипломатично, без излишней назойливости. Однажды подчеркнуто добавил — так, чтобы закрепилось в сознании:

— Он редко к кому проникается такой симпатией...

Я тоже не припомню, чтобы Г. Алиев кому-то благоволил длительно и беспричинно. Так же, как никто не может припомнить лиц, которых можно было отнести к числу школьных товарищей, друзей юности. Есть бывшие сослуживцы, подчиненные. Есть начальство в Москве, которое он уважает. Знает с кем считаться, кому уделить особое внимание (поздравления, подарочные наборы, регулярно отсылаемые по списку), а с кем быть строго официальным. Есть Брежнев. Это — икона. И есть ближайшее окружение генсека. Общение с ними — Его прерогатива. Он не вспоминает ни школьные годы, ни школьных друзей, А о соседях, знакомых по городу, коих полно у любого бакинца, и говорить не стоит. Про родственников он сам как-то в минуту откровения признался мне: «Из родни никто у меня не бывает в доме».

Это в связи с приглашением меня с Хабибой в гости по случаю какого-то семейного торжества. Я и сам вижу — со мной Гейдар Алиевич словно отдыхает от повседневных партийных дискуссий, проблем и нескончаемых интриг. Я могу позволить на Бюро острой репликой или даже свежим анекдотом оттенить отношение к дискуссионному вопросу, разрядить обстановку. Босс реагирует нормально, по-человечески, чаще отвечает улыбкой, но может и непринужденно рассмеяться. Когда остаемся вдвоем, иной раз искренне просит: «Угостил бы свежим анекдотом...».

На этой тональности взвешенной непринужденности и держится моя независимость в окружении зависимых от многих обстоятельств, обязательств, фактов и факторов членов Бюро – своеобразной штурманской рубки корабля, называемой Азербайджанской ССР, штурвал которого находился в крепких, надежных руках капитана – Гейдара Алиева...

КОНТЕКСТ

Начавшиеся события разом смазывают картину всеобщего благополучия, которым упивались руководители в Москве и которые всерьез привели в замешательство власти в Баку.

Глухой ропот недовольства, доносившийся поначалу из студенческих аудиторий, постепенно заглушивший наспех подготовленные бравурные марши о торжестве национальной политики в СССР, как оказалось, был вызван к жизни ущемлением статуса грузинского языка. Точнее, полным отсутствием такового в проекте новой Конституции Грузинской ССР, подготовленном на базе новой редакции Основного закона СССР, которому предначертано было войти в историю под названием «Брежневская Конституция».

Этим слухам в Москве поначалу не придали значения. Впрочем, как и в Баку. Но после того как в Тбилиси заговорили митинги, вылившиеся в нечто вообще трудно вообразимое – массовые шествия, в которых тон задавали студенты, интеллигенция с почетными званиями и правительственными наградами, – всем стало ясно: о том же заговорят в остальных союзных республиках. А там, глядишь, и в автономиях. Разве что в Средней Азии, может, повременят.

В Баку ждать пришлось недолго. Стали поступать сигналы о том, что позиция грузинских борцов за конституционное закрепление статуса государственного языка титульной нации встречает сочувствие и даже понимание в определенных научных кругах, университете, среди молодежи.

Нескончаемые лингвистические приключения, навязанные в свое время Москвой Азербайджану, не могли не вызвать недовольства интеллигенции, тем более, что совершенно необъяснимым выглядело благожелательное отношение Центра к графике Месропа Маштоца, верность которой сохранили в Армении и Грузии. Нельзя сказать, что московские идеологи были в восторге от ничего не имеющего общего с кириллицей алфавита древности. Так, что-то вроде исторической блажи, народного обычая, этакая причуда кавказцев, из-за которой не стоит копья ломать. С чего такая исключительность? Вразумительного ответа на этот вопрос ни я, ни другие от Москвы так и не услышали — ни в 1960-е «оттепельные» годы, ни позже.

Точно такое снисхождение позже было проявлено и при закреплении в республиканских конституциях статуса государственного языка — как в отношении грузинского, так и армянского языков. И только в конце 1970-х, когда интеллигенция и студенчество Грузии потребовали «огосударствления» языка в обновляемой конституции, в Москве, посовещавшись, мудро постановили раздать всем сестрам по серьгам: ввести в конституции всех республик положение о национальных языках как государственных.

И тут вышла, как говорится, неувязочка: одни республики уже приняли свои конституции, а другие, как в Азербайджанской ССР, в своих парламентах только принялись рассматривать их проекты. Пришлось спешно вносить принципиально важные поправки и делать вид, мол, мы тоже всегда были «за», боролись за то же самое...

Раздражение руководства Азербайджанской компартии, как, наверное, и других республиканских отрядов КПСС, провоцировалось тогда, поздней осенью 1977 года и начала 1978 года, двусмысленностью положения, в котором оно оказалось. Согласие Центра пойти на внесение поправок относительно государственного языка, по сути, означало уступку глухому ропоту определенной части азербайджанской интеллигенции, которая никогда не скрывала своего недовольства подчиненным положением национального языка. А Г. Алиев, которому, как и всем нам, не чужды были патриотические чувства, наверное, в глубине души соглашаясь со столь серьезным конституционным новшеством, как и всякий лидер, предпочел бы, чтобы инициатива, столь чувствительная для широкой общественности, исходила от него. Однако как политический руководитель советской школы он не мог не сознавать, что уступка в идеологии порождает последующие нежелательные компромиссы, которые очень скоро неизбежно сделают положение правящей партии уязвимым, каким бы оно ни представлялось прочным на данный момент.

Надо отдать должное Э.А. Шеварднадзе — после знаменитого обращения интеллигенции он ничуть не растерялся и повел себя почти как Шарль де Голль в Алжире: «Я вас понял! Сегодня же переговорю с Леонидом Ильичем» (странно, что эта идея не осенила Шеварднадзе ранее).

— В Москве тщательно изучают ситуацию. Не будем спешить в этом весьма сложном и чувствительном вопросе. Я думаю, Политбюро во всем разберется, найдет приемлемое решение. Не надо драматизировать ситуацию, — сказал Г.А. Алиев, когда слухи о разговорах в интеллигентских кругах стали предметом обсуждения на Бюро.

И всем стало как-то спокойно. Особенно после намека на то, что Леонид Ильич в таких случаях действует не спеша, взвешенно, по-партийному принципиально и по-государственному мудро.

Он дал соответствующее распоряжение о внесении в проект Конституции СССР определенных корректив. Каких? Об этом многозначительная пауза и улыбка уголком губ, мол, скоро узнаете.

Г. Алиев, как всегда, предпочитал скоропалительным выводам и действиям осмотрительность, внимательно отслеживал настроения в Кремле, стараясь не забежать вперед, но и не отставать от развития событий. В результате Азербайджанская ССР приняла проект Конституции в самом конце бурной дискуссии, волнами разбегавшейся по стране. Кое-где республиканские парламенты — депутаты верховных советов — успели единодушно одобрить проекты, в которых ничего не говорилось о государственном статусе национального языка, поэтому теперь приходилось как бы переодобрять однажды уже одобренный единодушно текст.

Г. Алиев по сему поводу высказался примерно следующим образом:

— Тут вот поступило предложение из Верховного Совета СССР. В Москве, а также некоторые товарищи на местах, считают, что в конституции союзных республик необходимо включить статью о государственном статусе национального языка. У нас азербайджанский язык, мы считаем, и без этого фактически является государственным. Но раз товарищи считают необходимым отразить, закрепить факт конституционным положением, давайте внесем соответствующую статью в проект Конституции Азербайджанской ССР.

Исторической точности ради отметим, что эти слова первого секретаря, произнесенные на октябрьской сессии Верховного совета республики 1977 года, утонули в бурных, долго не смолкающих аплодисментах, чем он был несколько смущен.

КПСС проявила достаточную гибкость в весьма чувствительном вопросе — национальном. Особое удовлетворение вызывало то, что обошлось без «кровопускания». Единственным пострадавшим в этом противоборстве общества с правящей партией оказался... Жиули Калистратович Шартава.

Руководитель грузинского комсомола, дипломатичный, общительный, как все грузины, вот уже несколько месяцев рассматривался в качестве кандидата на освободившееся место секретаря ЦК ВЛКСМ, которое, по установившейся традиции, занимал представитель Закавказья. Перед тем лет десять в руководстве советского комсомола работал, причем весьма успешно, Рахман Везиров. Затем пригласили Сурена Арутюняна. Получилось, что по всем писаным и неписаным законам поспело время представителя Грузии. И им на тот момент являлся высокий, симпатичный Жиули Шартава. К тому же ему благоволил лично Эдуард Амвросиевич. Симпатичен он был и Б.Н. Пастухову, как, впрочем, и многим, с кем ему приходилось работать, общаться, включая и вашего, читатель, покорного слугу...

И снова поворот судьбы

— Зайдешь после обеда ко мне.

Члены Бюро с некоторых пор обедают вместе. Это нововведение Первого — всегда можно переговорить в неформальной обстановке о текущих делах, нерешенных вопросах, посоветоваться со старшими товарищами. Общение аппаратчиков высокого ранга служит хорошим примером для всей номенклатуры, создаются связи, контакты товарищеских отношений. Поддерживается атмосфера товарищества, деловитости, что-то от хорошего рабочего коллектива.

— Есть вопросы, — обратился Первый ко мне безо всякого намека на чрезвычайность. Это штрих его рабочего стиля — мало ли зачем В.А. Гусейнов может понадобиться Г.А. Алиеву. Никто не должен ведать, о чем говорится за плотно прикрытыми дверями кабинета Хозяина, когда он остается с кем бы то ни было тет-а-тет.

Сам я, однако, готов к этому приглашению: накануне звонил Пастухов, переговорили о текущих делах. И в потоке малозначащих тем, как бы между прочим он интересуется: «Алиев не приглашал? Жди. Есть один вопрос». И далее опять о намечающемся слете механизаторов, о подготовке к съезду, о средствах на расширение туристических возможностей «Спутника» — бакинские пляжи, говорит, пользуются успехом. И не только у москвичей.

— Звонил Михаил Андреевич (Суслов, значит. Это тоже черта алиевского рабочего стиля, обретенная после того, как он вошел в состав Политбюро, она призвана подчеркнуть каждодневное служебное общение советских небожителей).— Тебе придется выехать в Москву.

— Надолго? — самый безобидный вопрос для поддержания беседы, который приходит мне в голову.

— Надолго. В Москве считают тебя самой подходящей кандидатурой на место секретаря ЦК ВЛКСМ по международным вопросам.

— ?!

— Так полагают орговики — Капитонов, Петровичев. Суслов обсуждал вопрос с Пастуховым. Так что я передаю тебе

консолидированное мнение. Полагаю, что тебе оказывается огромное доверие. Одновременно это и свидетельство возросшего авторитета партийной организации Азербайджана, под руководством которой ЦК ЛКСМ сумел поднять уровень комсомольской работы.

Изучающе вглядываясь в мое, очевидно, растерянное лицо, Гейдар Алиевич счел нужным раскрыть подоплеку этого неожиданного кадрового проекта:

— Ты, наверное, знаешь, на это место планировали твоего коллегу из Грузии. Однако после известных событий такое повышение лишилось основания и логики. Оно выглядело бы поощрением негативных событий в Грузии, нанесших серьезный урон авторитету СССР на международной арене.

Сделав паузу, Гейдар Алиев, как всегда, закончил вводную часть своего выступления внушительным выводом:

— То, что люди высыпали с антисоветскими лозунгами, с националистическими криками на улицы — недоработка партийных органов, соответствующих служб. Но то, что в массе своей манифестация состояла из молодежи, студенчества, — это свидетельство плохой идейно-политической и организаторской работы ЦК комсомола. Тут двух мнений быть не может.

Естественно! Мнение, сформулированное Г. Алиевым, ставит точку в дискуссиях. А вот мой вопрос все же остается дискуссионным. С одной стороны, заняться международной проблематикой — то, к чему меня всегда влекло со времен журналистской работы. А с другой — крах Шартавы, с которым я был дружен, это, что ни говори, смущает душу, хотя в политике такого рода коллизии — обычное дело. Путь к ней, может, лежит через наш выбор, но движение определяют где-то наверху, часто помимо нашей комсомольской воли — на то и младшие партнеры.

Я, честно говоря, оказался неготовым к разговору. Такой поворот судьбы не ожидался ни в моих планах, ни в размышлениях о будущем. Привычная практика — плавное перемещение на партийную колею. Так как-то естественней и, как мне казалось, основательней: действуешь в знакомой среде, с привычными связями, обретаешь новый опыт качественно

иного уровня. А тут придется бросать все и перебираться в общем-то мало знакомый город, в неизвестность. И как быть с семьей? Отец умер недавно, мать у меня тяжело больна, надо поддерживать и семью супруги — академик Кашкай, как вы знаете, скончался. Коль скоро зашла речь о материальной стороне вопроса, замечу, что зарплата редактора газеты была такая же, как и у секретаря по идеологии ЦК комсомола — 230 рублей. Но в газете у меня имелись еще и гонорары. Оклад Первого секретаря республиканского комсомола 310 рублей, и никаких тебе гонораров. (Что касается хваленых привилегий высшей номенклатуры — спецмагазина, — так ею пользовались и редактор, и собкоры центральной прессы, не говоря уже о бесплатной путевке в правительственный пансионат в Загульбе.)

Все это я выложил в одно дыхание, хотя и осознавал неубедительность доводов. Легкая улыбка недоумения, скользнувшая по лицу Алиева, увы, подтверждала эту мою грустную догадку. Вести разговор о моих тревожных предчувствиях и сыновнем долге здесь, в строгом кабинете руководителя республики, где привыкли мерить жизнь иными категориями, просто неуместно.

— Тебе предлагают работать в Москве секретарем ЦК ВЛКСМ. Это очень высокое доверие!! И потом — ты представляешь Азербайджан, а в центральных органах у нас мало своих людей. Мы не можем упустить такой шанс.

И в заключение — твердое напоминание:

— Помни всегда — ты не сам по себе. Мы тебя вырастили, воспитали.

И совет старшего, умудренного жизнью человека:

— Никогда не торопись с выводами. Тем более, не спеши отклонять предложения, поступающие от высокой инстанции. Взвесь все, хорошенько обдумай, посоветуйся с опытными людьми, с теми, кому доверяешь. В этом плане считай, что я свое слово сказал.

Легко сказать: «посоветуйся», при условии, что предложение носит в высшей степени конфиденциальный характер. Если бы мой отец был жив, я еще подумал бы, вовлекать ли его в обсуждение кадровой проблемы, родившейся в результате переговоров двух влиятельных людей в СССР —

Суслова и Алиева. Пожалуй, лучше всего обсудить это дело с Исмаилом Насруллаевичем. Тем более что его хитровато-веселому взгляду и тому, как нетерпеливо машет мне рукой, предлагая подсесть к его обеденному столу, он уже в курсе (это ему по должности положено, как завотделом и кандидату в члены Бюро ЦК). Наверняка имеет соответствующее поручение Алиева. Виду, однако, не подает, как водится. Сыплет шутками-прибаутками, на которые мастер.

— Я, конечно, тебя хорошо понимаю, сам — отец, и хочу, чтобы дети мои были рядом. Но эта привилегия — не для нас, партийных работников. Главное в твоем вопросе — инициатива Москвы. Ни ты, ни мы не рвались на это место. И в том, что грузины сплоховали, подвели своего же человека — не наша вина. А тебе — расти. Представь только себе, какое вдохновляющее значение будет иметь для всего нашего комсомола, молодежи, наконец, партийной организации твое выдвижение. В принципе, если задуматься — для всего азербайджанского народа. Речь идет о большой политике, и здесь все личное должно отступить на второй план.

И я согласно киваю головой. Мне, разумеется, известен сей постулат: политическая карьера — личный выбор, но политика заслоняет все личное. Как в командной игре — стремишься отличиться, блеснуть мастерством, а тренер учит — играй не на себя, а на команду. Худший игрок — тот, который играет на зрителя... Мне еще не раз предстоит постигать эту истину, ставшую банальной. Со временем свыкнешься с ней, как с производственной необходимостью.

Но, помнится, однажды Миша Лезгишвили, артист Бакинского театра русской драмы, выходя из студии, грустно обнял меня, еще молодого, тридцатилетнего: «У меня в Тбилиси умирает мать, а я должен вечером играть в опереточном спектакле — некому заменить...»

Одно дело рассуждать о личном и общественном за рюмкой коньяка и давать советы, и совсем другое — чувствовать и видеть, как неизбежно вытесняется из жизни, отступая на второй план, то, чем жил и что любил... И только много позже задашь себе вопрос: а стоили ли принесенные жертвы того, что обернулось, если честно признаться, иллюзией?..

Меня избирают секретарём ЦК ВЛКСМ

Итак, весна 1978 года. На 18 апреля назначен XVIII съезд ВЛКСМ — событие! Первичные организации шлют во все концы трудовые рапорты молодежных коллективов, аппарат день и ночь собирает материалы для предстоящего выступления на съезде. Бесчисленное множество раз переделывается текст будущей речи. Она должна быть емкой, по-комсомольски энергичной, и в то же время надо найти место для акцентированного абзаца о международных акциях, о роли ширящегося молодежного движения в борьбе за безъядерный мир, против милитаризма. Так наставляют в Центральном штабе ВЛКСМ знатоки кадровой политики.

Позади шумные проводы азербайджанской делегации на бакинском вокзале, который до сих пор в народе именуется «тифлисским», взволнованные, искренние речи, здравницы, которые через несколько минут продолжатся в тесных купе хлопаньем искристого шампанского, анекдотами, взрывами хохота, песнями, не прекращающимися до самого Курского вокзала советской столицы, где азербайджанскую делегацию встречают шефы — комсомольцы одного из районов столицы и Московского университета. Встречают по-русски — хлебом и солью...

Увы, мне не придется вкусить радость буйного комсомольского веселья, велено быть в Москве 14-го, явиться на Старую площадь — на секретариат ЦК КПСС. И вот я и Виктор Мишин, первый секретарь Московского горкома комсомола, препровождаемые Пастуховым, шагаем по длинным беззвучным коридорам «генштаба» КПСС.

При входе в просторный зал, обращенный к сидящим полукругом членам секретариата, своеобразного рабочего органа Политбюро, совсем некстати приходит в голову партийная притча, рассказанная то ли Янаевым, то ли еще кем-то из тех, кто прошел эту ответственную процедуру. Привели орговики на утверждение кого-то из молодых. Напоследок Петровичев, заместитель заведующего отделом, напутствовал, мол, не дрейфь, держись молодцом, на вопросы, а без них не обойтись, отвечай четко, уверенно,

кратко. Кандидат — парень бывалый, опытный, но как только очутился в зале, обомлел и сник. А тут посыпались вопросы: что да как? Он совсем растерялся, пялит глаза на вождей и что-то нечленораздельное бормочет. Словом, полный провал. Петровичев ему с укором: «Как же вы так, вроде бы человек, столько повидавший...» А тот: «Повидать-то повидал, да вошел в зал, смотрю — сидят одни портреты и...»

И в самом деле — за овальным столом расположились лица, которые я до того только по ТВ видел. Одно, можно сказать, знакомое лицо — Зимянин. Он вроде бы наш полпред, в депутаты избирался из Азербайджана — из Бардинского района. При виде меня секретарь ЦК, отличавшийся простецким характером, который можно было бы назвать демократичным, если бы не грубоватость манер и речи, приветливо улыбнулся и приветственно кивнул головой, что не осталось незамеченным присутствующими. Хороший мужик, однако, наш идеолог, свойский. Раза два встречались во время его стремительных наездов в Баку в связи с депутатскими делами, а запомнил. И не только: добродушный кивок одного из вождей — дорогого стоит. Ощущения одиночества как не бывало.

Первым представляют Мишина. Его знают — лидер московской молодежи. Утвердить секретарем ЦК ВЛКСМ по оргвопросам — никаких вопросов. Традициям жить. Это место как бы застолблено за москвичами, они, столичные, по своему положению должны видеть дальше, знать больше...

Не успел обменяться с Виктором Максимовичем дружеским рукопожатием, как Пастухов ровным, звучным голосом начал чеканить: «Вносится предложение утвердить секретарем ЦК ВЛКСМ Гусейнова Вагифа Алиовсат оглу, первого секретаря ЦК ЛКСМ Азербайджана», приглашая меня подняться для всеобщего обозрения — членов секретариата и многочисленных функционеров, а также приглашенных. Тишина. Слышно, как кто-то шелестит бумагами, перебирая документы, лежащие перед каждым из буднично восседающих секретарей ЦК. Скрипучий голос Суслова, председательствующего, высокая, несколько согнутая фигура кото-

рого словно нависает над столом. Кажется — над всем залом. «Кандидатура достойная. Но известно, что товарищ Гусейнов не очень охотно согласился перебраться к нам в Москву. Не так ли, Вагиф Алиовсатович?»

Значит, верно говорят — от Михаила Андреевича трудно что-либо утаить. Информация у него четко налажена. Все до мелочей знает о моих собеседованиях. Н-да...

— В Москву-то я переезжаю с охотой. Обстоятельства семейно-бытового порядка сложились неблагополучно. Пришлось поразмыслить.

И дальше бегло: отца потерял год назад, не так давно похоронили аксакала семьи — отца супруги, мать в тяжелом состоянии. Для нее я — сын, а это ко многому обязывает...

— Я думаю, ЦК Компартии Азербайджана изыщет возможности, чтобы поддержать семью секретаря ЦК ВЛКСМ, — то ли в шутку, то ли директивно обращается к коллегам М.А. Суслов. Те ответствуют снисходительными улыбками. Слово «Азербайджан» Михаил Андреевич произносит, в отличие от большинства своих соратников, на удивление правильно. Только букву «р» выговаривает по-своему, вставляя между двумя согласными явственно слышимый мягкий знак. Это не говор, не диалект, а скорее всего — блажь, штрих имиджа закрытого политика, не часто появляющегося на публике. Что ни говори, а речь второго человека от этого приобретает своеобразие, неповторимость.

— Какие вопросы будет курировать в ВЛКСМ товарищ Гусейнов? — интересуется кто-то за овальным столом.

— Ему предстоит заниматься проблемами международного молодежного движения, организациями коммунистической молодежи стран социалистического содружества и развитием молодежного туризма. Соответственно, в его ведении круг вопросов, так или иначе примыкающих к этому внешнеполитическому направлению деятельности ВЛКСМ, — чеканит Пастухов.

— Нам также представляется это решение руководства ЦК ВЛКСМ обоснованным. По своей практической деятельности Вагиф Алиовсатович (Суслов подносит к очкам объективку, то ли биографические сведения, то ли отчество мое сверяет), товарищ Гусейнов идеолог, имеет редакторский

опыт. Компартия Азербайджана, а он входит в состав Бюро ЦК, много полезного и нужного делает в области интернационального воспитания, активно и с немалым эффектом подключается к практическому осуществлению международной политики ЦК КПСС. В республике стабильная, здоровая обстановка. Баку известен своими революционными, интернациональными традициями (стиль, как сказали бы коллеги-журналисты, правдистский).

Гейдар Алиевич по достоинству оценит сообщение о столь лестной оценке деятельности партийной организации Азербайджана. Однако разговоры о личном расположении некоторых членов Политбюро к нашему лидеру имеют серьезное основание. Ценят его, уважают, коли сам Суслов, аскетичный партиец, сталинской выучки деятель, столько лестных слов счел нужным наговорить при широкой аудитории. Да и мне слова Михаила Андреевича, не скрою, придают столь нужную в данную минуту уверенность.

И вот Кремлевский зал съездов. XVIII съезд Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи. Я — руководитель делегации азербайджанского комсомола, делегат съезда. Всеобщий подъем и ликование. Одно из тех мгновений, которые светят в душе всю жизнь. Оглашается новый, только что избранный на организационном пленуме состав Бюро ЦК ВЛКСМ. Зал взрывается бурными аплодисментами после каждой фамилии.

Теперь среди преимущественно русских, украинских имен, белоруса, которого принимают за русского, и литовца будет и азербайджанец. Так что это не только личное достижение, если глубоко разобраться, — национальное.

Кто-то из узбекской делегации долго и до боли жмет руку:

— Большим начальником будешь! Поверь моему слову — у меня нюх на больших людей.

— Верю. Только как бы милиционер не остановил...

Гейдар Алиев встречает широкой улыбкой:

— Доволен, небось... А ведь не хотел стать секретарем ЦК ВЛКСМ. Это хорошо, что ты такой скромный у нас. Таким и оставайся. Никогда не зазнавайся, на каком бы посту ни находился.

И он шутя пригрозил пальцем.

«Это — твоя кандидатура, не моя!»

Смутное, тревожное ощущение, проснувшееся во мне с первой информацией о работе в Москве, как-то само собой забылось после беседы с Первым, с возникшими хлопотами в связи с отбытием в долгосрочную командировку. Именно так я про себя называл свое новое и неожиданное назначение. Из слов Г.Алиева следовало, что он не прощается со мной, не расстается. Он по-прежнему считает меня своим воспитанником, представителем кадрового потенциала республики. На данном этапе передвижение вверх по линии мощной комсомольской структуры смотрится и как успех его, алиевского курса, являясь лишь дебютом в очередной партии большого шахматного турне, многоходовые комбинации которой складываются не только по его воле и предвидению. Москва — один из центров мировой политики. Там бушуют иные страсти, там иной уровень и специфика мышления...

— Кого оставишь после себя? — ответ на этот вопрос Первого я должен был озвучить незамедлительно. Поразмышлять о вероятных кандидатах успел, да выбор сделать оказалось делом непростым.

Советская система государственного управления хороша была тем, что кадровый резерв на все ключевые посты готовился исподволь — обновлялся, дополнялся так, чтобы при необходимости было из кого выбирать. Хотя не исключались и субъективные решения (моя служебная трансформация, например) или же элемент случайности. Имелись наработки и в комсомоле. В свое время мне удалось передвинуть в центральный аппарат ВЛКСМ Расима Мусабекова, Олега Мамедова, Сашу Оськина, Али Алиева. Такого наплыва азербайджанцев в центральные структуры никогда ранее не наблюдалось — ни в ЦК ВЛКСМ, ни в других органах государственного управления СССР. И главное — ребята не стушевались, легко закрепились.

Посланцы Азербайджана, как принято тут говорить, успешно конкурируют с москвичами в КМО СССР, в отделах пропаганды, организационном, в Высшей комсомольской школе. В аппарат ЦК Компартии Азербайджана некоторое время назад делегированы Джангир Муслим-заде (орготдел),

Юра Мамедов (адмотдел), Алхас Алиев (отдел культуры), Инна Матушкина (отдел пропаганды). Адиль Рамазанов успешно справлялся с обязанностями помощника второго секретаря, пришелся ко двору в республиканском КГБ и Камал Бабаев. Появились новые, перспективно смотревшиеся лица и в руководстве ЦК ЛКСМ. Благоприятное впечатление произвел на Б.Н. Пастухова Афияддин Джалилов, которого я заприметил на съезде комсомола Нахичеванской автономии — учился в Ленинграде, отлично владеет и русским, и азербайджанским языками, бывший главный инженер рудника растет на глазах, держится уверенно, с достоинством. Я рекомендовал ввести его в состав бюро обкома комсомола, не потерялся, выделялся он и в качестве секретаря обкома, с недавних пор он переведен по моей же инициативе в Баку — секретарем ЦК ЛКСМ.

Есть к кому присмотреться и в комсомольских организациях Баку, Кировабада, Сумгаита... Например, молодой, растущий Кямран Агагусейнов, первый секретарь Бакинского городского комитета комсомола: хорошо образован, работает над собой, к нему благоволит и Гейдар Алиев, хотя и отмечает недостаточность жизненной практики Кямрана, который к тому же выглядит этаким студентом.

Как он будет выглядеть среди обветренных морскими штормами лиц или потрескавшихся под беспощадным муганским солнцем хлопкоробов?

Первый, тем не менее, присматривается к Кямрану, что вполне понятно — племянник генерал-лейтенанта Агагусейнова, азербайджанца, не потерявшегося даже в блестящей когорте элитного генералитета советских ракетных войск! Очередь Кямрана придет. И, может статься, очень скоро...

Все эти имена на виду, ни у кого не вызывают сомнений, хотя до конца неизвестно, что думает в каждом отдельном случае Г. Алиев. А решать именно ему — выбирать есть из кого. Вот, например, тот же Афияддин — чем не комсомольский лидер? Ан нет! За ним тянется молва. И дело не в том, что с «Малой земли», как с некоторых пор именуют бакинские остряки Нахичеванскую АССР. С той самой земли, что охоча до сомнительного фольклора. Тянется молва народная о подозрительном сходстве выросшего без отца комсомоль-

ского деятеля с Первым, который в молодые годы, да и сейчас, не потерял зоркости взгляда. Как тут быть? Как отреагирует Сам? Ему-то наверняка известно о досужей болтовне и, прежде всего, о том, сколько в ней правды и сколько обывательского вымысла. Пожалуй, сочтет за подвох — в худшем случае, а в лучшем — обвинит в беспечности, неосмотрительности.

Юру Мамедова тянет к тихой, аппаратной работе... Надо бы посоветовать с конфидентами...

— Самая подходящая фигура для первого — Джангир, — в один голос заявляют Юра и Адиль. — Прошел школу низовой комсомольской работы, орговик, о людях знает не по анкетам. За спиной — армия, производство, жизненная школа, достаточная для молодого человека.

Что там и говорить — звучит убедительно. Все так и есть. А вот в душе уверенности нет. Отчего? Командирствовать любит Джангир, подчиненными помыкает, нацелен больше на власть, не склонен прислушиваться к советам, полагается на собственный опыт, говорит — интуиция. Из этого вырастает уверенность в непогрешимости. Однако не слишком ли я сам привередлив? Откуда взять идеального лидера молодежи? Все, кто есть, — на виду. И Джангир Муслим-заде вполне смотрится. Пожалуй, даже выделяется...

— Убедили...

— Не нравится он мне, — морщится Гейдар Алиевич, словно его пронзила зубная боль. — Нет ли кого получше?

— Есть и другие, но у Муслим-заде авторитет, знание людей, опыт, — принимаюсь перечислять я, помня, как все эти слова, еще вчера звучавшие в качестве вполне ясного, вразумительного обоснования кадрового представления, никак не убеждают моего собеседника, лицо которого не покидает выражение разочарования.

— И все же не будем спешить. Время у нас есть. Подумай хорошенько еще раз. Хорошо подумай.

Вот этого я не ожидал. Мои конфиденты Юра и Адиль тоже. Они озадачены не меньше моего. Но уступать не собираются. Довод один, причем достаточно веский: Джангира мы знаем, при всех недостатках он прошел хорошую школу. Но решать — Первому.

— Тебе удалось сформировать команду, создать хорошую рабочую атмосферу товарищества. Человек со стороны, поставленный во главе молодежной организации, скорее, наломает дров, порушит дух комсомольства, товарищества. Этого нельзя допускать! — говорит Ю.Мамедов, как всегда весьма убедительно формулируя свои доводы.

Уважать мнение соратников, самых влиятельных лиц по комсомолу (Юра, кстати, в орготделе курировал в числе прочих государственно значимых организаций и комсомол) – значит поддерживать уровень коллективизма вообще и авторитет коллективного мнения в делах, в частности. Это была своеобразная защита от администрирования, полагал я. Без такой практики незаметно улетучивается дух товарищества, сочетание строгой дисциплины, деловитости и привычных дружеских отношений. Этой сложившейся атмосферой я весьма дорожил, как эффективным средством от всякого рода нездоровых отношений, проникающих на любую иерархическую площадку, неизбежно связанную с соперничеством, конкуренцией.

Мое очевидное упрямство по кадровому вопросу не вызвало ни досады, ни удивления у Первого. Он даже казался благодушным, но счел необходимым предостеречь:

— Я понимаю тебя — ты его продвигал, остальные тоже хотели бы работать с ним.

И он выдал наконец причину своего неприятия нашего консолидированного кандидата:

— Я хорошо знал его отца. Он ведь в аппарате КГБ работал. Все его дружно не любили из-за характера — склонности к интригам, сутяжничеству... Неуживчив он был в коллективе. А гены — вещь последовательная. Так что думай. Если ты настаиваешь, я поддержу.

К особенностям происхождения, всем было известно, Г. Алиев проявлял особый интерес. Родству с проштрафившимся деятелем он придавал не меньше значения, чем знаменитой графе о социальном положении, а часто даже решающее. О том, чтобы продвинуть в номенклатуру кого-либо из тех, с чьим родичем он был не в ладах, даже из тех, про кого говорят «седьмая вода на киселе», — нечего было и думать. За такого рода оплошность можно было поплатиться и карьерой.

Своих врагов, недругов, противников, перебежавших ему дорогу, когда-то в чем-то не угодивших ему, он помнил поименно, со всеми деталями их вины. Однако всю родню и друзей провинившихся не упомнишь, поэтому-то, наверное, и введены были в практику новые анкеты, на основе которых составлялась так называемая объективка — представление на номенклатурную должность. Помимо прямых, непосредственных родственников, в них приходилось упоминать дядюшек и тетушек по обеим родительским линиям, а также родичей, которые именовались как «брат жены» или «брат мужа» — не шурин, не деверь, как принято в словарях и в обиходе, а на бюрократический манер.

Спрашивать кандидата в члены Политбюро о том, чем конкретно досадил когда-то ему старший Муслим-заде, давно удалившийся на пенсию, было бы бестактностью. Тем более, что он сам категорически подвел черту под обсуждением:

— Раз ты этого хочешь, я не возражаю. Но помни: это — твоя кандидатура, не моя. То, что в жизни кажется мелочью, досадным штрихом в биографии или характере, на политическом поприще или командном посту выглядит иначе. Я откровенен с тобой, потому что доверяю тебе, и ты об этом знаешь.

Я не счел нужным что-то скрывать от ребят, добавив лишь, что Гейдар Алиевич не стал бы ворошить старое, если бы речь шла о чем-либо зряшном.

Тем не менее, предупреждение нашего общего руководителя, слово которого все мы, безусловно, ценили, дорожили его вниманием, забылось в радостной, суматошной атмосфере моего отбытия в Москву. В том ощущалось что-то праздничное, сродни детской восторженности от папиного подарка к празднику. К тому же я уже был мыслями в Москве, увлеченный думами о своем новом поприще. Мои бывшие соратники, настоявшие на своем предложении, воспринимали произошедшее как естественный ход вещей: комсомольская элита из помощников КПСС трансформируется в партию молодых, со всеми грезящимися перспективами.

Всем нам предстояло вспомнить алиевские сомнения и предостережения ровно через десять лет. Когда эхом на карабахский взрыв отозвался сумгаитский кошмар. Комсо-

мольск на Каспии, отданный во власть обезумевшей толпе, возглавлял к тому времени волей-неволей наш кандидат Дж. Муслим-заде. «Это — твоя кандидатура, не моя» — вспомнилось мне алиевское предостережение, звучавшее в трагические дни 1988 года суровым обвинением.

На его месте мог оказаться любой из нас — искал я оправдание потерпевшему фиаско бывшему комсомольскому лидеру, пытаясь понять и вразумительно объяснить его действия накануне катастрофы, в ходе нее и затем на обсуждении в Бюро ЦК Компартии. События, которым не могло быть оправдания и которые надолго парализовали волю республики, как бы пронеслись мимо него, ни на йоту не поколебав в нем уверенности в собственной правоте, он даже не скрывал попыток объявить виноватыми других.

То, что в жизни мелочь, на политическом поприще рано или поздно может стать первопричиной многих ошибок, часто непоправимых, катастрофических,

Появление Муслим-заде во главе Сумгаита обернулось в итоге бедой, прежде всего для него самого, а вместе с ним и для многих абсолютно безвинных людей, и по большому счету — для всей республики. Такого рода события подобны гигантскому водовороту при тонущем корабле — затягивает в свое смертельное верченье и тех, кто случайно оказался вблизи от терпящего бедствие судна. Но отнюдь не случайным явился сумгаитский эпизод в биографии Дж. Муслим-заде. И самое печальное в том, что я когда-то мог предотвратить эту случайность... Не предотвратил. А значит, вина и на мне...

Московская весна

Пропустим несколько страниц жизни, потому как у кого не было расставаний с любимым городом, краем, улицами, друзьями, Каспием, бакинским бульваром, любимым делом и т.д.? Подобное случалось в те годы со многими, потому что мы жили в удивительно большой стране. Огромной, как целый континент. И мало кто догадывался, что наша Родина — целых два континента. А может, даже три, потому что за Сибирью простирается еще долгая полоса земли под назва-

нием Дальний Восток. И все это — Родина советских людей, а значит — и наша, азербайджанцев. Мы знали: в любой точке этой необъятной земли мы — граждане советской страны.

С тем же чувством мы отправлялись в Москву — нашу общую столицу, город больших надежд, больших дел, большого личного будущего. И самое неповторимое в этом расставании — полное отсутствие сожаления или грусти есенинской. Признаюсь честно, мне в прощальных хлопотах, бесконечных рукопожатиях и объятиях, пожеланий удачи (в работе в центре Москвы, в двух шагах от Старой площади, где рождается мировая политика великой державы), здравиц — официальных, искренних и не совсем, не вспомнилось «Прощай, Баку, тебя я не увижу!..» Не потому, что я превратился в кабинетного «сухаря» или циничного карьериста.

Я ведь не покидал Баку, а всего лишь перемещался по служебной лестнице. И как тысячи командированных аспирантов, студентов, директоров союзных предприятий, знал: кончится один рабочий этап — начнется новый. А специфика моей работы такова, что, скорее всего, на другом повороте мне придется вернуться в родные края. Так уж устроена жизнь номенклатурная.

— Я рад за тебя. И рад, что Гейдар Алиевич доволен тобой. Я всегда говорил, что он к тебе относится по-особому. Помни: он готовит тебя для большого будущего...

Это говорит мой старший товарищ, покойный Ариф Гейдаров. Его теплые напутственные слова, открытое лицо, широкая улыбка стоп-кадром запечатлелись в моей памяти...

— Ариф Назарович убит! — глухо произносит Семен Кузьмич Цвигун, один из заместителей Ю.В Андропова, давнишний друг Г.А. Алиева, благодаря чему, собственно, и опекает он меня, нового человека в московских коридорах власти.

Он же сообщает ничего не объясняющие подробности покушения, состоявшегося 30 июля 1978 года, во второй половине дня, в кабинете министра внутренних дел Азербайджанской ССР. Каждый факт, каждая деталь ЧП звучит как внезапный выстрел.

Стрелявший — капитан милиции из Шушинской тюрьмы Зия Мурадов. Прежде чем попасть в кабинет, убил порученца, полковника Сафиханова, ветерана МВД. А. Гейдаров,

проводивший рабочее совещание со своими заместителями и председателем Верховного суда республики, стал второй жертвой капитана. Генерал Тофик Кязимов, ветеран ВОВ, Герой Советского Союза, ранен смертельно.

В Баку немедленно прибыли Щелоков и Чурбанов, следственная бригада из опытных юристов, криминалистов, оперативников. О случившемся доложено генсеку. Мурадов, возможно, психопат. Однако налицо политический контекст — республика готовится к визиту Леонида Ильича. Нет ли тут какой подоплеки?

Г.А. Алиев явно неохотно комментирует произошедшее, больше напирает на то, что дела в республике так замечательно складывались — знамена, порядок, стабильность, а тут сразу такой конфуз. Эфир зарубежный словно взорвался, только и говорят о том, что в Баку убили двух полицейских генералов, один из которых к тому же фронтовик, Герой Советского Союза. Покушение в самом здании МВД. Политику примешивают. Для него, помимо прочего, речь идет о потере близкого человека. В домах только и разговору, что о выстреле Мурадова. Оказалось, что в армии он отличался на стрельбищах. Все ловят «Голоса». Но и там ничего не знают.

Материалы следствия благополучно отбыли вместе с комиссией в Москву. Секретариат ЦК КПСС заслушал на закрытом заседании сообщения Алиева, Щелокова, Чурбанова. Никакой политики нет — нервный срыв на почве служебных и бытовых неурядиц несчастного капитана. Был бы Тофик Кязимов расторопней, внимательней к людям, не было бы и скандала.

Однако дело было не в скандале — сигнал тревожный. З. Мурадов обитал в клубе Шушинской тюрьмы, дела у него не шли, жена, в конце концов, ушла к родителям, поскольку оставаться в холодном, неуютном помещении с малым ребенком далее было невозможно. Капитан слал начальству полные обиды и слезных просьб рапорты с желанием перевести его на другую работу, может, спустить с высокогорья куда-нибудь в низину. Письма терялись где-то в министерских кабинетах. Т. Кязимов, заместитель министра, отказывался принимать бедолагу.

В тот роковой день он пришел сводить счеты именно с равнодушием милицейского ведомства, где все его знали, вроде бы сочувствовали (тот же Сафиханов, остановивший его в дверях кабинета министра и клятвенно обещавший лично положить на стол Гейдарова жалобу капитана, замолвить словечко). Но капитан уже решил свести счеты с равнодушным и грубым замминистра и с собственной жизнью...

Самое поразительное — он не сдал охране табельное оружие вопреки установленному порядку. Этакое благодушие в режимном ведомстве, отвечающем за безопасность республики, объявившей войну коррупции, вседозволенности, гордой своими достижениями в борьбе с негативными явлениями, в деле повышения чувства ответственности, укрепления производственной дисциплины и наведения порядка.

Все ждали глубокой зачистки, крутых, решительных мер, встряски, обновления. Руководство республики, однако, ограничилось кадровыми перестановками. На место убитого А.Н. Гейдарова направили Джафара Велиева, работавшего заведующим административным отделом ЦК партии, поменяли несколько других персон. Дж. Велиев, несомненно, был хорошим аппаратчиком, опытным юристом. Но не реформатор и не революционер. И уж совсем выпадал из практики нового обновленческого курса перевод заместителя министра по кадровым вопросам С. Гусейнова в аппарат ЦК на освободившееся место заведующего административным отделом. На том все стихло и все забылось. Остался только у меня в памяти о погибшем министре сюжет, рассказанный Валерием Татаринцевым, сотрудником политотдела МВД, некогда блистательным штангистом.

Мало кому было известно, что А.Н. Гейдарова постигло несчастье — его мать погибла в ДТП — таксист на большой скорости наехал на пожилую женщину. Виноват водитель — однозначно заключили эксперты, доложившие своему министру результаты обследования.

— Есть ли у него дети? — спросил министр.

— Трое. Младшей дочери — год.

Министр некоторое время размышлял, потом задумчиво произнес:

— Маму уже не вернешь. За что же наказывать детей — оставлять их без отца?

Это — поступок. Нравственный. Встречал ли ты такого человека в своей жизни, читатель?

А Леонид Ильич Брежнев все-таки приехал в Баку. Хотя говорили — злорадствовал кое-кто: визит непременно отменят после кошмарного кровопролития в Баку. Партийный руководитель, однако, зорко наблюдает за настроениями паствы, тут же просигналил в Москву, лично Леониду Ильичу, мол, противники нового курса, одобряемого всем народом, вновь поднимают головы, ситуацией хотят воспользоваться. Отменим поездку к Гейдару Алиевичу — скажут, и в самом деле что-то вызывающее, антисоветское имелось в акте капитана милиции, рассудил Леонид Ильич. Начнутся пересуды, ненужные разговоры. Да и Гейдара Алиевича надо бы поддержать, человек работает, старается. Вон даже Косыгин, редкий на похвалы, счел нужным сказать несколько ободряющих слов при выдвижении кандидатуры азербайджанского секретаря в кандидаты в члены Политбюро. И сейчас доволен делами в республике, передовой по всем показателям выполнения народнохозяйственных планов. А это — главное...

Воистину мудрый был генсек...

Всемирный фестиваль молодежи

Как бы там ни было, а начался московский период моей жизни с этого трагического эпизода, накрепко связанного с азербайджанской действительностью. Точнее, первый московский период. А всего их предстояло пережить три. Каждый, являясь органическим продолжением моей официальной биографии, по-своему отражал политическое своеобразие момента, переживаемого республикой, советской страной. Малой и большой родиной.

Я отправлялся той весной в Москву с ощущением привычной рабочей поездки, производственной командировки, предполагающей обусловленное возвращение в родные пенаты.

Предстоящая деятельность в одном из важнейших сегментов международных отношений — мировом молодежном дви-

жении — обещала качественное обновление повседневной работы, интересной своими выходами на большую политику, соприкасающуюся с дипломатией, современным миром, актуальными проблемами мировой политики. По существу, речь шла о новом поприще, к которому у меня был врожденный профессиональный интерес. У меня было основание полагать, что я вытянул свой счастливый лотерейный билет. В конце концов, мои сверстники, мои одноклассники, мои друзья-соперники по спорту — все, кого я знал, всегда ждали свой миг удачи. И дождался, как и многие другие.

В тот самый момент, когда солнечным майским днем я увидел весеннюю Москву, не мнилось ли мне, что судьба осеняет меня своим крылом?

— Ты подключаешься к международным делам в очень непростое время. Впрочем, советской дипломатии и международникам всегда приходилось действовать в боевых условиях.

Б.Н. Пастухов вводит меня в курс дела. Политическое своеобразие текущего момента — очередное охлаждение между КПСС и рядом европейских партий и движений, придерживающихся ставших модными идей еврокоммунизма. Тут главную скрипку играют компартии Франции, Италии. Некоторые другие уловили в наметившихся разногласиях с КПСС возможность на волне идейных борений, граничащих с антисоветизмом, реанимировать свои старые ревизионистские платформы и сыграть свои сольные партии.

Установки первого секретаря ЦК ВЛКСМ взвешены, формулировки отточены, акценты расставляются с безупречностью опытного лектора-международника.

Начавшееся после «Пражской весны» фронтальное наступление антисоветизма набирает силу. Целые партии, молодежные и профсоюзные организации фактически смяты, подавлены или попали под влияние новой враждебной идеологии, разлагающее влияние тем более сильно, что оно выросло на почве коммунистической идеологии, коммунистической среды. В теоретических дискуссиях нам есть что сказать, есть чем возразить. Но политическая практика серьезно ограничивает деятельность просоветских сил, неожиданно для себя оказавшихся в вынужденной обороне.

Далее Б.Н. Пастухов в течение часа или около того бегло прошелся в связи с общей идейно-политической ситуацией по основным болезненным точкам молодежного движения, не забыв еще раз подчеркнуть, что проблем много и ничто не указывает, что их станет меньше. Дал совет — послушать, что думают по сему поводу Г. Янаев, В. Григорьев, а главное — чаще бывать в международном отделе ЦК КПСС — «это средоточие лучших страноведов партии, владеющих полной информацией о состоянии и ходе международного коммунистического движения — без лакировки». Одно перечисление ряда других вопросов, связанных с деятельностью Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС), свидетельствовало о том, что рассчитывать на легкую жизнь в международном отделе не приходится.

И в заключение несколько слов о кураторстве, делах организационного порядка, «требующих каждодневного внимания»: держать на постоянном контроле деятельность Бюро молодежного туризма «Спутник». Ему удалось в последние годы значительно увеличить приток зарубежной молодежи (из 100 с лишним стран!), расширилась и география выезда советской молодежи. Значение — политическое и воспитательное — этой работы трудно переоценить. В связи с этим особо придется заняться вопросами капитального строительства туристических центров и гостиниц на Украине, в Белоруссии, Грузии, Азербайджане и ряде других республиках.

— Работы, как видишь, непочатый край. Чаще общайся, особенно на первых порах, с теми, кто уже давно занимается странами и организациями — быстрее въедешь, как говорится, в процесс.

Словом, набрав побольше воздуха в грудь, я двинулся вперед.

Не успел оглядеть свой новый кабинет (третий этаж, в дальнем углу, из окна открывается вид на памятник героям Плевны), как Б.Н. Пастухов призвал с места в карьер, энергичней подключаться к важнейшей внешнеполитической акции года — предстоящему Всемирному фестивалю молодежи в Гаване — событие № 1, к нему приковано внимание мировой общественности.

— Сам понимаешь, — отвечать будем перед Политбюро. Леонид Ильич все время лично интересуется ходом подготовки. А проблем — куча. Разбирайся!

Мои познания о Всемирных фестивалях молодежи отличались немногим от представлений большинства сверстников и базировались на большом и светлом празднике, ворвавшемся в нашу, не слишком расцвеченную яркими красками юность — Московском фестивале далеким летом 1957 года. Он запомнился праздником, подарившим немало счастливых ощущений, незабываемое очарование «Подмосковных вечеров». С его подмостков шагнул в океан невиданной славы наш великолепный Муслим Магомаев.

Многотысячные встречи молодежи и студентов помогли новым поколениям лучше узнать друг друга, понять устремления своих народов и государств.

Разумеется, в общих чертах я представлял себе общую ситуацию в молодежном движении, как и в целом особенности идеологического противостояния реального социализма с общим фронтом антисоветизма. Непосредственное, практическое знакомство с точкой зрения союзов и движений по целому ряду вопросов, можно сказать, напрочь опрокинуло мои теоретические представления.

Так получилось, что в течение первых десяти дней мне пришлось встретиться с лидерами и секретарями ЦК по международным вопросам молодежных организаций Франции, ГДР, ФРГ, Бельгии, Кубы, Польши, Румынии и ряда других стран. Завершалась основная подготовительная фаза к проведению Всемирного фестиваля, и требовалось урегулировать множество вопросов политического и технического характера. Изнурительными были беседы с французскими, югославскими и румынскими коллегами. Отдавая дань знаниям, интеллектуальному уровню и информированности наших переговорщиков, я, тем не менее, с горечью отмечал в их суждениях скорее заученность отстаиваемых платформ, нежели самостоятельность суждения. Попытки вызвать на откровенность, глубоко и принципиально обсудить разногласия, чаще всего упирались в глухую стену отчуждения и демонстративной дипломатичности. Лишь изредка, в короткие минуты неформальной обстановки, за столом возникала

атмосфера внезапно проглянувшей доверительности, когда мои собеседники могли позволить себе некоторую откровенность.

К тому времени, когда я в своем новом кабинете провел первый обстоятельный разговор с сотрудниками курируемого отдела о предстоящей акции в Гаване, самому фестивальному движению исполнилось 33 года. То был средний возраст участников движения, число которых в мире шло на миллионы.

О необходимости проведения широкого, представительного форума молодежи впервые заговорили на I Всемирной конференции молодежи в Лондоне в 1945 году. И уже через два года, летом 1947 года, в Праге состоялся первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов, собравший казавшееся небывалым количество участников — 17 тысяч. Последующие двадцать лет фестивали проводились каждые 2–3 года. Но тот, московский 1957 года, вошел в историю как рекордный — 34 тысячи участников.

К 1978 году эти массовые встречи новых поколений стали важнейшим фактором развития международного молодежного сотрудничества, работающего на укрепление атмосферы доверия и стабильности в мире. Слаженно действовали его базовые структуры, к которым подключились десятки национальных, региональных и международных организаций.

Так что,несомненно, идея родилась в нужный момент и в нужном месте — уставший от всемирной бойни мир схватился за нее как за один из немногих шансов воспротивиться набиравшей силу грозной военно-политической тенденции — милитаризму. Да и саму инициативу проведения фестивалей проявили Всемирная федерация демократической молодежи и Международный союз студентов. Они же выступали их непосредственными акторами на национальном и международном уровнях.

С корабля на бал

Я подключился к этой работе на завершающей стадии подготовки к фестивалю. Но от этого хлопот и проблем от-

нюдь не убавилось, а напряжение, по мере приближения намеченной даты торжественного события — 28 июля 1978 года, возрастало с каждым днем.

Было, в частности, крайне важным добиться резкого расширения политического спектра участников молодежного форума. Последний, Берлинский, фестиваль в этом смысле был рекордным — свыше 1500 организаций молодежи и студентов.

Необходимо было эту тенденцию в Гаване развить, установив контакты с организациями, оказавшимися по разным причинам в стороне от общемолодежного демократического движения. И нам удалось выйти на новый молодежный массив — участников международных, региональных и национальных организаций, молодых социалистов, пацифистов и либералов.

Весьма перспективным смотрелось установление связей с организациями молодых католиков и протестантов. Пригодились для оживления работы в этом направлении мои личные связи, установленные еще в Баку по линии породненных городов, таких, как Сараево, Западный Берлин, с молодыми демократами США и рядом других организаций, с которыми плодотворно сотрудничал последние 4–5 дет.

Другим серьезным достижением подготовительного периода стало привлечение к фестивальному движению ряда организаций, занимавших прежде откровенно антифестивальные позиции. Согласились, например, войти в состав «МПК» Совет европейских национальных комитетов (СЕИК), Международный союз молодых социалистов (МСМС). Хочу подчеркнуть, что от диалога с ними осталось впечатление конструктивности, практицизма, что благотворно отразилось на общей атмосфере деловитости и сотрудничества.

От масштабов грандиозного проекта и количества практических вопросов, связанных с каждым этапом реализации задуманных планов, честно говоря, иногда голова шла кругом. На Кубу предстояло направить более тысячи советских юношей и девушек, при этом надо было не упускать из виду ход подготовки в 130 с лишним стран, изъявивших желание отправиться на грандиозный карнавал всемирной молодежи на Острове Свобода — так на социалистическом сленге име-

новалась страна Фиделя Кастро. В рамках фестиваля намечалось проведение сотни мероприятий: «круглых столов», конференций, семинаров по вопросам образования, культуры, роли молодежи в политических процессах, отдельная программа составлялась для молодых парламентариев.

Все проблемы, связанные с материально-финансовым обеспечением XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване, Советский национальный комитет взял на себя. Система сбора средств у нас была отработана, и Советский национальный комитет сумел мобилизовать все наличные ресурсы — от Москвы, как пелось в песне, до самых до окраин. Как это удалось? ЦК ВЛКСМ вошёл с предложением в Правительство СССР о проведении всесоюзного коммунистического субботника советской молодежи на рабочих местах с правом отчисления заработанных средств в фонд Всемирного фестивался молодежи и студентов.

А.Н. Косыгин, принявший без проволочек Б.Н. Пастухова с коллегами, идею поддержал и тут же согласовал вопрос по телефону с Л.И. Брежневым. «Готовьте проект соответствующего распоряжения. Я незамедлительно вынесу его на президиум»,— сказал он и положил на рычаг трубку.

Привожу этот пример не только для того, чтобы показать механизм принятия и реализации решений вопросов,связанных с фестивалем, — никакой самодеятельности, все на соответствующем государственном уровне. Лично же мне немаловажно было знать, как относятся к молодежным делам и проблемам два высших лица государства. Интересны были их реакция, даже тональность общения, из чего складывалось общее впечатление об отношении к молодежным кадрам. Позже мне довелось еще раз встретиться с А.Н. Косыгиным, этим неординарным политико-государственным деятелем сталинской закалки. Но об этом — в свое время...

Повсеместно сбор средств сопровождался митингами дружбы и солидарности, конкурсами, смотрами, республиканскими фестивалями. Стали практиковаться митинги советской и кубинской молодежи — шумные, запоминающиеся. Большую прессу имел фестиваль «Гавана-78», проводившийся вместе с кубинскими студентами, обучавшимися в столице Азербайджана.

Всеобщее воодушевление определялось, прежде всего, особым отношением молодежи к Кубе и ее лидеру Фиделю Кастро. Среди советской молодежи, воспитанной на традициях революционной романтики, авторитет команданте как борца с империализмом был непререкаем, а кубинцев и Кубу она просто любила. На всех вовлеченных в подготовку фестиваля в Гаване окрыляюще действовал тот факт, что Кубинский национальный подготовительный комитет фестиваля возглавил сам Фидель Кастро.

На его первом заседании команданте Фидель призвал кубинскую молодежь провести мероприятие настолько хорошо, насколько это возможно. Короче, Кастро поднял значение форума на высокий государственный уровень, что придало всему действу поистине всенародный характер.

Романтизма предстоящей встрече с далекой Кубой придала, как мне кажется, и идея ЦК ВЛКСМ направить все делегации к Острову Свободы морским путем. На первоклассных теплоходах «Шота Руставели», «Леонид Соболев,»Нахимов», «Россия», Балтика», «Грузия» при всесторонней поддержке Черноморского флота и Аэрофлота были доставлены на Кубу не только советские участники фестиваля, но и тысячи посланцев Франции, Италии, Германии, Голландии и других европейских стран, юноши и девушки со всех концов мира.

Сегодня, спустя дестилетия, вспоминая каждодневную эпопею организации этого, казалось бы, неподъемного дела, искренне поражаюсь тому, как нам удавалось убеждать руководителей Аэрофлота, Министерства морского флота, Министерства путей сообщения в необходимости бросить все свои текущие дела (и какие!) и заняться настойчивыми просьбами комсомола. И как только союзные министры, как правило, лица именитые, могущественные управленцы, терпели наши полубезумные проекты, предложения, соглашались с ними, терпеливо перелицовывали их в свои рабочие планы. Спустя годы я по-настощему оценил мудрый патриотизм и стойкие государственные принципы, свойственные таким деятелям высокого полета, как Бугаев (Аэрофлот), Конарев (Министерство путей сообщений) и многих других больших людей и незаметных стрелочников, умело, а главное

— с истинно советским радушием поработавших на всемирный праздник молодежи.

В самом факте пересечения океана на кораблях содержалось что-то приключенческое. И этот настрой революционной романтики сохранялся — со всей ответственностью свидетельствую — и на субботниках сибирских нефтяников, и в по-настоящему кинематографических эпизодах отчаливания теплоходов от портов в многодневное плавание по манящим и покоряющим своим неповторимым величием океанским просторам. А буйство радостной встречи в Гаване?! Встреча с Кубой поразила всех искренним ощущением единства, торжества молодости.

Большая политика требует больших денег. Финансовая поддержка друзей, союзников, сторонников не нами была изобретена, это обычная международная практика. На западе, кстати, она доведена до совершенства с точки зрения форм финансовых вливаний в нужное дело. Это хорошо известно.

В европейских странах, прежде всего, социалистических, практиковались гастрольные поездки популярных музыкантов, певцов, танцевальных и музыкальных коллективов. Артистам от выступлений перепадало на проживание, карманные расходы плюс реклама талантов, а основная часть выручки шла на проведение конкретных акций. Случались и просто критические случаи, когда приходилось перебрасывать нужные средства прямо в чемоданчиках. По большому счету, следовало бы пожалеть, что приходилось экономить на большой политике, как и на всем том, что укрепляло здоровье социалистической системы.

А надорвалась советская экономика вовсе не из-за дорогостоящих идеологических акций — они, в конечном счете, работали на социализм, а из-за того, что советские стратеги, а вместе с ними и мы, воинство исполнителей, в своей погоне за миром как-то забыли главное, что политика — это война. Что в гонке вооружений, в безудержном военном соперничестве с Западом не может быть первенства. А вот поражение на идеологическом фронте, в информационной войне, может привести к военно-политическому поражению. Ибо информация — это власть.

Приблизительно за месяц до открытия фестиваля члены Международного подготовительного комитета перебрались на Кубу. И с первого же вечера начались встречи, заседания, официальные визиты.

Прогулки по прекрасной и неповторимой Гаване и мечту побродить по хемингуэевским местам пришлось отложить до лучших времен, хотя мои кубинские товарищи, отличавшиеся гостеприимством, не уступающим кавказскому, а в некоторых компонентах и превосходящим его, были неназойливо любезны. К тому же, как скоро выяснилось, с московским гостем планировали встретиться, не откладывая в долгий ящик, многочисленные коллективы совспециалистов: строители, преподаватели высших и средних учебных заведений, воинские подразделении, обеспечивающие безопасность неба над Островом Свободы, ученые, спортсмены, рыбаки — Советский Союз оказывал помощь Кубе в развитии всех отраслей ее экономики, науки, образования,здравоохранения.

Жаль, конечно, что многого не удалось увидеть на Кубе того времени. И все же визитной карточкой Гаваны запомнилось кафе «Боделито дель медио» с автографами Хемингуэя, Сальвадоре Альенде, Че Гевары, многих знаменитостей прошлого и настоящего, в том числе и советских космонавтов.

Ликующая Гавана

Еще в Москве, задолго до приезда в Гавану, наши кубинские друзья передали мне рабочий вариант сценария торжественного открытия фестиваля. По секрету мне было сообщено, что Фидель лично несколько раз знакомился с проектом сценария, в конце концов, одобрил, и все едины во мнении, что участников и гостей фестиваля ждет поражающее воображение зрелище.

Как старый орговик, хорошо знаю — задумать, как говорится, нафантазировать и красиво изложить на бумаге можно что угодно. Только вот как весь сценарий будущего шоу воплотить в жизнь, да так, чтобы никто не подвел, никто не опоздал, не выпал из общего ансамбля. Ведь речь идет не

об оркестре, управляемом дирижером — десятки ансамблей, сотни участников действа, артистов, гостей — красочное шествие, которое разольется, по замыслу авторов сценария, по улицам Гаваны и выплеснется в гигантскую чашу стадиона «Латинаамерикана». Надо сказать, что я уже наслышан был об особом даре наших кубинских друзей в организации массовых мероприятий и ничуть не сомневался, что практическое воплощение задумок, изложенных в тексте,вызовет всеобщий восторг. Так оно и получилось. Ничего более захватывающего, зрелищного мне не приходилось видеть.

Многие детали, «изюминки» кубинских шоуменов, может, и стерлись из памяти со временем, но общее впечатление о том незабываемо ярком шоу-открытии у меня перед глазами: шествие колонны, бесконечным потоком вливающейся в радостно бушующее людское море гаванцев. Их ликующие улыбки подобно гирляндам цветов рассыпаны повсюду — ими запаолнены улицы, они светятся на крышах, балконах, окнах. И мы плывем сквозь море тепла, приветствий, объятий.

Гавана ликует, пляшет, поет. И вдруг грянул ливень, на какое-то мгновенье мне, как и многим, показалось, что это очередной сюрприз, задумка организаторов, настолько естественно, гармонично вписалось художество небес в рукотворную атмосферу молодежного празднества! Нет, такое всенародное торжество невозможно организовать приказом, указанием сверху, тем более, под страхом. Мне также подумалось, что кубинцы — все, от высокого начальства до простых граждан — были преисполнены гордости самим фактом того, что их любимая Гавана на несколько дней стала центром, к которому обращены взоры всей планеты.

Скажу коротко: результатом масштабной работы стал огромный международный резонанс Гаванского фестиваля, действительно всепланетарное представительство в нем молодежи и студентов — я счастлив, что работал на это событие, счастлив своими воспоминаниями об этом торжественном и радостном миге в истории Кубы, в моей жизни...

Форум собрал свыше 18 тысяч молодых людей из 145 стран мира, 2 тысяч национальных, региональных и международных организаций различной политической ориента-

ции — молодых коммунистов, социал-демократов, консерваторов, радикалов, либералов, католиков, протестантов.

То обстоятельство, что фестиваль впервые проводился в стране Западного полушария, являвшейся активным участником движения неприсоединения, придавало особое значение обсуждению в ходе форума проблем социально-экономического и политического положения стран Азии, Африки и Латинской Америки. Рост представительства, как говорили тогда, «третьего мира» придал некоторый, я бы сказал, радикализм ряду массовых мероприятий. Но куда от этого денешься — программа фестиваля вполне осознанно и демократично учитывала предложения всех делегаций, которые отражали политический спектр настроений не только в молодежном движении, но и в мире вообще.

Вот, например, уже по прибытии в Гавану ряд делегаций, как, впрочем, и хозяева, довольно-таки настойчиво стали «пробивать» идею создания некоего Международного трибунала и проведения фактического суда над империализмом. «А как же иначе народы могут выразить свой протест против кровавых преступлений, которые ежедневно, ежечасно империализм, ведомый США, совершает во Вьетнаме, в Африке, Латинской Америке?!», — не без вызова вопрошали наиболее активные (особенно кубинцы и вьетнамцы) инициаторы учреждения Международного трибунала. Пришлось согласиться.

Сотни свидетелей, десятки известных политических и общественных деятелей откликнулись на призыв организаторов фестиваля принять участие в этом небывалом судебном процессе. Я почти ежедневно посещал заседания суда, смотрел кино- и теледокументы, слушал людей, жизнь которых оказалась растерзанной напалмом и ковровыми бомбежками, о которых почти ничего не знал цивилизованный мир, и мы, советские люди, в том числе. Каждый раз покидал эти документальные слушания опустошенным, разбитым. И это при том, что никогда прежде не замечал за собой излишней чувствительности.

Своим личным участием Фидель Кастро придал всему форуму особое политическое звучание. Его яркая, воодушевляющая речь на открытии фестиваля — на заполненном стотысячной людской массой, самом крупном стадионе «Латиноамери-

кана», неожиданные появления в районах Гаваны, где проходили молодежные встречи, беседы с делегациями, поражали своеобразностью, революционным пафосом, умением оставаться революционером на политическом поприще даже когда партизанские походы юности остались в далеком прошлом...

Нет, это был нестандартный, неповторимый лидер, последний революционер уходящей эпохи. Эпохи революций и национально-освободительных движений. Так считали многие из нас, участников кубинского форума. И это убеждение стоило потраченных усилий, времени и средств! Как и сам праздник музыки, песен, поэзии, которым насыщена была программа фестиваля, спортивные состязания по десяткам видов спорта, совместные тренировки спортсменов. И само собой — неповторимый кубинский карнавал как завершающий аккорд студенческих балов-маскарадов, театральных постановок, подмостками которых стала расцвеченная огнями прекрасная Гавана...

Нет, никогда мне не забыть, как и не стереть со страниц истории, площадь Революции в Гаване, миллионный митинг, внимающий команданте: «По своему размаху, широте, многообразию форм, сотням самых разнообразных мероприятий, проводимых ежедневно, нынешний фестиваль был огромен: его можно было охватить разве только в нашем воображении».

И в ответ — гром рукоплесканий, радостных приветствий Фиделю, незабываемой кубинской фиесте. Для тысяч молодых людей это был миг счастья, непреходящей радости, веры в торжество революции.

Сейчас я понимаю, что тогда, на Кубе, мы оказались на стыке эпох, пробил час прощанья со многими идеалами, которыми жили еще наши деды, отцы. И мы, советские комсомольцы, в сущности, расставались с нашей молодостью...

Почти 40 лет молодежь и студенчество мира жили ожиданиями, готовились годами к своей главной манифестации, своему самому представительному, регулярно проводимому форуму. Фестивальное движение превратилось в один из влиятельнейших факторов формирования международного общественного мнения по волнующим современность проблемам мирового сообщества.

Не думаю, что идеи фестивального движения, формы работы, взятые на вооружение, так уж устарели или отжили свое. Во всяком случае, ниша эта в молодежном международном движении пока, увы, пустует. Всемирному фестивалю молодежи и студентов так и не нашлось замены!

Суждено ли возродиться фестивальному движению — в его яркой, захватывающей устремленности к миру и взаимопониманию молодежи планеты? Или же оно скоропостижно скончалось вместе со своими духовными родителями — СССР, социалистическим содружеством? Его постперестроечная судьба, несмотря на усилия самых преданных последователей, прежде всего — Кубы, дает повод для размышлений и определенного оптимизма. Хотя стоит сказать и о том, что задолго до крушения СССР копились поводы и для уныния...

В 1989 году Москва, обдуваемая «свежими» ветрами горбачевской перестройки, принимала участников XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Этот форум планировался как центральное событие Международного года молодежи.

По широте политического и социального состава участников XII фестиваль смотрелся даже многообещающе. В нем приняли участие национальные делегации из 157 стран — и Западного Берлина, и представители 86 международных организаций. Однако эффект от, казалось бы, насыщенной программы фестиваля, даже чисто пропагандистский, был отнюдь невысок. Все незаметно и бесследно ушло в песок, как и многое из того, что бралось одухотворить новое политическое руководство СССР — во дворе веяли горбачевские перестроечные ветры.

Страна победившего ренегатства, политики близорукого идеализма не могла, по определению, предложить ни плодотворных идей, ни перспективного видения будущего.

Начался закат СССР, сопровождавшийся девальвацией многих ценностей, в том числе и традиций молодежной солидарности. В итоге фестивалю горбачевского времени ни по политическому воздействию, ни по идеологическому заряду не удалось дотянуть до планки, установленной в прежние годы, не говоря уже о выдающемся форуме молодежи в

Гаване, с которого, собственно, я и повел свой рассказ об одном из важных и наиболее плодотворных направлений международной деятельности ЦК ВЛКСМ.

Прошли годы, прежде чем ВФДМ при поддержке кубинского правительства во второй половине 1990-х годов попыталась реанимировать фестивальное движение. В 1997 году состоялся XIV фестиваль в Гаване, в 2001 году – XV фестиваль в Алжире. В 2005 голу 17 тысяч молодых людей из 144 государств мира съехались в Каракасе (Венесуэла).

Усилия лидеров динамично развивающейся Латинской Америки, прежде всего, тех из них, которые воодушевляются нетленными идеями социальной справедливости, впечатляют, питая надежды миллионов юношей и девушек. Но после падения СССР стало ясно – молодежное движение, как и мир в целом, лишился не «империи зла», как убеждали народы псевдодемократы, а целой цивилизации, ставшей таковой еще и по причине того, что она отстаивала права новых поколений на лучшую жизнь, мир, дружбу и братство...

Чтобы по достоинству оценить лучшее, нужно пережить худшее.

Будни международников

В ЦК ВЛКСМ вопросами международного молодежного движения занимались отдел по связям с братскими организациями социалистических стран и КМО СССР (Комитет молодежных организаций), концентрировавший свое

С 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ Борисом Пастуховым на советско-румынском фестивале в Кубинском районе Азербайджана. 1977 г.

внимание на работе с организациями капиталистических и развивающихся стран.

Председателем КМО СССР работал в ту пору Геннадий Янаев (будущий глава советских профсоюзов и вице-президент СССР).

Отдел соцстран возглавлял Игорь Щелоков, сын министра внутренних дел СССР. О нем, кстати заметить, говорил, прощаясь со мной, Г. Алиев: «Имей в виду, он располагает, помимо отцовских, и своими личными выходами на высокие инстанции, разные круги. Бояться его не надо, — произнес эту фразу Гейдар Алиевич даже с некоторой небрежностью.— Ты должен работать невзирая ни на какие фамилии. Кстати, имей в виду, Юрий Владимирович Андропов не дал согласия на переход сына Щелокова на работу в разведку, когда тот закончил МГИМО».

Эта информация могла удивить кого угодно. Поразила она и меня. В ту пору о давнем соперничестве руководителей двух могущественных охранных ведомств знал лишь узкий круг посвященных в тайны взаимоотношений кремлевского руководства. Г.А. Алиев был одним из них. Он давно сделал ставку на Ю.В. Андропова, хотя знал о давней дружбе двух старых товарищей — Брежнева и Щелокова. Однако дружба дружбой, а служба — службой.

Отношения же с Игорем у нас были неровными,но вполне приемлемыми в рамках наших должностных обязанностей. Что же касается всего прочего, то в формат данной книги, скажу так, это не вписывается, а потому сказанным пока и ограничусь.

Сотрудники отдела, к ним позже прилепили ярлык «функционеры», как и активисты, привлекаемые из низовых подразделений, и эксперты из исследовательских центров, вузов, в массе своей составляли многочисленную когорту опытных, работоспособных, энергичных молодых профессионалов. Все они, как правило, владели иностранными языками — часто сразу несколькими, многие являлись страноведами, прекрасно владели обстановкой в курируемых странах, регионах, молодежных организациях, поддерживали личные отношения, часто дружеские, с лидерами и видными активистами молодежных и студенческих организаций.

Для центрального аппарата комсомола я, разумеется, был человеком не новым. Меня тут знали — и в руководстве, и на низовом исполнительском уровне. Так же, как и я знал многих. Однако аппарат есть аппарат. Это — прежде всего новое поколение комсомольской бюрократии. Часть ребят были помоложе меня, с хорошим образованием, развитыми кругозором и инстинктами, особенно — хватательными: палец в рот не клади. Каждый знал свою сферу и был готов аргументированно отстаивать собственную точку зрения на ту или иную проблему, убедительно и доказательно.

Разумеется, единоначалие партийного типа привито и комсомольской иерархии, но редко какой вопрос в отделах обходился без дискуссий, часто непримиримых. «Притирка» шла не без эксцессов, порой и откровенных подначек. По армейскому опыту точно знал: не поставишь на место с самого начала излишне самоуверенного и дерзкого служивого, полезут остальные.

В комсомольском воинстве в особой цене были демократизм руководителя, живая, творческая работа. А любой аппарат — что совминовский, что партийный, что комсомольский — обладает одним неизменным свойством: переступил его порог — лавиной накатываются звонки, поручения, текучка. Если браться за все сразу и самому — утонешь. Кроме того, аппарат застоится, опытные аппаратчики сразу смекнут: боец-одиночка — сам не поспевает и людей без толку держит от звонка до звонка. Другое дело, когда подготовка документов, а это важнейшая составляющая аппаратной деятельности: анализ работы, доклады, справки, выступления и т.д., становится продуктом совместного творчества. Сколько бы ни приходилось отлучаться, а посидеть за составлением текстов вместе с сотрудниками надо. Как в редакции. Впрочем, у меня уже имелся и опыт, и вкус к этому делу.

Со спортивных и армейских времен я привык воспринимать лидерство не только как несомненное проявление определенных личных качеств, но и безусловное следование базовым правилам, лежащим в основе любого профессионального успеха. Невозможно выделиться, завоевать авторитет в команде, не подтверждая день за днем высокий результат,

квалификацию. Результат: рекорды, призы, чемпионство — одно. Авторитет же складывается из умения учиться, не стесняясь, перенимать опыт и знания у других, строя при этом нормальные товарищеские отношения.

Мнение о том, что руководство комсомольскими коллективами сводилось к простой реализации указаний, поступающих из партийных верхов, и отличалось лишь энергичным и задорным ораторствованием, было весьма далеко от реальности, как и представления некоторых горе-реформаторов о демократии и механизмах ее утверждения в политических системах.

Разумеется, положение высокопоставленного деятеля комсомола само по себе обеспечивало определенное признание начальственной непререкаемости, сродни взаимоотношениям командира с солдатами. Никто бы ни в чем не упрекнул, такой стиль имел довольно распространенное хождение: не шибко доставать подчиненных инициативами, целиком полагаться на их информированность, не обременяя себя постоянным изучением обстановки и процессов, делая вид, что не слышишь шепотки на сленге подворотен, сентенции, ползущие из московских кабинетов: «Ну что с них возьмешь, с провинциалов? Для того их и приглашают в столицу на должности, чтобы опыта набрались, знаний, умаразума. Если удастся, конечно...»

Это столичное высокомерие, замешанное на неистребимом ощущении собственного превосходства над всем остальным миром, а над горным Кавказом и пустынной Средней Азией — тем более, не скажу, что являлось доминирующим и всеобщим, но кое в ком и кое-где проступало. Причем часто откровенно явственно. И осваивать новый участок нужно было с азов и основательно. Пришлось обложиться специальной литературой, справочниками, регулярно просматривать аналитику, поступающую из разных каналов (международный отдел ЦК КПСС, МИД СССР, спецслужбы — бесценнейшие источники, помогающие держать руку на пульсе происходящих событий в океане, называемом международным молодежным движением).

Сотрудники международного отдела ЦК КПСС (его возглавляли Б.Н. Пономарев и К.В. Русаков), как правило, имели

многолетний опыт работы за рубежом, в странах и регионах, которые курировали в партийном аппарате. Надо ли говорить о том, что знали они свои страны, как никто другой. И что особенно импонировало мне в них, к курируемым странам и регионам они относились, как к чему-то родному, близкому, радовались успехам, искренне огорчались неудачам, ошибкам руководителей, переживали вместе с ними из-за критических ситуаций, стремились помочь даже в личных неурядицах.

Это был особый тип отношений, который мне немало помог в дальнейшей жизни. С большой теплотой вспоминаю всех тех, с кем довелось в те годы поработать, их доброжелательность, интеллект, высокий профессионализм, а главное — внимание и желание помочь новому человеку, нежданно-негаданно оказавшемуся в незнакомой сфере внешнеполитических интересов советского государства.

Однажды я стал невольным свидетелем любопытной сцены. Нашу беседу с заведующим сектором прерывает звонок Генерального секретаря — пронзительный, беспрерывный — из аппарата, стоящего на приставном столике особняком от других телефонов.

— Я не очень резко говорил вчера с Гереком? Не обидится? — спрашивает знакомый голос. Я его узнал сразу.

— Да нет, Леонид Ильич, все нормально: по-товарищески, по-партийному,— отвечает завсектором. — Должен же кто-то ему высказать все начистоту.Товарищ Герек, кстати, и сам все понимает, согласен с нашими оценками.

— Непросто Эдварду там, непросто... — и после небольшой паузы добавляет: — Я не смогу сегодня пойти на встречу с ним. Вы уж там с Русаковым постарайтесь поговорить с польскими товарищами так, чтобы было без обид. Исходите из того, что им сейчас труднее, куда сложнее, чем всем нам.

Мне запоминается этот минутный эпизод из-за такой вот о многом говорящей детали: личное обращение генсека к функционеру не самого высокого ранга ничуть не вызвало у того смятения. Он не вскочил, не стал поправлять галстук и, что очень важно, ни одного комплиментарного словца — все по делу, несуетливо, даже буднично. Видно было — Брежнев таким образом сверяет мнения экспертов относительно

своей линии на переговорах, доверяет им. И к такому демократичному способу общения в аппарате,очевидно, привыкли — никто не дергается, не вытягивается в струнку.

Это я к тому, что был и такой Брежнев...

Так я вплотную соприкоснулся с новой ситуацией, складывавшейся во взаимоотношениях между КПСС, СССР и рядом коммунистических партий стран социалистического содружества, с одной стороны, и коммунистическими отрядами европейских стран — с другой.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что советское политическое руководство старалось, сохраняя и развивая наработанные узы сотрудничества и политического диалога, в то же время удерживать оппонентов в рядах коммунистического движения, в рамках фундаментальных принципов марксистско-ленинской теории и практики. Время диктата и навязывания политической воли ушло. Это понимали многие. Но крепко сидела в умах наших теоретиков и политических практиков привычка к доктринерству. Дьявол, как известно, кроется в мелочах, а их было довольно много. Это и разные взгляды на историю, и экономические сложности на путях-дорогах общественного развития. А после Хельсинки возникли новые проблемы — права человека, открытость общества, к чему мы в своих кабинетах оказались не вполне готовы.

Я имею в виду, прежде всего, идеологический аспект взаимоотношений с внешним миром, ее политико-пропагандистский компонент, составлявший существо, главное содержание работы с молодежным движением. Ибо, как говорилось и писалось тогда, борьба шла за умы новых поколений. Первые же дискуссии с поляками, например, выявили целый ворох претензий, копившихся годами и явившихся следствием тенденциозного прочтения истории российско-польских взаимоотношений — давних и недавних. Помнится, мы достаточно долго замалчивали эту новую тенденцию в политическом мышлении поляков, и не только у них одних (как выснится, и очень скоро, анологичное «прочтение» истории исподволь практиковалось и в наших союзных республиках).

По укоренившейся советской привычке в ЦК КПСС и у нас, в ЦК ВЛКСМ, эти неприятно тревожащие темы стара-

лись не выносить за рамки официальных встреч. Плохую службу сослужила и установка не обострять разногласия, стремиться к взаимопониманию. Однако как проложить дорогу к взаимопониманию, если исподволь, с помощью полунамеков, вскользь, как бы невзначай, а затем и настойчивее, вся новейшая история ПНР трактуется как «советская оккупация». И вот уже из идеологемы эта формула превратилась в аксиому. Это больно било по незажившим ранам военного лихолетья.

Если мои детские воспоминания, человека относительно молодого, навсегда окрашены острым ощущением непреходящего голода, то как не понять старшее поколение советских людей, для которых такие понятия, как боевое братство, интернационализм, освобождение Европы от фашизма, были не пустые слова. Так вот, советские туристы, миллионами выезжавшие в страны социализма, видели сравнительно высокий уровень жизни в той же Польше. И нередко недоумевали, что поляки, немцы, болгары, чехи, венгры живут во многих отношениях намного лучше, чем люди в СССР, особенно в глубинке, и при этом полагают, что Советский Союз их обирает.

Среднестатистический советский интеллигент как раз был убежден, что все обстоит в точности наоборот: Советский Союз бескорыстно делится с друзьями из соцлагеря нефтью, газом, лесом, наконец, валютой, помогает, чем может. И все чаще, несмотря на собственные нужды. Таковы были реальные факты, которые легко можно было почерпнуть из доступных источников. Кстати, правота эта находила подтверждение и в выводах экономистов, экспертов о том, что «социалистическая ноша» становится все более непосильной для СССР. В скором времени все хором признают, что помимо деструктивного воздействия внешних сил, расходы на братскую помощь сыграли роковую роль в начавшемся кризисе еще недавно могучего государственного организма.

И вот на этом фоне наши польские оппоненты откапывают из архивов старые обиды, по-своему, однобоко трактуют известные страницы истории. Для чего это делается? Как тут быть? Промолчать? Но кто тогда объяснит польским друзьям, в связи с «неопровержимым фактом оккупации»,

что едва ли не весь XVIII век для России прошел под знаком польской интервенции, когда в Польше посчитали, что настало время раз и навсегда решить вопрос с Россией путем вовлечения ее в орбиту католицизма и прямого подчинения страны. Истории с Лжедмитриями, попытки оторвать Украину путем прямой смуты и интервенции, войны с Россией — это ведь не выдумки советских ученых, приходилось разъяснять нашим излишне упертым оппонентам, а исторические факты. И заметьте, друзья, никто из нас не копит из-за них обид, не держит камня за пазухой... А в ответ опять об исторической вине большевизма перед польским народом, о разделе Польши.

Однажды на переговорах нас, как говорится, понесло так, что от «искренней товарищеской беседы» не осталось и следа. Пришлось напомнить об участии поляков и выходцев из Польши как одного из самых активных и радикальных отрядов революционного движения в Российской империи. Было о чем поведать польским друзьям и о роли их левых соотечественников в октбрьском перевороте 1917 года, в формировании первых отрядов Красной армии, органов ВЧК–ОГПУ–НКВД. Это ведь был их идейно-политический выбор, ни Ленин, ни Сталин его не навязывали польской социал-демократии. В состав Петроградского Военно-революционного комитета, который осуществлял октябрьский переворот, входили и поляки И. Уншлихт, Ф. Гжельщак. Ф. Дзержинский даже был в составе «пятерки», непосредственно руководившей восстанием. Членами различных комиссий этого ВРК являлись Е. Ахматович, Ф. Клепацкий, Б. Закс, А. Арский-Радзишевский, С. Пестовский. М. Войцеховский возглавлл отряд на Путиловском заводе, А. Кочаровский — на заводе «Сименс-Шуккерт» и т. д.

Надо заметить, эти сообщения для одних поляков являлись новостью, другие выслушивали молча. А что тут возразишь, если поляки широко были представлены и в высшем советском руководстве, и почти на всех этапах социалистического строительства оказывали влиние на формирование и реализацию советской политики — внешней и внутренней. Ф. Дзержинский и С. Косиор играли ключевую роль во внутреннем общественно-политическом развитии, Ю. Мархлев-

ский, М. Брайтман-Бродовский, В. Ледер, А. Петровский, М. Карский — в советской дипломатии, Л. Пренткий-Адамский, В. Миллер, Д. Буднк, С. Шимановский и другие — в экономике. В наших дискуссиях всплывали имена командармов Р. Лонгвы, И. Дзевалтовского, В. Фастынского, М. Левандовского, П. Боревича, В. Ржечицкого, А. Рошковского, В. Комсинского.

Рассказывали мы о польских частях, полках, батальонах, легионах, воевавших в составе Красной армии. Приводились эти исторические свидетельства по памяти, не для того, чтобы упрекнуть наших оппонентов, а подчеркнуть простую мысль — история революций и государств, как ее не переписывай, остается такой, как сложилась, она состоит не только из доблестных страниц, но и кровавых, хотя понятно желание потомков представить одних белыми и пушистыми, а других злодеями.

Несмотря на эти вспышки «откровений», приходится с горечью признать: мы оказались неготовыми к развернутой, наступательной работе с оппонентами в своих собственных рядах. С идеологическим противником — Западом — худобедно система контрпропаганды с годами выстроилась. А как быть с польским разворотом, никто толком не знал. К тому же виделось и чувствовалось — создается единый антисоветский фронт идеологического и информационного наступления. И мы в СССР уходим в глухую защиту...

Точкой отсчета, для меня во всяком случае, явились события 1968 года. Несомненно, они оставили след не только в доктринах антисоветского похода, но прежде и глубже — в душах молодых людей нового поколения. И не только на Западе, но и в странах практического социализма, и там, где началось движение в сторону социализма. Как выразился один из современников, произошло самовозгорание национального духа во всем мире. Чего мы у себя в СССР не заметили, а если и заметили, то не придали значения. Увы...

1968 год можно назвать годом, который потряс мир. Возмущение молодого поколения было вызвано разными причинами, объединяла же их отчетливая непризнь к авторитаризму, в какой бы форме и окраске он ни проявлялся. Там, где он представал в коммунистической форме, молодые люди

восставали против коммунизма. Там, где США прибегали к агрессии (Вьетнам, например), когда обнаруживалось наступление на права человека, молодежь бросалась в бой с капитализмом. Восставшие отвергали бюрократические институты, партии, лидеров, ставших идолами. Таким было время широкого размаха движения за гражданские права — совсем нечто новое, что также прошло мимо внимания советской идеологии.

Это ощущение у меня впервые возникло еще в годы работы на радио. Мы, молодые радиожурналисты, особенно остро почувствовали новые веяния, коснувшиеся нашей профессии. Феномен доведения до общества ежедневных, а порой и ежечасных новостей, элемент присутствия в водовороте событий, происходящих одномоментно в разных концах света, воспринимался не только как чудо, поражавшее своей новизной и всеохватностью.

Стало понятно, что мы входим в качественно новое состояние, которое вскоре получит название «информационного общества».

Многие аналитики обратили уже тогда внимание на то, что важные события, где бы они ни происходили, будь то Конго, Юг Африки или Лос-Анджелес, благодаря достижениям новой технической эпохи просматривались и прослушивались миллионами людей в режиме он-лайн. Это было впервые. Именно это обстоятельство будоражило умы.

Я пишу эти строки, а за спиной работает телевизор, где на канале РТР Максим Соколов и Николай Сванидзе комментируют очередные выступления парижской молодежи против Николя Саркози. Случайное совпадение или обычный цикл истории, замешанный на политических неурядицах и экономической неразберихе? Молодежь на сей раз бунтует против увеличения пенсионного возраста.

Начиная с 1970-х годов наиболее яркие персоны из бунтующего поколения пришли к руководству молодежными, студенческими движениями мира и, прежде всего, Европы. Именно они выступали в качестве партнеров советских молодежных организаций. Хорошо помню дискуссии с ними еще в бакинский период моей комсомольской работы. «Бунтари», а среди них было немало людей, живых, искренних,

по-настоящему интересных, без стеснения обвиняли нас в бюрократичности, называя «придатками партийной машины» и т. д. Мы спорили до хрипоты. Но иногда думалось: а может, они, эти леваки, не так уж не правы? Разве не обюрократились у нас целые организации, разве не подменяется у нас живое дело бумаготворчеством? И не разъедает карьеризм устремления молодости?

Беседа с будущим секретарем ЦК КПЧ Милошем Якешем. Прага, 1979 г.

Поездки, встречи, размышления

После поездки по соцстранам я пришел к выводу, что в ЦК ВЛКСМ принято более полагаться на оперативную информацию в работе с союзами молодежи. Идейно-политическая ситуация не отслеживается, в результате мы наблюдаем общественные процессы, возникающие явления и проблемы в молодежной среде не в развитии, а от случая к случаю — событийно.

Так родилась идея создания аналитических групп по странам. Ее поддержал и Б.Н. Пастухов, и один из руководителей международного отдела ЦК КПСС.

Наши эксперты-страноведы охотно взялись создавать банк данных, выпускать бюллетени, которые оказались как нельзя кстати в связи с демократическими и право-левыми шатаниями в странах социализма. Молодежные газеты и журналы на местах, комсомольские идеологи и пропагандисты буквально вырывали из рук бюллетени с оперативным анализом событий в Польше, ГДР, Китае. Вовсе не случайно большинство аналитиков ЦК ВЛКСМ стали востребованными при создании новых контрпропагандистских

служб в ЦК КПСС, МИДе и других внешнеполитических структурах.

И все же главное направление в нашей внешнеполитической практике — живые контакты с коллегами по международному молодежному движению. Со стороны это смотрится почти как вольготное занятие: выезды за рубеж, приемы, конференции, фестивали. Случается, между прочим, прилетев утром в Москву, вечером мчишься в аэропорт, не распаковав даже чемоданы. Или же иной раз приходится прямо с самолета направляться на Секретариат или Бюро. А там чаще всего вопросы, далекие от моего непосредственного направления, но требующие пристального внимания Бюро ЦК ВЛКСМ: поставлена задача – поднять комсомол на решение проблем Нечерноземья, взять шефство над Всесоюзными ударными стройками, а это БАМ, Новооскольский комбинат, новые нефтяные центры Сибири, Севера — всего и не перечислишь. Но обо всем у меня, как секретаря, должна быть информация. Как и другие, я должен бывать на стройках, встречаться с людьми.

Домашние с некоторым удивлением поглядывают на мои стремительные перемещения по белу свету. Шутка ли: в бухгалтерии подсчитали,что в 1979 году у меня накопилось что-то около 230 дней в командировках!

Действительно, жизнь проходила в полетах и поездках.

Живое общение подчас рисовало одну картину возникающих политических тенденций, умонастроений, а многократно цензурированные справки — совершенно иную. Особенно на Западе, где порой не сразу разберешься, где последовательные марксисты, а где неотроцкисты, насколько сильно влияние левацких группировок и в чем именно их сила. Или, например, такой вопрос, как правило, не затрагиваемый нашими аналитиками: какова степень и характер взаимовлияния социалистических союзов и традиционных политических отрядов молодежи капиталистических стран?

Успел я немало поколесить и по Советскому Союзу, побывал во всех республиках Прибалтики, Средней Азии, Казахстане, Украине, Белоруссии и само собой — в Закавказье. Знакомился с комсомольскими делами в Туле, Орле, Новороссийске, Томске, Краснодаре, Тюмени. Объездил из конца

в конец БАМ — весь Северный и Восточный участки. Там, на самой грандиозной стройке СССР, да что Советского Союза — всего социалистического содружества, где от мороза леденело тело, крошился металл и закалялась воля, решимость нового поколения, там — истинный кадровый резерв комсомола. Вопрос только в том, как его задействовать? Как увлечь молодых людей, зашибающих деньгу и, скажу откровенно, равнодушных к традиционным идеологиям?

Дискуссии на эту тему вспыхивают то и дело: и в комсомоле, и в лекториях ВКШ, и на многочисленных международных молодежных конференциях и фестивалях. Мои записные книжки испещрены репликами, цитатами наиболее запомнившихся ораторов, фрагментами неутихающих споров.

«...Комсомол, как и большинство молодежных организаций, в том числе и на Западе, чахнет и задыхается в сетях бюрократии.

— Что вы предлагаете?

— Оставить его бюрократам и попытаться создать новую организацию — без пропагандистской трескотни и чинопочитания!

— И через пару лет мы получим новую бюрократию!

— Организации молодых демократов и республиканцев в США, как и, скажем, западногерманские, патронируются партийными структурами, но не столь навязчиво и тотально, как у нас. Отсюда и произрастают юношеский нигилизм, разговоры о большей степени независимости».

Это из выступления И. Тооме из Эстонии. Ему отвечают, разумеется: «Степень самостоятельности советского комсомола ныне несравнима с тем, что имело место, скажем, четверть века назад. Комсомол — субсистема, а она не может реформироваться в отрыве от общеполитической системы. Некоторые теоретики полагают, что социалистическая государственность, по существу, являющаяся экспериментальным цивилизационным проектом, все время находится в состоянии эволюции. Этот общественный процесс на каких-то этапах ускоряется, даже совершает скачки, на иных развитие может тормозиться. В целом — это медленное движение, но наступательное и непрерывное.

— Значит, на нашу долю выпала эпоха черепашьих скоростей...».

Из беседы с Э. Кренцем поздно ночью на Северном участке БАМа, после встречи с ударниками коммунистического труда: «Мне кажется, чем дальше, тем острей новые поколения советских людей будут чувствовать некую искусственность многих форм стимулирования. То, что могло увлечь во времена Стаханова, новыми поколениями не может не восприниматься как анахронизм. Это и есть главная причина ограничения инициативности. Совсем забыли, что мы живем в век научно-технической революции».

А вот еще размышления на эту тему: «Первые комсомольцы воспринимали партийный контроль как само собой разумеющиеся взаимоотношения — другое время было. Подбор руководства комсомолом республиканскими, областными, городскими, районными комитетами — и далее по всей вертикали — превращает организацию в придаток партийно-государственной системы. С одной стороны, работа в комсомоле становится профессией, с другой — декларируется самовоспроизводство молодежного движения. С одной стороны, управление огромным разрастающимся хозяйством, финансами, практической политикой, в том числе и во внешнеполитической сфере, должно осуществляться опытными профессионалами, с другой — образуется разрыв между комсомольской бюрократией и всей молодежной массой, которая вроде бы и есть наша опора».

Весьма памятной и поучительной для меня оказалась эта поездка с Эгоном Кренцем, лидером социалистической молодежи хонеккеровской Германии по Байкало-Амурской магистрали. Там, в темных бревенчатых бараках строителей, и сдружились. Вдумчивый, как и большинство немецких товарищей, теоретически подкованный марксист Э.Кренц с интересом знакомился с советской страной, видел и понимал ее проблемы. И они ничуть не смущали его: «Замахнулись на новую цивилизацию — тут без ошибок не обойтись. Это — дорога в неведомое».

Обращала на себя внимание его способность соотносить реалии социалистической действительности с теоретическими представлениями. Возможно, сказывалась жизненная

стезя немецкого коммуниста: выходец из рабочей семьи, он знал жизнь простых людей не по книгам.

Уже тогда, в начале 1980-х годов, Э. Кренц смотрелся деятелем крупного масштаба — умный, энергичный, вдумчивый. Чтобы выделиться в хонеккеровской команде, богатой на яркие личности, надо было обладать действительно выдающимися способностями. Избрание Кренца секретарем ЦК СЕПГ, членом Политбюро и последующий взлет на вершину власти немецкого социалистического государства воспринимался как закономерное явление. Да только советская катастрофа, затянувшая в пучину политического водоворота и ГДР, прервала блестящую карьеру этой неординарной личности. Впрочем, только ли одного Эгона Кренца...

В тяжелое постсоциалистическое время, когда в Германии начались преследования коммунистов, Кренц вкусил все «прелести» западной демократии: исключение из Партии демократического социализма (преемница СЕПГ), пережил изнурительно долгий «Процесс Политбюро», шесть лет пребывания в печально известных тюрьмах Маобит и Плетцензее. Меня поразила судебная формулировка, на основании которой Эгон Кренц в 2003 году наконец был освобожден: «Ввиду малой вероятности повторения преступления».

В моих блокнотах немало имен и фамилий запомнившихся мне молодежных лидеров— вдумчивых, энергичных, современно мыслящих: Ион Траян Штефанеску (Румыния), Рафаэль Арубе (Куба), Слабомир Якубовский (Польша), Гафурджанов (Узбекистан), Закаш Калетдинов (Казахстан), И. Тооме (Эстония), Ткачев (Краснодар).

Есть и более подробные записи.

Вот, например, Данг Куок Баого — волевой, боевой соратник Ле Зуана, преемник легендарного товарища Хо — отца вьетнамского социализма Хо Ши Мина. Мы смотрим на товарища Данга, как в детстве восхищенно на Маресьева — живое воплощение советского героизма! Данг командовал дивизией, стал генералом, провоевав в джунглях 20 с лишним лет. Заслуженный партизан Вьетнама — вот таким был лидер вьетнамской молодежи! Прибыв в 1979 году в Москву с официальным визитом, товарищ Данг строевым шагом прошел в зал заседаний ЦК ВЛКСМ, по-армейски развесил штабные

карты и доложил об особенностях стратегии и тактики вьетнамской молодежи в условиях перехода к мирному строительству: немногословно, ясно и точно.

А вот пророческая реприза моего югославского друга Мухаммеда Алагича в 1979 году: «Пройдет десяток лет, и то, что мы обсуждаем в доверительных, откровенных беседах — о социально-экономическом отставании, необходимости плюрализма и большей демократии — будут говорить все и открыто. Реальный социализм нуждается в обновлении, а социалистическая теория и идеология — в соотнесении с современностью. С коммунистами может случиться то же, что и с идеологами, жившими 300–400 лет назад, — они проморгали, пропустили переход от традиционного общества к современному. Тогда «умирал Бог», и мало кто придал этому трагическому факту должное значение. Бог умер. Ну и что, сказали европейцы, зато у нас теперь прогресс, развитие...»

А вот выдержка из выступления на секретариате ЦК ВЛКСМ руководителя Эстонского комсомола Индрика Тооме, рассказавшего о тревожных симптомах в настроениях юношества: «Мы бичуем массовую культуру, посмеиваемся над повсеместной американизацией, а ведь она захлестнула Европу, захватывает новые пространства. Происходит всепроникающая информационная, идеологическая, культурная интервенция, а мы думаем, что с помощью лекционной пропаганды можно противостоять этому наступлению».

(Спустя годы И.Тооме возглавит правительство обновляющейся Эстонии, будет отправлен национал-революционерами в отставку, потом займется бизнесом и на этом поприще утвердится в качестве современно мыслящего, динамичного деятеля.)

Мы анализировали опыт экономических реформ в соцстранах: Югославии, Венгрии, ЧССР, ГДР и задавались вопросом: отчего многое из того, что там было сделано, не внедряется у нас в СССР?

Эта логика вела к радикальным выводам при изучении интеграционных процессов в Западной Европе. В сущности, по соседству с нами реализовывался небывалый социально-экономический проект, применение некоторых принципов

которого в нашем Союзе могло круто изменить саму советскую жизнь и перспективы социализма.

Мы были убеждены, что будущее — за реформами в СССР.

Дремлющий вулкан

...В Кабуле «ЧП» — не стало Нур Мухаммеда Тараки, лидера афганской революции, всенародно обожаемого писателя и пламенного публициста. Совсем недавно, в декабре 1978 года, его с почетом приветствовали в Москве. Брежнев обласкал вождя афганской революции, подписал с ним договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве — на 20 лет.

Некоторым нашим дипломатам на первых порах импонировал натиск, с которым Тараки копировал советский опыт строительства основ социализма: землю — крестьянам. Повеяло чем-то исторически родным и знакомым. С заводами пришлось повременить, потому как рабочего класса в Афганистане, не то чтобы в европейском, даже в азиатском понимании, местные марксисты не обнаружили. А дехкане теперь отказываются брать помещичьи земли — говорят, на все воля Аллаха... Тем не менее в Афганистане правят марксисты или идеологически близкие к ним партии. Все это вроде бы работает на социалистическую идею...

Так полагают советские теоретики во главе с заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС Кареном Брутенцем. Так что есть за что любить товарища Тараки. Любят его и в Кабуле, улицы которого были усыпаны лепестками роз, когда тот возвращался после праздничной аудиенции в Кремле. И вдруг неожиданное тревожное сообщение. Однако по всему видно — это первичное сообщение, не вся информация. И члены Бюро это прекрасно понимают, ибо каждый обладает еще и эксклюзивными источниками.

У нас в международном отделе, надо сказать, также отслеживается ситуация в Афганистане, и она не столь благостна, как подается в советской прессе. С осени 1978 года в Кабул была «десантирована» группа комсомольцев-орговиков во главе с секретарем ЦК ВЛКСМ по работе с сельской молоде-

жью В. Григорьевым. Их задача — помочь афганским товарищам в деле создания молодежных организаций социалистической ориентации. (Вообще-то первоначально «наверху» кто-то настойчиво предлагал командировать в Афганистан В. Гусейнова. Мол, подходящая во всех отношениях кандидатура, достоинства которой особо смотрятся в свете несомненного преимущества — человек восточный и проблем с адаптацией к своеобразным мусульманским условиям не будет.) Оказалось, что и без кавказского происхождения можно наладить контакты с революционизирующимися афганцами.

С привлечением молодежи в ряды афганского комсомола дело обстоит посложнее. Но, как сообщает наш «полпред» В. Григорьев, и в этом направлении имеются подвижки. Сеть опорных ячеек будущего Союза демократической молодежи Афганистана уже действует почти во всех провинциях. Возможно, в отделах ЦК КПСС не остались незамеченными и мои контакты с делегацией Афганистана на Гаванском фестивале. Рассказав о тяге афганской молодежи к Советскому Союзу, желании использовать опыт соцстран в деле усиления и структуризации молодежного движения, члены делегации посетовали на то, что трудно приступить к решению первоочередных вопросов без соответствующей материально-технической базы: негде, как говорится, молодежи собраться, чтобы поговорить о своей жизни и проблемах, нет телефонов, столов, стульев, машин, копировальной техники и т. д., и т. п.

По возвращении, не откладывая в долгий ящик, я занялся выбиванием оргтехники, технического оборудования, инвентаря. Этот груз, стоимостью около 5 миллионов инвалютных рублей, был вскоре переброшен в Кабул на военном самолете как раз перед долгосрочной командировкой группы В. Григорьева.

КОНТЕКСТ

Афган напоминает дремлющий вулкан, в недрах которого идет неслышное в московских кабинетах бурление огнедышащей лавы, которая неизвестно когда вырвется на волю, сокрушая все живое в цветущих долинах.

Так сообщает кто-то из западных журналистов в репортажах из недоступных кишлаков Гиндукуша.

Побывавшие в краткосрочных отпусках комсомольские орговики в частных беседах вполголоса рассказывают об исчезновении молодежных активистов, поджогах, ночных обстрелах помещений новой власти. Обострилось давнее — едва ли не с момента создания Народно-демократической партии Афганистана в 1965 году — соперничество между фракциями «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Первую возглавляет пуштун Тараки, вторую — таджик по происхождению Бабрак Кармаль. А есть еще джамаат мечети, старейшины загадочных племен с их ответвлениями, снующие в Пакистан и обратно, имеющие многообразные и глубокие связи со своими соплеменниками в Иране. А еще трещины в людском массиве древней воинственной страны, как и во всем Хартленде — притягательном геополитическом регионе, расходятся по языковому признаку, ибо этносы тут группируются на персоязычных и тюркоязычных.

В обширной дипломатической переписке, разведданных, да и в публикациях советской прессы, эти категории афганцев перечисляются по этническому признаку в соответствии с предполагаемой численностью: пуштуны, узбеки, туркманы, таджики, белуджи и т.д. Сами же афганцы считают себя мусульманами, как когда-то разноязычное восточное население Баку: азербайджанцы, персы, талыши, таты...

Чего желает исламское воинство, перед которым покорно склоняют головы и стар и млад, решительно понять невозможно. Тем более, в считанные месяцы. Королевская власть, режим Дауда, отстраненные революционными переменами, конечно, прогнили — целиком. Но какая власть нужна стране, которой столетиями управляли продажные политики?

В состав советских специалистов, в том числе и по молодежному движению, включены лучшие комсомольские силы из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии. Боюсь, мнение о том, что они лучше понимают местное этнически пестрое население, есть плод прямолинейного мышления. За Араксом, объятом пожаром революции Хомейни, проживает в два раза больше азербайджанцев, чем в Советском Азербайджане. И что из того? Ментально это разные человеческие массы, особенно это касается национальных элит.

А Тараки погиб в результате заговора, во главе которого стоял его ближайший союзник, друг и единомышленник Хафизулла Амин. Много лет учившийся в США, подозревавшийся с того времени в связях с ЦРУ и политическими советниками из СССР, КГБ и ГРУ и, само собой, «Хальком». Сигнализировать сигнализировали, контролировали, как могли, и все равно недоглядели. Думается, было бы странным, если бы новая власть избежала перестрелки, так сказать, на высшем уровне.

Тараки изначально был склонен к левацкому толкованию политической борьбы. За пять лет Революционный совет взялся обучить

грамоте 8 млн. населения. Причем в глубоко консервативной мусульманской среде практиковалась насильственная доставка женщин на занятия. Собственно, с этого и началась вспышка вооруженного сопротивления. Так страну захлестнуло пламя джихада, на который Тараки ответил антиджихадом.

В начале сентября генсек ЦК НДПА, возвращавшийся из Гаваны, где он участвовал в VI конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, сделал короткую остановку в Москве. Советские военные и спецслужбы полагают, что афганский лидер был предупрежден о готовившемся заговоре, во главе которого стоял... заместитель вице-премьера Хафизулла Амин. Лично украсив грудь главы афганского государства, по народному обычаю, гирляндами роз, приветствуемый ликующими толпищами по улицам Кабула, он препроводил того, кто обещал Афганистану социалистическое будущее, в его резиденцию и спокойно стал дожидаться из дворца вестей от своих людей.

В обстановке изоляции и надвигающегося на столицу страха проводится чрезвычайный пленум ЦК НДПА, на котором Тараки снимается со всех постов, его деятельность подвергается разгромной критике, насаждавшийся с первых дней революции культ выносится на поругание афганцев вместе с портретами вчерашнего кумира. Вслед за этим сообщается, что Тараки нездоров и находится под наблюдением врачей. Экс-премьер действительно находился под наблюдением — заговорщиков. Стража просто придушила 66-летнего главу государства подушкой...

В Москве сделали правильный вывод — власть грубо, примитивно передана человеку ЦРУ. Дворцовый переворот в восточном стиле торпедировал советское присутствие в Афганистане. В определенном смысле это было реваншем проамериканских сил, ответом на афганскую демократическую революцию, вдохновленную и доведенную до логического конца «рукой Москвы».

Хартленд не знает примеров, когда бы у власти закреплялся демократически мыслящий правитель. Уничтожение сильных, потенциально опасных конкурентов здесь едва ли не самая устойчивая традиция и условие политического выживания.

Это хорошо знал литератор Тараки, но, боюсь, плохо представляли мы все, вглядывавшиеся в афганские события из окон Старой площади Кремля.

Главный вопрос всех войн — зачем?

Войны, которые велись Советским Союзом, имели одно несомненное сходство: все они, в той или иной степени, были предсказуемы. В короткой битве на Халкин-Голе совет-

ская военная машина была отменно отмобилизована. Масштабы участия в боях за республиканскую Испанию хоть и тщательно маскировались, но ни для военных, ни для партийцев не являлись секретом. Советско-японское сражение в конце Второй мировой явилось победоносным финалом Великой Отечественной войны. Даже вероломное нападение гитлеровской Германии прогнозировалось, вплоть до точной даты — 22 июня 1941 года... И вторжение в Венгрию в 1956 году не стало неожиданностью для страны, полагавшей, что раз империалисты угрожают социалистической власти в Будапеште, значит, СССР вправе дать им адекватный отпор. (Советско-китайский вооруженный конфликт на острове Даманский — принципиально иное событие, не будем его касаться.)

Неожиданностью явилось вторжение в Чехословакию — и для советского народа, и для Запада. И совершенное недоумение, если не сказать — шок, вызвал поход в Афганистан. Зачем он был нужен? На этот главный вопрос всех войн — ни тогда, 29 декабря 1979 года, ни позже — никто ответа не дал.

Впрочем, годы спустя В.А. Крючков говорил мне: «Я отчетливо, до мелочей, запомнил состояние Андропова и каждое его слово, когда он, подавленный, что с ним случалось крайне редко, встревоженный и нуждающийся в безотлагательном обмене мнениями, вернулся с заседания Политбюро и срочно попросил меня, своего первого заместителя, пройти к нему. Из его не очень подробного, но довольно емкого сообщения следовало, что инициаторами прямого военного вмешательства в события, происходящие в Афганистане, явились силовики. Остальные поддерживали, кто активно, а кто, оставаясь верным традиции.

Погоду в Политбюро с некоторых пор делал министр обороны СССР Д.Ф. Устинов, имевший огромное влияние на генсека. В фарватере у него находились А.М. Громыко, К.У. Черненко. Разумеется, Дмитрий Федорович, как водится в таких случаях, предварительно переговорил и с Брежневым, и с другими.

— Зачем вы поддержали этот шаг? — невольно вырвалось у меня.

— Я не мог не поддержать Диму, — только и сказал Юрий Владимирович, отведя взгляд в сторону.

Чуть позже, то ли для того, чтобы успокоить меня, то ли для собственного оправдания, добавил:

— Дмитрий Федорович и военная разведка уверены, что операция пройдет успешно, сопротивление, что бы ни прогнозировалось, будет подавлено мощью советской армии.

Последняя оговорка предназначалась мне, регулярно снабжавшему Андропова аналитической информацией о ситуации в Афганистане, и он знал, что многие наши люди не склонны разделять маршальского оптимизма».

Андроповские признания своему бессменному заму слишком просты, особенно в исторической ретроспективе, чтобы принять их за исчерпывающее обоснование политического действа столь крупного масштаба. Не правильней ли согласиться с тем, что всплыло на поверхность вследствие последующего хода событий?

Андропов осторожно прибрал к рукам власть, выпадавшую из дряхлеющих брежневских рук. В этом причина безоговорочной поддержки Устинова. «Военный акцент», усиливавшийся во внешней политике СССР в 1970-е годы, привел к усилению в политическом руководстве позиций силовиков и, прежде всего, Устинова и Андропова, влияние которых стало определяющим при принятии крупных решений. Андропов, со слов Крючкова, в точности знал, что из афганской трясины трудно будет выбраться. На что он рассчитывал, на что надеялся?

Невольно вспоминается, как примерно в таком же положении оказывалась не раз и ленинская команда в своем романтическом рвении раздуть пожар мировой революции на восточном направлении политики молодого, неокрепшего государства, но сильного энтузиазмом молодых революционеров-марксистов. Надежды связывались то с Гилянской республикой, то с Ираном. Вынашивались далеко идущие проекты революционной интервенции в Китай, Индию...

По поводу каждого из них в Политбюро разгорались нешуточные дискуссии, сталкивались амбиции, интересы, точки зрения, часто прямо противоположные. И все же в конечном счете побеждал здравый смысл. Владимир Ильич,

иногда загнанный в угол, оставшись в одиночестве, убеждал соратников поверить его политическому опыту, чутью, интуиции. Здравый смысл в политике приходит на выручку, когда политик не упускает из виду главного, ради чего он встал во главе страны — ее стратегический интерес, безопасность и будущее народа. И больше ничего. Без этого любая политическая концепция, любые решения превращаются в авантюру. Это особенно верно, когда самолюбие политика заслоняет государственное видение проблемы...

Это я к тому, что тот же Крючков к концу жизни склонялся к мысли, что силовики, в особенности Устинов, возможно, рассчитывали, добившись военного успеха в Афганистане, под победные фонфары преподнести своему другу Лене звание генералиссимуса. Постаревший генсек, сильно сдавший интеллектуально, все чаще поддавался комплиментам о своем величии, равном ленинско-сталинскому. К началу военных действий в Афганистане он имел все высокие награды и звания. Не хватало только высшего воинского звания генералиссимуса...

И последнее. Сколько времени прошло, а роль Андропова, чья позиция склонила чашу весов в пользу советской интервенции, так и не нашла своего убедительного объяснения.

Не хочется повторять и многократно озвученные детали американской военно-политической игры по вовлечению Советского Союза в афганскую авантюру.

На политическое мышление Брежнева, и особенно тогдашних силовиков, накладывала отпечаток действительно блестяще подготовленная и осуществленная (с военной точки зрения) совместная операция войск социалистического содружества в августе 1968 года по приручению ЧССР. Западные демократии вынуждены были проглотить эту горькую пилюлю. В Кремле же знали цену западной покорности — военный паритет и советское превосходство в ракетах средней дальности. Стратегический просчет брежневского руководства состоял в том, что долговременная политика основывалась на кратковременном преимуществе.

После «Пражской весны» США со своими союзниками по НАТО начали раскручивать обороты военной машины.

Вызов был принят. Но соотношение совокупной экономической мощи Запада и СССР было не в пользу Москвы. Новый, длительный виток гонки вооружений призван был обескровить СССР. Афганистан только приблизил советскую катастрофу. И в этом исходе повинен каждый, кто входил в правящую команду с 1970-х годов до горбачевской предательской капитуляции.

Не слишком ли мы поверили тогда, в 1970-е годы, в необратимость мирного сосуществования? Не преувеличено ли было значение расширения зоны социализма по всему миру? И, наконец, в какой мере взятые Советским Союзом обязательства на том, переломном для всего мира этапе соответствовали материальным возможностям реального социализма?

На эти вопросы исчерпывающие ответы прозвучали, к сожалению, поздно, слишком поздно. Когда не стало СССР. Известное дело — все мы сильны задним умом.

Тогда, в начале 1980-х, многие ли из нас обращали внимание на то, что Советская Армия вынуждена была отражать удары фактически объединенного «черного интернационала»? Война в Афганистане, в которую политическое руководство позволило себя втянуть, с первых дней настораживала именно тем, что Китай, арабские страны, Иран, Пакистан, террористическое подполье, отбросив свои противоречия, интересы, набросились на СССР. Никогда Советский Союз не воевал в столь неравных, ослабленных условиях. Война поглощала огромные ресурсы, ухудшая социальную ситуацию в стране. Информационная война с самого начала была проиграна. А самое главное — Советский Союз не имел того несомненного преимущества, которым он обладал во всех предыдущих схватках — морального превосходства.

И Ю. Андропов, и М. Горбачёв, да и некоторые другие, всячески отгораживались от разговоров о своей позиции при принятии столь непродуманного, катастрофического решения. Так или иначе, кивали на Л.И. Брежнева Ничуть не снимая вины с генсека (он — первое лицо в партии и государстве, и этим все сказано!), хочу все-таки напомнить простую истину: генсек Брежнев в 1979 году вовсе не равнозначен был генсеку И.В. Сталину. И это подтверждается поступ-

ком Алексея Николаевича Косыгина, единственного члена Политбюро, не поддержавшего решение об отправке советских войск в Афганистан. Об этом говорил в свое время генерал В.И. Варенников, самый мужественный и принципиальный член ГКЧП, не бросавший слов на ветер. То же утверждал и А.В. Крючков в беседе со мной.

Я верю этим свидетельствам, ибо А.Н. Косыгин известен был как человек с твердым характером, превыше всего ставивший судьбу страны, судьбу социализма, благополучие и будущность советского народа. А войну знал не по книгам, а по блокадному Ленинграду... Он ушел в тень — декларативное единство ценилось дороже, спустя почти два года, 21 октября 1981 года, его освободили от обязанностей члена Политбюро, а через пару дней и от должности председателя Совета министров СССР на основании заявления об ухудшении состояния здоровья. Оно у Алексея Николаевича было действительно подорвано, в том числе тяжелым положением, в котором оказалась страна, и осознанием собственного бессилия изменить ход роковых событий...

Война, в которую погружается страна по вине своих руководителей, даже если она не объявлена таковой, несравнима ни с одним другим военно-политическим вопросом. За него ответственность несут все: и генсек, и члены Политбюро, и кандидаты в члены политического руководства страны. Где, когда и каким образом кто-либо из них выразил свое несогласие с этим шагом, безрассудность которого была очевидна в самом начале и подтверждалась каждый день в последующие годы? По большому счету, ответственность за Афганистан являлась достаточным основанием для М.С. Горбачёва подумать об отставке, прежде чем браться за перестройку.

Мнение каждого из членов и кандидатов в члены Политбюро, помимо прочего, представляет чисто исторический интерес. Даже если признания не до конца будут искренними...

Незадолго до афганских событий мне пришлось совершить довольно длительное турне по ряду африканских стран, включая Конго и Анголу. Довелось встретиться с командованием кубинских военных подразделений, воевав-

ших на стороне правительственных войск против сепаратистских сил, банд наемников и т.д. Надо признать, что появление кубинской армии в этих странах, по сути, явилось первым опытом ввода ограниченного контингента войск на территорию государств «третьего мира» в соответствии с новой советской военно-политической доктриной.

Участие в боях в африканских джунглях кубинских войск, порядка 11 тысяч штыков, впечатляло. Куба прокрутила в Африке значительное число солдат и офицеров, политработников среднего и высшего звена, практически весь цвет партии. Это дорогого стоит! Без широкой советской поддержки эти успешные войны были бы невозможны.

Обнаружилась и другая закономерность: возрастание масштабов политического урона, наносимого реальному социализму — в международном плане и во внутреннем. Пока мы теоретизировали над этими вопросами, в мире действовала иная воля, незаметно осуществлялась реализация иных программ.

Удар ковбоя

Мир изменился. Изменился капитализм. Европа стремительно интегрировалась, научно-техническая революция, новейшие коммуникации круто изменили представление советских людей о себе, о своей стране и окружающем мире. Если в 1956 году тройка смельчаков-студентов осмелилась открыто протестовать на Красной площади, то операция войск Варшавского договора по подавлению «Пражской весны» встретила недоумение и громкий ропот у интеллигенции, студенчества.

Объяснить правомерность афганской акции СССР лидерам молодежного движения на Западе не представлялось возможным. В глазах европейцев произошедшее выглядело как подтверждение худших представлений об агрессивности коммунистов, силой навязывавших миру свои убеждения и политические системы. Друзья в лучшем случае молча выслушивали доводы. Тем чувствительней были удары информационного наступления по всему фронту, сдержать который сил не имелось.

Мы, идеологи, по большому счету и не заметили, как Советский Союз ушел в глухую оборону. Никогда ранее советская дипломатия, внешнеполитические службы не оказывались в столь беспомощном положении, как в том злополучном 1980 году. Однако худшее было еще впереди. Но вряд ли кто-нибудь тогда догадывался об этом.

Наше внимание вмиг переключилось на новую антисоветскую акцию США, перед которой оказались бессильными авторитет и широчайшие международные возможности супердержавы — СССР. Америка призвала мировое сообщество бойкотировать Олимпийские игры, которые планировалось провести летом 1980 года в Москве и на подготовку которых были брошены огромные материальные средства и силы. Точно рассчитанный «хук» был нанесен неожиданно, как говорится, на финишном отрезке, в тот момент, когда, казалось, ничто не могло помешать советским спортсменам зажечь олимпийский огонь в оплоте социалистического мира — Москве.

До первой олимпиады в социалистической стране, до волнующего дня, которого миллионы советских людей с нетерпением ждали долгих шесть лет, оставались считанные дни. Напомню: подготовка к играм XXII Олимпиады — так официально именовался всемирный спортивный праздник — началась в октябре 1974 года, когда в Вене члены МОК, выбирая между Лос-Анджелесом и Москвой, высказались в пользу советской столицы, причем высказались вполне определенно и внушительно — 39 голосами против 20!

Уже готовы к стартам стадионы, спортплощадки и бассейны Москвы, Киева, Ленинграда, Минска и Таллина. Высвобождены и очищены лучшие отели — ожидается наплыв невиданного количества гостей и туристов. Большинство стран давно подтвердили свое участие в Олимпиаде. И тут США громогласно говорят «Нет!» и призывают всех участников олимпийского движения последовать своему примеру.

Нельзя политизировать спорт, убеждали мы каждого, кто мог повлиять на правительственные решения в своей стране. «Во время Олимпиады пушки смолкают. А тут...», — отвечали нам.

Все разговоры о разрядке, детанте, конвергенции, мирном сосуществовании оказались ничем, пустым звуком перед

очередным искушением одержать победу в политической схватке «холодной войны».

Сейчас очевидно: кремлевские стратеги не просчитали всех возможных идейно-политических последствий декабрьского решения 1979 года. Как не просчитали и чисто военно-экономические, социальные последствия необъявленной войны. Но нельзя не сказать и об американском лицемерии. В 1936 году, когда по улицам Берлина уже маршировали штурмовики Гитлера и тысячи евреев бросились вон из Германии, в Вашингтоне, тем не менее, сочли возможным поучаствовать в Мюнхенской олимпиаде, погостить, так сказать, у фюрера. А уж если быть точным, следует сказать и о том, что сразу после Олимпиады нацисты запустили адскую машину Холокоста и германские танки ринулись сокрушать хваленую европейскую демократию.

Как ни крути, а получается, что нацизм был милее, роднее для Вашингтона, понятней и приемлемей. И долго еще оставался таковым. Не то коммунисты. Их убаюкали разговорами о разрядке...

Короче, 65 стран согласились с логикой Вашингтона, и среди них крупнейшие спортивные державы — ФРГ, Канада, Япония, Турция. 14 команд, в том числе спортсмены Великобритании, Франции, Дании и др., согласились выступить не под национальными флагами, а под флагом МОК. Китай, увы, также оказался в составе бойкотирующих. И этого следовало ожидать. Ведь КНР и в Афганистане находился в противостоящем советским войскам стане...

Разумеется, настроение у спортсменов и хозяев было подпорчено. Ведь для большинства атлетов раз в жизни выпадает шанс выступить на Олимпиаде. Сколько надежд погасло тогда, сколько сил оказалось затрачено понапрасну! Но все же Москва олимпийская осталась в памяти как неповторимый, ни с чем не сравнимый праздник. Такой советскую столицу — вычищенной, сверкающей, радужной — я никогда ни до, ни после не видел.

Задолго до лета 1980 года в КГБ СССР был создан специальный отдел, перед которым ставилась задача разгадать и осуществить мероприятия по нейтрализации подрывных акций противника. И хотя главной антисоветской акции отдел

противостоять не смог, в плане обеспечения безопасности Олимпийской деревни, самих соревнований, гостей Олимпиады он, как и все советские службы и организации, занятые вопросами бесперебойной работы коммуникаций, сферы услуг, оказался на высоте. Этого удалось достичь, разумеется, благодаря правительственным мерам и полномочиям, которыми наделили Оргкомитет «Олимпиады-80», руководимый Игнатием Трофимовичем Новиковым — известным хозяйственником поистине государственного масштаба. Только такой руководитель — респектабельный, вхожий в высшие сферы, умеющий «пробивать» любые проекты — и мог в то критическое для Союза время мобилизовать строительные ресурсы, все наличные силы и в срок закончить огромный объем работ по вводу новых спортивных сооружений и коренной реконструкции имеющихся.

Самый загадочный и нестандартный ход по гарантированию безопасности спортивного действа небывалого масштаба — комплекс тщательно разработанных мер по ограничению въезда в Москву чуть ли не всех категорий гостей. Были отменены все экскурсии, огромное число командировок, все поезда направлялись в объезд столицы и т.д.

Сейчас это трудно представить, но советская Москва, помимо прочего, являлась своеобразным городом командировочных: ежедневно тысячи представителей республик, областей, министерств, союзных предприятий, организаций стекались в столицу, где только и можно было решить, согласовать бесчисленные вопросы, связанные с жизнедеятельностью населения от Курильских островов и до Львова, от Архангельска до Термеза. Такой отток желающих попасть в Москву, наверное, имел место разве что в годы Великой Отечественной войны.

Приехавший на проверку олимпийской готовности президент МОК лорд Килланин не скрывал своего удивления: «А мне говорили, русские не успеют».

Особо нужно бы сказать об обеспечении безопасности Игр. Советские спецслужбы сделали Москву абсолютно безопасным городом. Пресса писала, что в те необыкновенные и незабываемые олимпийские дни милиция говорила и вела себя непривычно интеллигентно. Пьянь и проститутки были

беспардонно и вопреки писаным и неписаным законам выселены за 101-й километр. Недемократично, конечно. Но в городе стало, несомненно, чище, безопасней. И смею сказать, краше.

Много разговоров позже ходило вокруг высылки диссидентствующей публики. Да, наиболее энергичные из них, готовившие акции протеста и распространение листовок среди гостей, одним словом, намеревавшиеся активизировать свою деятельность, граничащую с нарушением существовавшего правопорядка, действительно выслали из столицы. Но не на Колыму, не в Сибирь, а за 101-й километр, причем на вполне определенный срок. Позаботившись, между прочим, об их безопасности и условиях проживания.

Такое внимание к персонам диссидентов, помимо прочего, диктовалось тем, что в те же края высылалось значительное число уголовников, воров, бомжей, бродяг и прочего люда, годами остававшегося на улицах Москвы, забивавшегося в подвалы, кочегарни и прочие щели огромного мегаполиса.

Вот, пожалуй, и все о так называемых профилактических мерах органов правопорядка по оздоровлению самой атмосферы в городе, безопасному проживанию в нем многочисленных гостей. Представьте себе, только на церемонии открытия 19 июля на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В.И. Ленина участвовало свыше 16 тысяч спортсменов и различных музыкальных, артистических коллективов. А всего в Москву прибыли спортивные команды из 80 стран — меньше, чем на пяти предшествующих олимпиадах. Таков был главный урон, нанесенный американским бойкотом. Морально-политические последствия трудно просчитывались, да этим никто и не занимался. И все же сами Игры прошли блестяще, без единого сколько-нибудь омрачающего инцидента.

По единодушному мнению и самих спортсменов, и руководителей официальных делегаций, и многочисленных туристов, и гостей, уровень организации Игр был выше всяческих похвал, а красочность, неповторимость церемонии открытия и финального прощания с Олимпиадой — запоминающимися до слез. Тут и космическое подключение совет-

ских космонавтов Леонида Попова и Валерия Тюнина, а также, разумеется, трогательная песня Александры Пахмутовой, которую, казалось, в тот вечер 3 августа 1980 года пела вся олимпийская Москва, прощаясь с плывущим по небу Мишкой, навсегда исчезнувшим в синей дали...

Еще один счастливый миг моей жизни — праздник со слезами на глазах.

А с американцами за испорченный праздник мы рассчитались четыре года спустя. Страны социалистического содружества приняли решение бойкотировать Олимпиаду в Лос-Анджелесе. Как говорится, долг платежом красен. По-разному можно относиться к этому обмену ударами, по-разному комментировать. В результате этого поединка проиграл спорт, проиграл мир в целом, нарушилось взаимопонимание, испорчен был международный климат доверия, столь трудно достигнутый.

Бойкот Олимпиады был ударом ковбоя, ударом ниже пояса.

Бойкот-84, объявленный СССР Лос-Анджелесу, несмотря на непопулярность, в том числе и у определенной части советской спортивной общественности, как вынужденная мера, защищающая авторитет и самолюбие второй супердержавы, была неизбежной...

Война войной, а жизнь идет своим ходом. Хотя, как знать. Странная это была война. Находящиеся на побывке советники из комсомольского набора неохотно делятся воспоминаниями о стране пребывания. Военные, по крайней мере, на первых порах рапортуют о стертых с лица земли «осиных гнездах» душманов: «Чтоб неповадно было убивать из-за угла!» Кто-то из спецкоров растерянно рассказывает, как возвращался домой, на родину, в утробе военного самолета, забитого до отказа оцинкованными гробами. Помнится, в первый раз даже не поверилось.

И все же в лексике вернувшихся из Афгана появилось новое словцо «черные тюльпаны». Появилось, и так и застряло в памяти навсегда. И больше ни звука о грохочущих где-то там, далеко за памирскими хребтами боях, непонятно, с кем и что больше тревожит душу — непонятно зачем. И вместе с «черными тюльпанами» в обиходе то и дело слышатся зага-

дочные, как выстрел в ночи, названия Кандагар, Гиндукуш, Баграм...

В остальном столица и народ живут своей жизнью...

Я обретаю новых друзей. Москва становится как бы родным домом, а жизнь в ней — теплей и привычней. Впрочем, с Баку я вовсе и не порывал. Наш дом на Кутузовском проспекте как-то незаметно превратился в своеобразный азербайджанский культурный центр. У нас частые гости Муслим Магомаев, Фархад Бадалбейли, Ролад Бюль Бюль оглу. Они весьма популярны, оказывается, в отряде советских космонавтов, с которыми у нас установились добрые отношения благодаря старому другу Виталию Жолобову.

Человек, который знал всё

«Плывет слушок по коридорам. Андропов вылетел в Кабул...» За сим контринформация: «Ерунда. Он серьезно болен, как и генсек, как и другие...»

Никто не может стопроцентно подтвердить или опровергнуть слухи об Афганистане: невероятные, как и все, окутанное секретностью. Впрочем, один человек из числа моих новых московских знакомых может дать точный ответ на эти вопросы, волнующие меня вовсе не из-за любопытства, а исключительно из профессиональных потребностей.

Этот человек — Семен Кузьмич Цвигун. Он периодически названивает мне по вертушке. Обычно в связи с приездом Гейдара Алиевича. Первый заместитель председателя КГБ СССР, доверенное лицо Л.И. Брежнева, близкий человек Г.А. Алиева, в общении прост и дружелюбен, как комбат: «Ну что, комсомол, поедем встречать шефа?»

То, что Гейдар Алиевич продолжает оставаться шефом, хотя формально я вышел из его непосредственного подчинения, дело понятное. Но то, что С.К. Цвигун также считает Г. Алиева своим начальником, — для меня новость. Хотя ни для кого не секрет, что все, по крайней мере изначально, складывалось в отношениях этих двух кадровых чекистов наоборот — генерал-майор С.К. Цвигун являлся непосредственным начальником молодого и растущего азербайджанского чекиста. Можно даже назвать точную дату их сближе-

ния — 1963 год, когда С.К. Цвигуна направили в Баку в качестве председателя КГБ Азербайджанской ССР. На следующий год Г.А. Алиеву удалось отринуть путы скандальной истории, выбравшись в заместители нового председателя, человека Москвы...

Близость к С.К. Цвигуну открывала многие двери, а среди них главную — к семье Л.И. Брежнева, с которым Семен Кузьмич сдружился сразу после войны, в годы совместной работы в Молдавии. Они считались даже свояками. Странно, что бывший смершевец, партизан, председатель КГБ Азербайджанской ССР сдружился не с людьми своего круга — секретарями ЦК, министрами или своими заместителями, а с мало кому известным начальником отдела КГБ. Супруга Цвигуна — особа пикантная, пользовалась влиянием в московских писательских салонах, причем не только ввиду своего литературного дарования, но и протекции, оказываемой молодым талантам и вообще писательским организациям.

Думается, В.Ю. Ахундов, как и его ближайшие люди, не проявлял особого интереса к посланнику Москвы, украинцу по происхождению, и потому воспринимавшемуся выдвиженцем хрущевской когорты, мало почитаемым в Баку, как и вообще на Кавказе. К тому же после разгрома бериевского МГБ, учиненного Хрущевым, мало кто испытывал прежний пиетет к чекистам и их службе. А КГБ, между тем, начинал возрождаться. И возрождением своим он обязан был новому руководителю СССР — Л.И. Брежневу.

Напомню: в 1967 году заканчивается командировка Цвигуна в Азербайджан. В мае 1967 года Ю.В. Андропов назначается председателем КГБ СССР, С.К. Цвигун становится его заместителем, а с ноября — первым замом. Тогда же — в мае 1967-го — впервые в состав коллегии КГБ СССР вводится Георгий Карпович Цинев — другой близкий человек Леонида Ильича и тоже родственничек, который в июле становится начальником контрразведки КГБ, а через некоторое время... заместителем председателя КГБ СССР.

Карикутуры слабоумного старичка с невнятной речью, каким изображают до сих пор Брежнева, срисованы с портрета позднего Леонида Ильича, здоровье которого было вконец разрушено. А молодой Брежнев в свое время постоял в

охране знаменитого заседания Президиума ЦК КПСС, арестовавшего Берия, со знанием дела плел интриги вокруг Хрущева, сумел, как видим, обложить со всех сторон и великого конспиратора Ю.В. Андропова.

Нет, непрост был генсек. Неровня своим великим предшественникам, но и неслучаен...

Из того же «урожайного» на выдвижение птенцов гнезда Брежнева вылетел и Г. Алиев и встал во главе республиканского КГБ, откуда уже явно просматривались новые горизонты его сколь головокружительной, столь и загадочной карьеры. В Баку все знатоки «кремлевской кухни» уверены, что протекция С.К. Цвигуна (именно Цвигуна, а не Андропова) сыграла решающую роль при выборе кандидатуры на освободившееся в 1969 году место партийного руководителя Азербайджана.

Для безошибочной игры в «бермудском треугольнике» Андропов — Цвигун — Брежнев одного опыта чекиста республиканского масштаба вряд ли достаточно. Надо обладать, полагаю, врожденным талантом политического игрока, развитой интуицией и особым обаянием, способностью нравиться, быть нужным, полезным хозяевам государства, не нуждающимся практически ни в чем.

Они сближаются, как старые друзья, два генерала КГБ, первый зампредседателя КГБ СССР и первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Но простецкие манеры Семена Кузьмича словно бы сокращают дистанцию: что ему, Семену Цвигуну, азербайджанский первый секретарь? Для него он просто Гейдар, а кандидатов в члены или членов Политбюро среди знакомцев Семена Кузьмича и без него хватает.

После короткого чаепития, то есть нескольких рюмок любимого обоими генералами коньяка, они садятся в дежурную «Чайку» ЦК, кивком предложив «комсомолу» следовать за ними. При разных обстоятельствах мне приходилось присутствовать на встрече этих двух непостижимо похожих людей, и я не припомню, чтобы их что-то смутило. Они всегда неизменно оставались дружелюбны, ничего формально-официального. Но мне всегда казалось, что эти двое посвящены в нечто сугубо сакрально государственное, что известно не-

многим приближенным к штурвалу власти, а может, только им одним...

О чем говорили эти двое в мчавшейся к центру Москвы бронированной «Чайке»? Не думаю, что Гейдар Алиевич докладывал Семену Кузьмичу о видах на урожай хлопка или винограда, а тот вряд ли, в свою очередь, делился соображениями об особенностях международной обстановки на данный исторический момент вокруг Советского Союза.

Каждый республиканский руководитель, независимо от его ранга и сферы деятельности, направляясь в Москву (по вызову, на рабочее мероприятие — пленум, съезд, в очередную командировку, просто в отпуск, подлечиться в «кремлевке» или отдохнуть в правительственных здравницах), прежде чем появиться в высоких кабинетах, должен войти в курс последних событий, происходящих или ожидаемых в Кремле. Первое и главное: как здоровье дорогого Леонида Ильича?

Это вопрос вопросов, на который нет исчерпывающего ответа, хотя в сообщениях даже из самых достоверных источников почти никогда не содержится ничего тревожного. И все же... Затем, разумеется, передвижения фигур. Например, каковы шансы Андропова? Это не просто карьерный ход — тектонический сдвиг в фундаменте Политбюро! И второй важнейший вопрос: отношение к партийной организации республики. Это — безошибочный ход прощупывания своих позиций

Разумеется, в Москве высоко ценят вклад Азербайджана в выполнение пятилетних планов страны. И все же никогда не мешает знать, какая информация поступает в инстанцию по каналам, не подконтрольным республиканскому руководству, даже самому Гейдару Алиеву. Есть ведь и такие. Как есть завистники в других республиках. Например, Шеварднадзе, также пробившийся в кандидаты в члены Политбюро.

Два партийных руководителя из Закавказья в составе Политбюро — такого не припоминают даже историки партии! Есть и недруги, распускающие всякие небылицы об алиевских приписках и земляческих пристрастиях, сигнализирующие в контролирующие органы СССР, коих тьма тьмущая: ЦК КПСС, ВЦСПС, Комитет государственного контроля,

КГБ СССР, МВД СССР, центральные газеты — «Правда», «Известия», «Труд», «Рабочая трибуна»... За всеми не уследишь. Поток писем трудящихся из солнечной республики не иссякает. А по некоторым данным, растет. Так что есть о чем поговорить с Цвигуном нашему общему шефу. Он, Семен Кузьмич, знает свой маневр. Он всегда прикроет, подстрахует: когда надо — проинформирует о надвигающихся тучах, где необходимо — скажет свое решительное слово. И то, и другое он делает мастерски: ненавязчиво, без лишнего шума и без кичливого педалирования на свой авторитет.

Иногда, переговорив со мной по телефону, он запросто появляется на лестнице «комсомола», генерал гвардейского сложения, с орденами на могучей груди, добродушно здороваясь со смущенно суетящимися юными аппаратчиками. «Где тут Гусейнов?» — спрашивает генерал КГБ у первого попавшегося функционера, после чего в самых дальних кабинетах ЦК ВЛКСМ разносится многозначительная весть: «Сам Цвигун, собственной персоной, пожаловал к Вагифу Алиовсатовичу?! А Мао-то наш непрост...»

Такова, как сказали бы сейчас, своеобразная пиар-поддержка Семена Кузьмича оказываемая мне, молодому человеку, попавшему в огромный политический котел, называемый Москвой. Он и сам, когда-то, в общем-то, человек со стороны, появился в коридорах власти, и кому как не ему не знать, как важно опереться на верную генеральскую руку секретарю комсомола, в опасном подчинении которого сидит щелоковский сынок. Только вот вопрос: по своей инициативе делает это старый партизан или Гейдар Алиевич подсказал? Сдается, что он так понимает дружбу, почти по-кавказски: друг моего друга — мой друг.

Однажды я пригласил его выступить перед комсомольским активом из всех регионов и республик. Генерал С.К. Цвигун, со знанием дела поделившись фронтовыми воспоминаниями, плавно перешел от военно-патриотических основ воспитания молодежи к теме интернационализма. Раскрыл он ее на примере Азербайджана, отметив следующее:

— Я работал во многих регионах нашей необъятной родины, и когда меня спрашивают, где у нас люди живут истинно интернациональной семьей, я отвечаю: в Баку. Я не-

мало работал в Азербайджане, общался и с руководящим составом, и с простыми людьми: азербайджанцами, русскими, украинцами, армянами, евреями, дагестанцами, татарами — кого только ни приняла в свою дружную семью эта маленькая республика, с кем только ни делилась последним куском хлеба в годы войны! Скажу вам, мы тут, в Москве, не до конца оценили великий подвиг азербайджанцев, бакинцев. Это они бесперебойно снабжали фронт горючим. Это на бакинской нефти совершали марш-броски советские танки и прикрывали небо советские самолеты. Там, в Баку, люди впроголодь стояли на вахте в три-четыре смены, падали в обморок. Вот так понимают свой долг азербайджанцы перед Союзом, перед всеми народами. Они могут без устали трудиться и быть преданными братской дружбе. Кто воевал, тот знает, что значит плечо друга. Я проработал в Азербайджане всего несколько лет, но лучших своих друзей приобрел именно в этом городе. Таких, которых можно встретить лишь на дорогах войны!

Мне доводилось внимать многим речам, восхваляющим солнечный Азербайджан, его народ, интернациональные традиции бакинцев, — от Брежнева до участников комсомольских застолий. Лучше, ярче, искренней и потому убедительней С.К. Цвигуна никто не говорил. Не думаю, что сюжет об Азербайджане он включил тогда в свое выступление исключительно ради морально-политической поддержки своего большого друга Гейдара Алиева и меня — его выдвиженца.

Таков его стиль

Пройдясь по высоким кабинетам, отметившись у высокого начальства, обговорив «на уровне» кучу вопросов, связанных с проблемами республики и его людьми (от дополнительных квот мяса, масла, промышленных товаров и до присвоения очередных престижных наград и званий — Героя Социалистического Труда, народных артистов СССР и т. д.), мой шеф, говоря словами Семена Кузьмича, приглашает меня к себе домой. Так сказать, на чай. Я знаю, этой чести удостаивается не каждый.

— Я ограничил доступ к семье даже родственникам, — говорит он, изучающе вглядываясь в меня, пока женщины — Зарифа ханум и Хабиша — неслышно ведут светскую беседу в глубине просторной и со вкусом обставленной гостиной. И это правда, как и то, что его внимание ко мне имеет особый оттенок, не скажу, что доверительный, но ясно выраженной исключительности. Я как бы патронирую его детей. Особых хлопот они не доставляют: Севиль учится в аспирантуре под непосредственной опекой и научным руководством директора ИВАНа (так в Москве ученые именуют Институт востоковедения Академии наук СССР) Е.М. Примакова.

Евгений Максимович — обладатель врожденных дипломатических качеств, свою задачу в своевременной подготовке кандидатской диссертации С. Алиевой знает прекрасно, долгожданный миг обретения ею ученой степени приближается в строгом соответствии с институтскими планами.

— Можно и ускорить.

Легкий взмах тяжелой алиевской руки:

— Не надо...

Семья у него — на первом месте. Собственно, это так по-азербайджански — заботиться о семье, думать все время о ней, посвящать ей всего себя. Именно — посвящать. И все же у Г. Алиева все выглядит по-другому. Он не служит семье, он растит, воспитывает ее, имея в виду одному ему известное назначение. Он относится к детям как к особым государственным лицам. Семья — его alter ego.

Он никогда не рассказывает об отце своем, ни слова о матери, никаких воспоминаний о детстве, родных и близких. Разве лишь в случаях, когда надо подчеркнуть — с братьями и сестрами и другими родичами (их у Алиевых хватает) он не встречается даже по праздникам, семейных торжеств избегает. Известно лишь, что старшие братья — Гасан, Гусейн и старшая сестра от первой жены, четверо остальных — от второй. Гасан был произведен в академики после короткого пребывания на посту секретаря ЦК Компартии еще при М.-Дж. Багирове, однако не пришелся ко двору и с тех давних времен работает в Институте географии, занимается проблемами экологии.

Гусейна помню с журналистских времен, туговатый на ухо, не блиставший ничем ретушер в газете «Коммунист». Однако же с некоторых пор стал Народным художником Азербайджана. Ни он, ни академик Гасан Алиев, ни завкафедрой мединститута Агиль Алиев особенно не бросаются в глаза. Зато город полнится слухами о неспокойном Джалале Алиеве, ученом-сельхознике: то отчитает начальника райотдела милиции, то вступит в конфликт с президентом Академии наук. Однажды потребовал посадить в тюрьму какого-то преподавателя, имевшего наглость припарковаться рядом с машиной Джалал-муаллима. Впрочем, народная молва называет Агиля де-факто ректором мединститута, а Гасана уличает в крышевании некоторых секретарей райкомов. Ясно дело — родня Г.Алиева не может нищенствовать, ее отпрыски, как и положено, легко преодолевают конкурсные экзамены в вузах, проникают в номенклатуру. Однако по всему видно — спуску он не дает никому. Семья контролируется им, как и аппарат.

Таков его стиль, а стиль, согласно точному афоризму Жоржа Бюффона, — это человек.

Не каждому партийному руководителю удается удержать под контролем собственную семью, как парторганизацию — никаких шатаний, неукоснительное соблюдение субординации, требований семейного кодекса, включающего кое-что из национальных традиций, в частности, непререкаемость отцовского слова. К примеру, Брежнев явно не уследил за своей Галиной. В результате Москва полнится разговорами о гулянках и похождениях генсековской дочери. Вот сейчас пошла новая волна — про некоего цыгана, сомнительного артиста и столь же сомнительного любовника. Его настоящая любовь — «камешки», бриллианты...

— Ну не могу я с ней ничего поделать! — взмолился недавно (если верить рассказам Игоря Щелокова) всесильный руководитель супердержавы, выслушав аккуратное сообщение Андропова.

Совсем не то у Г.А. Алиева. Севиль — воспитана в лучших азербайджанских традициях. Любит модно и со вкусом приодеться, увлекается музыкой, охотно приобщает к своему кругу музыкальных знаменитостей. Дружит с Муслимом, Поладом, а у тех в друзьях — вся артистическая Москва.

Я их — Севиль и Ильхама — с удовольствием приглашаю на театральные премьеры, гастрольные концерты мировых звезд, хотя последний в особом пристрастии к театру не замечен. Зато у него развито чувство юмора, непосредственно реагирует на анекдоты, в том числе, так сказать, антисоветские. Одним словом, не сноб. Мать оба боготворят. Зарифа ханум, как и большинство азербайджанок, — хранительница семейного очага, главный пиарщик главы семейства. С детьми тот, пожалуй, излишне строг. На мой взгляд, конечно. Строг, суров и неуступчив, как с подчиненными. Кто знает — может, оно и к лучшему.

Про МГИМО, где учился Ильхам Алиев, называемый в обиходе Илюшей, рассказывают всякое — институт элитарный, сплошь отпрыски деятелей из заоблачных сфер. А в целом парень, как и все, но не очень разговорчив, даже скрытен. Интересно, известно ли отцу, что Илюша, как и все его сверстники, с удовольствием слушает Высоцкого, Галича? Самиздатом не увлекается, но любимых бардов молодежи слушает. А кто не любит их песни? У нашего друга Виталия Жолобова целая коллекция записей Высоцкого...

Разумеется, я понимаю: те, что годами кружат и маневрируют вокруг Г. Алиева, все бы отдали ради того, чтобы перешагнуть порог его дома. Но исключение сделано только для меня. Я никогда не пойму природу этого доверия. Все предположения в отдельности звучат неубедительно, а вместе взятые — демонизируют его. Что также, а может, еще более, отдаляет от истины. Я могу лишь догадываться, почему он акцентирует мое внимание на этом, честно говоря, тешащем мое самолюбие и немало смущающем душу сюжете — опеке над детьми и праве быть допущенным в семью. Он как бы связывает меня «личным договором».

А вообще в этих посиделках лишь временами возникают проблески доверительности и непосредственности. Их вполне можно отнести к категории официальных контактов, которые дипломатично именуют рабочими встречами. Иногда у меня возникает ощущение, что он продолжает внимательно всматриваться в меня, изучает, не изменилось ли что-то во мне после карьерного взлета, с кем я дружу, все тот ли я Вагиф... Но известно — таков его стиль. Он должен о каж-

дом из своих людей знать больше того, что они сами знают о себе. И не потому ли порой кажется, что я нахожусь не на мирной семейной вечеринке, где за стаканом чая хозяин дома ведет неторопливую беседу, как и положено аксакалу, наставляет своего молодого гостя,одновременно искусно, со знанием дела ведя незаметный допрос, как бы вскрывая черепную коробку собеседника и, подобно великому инквизитору, читая все то, что осталось невоспроизведенным в ходе неспешного, доверительного разговора...

Этот день запомнился мне на всю жизнь — 20 декабря 1980 года.

Я только сошел с трапа самолета, завершив длительную (почти 20 дней), утомительную поездку по странам Индокитая. Хорошо бы принять душ, попить горячего чаю с вишневым вареньем и забыться на часок-другой. Ибо то, что мне довелось увидеть в Кампучии (нынешняя Камбоджа), на человека даже с крепкими нервами действует подобно верещагинскому «Апофеозу войны». Только в одном случае — знаменитое полотно, художественный символ — пирамида из человеческих черепов, в другом — горы трупов, страна, превращенная в один нескончаемый могильник. И сожженный напалмом Вьетнам. А тут тревожно-будничное: «Пастухов хочет видеть тебя».

Даже не хочется спрашивать: «Прямо сейчас? С самолета в ЦК?» Если Борис Николаевич прислал гонца, значит, случилось нечто исключительное.

— Звонил Алиев. Он хочет забрать тебя в Баку...

Часть вторая

ПОД ПРЕССОМ

Ведь одни во мраке скрыты,
На других направлен свет.
И вторых обычно видят,
Но не видят первых, нет.

Бертольт Брехт

Политические качели

Все, как всегда. Впрочем, Гейдар Алиевич в знакомой квартире дома ЦК, что в Плотниковом переулке, выглядит непривычно озабоченным, даже несколько растерянным. Он явно не расположен к привычным душевным беседам. Далее следуют короткие, рубленые фразы.

— Я тебе доверяю. Настолько, что хочу переложить часть работы на тебя. Ты должен стать во главе Бакинского горкома.

Предложение неожиданное, как и сам разговор. Первое ощущение — чувство ученика, таланты которого отмечены учителем. Потом — привычные с журналистских времен сомнения, когда задание редактора и льстит самолюбию, и мучают опасения: а вдруг не получится?

— Вам виднее. Но я, в общем-то, идеолог. И вы как-то сами говорили, что в дальнейшем мне лучше быть на идеологическом участке.

— Да, говорил. Я даже готовил тебя в секретари по идеологии. Это тебе близко: радио, телевидение, газета, комсомол, международное направление — идеально. Но так получилось. Ты мне нужен в горкоме. Потому что с городом у нас что-то не получается. Ты понимаешь, что это такое — Баку?!

— Если честно, я просто не представляю, с какого конца взяться за городские проблемы. Баку — это большая часть

экономики республики, средоточие всей науки, культуры. Миллион с лишним населения. Этим надо управлять. У меня нет соответствующего опыта.

— У меня тоже не было соответствующего опыта в 69-м году. Сумел же! И тебе помогу — не умер же я!

И после короткой паузы:

— Керимов не тянет. Нужен свежий, новый взгляд. Знаю, тебе будет трудно, особенно с экономикой. Этими вопросами надо просто владеть. Помогу. Я имею в отношении тебя серьезные виды на будущее.

Странно, он вроде бы убежден в правильности своего решения, а в то же время уговаривает меня согласиться. Видно, не ожидал возражений в Москве. Он не привык отступать от задуманного...

Доводы Б.Н. Пастухова понятны и убедительны:

— В международной сфере не каждому дано быстро разобраться. Да и подходящих кандидатов нет. В. Григорьев направлен в Афганистан, только что перевели в ВЦСПС Янаева, возглавил институт в Новосибирске Деревянко. С уходом Гусейнова лучше повременить.

В орготделе с ним согласны. Мне самому, честно говоря, неловко перед Борисом — мы неплохо сработались, понимаем друг друга, он мне помог освоиться на новом участке и словом, и делом... И сейчас он вполне откровенен.

— Не лежит у меня душа к алиевскому предложению. Что-то стоит за ним... Хотя нельзя не учитывать: Баку — четвертый город СССР по масштабам. Первый секретарь горкома, депутат Верховного Совета СССР — все это немаловажно. Но и Алиев — особая величина, не мне тебе объяснять.

Не намек ли это на то, что блиставшие в Москве азербайджанцы, возвращенные в Баку, как правило, плохо кончили? Об этом никто не говорит в открытую, но мнение такое имеется. Пастухову за конкретным примером далеко ходить не надо — недавно в Москву наведался его друг Рахман Везиров, который никак не нарадуется своему генконсульскому бытию в далекой Калькутте, после того как пять лет назад еле ноги унес из передовой республики. А ведь его также поставили во главе большого города — второго после Баку — Кировабада, депутатом Верховного Совета СССР избрали...

— Нет, не лежит у меня душа к этому повороту. Но если надумаешь возразить, делать надо это предельно тактично, мягко. Сам понимаешь, кому возражаешь и от чего отказываешься.

Г.А. Алиев уехал, дав время на раздумье, как я полагал. Но, как оказалось, для того, чтобы гроссмейстерски провести свое решение через препоны партийной бюрократии.

— Поработал в Москве, и хватит. Пора возвращаться в Баку. Я твой вопрос обговорил с Михаилом Андреевичем. Возглавишь бакинский горком. Керимов стар, он должен уйти. Сегодня тебя пригласят в ЦК КПСС, к Суслову. Оттуда сразу в Баку, на Бюро ЦК, а затем — пленум горкома.

Я знал, что когда-нибудь это случится. Но так скоро! И потом — почему горком? Логичней было бы секретарем по идеологии. Но в партии, как в армии, приказы не обсуждаются, а выполняются. Вперед, значит, вперед. Жаль только вновь расставаться с мечтой, на сей раз о дипломатическом будущем, потому как я уже почти три года, точнее — три с половиной года, живу внешнеполитическими проблемами, и лучшей доли, чем дипломатия, не представляю себе. С некоторых пор...

Часы судьбы, увы, заведены не нами. Не нам и решать, когда остановятся. И потом — нельзя бояться судьбы. Даже если она искушает...

Ну а дальше все катилось по написанному: вылетел в Баку, явился к Г. Алиеву. Тот после короткой беседы: «Пошли пообедаем». А в тесной столовой руководства ЦК — все знакомые лица, все улыбаются, уже узнают. Не похоже на алиевский стиль, прежде до последней минуты державший Бюро в неведении.

«22 декабря 1980 года состоялся пленум Бакинского горкома партии, рассмотревший организационный вопрос. Пленум освободил т. Керимова А.Г. от обязанностей первого секретаря и члена Бюро Бакинского горкома партии в связи с переходом на другую работу. Пленум избрал первым секретарем и членом Бюро Бакинского горкома партии т. Гусейнова В.А. На пленуме с речью выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана тов. Алиев Г.А.»[21].

И все. Всего-то четыре фразы. Хотя тут же на бюро Первый объявил: «ЦК предлагает горкому нового секретаря по

[21] «Баку», 23 декабря 1980 г.

идеологии — молодого, энергичного секретаря парткома Института нефти и химии Агалара Аббасова».

Доктор наук, отмечаю про себя и тут же припоминаю — близкий человек ректора Исмаила Алиевича Ибрагимова. Из знаменитой кагорты, нахчиванской... Мне нужен еще толковый секретарь по промышленности. И у меня есть подходящая кандидатура — Тофик Ахундов, экономист с опытом партийной работы. То, что надо.

Через несколько дней на Бакинской городской конференции вновь зазвучал знакомый глас Г. Алиева. Первый наезжает на «Габыча» по полной программе. Как он умел: усыпляющий перечень общесоветских проблем, затем плавный переход к республиканской конкретике: планы срываются, в городах непорядок, люди жалуются, опять же — мздоимство, партийная дисциплина расшаталась. И взрыв заготовленных службами жареных фактов. Зал замирает. Керимов напряженно вслушивается в звучащую речь, словно боится пропустить важную для него мысль. А с трибуны низвергается оглушающий водопад: руководство горкома либеральничает, сквозь пальцы смотрит на недостатки, сыпятся имена, проступки, неблаговидные делишки, о которых, вроде бы, никто не знал, а оказалось — он все видел и обо всем ведал. Так-то...

А.Г. Керимов, чей отчетный доклад разносится в пух и прах, сидит в президиуме, уставившись в одну точку, куда-то поверх зала. Критике подвергается текущий год, но под безжалостными ударами разлетаются все десять лет работы.

«Товарищи! Недостатки в деятельности Бакинского комитета партии происходили в основном из-за того, что в стиле его работы имеются серьезные недостатки. Они сводятся к тому, что горком не в должной мере связан с первичными партийными организациями, трудовыми массами, общественностью. Как я уже сказал, в деятельности горкома партии преобладали во многих случаях либерализм, недостаточная принципиальность и острота, больше создавалась видимость работы». Ну и т.д.[22]

---

[22] Речь Первого секретаря ЦК КП Азербайджана, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС на 44-й Бакинской партконференции». «Баку», 10 января 1981 г.

Он знает о своей участи. Как и большинство присутствующих в зале. Держится молодцом, старый, опытный боец. И все же в зале витает чувство общей неловкости. Оно холодом обдает и меня. «Габыч» (так именуют А.Г. Керимова молодая поросль партийных работников) ведь неслучайная фигура в партии, в политическом руководстве республики. Он безупречно проработал в комсомоле (во времена Мир-Джафара Багирова, между прочим!); в МВД, где его помнят как честного, строгого, принципиального руководителя. Да и Г.А. Алиев вовсе не случайно обратился к его кандидатуре, когда понадобилось укрепить руководство столичной партийной организацией.

Из представленных мне материалов, однако, смотрит другой деятель: « За различные нарушения, беспринципность, разрыв между словом и делом освобождены от занимаемых должностей и привлечены к строгой партийной ответственности около 200 должностных лиц, входящих в номенклатуру горкома и райкомов партии. За нарушение партийной и государственной дисциплины, хищения, спекуляцию, взятки и злоупотребления служебным положением в отчетном периоде исключено из рядов КПСС более 740 человек»[23].

Многие из сидящих в зале помнят, что не так уж давно, на рубеже 1960–1970-х годов, Керимов смотрелся как возможный кандидат и на более значимую командную площадку. А теперь: «Он стар, не тянет...» И это тоже имеет место. Хотя, по сравнению с некоторыми «долгожителями» партии и правительства, его стариком не назовешь. Подвижен, регулярно играет в теннис.

После МВД он был, как тогда говорили, главным контролирующим оком республики, занимал три должности одновременно: секретаря ЦК Компартии, зампреда Совмина и председателя Комитета партгосконтроля (во времена А.Н. Шелепина, «железного Шурика», бросившего вызов Брежневу). Эта уникальная должность была учреждена специальным постановлением Политбюро. Чтобы присматривать за всем, что делалось в республике — от реализации со-

[23] Доклад первого секретаря Бакинского горкома партии В.А. Гусейнова на 44-й Бакинской городской конференции. «Баку», 7 января 1981 г.

циально-экономических программ до выполнения партийных установок по всем сферам общественной жизни. Помимо молодости требовались обширные знания, широкий взгляд на существующие проблемы, опыт масштабного руководителя.

Много чего надо было уметь, например, гармонизировать то и дело возникающие коллизии между партийными установками, практическими решениями хозяйственников, гасить порывы излишне радикальных контролеров — для этого нужно было быть большим дипломатом. Таковым — сильным, надежным и опытным — и слыл всегда в партийных кругах 68-летний А.Г. Керимов. И именно поэтому он, наверное, заслуживает иных проводов.

Политические качели, однако, качнулись от него, и прямиком — в мою сторону. Мой черед, стало быть.

«Случаи ошибок при подборе кадров в аппарат горкома не ограничиваются приведенными выше фактами... Отсутствие контроля, нетребовательность привели к тому, что в отделы БХСС проникают, скажем откровенно, сомнительные люди. При относительно скромной зарплате они живут зачастую не по средствам, а треть из них имеет собственные автомобили, причем каждая вторая оформлена на подставное лицо»[24].

Так назначали и снимали. И в том, и в другом случае имелись свои пороки и преимущества, заложенные в системе коммунистического единовластия. В целом Л.И. Брежнев культивировал мягкий стиль в кадровой политике. Былая репрессивная практика как-то позабылась, уступив место всеобщему благодушию, юбилейным празднествам и рукоплесканиям. Позже это назовут эпохой застоя. Я бы сказал, что это было временем ожидания реформ, которых нам не суждено было дождаться. Из этих ожиданий и произрастали многие новации алиевского, да и шеварднадзевского курса на закручивание гаек, жесткий спрос с партийных комитетов, постоянная перетряска кадров, смотревшиеся как нестандартные подходы во внутренней политике. Отсюда и

[24] Доклад первого секретаря Бакинского горкома партии В.А. Гусейнова на 44-й Бакинской городской конференции. «Баку», 7 января 1981 г.

эвфемические ходы и формулировки: снят «в связи с переходом на другую работу».

Али Габибовича направили председателем Комитета по трудовым ресурсам, этакий предпенсионный отстойник.

А как же принципы выборности, сменяемости и подотчетности всех руководителей, которые являлись гарантом демократического устройства КПСС и всей политической системы? О чем столько сказано было еще Лениным, написано в последующем советскими теоретиками и что декларировалось во всех партийных документах? Эти принципы давно были заменены политикой подбора и расстановки кадров. Вот и подобрал меня Гейдар Алиевич и посадил в кресло первого секретаря Бакинского горкома партии.

Сразу после упомянутого выше пленума, решившего сразу две судьбы — Керимова и мою, шеф счел нужным представить меня народу или, как говорили тогда, трудовым коллективам.

Первое явление народу

Не успел бронированный «ЗИЛ» кандидата в члены Политбюро въехать в прибранный по столь торжественному случаю дворик бакинского радиозавода, как мы оба оказались в плотном кольце рабочих. Величественное явление Первого народу не произвело ожидаемого впечатления.

— Вам хорошо в ЦК — тепло, сытно! — выкрикнула русская женщина после того, как первый секретарь с удовлетворением отметил, что морально-политическая атмосфера в республике здоровая, по-настоящему рабочая, дорогой Леонид Ильич это знает и передает привет всем трудящимся Азербайджана и особенно горячий — рабочему классу Баку, славному своими революционными и трудовыми традициями.

Такой откровенности от бакинских рабочих, было видно, Г. Алиев не ожидал. Он растерянно улыбнулся рассерженной даме в тщательно выглаженной спецовке, и его грозный взгляд скользнул по лицу секретаря райкома, из глаз которого сыпались панические искры ужаса и проклятий в стоявшего напротив директора завода. Тот явно проглотил язык, но когда тяжелый взгляд хозяина вопросительно остановился на

его съежившейся фигуре, тот выхватил из кармана бумажку, и оказалось, что потеря дара речи у него была временной: «Коллектив краснознаменного бакинского радиозавода с воодушевлением...»

Мы с Алиевым и всей свитой внимали этому и последующим речам с видом учителей, экзаменующих нерадивых воспитанников. Привычное сияние взоров вновь вернулось к трудящимся, аплодисменты и здравницы восстановили душевное равновесие всем присутствующим, мы охотно откликнулись на приглашение директора пройтись по цехам, чтобы взглянуть на образцы новых радиоприемников, которые, как заверил директор предприятия, готовились экспортировать в соцстраны и ряд государств третьего мира.

Последнее сообщение пришлось по душе шефу, и он многозначительно кивнул мне головой, мол, видишь, как продвинулась республика, пока ты по заграницам сновал. Но тут вновь раздался визгливый женский возглас, не той, что первой испортила праздник, ее уже успели задвинуть в толпу, подальше, а другой — тоже в тщательно выглаженной спецовке и, очевидно, столь же настырной и неугомонной.

— Вы бы лучше гостям рабочую столовую показали: чисто, отремонтировано. Только ни масла, ни мяса!

Торжественное хождение в народ кандидата в члены Политбюро и нового первого секретаря Бакинского горкома явно было вконец испорчено. Что касается меня, то на БАМе я и не такого насмотрелся. Рабочий народ в России вовсе не то, что у нас в Азербайджане. Но работяги везде работяги. Они готовы, конечно, выйти поаплодировать товарищу Алиеву, но о своем наболевшем, когда сильно прижмет, молчать не будут. Может, те, что стали бакинцами лет десять назад, и промолчат, но коренной «черногородский» или выходец из Чемберкента церемониться не станет. От прямого, в лоб поставленного требования уходить было нельзя.

— Как вы знаете, мы укрепили горком. Пригласили из Москвы молодого, энергичного Вагифа Гусейнова. Думаем, он возьмется за решение существующих проблем. Со своей стороны хочу, чтобы вы знали — Центральный Комитет прилагает все усилия, чтобы наладить снабжение продовольственными товарами. Откровенно скажу, сохраняется в этом

плане, особенно по части мясомолочной продукции, некоторое напряжение в целом по стране. Не только у нас в Азербайджане. Могу сказать больше: в Баку положение с продовольствием намного лучше, чем в других городах и регионах.

Слышу за спиной приглушенную насмешливую реплику: «У нас, оказывается, райские условия, а мы-то, дураки, не ведали об этом». Раздался смех. Н-да... Куда только подевались искренняя радость, неподдельное воодушевление, а главное — вера в него, что он наведет порядок, что он все знает, особенно про жизнь народную? Нет, не читается эта вера в угрюмых взглядах и сыпящихся отовсюду вопросах относительно того, когда все-таки будет вдоволь мяса и масла и что в этом плане делается сегодня, прямо сейчас. Это хорошо, что молодого и энергичного поставили во главе Баку. Но мясо-то исчезло давно. Что собирается делать горком сейчас?

— Можете быть уверены, что все волнующие вас вопросы находятся в повестке дня Бюро ЦК и горкома партии. Есть у горкома теперь и конкретные предложения. Бакинский горком разрабатывает меры по введению талонов. Мера эта временная, вынужденная. Горком считает нужным прибегнуть к ней, чтобы гарантированно обеспечить каждого работающего человека мясом и маслом. По два килограмма на человека. Четверо работающих — значит, восемь килограммов. Еще раз хочу подчеркнуть — мера эта временная.

Шепот за спиной: «Как в анекдоте: постоянный спутник социализма — временные трудности».

Шеф подстраховал меня, приняв удар на себя. На прощание предупредил:

— В следующий раз сам будешь выкручиваться. Засучи рукава и выправляй положение.

Разумеется, ведомство Е.Г. Гурвича, как водится, выгладило, вычистило информацию от непредусмотренных программой эпизодов и реплик, хотя и сообщалось в информации «Азинформа» об острой и откровенной беседе с рабочим коллективом.

А на Бюро, между прочим, раскол пошел. Иса Мамедов, переведенный из ленкоранских субтропиков секретарем по

сельскому хозяйству (и как только бывший учитель вахтенной школы в Нахчыване сумел превратить славный своими чайными и рисовыми плантациями край во «всесоюзный огород»?) возроптал против введения талонов: «Мы же коммунизм строим. Талоны Сталин ввел во времена войны. А у нас, слава Богу, перевыполнение по всем отраслям: хлопку, винограду, овощам, продуктам животноводства!» Обращался ко всем членам Бюро, а косит преданно глазами в сторону Хозяина, мол, разве я не прав?!

Иса Мамедович хоть и новый человек в ЦК, но по непререкаемости уступает лишь разве что самому Гейдару Алиеву. У него особое иерархическое место, особая роль и, как некоторые полагают, особое предназначение.

Но у меня тоже особое место — Баку. И есть нечто такое, что нет у других — московская школа партийной дипломатии. Она предполагает, помимо прочего, еще и право на возражение и право на собственную точку зрения.

— У нас, между прочим, сейчас тоже война, хотя и не Великая Отечественная, но не менее изнурительная — в Афганистане, и навязанная Западом гонка вооружений, плюс всякие поправки вроде Джексона-Веника — фактическая блокада. Простому народу это не объяснишь. Рабочий человек хочет получить гарантированные килограммы мяса, масла и прочих продуктов. Талоны — выход. Временный. Если у вас есть альтернатива ему — пожалуйста, предлагайте.

— Ладно, — примирительно хлопает по столу Гейдар Алиевич. — Коммунизм — наша великая цель. В данном же случае мы решаем возникшие непростые проблемы в большом и трудном походе. Их и ранее хватало, и немало встретится в будущем.

Туго завязанный клубок проблем

Из этой стычки родилась идея создания «специального паспорта города». Иными словами, необходимо было создать некий документ — социальный портрет Баку. Не простой перечень основных проблем, а конкретные масштабы каждой из них, причины, породившие их — объективные, сроки и средства, необходимые для решения. Это прежде всего не-

хватка жилья, хотя жилой фонд Баку начинался с 1960-х годов, еще с ахундовских времен, стал увеличиваться и особенно резко прибавил за две алиевские пятилетки. Очереди сократились. Поступая на работу, нефтяники, машиностроители, нефтепереработчики, химики, строители и рабочие других отраслей промышленности знали, что за 5–6 лет получат квартиру. Уверенность советского человека в завтрашнем дне проистекала во многом из этого компонента бытия.

Однако город испытывал перегрузки, порожденные неравномерным развитием и рассредоточением экономического потенциала. Баку аккумулировал треть промышленных производств, основную часть квалифицированного инженерно-технического потенциала и рабочей силы.

Благоприятные социально-культурные возможности растущего мегаполиса, подобно гигантскому магниту, притягивали людские ресурсы со всех уголков республики. Это само по себе провоцировало новые проблемы, превращавшиеся в туго завязанный клубок — развязывать долго и бессмысленно, рубить — опасно. Да и кто позволит?

Приведу пару примеров. Бакинская канализация была построена в... 1908 году и с тех пор не модернизировалась — то война, то перевооружение промышленности, стройки пятилетки... Словом, руки не доходили. Вроде мелочь, по сравнению с планами обеспечить всех горожан жильем. Вот и получилось, что канализация, рассчитанная на 200–300 тысяч жителей, стала задыхаться в связи с приращением микрорайонов (девять городов-спутников!), освоением Ахмедлинского плато, ростом города вширь и ввысь. Отсюда и другая проблема — хроническая нехватка воды. Шорларская линия, проложенная с севера, с предгорий заснеженных вершин Шах-дага, доставляла бакинцам родниковую воду (между прочим, в том был секрет особого качества бакинского пива — вплоть до 1970-х годов).

При В.Ю. Ахундове началось строительство Куринского водопровода. После него сделали эту стройку всенародной, бросили на нее огромные ресурсы, людей, взяли под неусыпный контроль, и Баку на какой-то период утолил жажду. Однако к тому дню, когда я появился в Бакинском горкоме, большая часть города уже сидела на почасовом обеспечении.

Больницы не могли принять всех страждущих исцеления, школы — детей. Остаточный принцип, введенный с началом гонки вооружений, больно бил по социальной сфере.

Пожалуй, ничто так не отвратило людей от самого социализма, как пренебрежение брежневской командой социальными нуждами миллионов граждан. Советский Союз оставался социально ориентированным государством, но безопасность социализма, его идейно-политические амбиции, принявшие глобальные масштабы, лишали страну адекватной социальной политики.

Понимание порочности такого курса зрело в верхах повсеместно. Однако то было уделом большой политики. Моя же задача сводилась главным образом к тому, чтобы обеспечить выполнение планов социально-экономического развития, намеченных XXV съездом КПСС. В рамках этих реалий сделать так, чтобы миллиону с лишним жителей огромного города жилось и работалось в максимально комфортных условиях. Для того и подключил лучшие силы аппарата, ученых-социологов к составлению «социального паспорта» Баку.

По опыту я уже знал: не сосредоточишься на главном, основном — заест текучка, и поплывешь по общему течению, подгоняемый сиюминутными решениями и задачами. Но это курс на решение тактических проблем, без общей радиальной линии. Это похоже на движение на ощупь, в потемках, без ясной цели и освещения.

Мои бдения по конструированию «лампады» для Баку и бакинцев прервал звонок Г. Алиева.

— Что-то ничего не слышно от тебя. Тишина непонятная.

— Да вот разбираюсь с городскими проблемами. Хочу отсеять хозяйственные дела, текучку, определить главное, стратегическое направление.

— Да что тут думать? Какая еще стратегия! Это все для теоретиков — тактика, стратегия. Стратегия в нашем деле одна: возникла проблема — наваливаешься всеми наличными силами и решаешь. Не надо изобретать велосипед. Бери мой доклад, там все описано — и проблемы, и пути их решения. По каждому критическому замечанию — план работы горкома на ближайшую перспективу, задания отделам, район-

ным партийным организациям, парткомам крупнейших предприятий. Ну и так далее.

И — отбой.

Поручение Первого — приказ. Невыполнение приказа карается по-военному. Это я знал еще по комсомольским временам. Но тогда в голосе Первого звучали и нотки старшего, опекуна, аксакала. Нынче превалирует командирский стиль. Появилось нечто незримое, похожее на непреодолимую дистанцию — рядом вроде бы человек, но не приблизишься. Он управляет на расстоянии, как опытный оператор роботом.

Через несколько дней «писари» сочинили справку, препроводив соответствующим, в духе времени, названием — что-то вроде «О мерах по работе бакинской партийной организации по реализации выводов, критических замечаний и предложений первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, содержащихся в выступлении на 44-й бакинской городской конференции». Направил в канцелярию Первого, а у самого кошки в душе скребут, небось, отчитает. На это он большой мастер. Скажет, как отрубит: «Живое дело отписками подменяешь. Надо бы поконкретней, и не надо выпячивать мою фигуру, больше напирай на партийную организацию, ответственность парткомов, рядовых коммунистов». Ну и так далее. Он, наш лидер, как никто умеет, зацепив ниточку, потянуть за ней весь идеологический орнамент...

Раздается звонок:

— Вот это другое дело! Хвалю за оперативность и правильное понимание задачи.

Несколько полегчало. Однако, припоминаю я, раньше — лет этак пять назад — он справками особенно не увлекался. До сих пор звучит в ушах его трубный глас на каждом активе, пленуме, съезде, встречах с рабочими коллективами: «Главное — практический результат. Живое дело, живая связь с массами!»

Мои размышления прерывает новый звонок:

— А может, этот материал отдадим целиком в «Азеринформ»? Хороший документ получился.

Разумеется, ему известен установленный давным-давно порядок — документы горкома партии целиком публикуются

в городских газетах «Баку» и «Баки». В «Азеринформ» идет только информационное сообщение. И в период А.Г. Керимова это правило неукоснительно соблюдалось. Помнится, в ЦК даже резко возражали при поползновениях горкома подключить к своим акциям «Азеринформ». Тут же одергивали. Не то сейчас...

Затем следует приглашение зайти вечером: «Есть некоторые соображения».

«Соображения» — несколько пухлых папок — покоятся на столе. Не на длинном — для приглашенных, а на рабочем столе хозяина кабинета, представляющего собой просторную продолговатую комнату (в которой сиживали все его предшественники, начиная от Мир-Джафара Багирова), украшенную портретом моложавого Брежнева.

Надо заметить: с тех пор как семь лет назад я впервые переступил порог этого помещения, в нем практически ничего не изменилось. Чего нельзя сказать о его хозяине.

Г.Алиев приближается к 60-ти. Он явно прибавил в весе. В этом я сам, с тревогой обследующий ежедневно лишний жирок на брюшке, ошибиться не могу, как и в том, что Гейдар Алиевич несколько погрузнел, движения стали медлительными. Хотя на его работоспособности эти, не слишком бросающиеся в глаза перемены практически не отразились. Как и десять лет назад, он часами плавает в бассейне, совершает утренние пробежки, ходит в сауну, появляется в дверях своего кабинета с 9.30 и покидает его в 21.30, а порой и позже. Его рабочий день расписан по часам. После непродолжительного послеобеденного отдыха он включается в свой рабочий режим: Бюро, Секретариат, работа над документами, совещания, обсуждения текущих вопросов с секретарями, заведующими, министрами, приемы иностранных делегаций.

Отличительная черта рабочего стиля — ничего не должно пройти мимо его внимания. Прежде чем пригласить на собеседование нового человека (работника аппарата, секретаря райкома, министра и т.д.), тщательно изучается его досье. Часами запирается с Исмаилом Насруллаевичем Аскеровым — «седым лисом», «ходячей энциклопедией азербайджанской партийной организации», в аппарате со времен

войны. Любит рассказывать, как вырвался в 1941 году из практически осажденной Москвы и чуть ли не на перекладных добрался до Баку, и с тех пор в ЦК. Первый подобрал его в парткомиссии, поставил во главе орготдела (тот наизусть знает биографии всей номенклатуры, особенно что касается вырванных страниц о дальней родне, хитросплетениях происхождения, не афишируемых связей, да еще многое, чего они сами не ведают).

Многим эти бдения с Исмаилом Насруллаевичем претят, но сам глава партийной номенклатуры весьма дорожит своим доступом к Первому, его доверием, хотя аппаратчики не раз становились свидетелями негодования хозяина, спровоцированного явными признаками склероза у аксакала ЦК.

Негодует, но держит рядышком: «Опытный человек, многое перевидал».

Мудрый, много повидавший конфидент в аппаратной работе действительно порой бывает незаменим. Хотя известно — личная преданность проявляется не в кабинетах, не во власти, а вне, точнее — без нее.

И все же: о чем можно говорить часами с Исмаилом Насруллаевичем, интересным своими воспоминаниями о давно минувших днях? Первому — известно — интересны не байки про Мир-Джафара и Сталина, он человек действия и живет сегодняшним днем. Сказывают, в ходе одной из таких бесед и решилась судьба ничего не подозревавшего Рамиза Гусейновича Мамедзаде, возвращенного из орготдела ЦК КПСС на должность секретаря ЦК по вопросам идеологии...

— Производственные проблемы, хозяйственно-социальную сферу, конечно, упускать из виду нельзя. Вижу — город у тебя под контролем. Но экономикой особенно не увлекайся. По большому счету ее тянут каждый по-своему: районы, ЦК, Совмин. Тебе лично надо сосредоточиться на идеологии — это то, чему тебя не надо учить и чем ты владеешь на современном уровне. Нужно вплотную заняться интеллигенцией. У тебя широкий круг друзей: писателей, киношников (так и говорит — не режиссеров, актеров, сценаристов, а киношников), расширяй этот круг, особенно с национальными поэтами, они все поражены глупыми историческими мифами, которые сами и придумали. Словом, помни: главное —

люди, — замечает Первый. — Это вроде бы известно и понятно, а сплошь и рядом партийные комитеты думают о чем угодно, но только не о людях.

И сразу переход к кадровой политике:

— Подумай, кого поставить в Баксовет. Айдын Мамедов не даст тебе работать, как не дал Керимову.

Это что-то новое. А. Мамедова, строителя, не блиставшего умом, вздорного (поговаривали, что он страдает психическим растройством) во главу города в самом начале 1970-х годов поставил сам Г.А. Алиев. Горисполком и горком редко где представляли слаженный тандем, но худо-бедно ладили, стараясь не выносить сор из избы. Мэр Баку, как сказали бы сейчас, свою задачу видел в том, чтобы не делать то, что предлагал горком, а если делать, то все наперекор. А.Г. Керимов не раз предлагал сместить склочного председателя горисполкома, но «добро» на это так и не получил. Теперь, видно, настал и его черед. Мавр сделал свое дело. Достал, чувствуется, своими кознями и Г.Алиева...

Так мы приступили к поискам нового мэра. Кандидатуру Нежметдина Ахмедова, одного из наиболее опытных партийных руководителей в Баку, подобрал и предложил он сам. Ведь Нежметдин Халафович начинал свою карьеру когда-то в НКВД. Кроме того, его сын был женат на дочери Рза Кулиева, старого чекиста, руководившего долгие годы «Интуристом» и более известного в народе под именем «Дайы», то есть «Дядюшка». Так называют опорную фигуру в семье. А «Дядюшка Рза», муж старшей сестры Гейдара Алиевича, и являлся опорой семьи Алиевых, когда он был еще опером, а брат его Гасан долгое время находился в опале: «Трудно было в те послевоенные годы. Рза-киши вытянул нас всех...» А всех — это пять братьев и две сестры (от разных матерей) при одном подрабатывающем в нахчиванской бане унизительным трудом терщика отце...

Так в совете и согласии было обновлено руководство Баку, а отделы горкома укреплял уже я сам.

И еще одно соображение: уже второе десятилетие ведется борьба с негативными явлениями. Эту борьбу начал он, Гейдар Алиев, не все поддержали новый курс — со многими пришлось расстаться, теперь у нас крепкая, надежная команда.

Я, Вагиф, в этой команде важное звено. На меня особая надежда, но и особая ответственность. Шутка ли — мне доверили Баку, полреспублики. Бакинский горком должен показать пример боевитости, бескомпромиссной борьбы с негативными явлениями. А то получается, что это дело только Центрального Комитета. Конечно, районные комитеты на местах подтянулись, некоторые смело вскрывают факты взяточничества, приписок, хищения социалистической собственности, однако поставить на должный уровень это направление политической борьбы все же на периферии не удается. В районах и небольших городах другая жизнь, привычки, традиции, больше патриархальщины, кумовства, семейственности, трудно уследить нам отсюда, из ЦК, за жизнью в городах и весях. Другое дело — Баку. Горком партии должен взять на себя часть ответственности по усилению борьбы с негативными явлениями. В этой связи еще многое предстоит сделать, чтобы люди поняли — мы разворачиваем не очередную кампанию, а проводим курс. В том существо нашей политики.

Монументальные столбцы с личными делами «негативов», на которые перевел взгляд Первый, как бы подтверждали сказанное им — большая работа предстоит мне впереди.

Невольно подумалось: «Не многовато ли папок?»

— Керимов, по существу, уклонялся от этой работы, — напутствовал меня Первый, словно читая мои мысли. — На словах был грозный — дальше некуда. А как дело доходило до решительных действий, большинство дел спускалось на тормозах. Под разными предлогами. Некоторым фактическим противникам нашего курса позволил даже бежать из республики. Что это — саботаж? Двойная игра? Мне некогда разбираться в причинах непоследовательности в рядах партийных комитетов, наших товарищей. Я не сомневаюсь, что некоторые из них спелись с казнокрадами, торгашами, толстосумами. Таким пощады не должно быть. Есть и другой сорт, таких большинство: наша, чисто азербайджанская черта ¬— желание быть хорошим, добрым. В результате людям исподволь внушается: это все Алиев, это он все время жаждет крови, а мы бы хотели жить дружно, как большая

спаянная семья. На самом деле никто не хочет копаться в грязи, мол, мое дело — выполнение планов, спокойная обстановочка в городе, районе, предприятии. А кто будет наказывать тех, кто грабит народное добро, отвращает народ от советской морали? Один Алиев?!

Г. Алиев был, как всегда, убедителен и справедлив в своем гневе. Он возвышался над своим столом, на фоне папок-пирамид, под которыми погребены были дела и судьбы десятков и сотен, как восклицал Первый, наших товарищей, изменивших принципам, а значит, и нам.

Разве не прав Гейдар Алиевич, когда говорит: «Кто не с нами, тот против нас!» Если не согласен с его линией, чего же тогда проситься в команду? Как говорится, взялся за гуж...

Дела обреченных на заклание были оформлены со знанием дела: заключение партийной комиссии, подкрепленное соответствующими документами следователей МВД, прокуратуры, народного контроля.

Конвейер борьбы с негативными явлениями заработал...

С фактами очевидного взяточничества, особенно в сфере обслуживания, торговли, здравоохранения, решено было не церемониться. Тут, как говорится, двух мнений не могло быть. Хотя меня не могли не насторожить многочисленные звонки, ходатайства со всех сторон с просьбами о смягчении наказания проштрафившемуся, обосновывающиеся, как правило, высоким профессиональным уровнем того или иного руководителя, его безупречной трудовой деятельностью прежде и плодотворными производственными показателями, о чем свидетельствовали переходящие красные знамена, правительственные награды, ордена и медали. Однако я призвал членов Бюро в отношении коррупционеров не проявлять мягкосердечия. Не тот случай. И конвейер борьбы с негативными явлениями потихоньку запустился.

Пожалуй, я немало был удивлен количеством доброхотов, что указывало на проникновение в партийно-государственные структуры теневого бизнеса, срастание управленческой бюрократии с «теневиками». Этот новый фактор советской

действительности требовал более пристального внимания к себе. Как скоро выяснилось, масштабы прибылей фактически частного производства, имеющего во многих отношениях криминальное происхождение, имели тенденцию к росту и воспроизводству, что не могло не затронуть саму природу государственного устройства, его политические и нравственные ценности.

Новый генеральный прокурор СССР А.М. Рекунков в скором времени открыто выскажется об этом в «Коммунисте» — теоретическом органе ЦК КПСС, а пару лет спустя некоторые биографические штрихи нового генсека М.С. Горбачёва, поведение его супруги, ряда представителей его окружения только подтвердят этот вывод.

Углубляясь в данную тему, можно говорить о том, что роль скрытого сектора сверхприбылей в разрушении СССР, их непосредственное участие во многих процессах на стороне ренегатов, которое обнаруживалось со всей очевидностью на наиболее критических этапах общественного противостояния, заслуживали большего внимания практических политиков и теоретиков. Но тогда, в начале 1981 года, мне было не до теоретизирования. Личные дела, указания «сверху» сыпались, как из рога изобилия. Очень скоро выяснилось, что правоохранительные органы получили указание направлять в горком результаты своих проверок, осуществленных, разумеется, по поручению ЦК Компартии.

Вскрылась и первопричина особого внимания к некоторым производственным руководителям со стороны правоохранительных органов.

— Что ты возишься со строителями, цеховиками — все это мелочи. Есть персоны поважнее. Займись делом Балакишиева. Я его передал тебе в числе первых, а результата никакого, — выговорил как-то хозяин, и я понял, что мне не удастся и дальше откладывать «дело», одно упоминание о котором раздражало и меня, и всех вовлеченных в работу «конвейера» лиц.

Чем не угодил Надир Агаевич Балакишиев Первому, какая кошка пробежала между ними — никто не может ничего путного сказать. Ясно было одно: взят бывший первый секретарь Сумгаитского горкома партии на мушку давно, и как бы

он ни тянул резину, кого бы ни призывал на помощь, с партбилетом ему придется расстаться.

Поговаривали, что в свое время В.Ю. Ахундов — предшественник Г.А. Алиева — внес фамилию молодого и энергичного Надира Балакишиева в резерв возможных кандидатов на должность руководителя партийной организации республики. И этот выбор не был так уж необоснован: Н.А. Балакишиев — химик по образованию, руководитель крупных производств — хорошо зарекомендовал себя, возглавив Сумгаит, дружно именуемый советской прессой Комсомольском на Каспии.

Город азербайджанских металлургов и химиков помогала возводить вся страна, после войны сюда съехалась молодежь со всех концов СССР, и это придало его имиджу особо ценимые советской пропагандой черты. Мудрено ли, что популярностью своей город «делился» и со своим молодым партийным вожаком. Многие крупнейшие строящиеся промышленные производства Сумгаита долгое время считались Всесоюзными ударными стройками, а значит, находились под контролем высших партийных органов. А это означало выход на высокие руководящие персоны.

Могу подтвердить, что к тому времени, когда я занялся делом Балакишиева, он давно был не у дел, но звонки из Москвы от лиц весьма влиятельных и уважаемых поступали. Люфт для маневрирования был невелик: перевести стрелку на Первого в таких случаях категорически запрещалось, проявить объективность, демонстрируя соразмерность наказания проступку коммуниста, значило бы бросить вызов кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС. Этого не понял бы никто, ибо даже рядовым коммунистам было известно, как и многочисленным жертвам нового курса, достучавшимся до кремлевских дверей, отвечали: «Гейдар Алиевич пользуется безусловным доверием высшего партийного руководства. При принятии решений он действует де-факто с ведома Политбюро».

Н.А. Балакишиев был освобожден от занимаемой должности первого секретаря Сумгаитского горкома компартии сразу же с появлением у власти Г.А. Алиева. Правда, обошлось без «кровопускания» — поставили его во главе Коми-

тета по инотуризму. В новом качестве бывший первый секретарь пребывал недолго. Через пару лет комиссия отдела зарубежных связей ЦК установила серьезные нарушения и недостатки в деле развития иностранного туризма. Это стоило Н.Балакишиеву руководящего поста, как оказалось, последнего в его карьере, и «строгача» по партийной линии. С тех пор он счел за благо «не высовываться» и устроился на работу рядовым инженером по технике безопасности на один из бакинских заводов, дабы оградить себя в дальнейшем от новых проверок с оргвыводами. Однако парткомиссия сочла понесенное наказание недостаточным, и горком должен был поставить последнюю точку в биографии некогда известного партийно-государственного деятеля.

Пожалуй, стоит сказать еще об одной детали биографии Н. Балакишиева. В Сумгаите в паре с ним работал родной брат экс-секретаря — председателем горисполкома. И длительная экзекуция, которой подвергался один из партнеров тандема, бросила тень и на другого, и далее — на всех, кто так или иначе был связан с Вели Ахундовым. Тут следует упомянуть и о том, что со временем позабылось, но в описываемое время представлялось существенным катализатором бакинского общества. Несмотря на то, что В.Ю. Ахундов лишился поста, вел он себя в высшей степени достойно, избегал политических интриг и тусовок, привел в порядок Институт вирусологии, который возглавил, чем только подтвердил организаторские способности руководителя. Одним словом, он оставался чтимым и уважаемым аксакалом, отступившим в тень бакинского клана, но сохранившим свой потенциал.

В обществе не осталось незамеченным, что Г.А. Алиев не поехал на похороны Сабита Атаевича Оруджева, министра газовой промышленности СССР, близкого друга Н.К. Байбакова, на которого с надеждой смотрели многие отодвинутые в тень бакинцы. Среди них был и один из негласных лидеров этой группировки — Н. Балакишиев,так что требования довести его дело до логического конца были отнюдь не случайны. Как говорится, кошку бьют — невесте знак подают. У китайцев применительно к политическим сведениям счетов имеется более изящная стратагема: «Сливовое дерево засыхает вместо персикового».

Уезжая в отпуск, Первый среди прочих вопросов вновь напомнил о деле Н. Балакишиева. Вытащить его на Бюро оказалось делом непростым — он все время болел, ездил на лечение, чем и настроил против себя членов парткомиссии. Предложение об исключении из партии Балакишиева члены Бюро приняли единогласно. Но, скажу честно, у всех на душе кошки скребли: на дворе уже царила другая эпоха, и давние прегрешения Балакишиева смотрелись пустяком по сравнению с обвинениями, которые выдвигались против партийных и хозяйственных боссов нового поколения. Стало ясно, что существовавшая картина повышения партийной ответственности посредством ужесточения политики взысканий незаметно сползла к новым формам чисток.

Пройдут годы, и Г. Алиев сравнит исключение из партии с высшей мерой уголовного наказания — с расстрелом, фактически подтверждая вывод, который тогда, в начале 80-х, сделали рядовые коммунисты, а вслед за ними и в партийных верхах: в Азербайджане взято на вооружение избиение кадров, сравнимое с политическими репрессиями. Но тогда, знойным летом 1981 года, он удовлетворен был вполне «расстрелом» коммуниста, представлявшего для него чисто теоретическую опасность. Он похвалил за принципиальность Бюро горкома, долго и с интересом расспрашивал, как вел себя на «эшафоте» Надир Агаевич, не делал ли каких заявлений, не грозился ли Москвой. А мне и сказать-то было нечего — вся процедура заняла считанные минуты.

Мне показалось, что хозяин хотел услышать что-либо уничижительное про приговоренного — схватился за сердце, попросил воды, раскаялся, стал вымаливать пощады. Но ни я, ни другие ничем не могли утешить его. Н. Балакишиев молча оглядел голосующих «за» исключение его из рядов партии. И молча покинул кабинет. Он словно бы явился к нам из своего времени, научившего его держать удар, демонстрировавшего ему и не такие несправедливости и падения с властных вершин...

Что тут объяснять — все мы, партией мобилизованные и призванные, научены были с изощренной изобретательностью находить казавшиеся убедительными доводы в оправдание той политики, которой не могло быть оправдания.

Ибо то, что незаконно, не может быть морально или справедливо.

С нескрываемым трепетом, словно заклинание, мы произносили слова главного режиссера и актера этого действа, цитировали его, охотно соглашались с его практиками, делая вид, что они не вызывают у нас сомнений. Хотя сомнения посеял в наших душах он сам.

Речи пишутся в тиши кабинетов, притом, что бумага все стерпит... А политика имеет свою кухню, заглядывать туда — такое же рискованное дело, как наведываться в скотобойню из желания узнать, как делается сервилат.

Было и это. Как и делалось немало хорошего, полезного для людей. Как и то, что служение идеалам у многих из нас было вполне искренним.

Так проявлялся кризис советизма как идеологии. Наступало время, когда аппарат, великий чиновничий класс, начинает служить в соответствии с французской заповедью: делай то, что должен, и пусть будет, что будет!

Много шума было и вокруг дела бакинского транспортного прокурора Эльмара Караева. Первый настойчиво требовал «крови», хотя справедливости ради следует сказать, что, в отличие от Н. Балакишиева, за прокурором тянулся длиннющий след криминала: крайне низкий уровень общенадзорной деятельности, необоснованные и незаконные решения по уголовным делам, фактическое «крышевание» хищений, заказные дела, преследования по личным мотивам, мешки писем незаконно посаженных и столь же незаконно прощенных сомнительных типов.

На этом фоне криминального букета махинации с получением квартир для себя и близких родственников прокурора-коррупционера выглядели невинной шалостью. Если Балакишиев вызывал сочувствие в широких партийных кругах, включая некоторых членов Бюро горкома, то Караев — амбициозный, не терпящий критического слова, да и не шибко образованный, вызывал всеобщее раздражение своим поведением. Яма, в которую он угодил исключительно по своей инициативе, не предполагала прощения. Транспортного прокурора исключили из партии, освободили от занимаемой должности.

Запомнились достойность и тонкое понимание ситуации Н. Балакишиевым и претенциозность прокурора Э. Караева, граничащая с наглостью. Личность на то и личность, что умеет держаться и на трибуне, и на эшафоте. Не всякому дано бросить презрительно на эшафоте: «Отойди, царь, здесь я лягу» (Нил Фуников, сын Трофимов, стрелецкий полковник Петру).

Кстати, об эшафоте. Очень скоро пошел шепоток по городу: «Вагиф Гусейнов получил от Алиева особые полномочия личного палача». Предвзятость его в описанном выше первом случае, что там говорить, имелась, и немалая. Во всех остальных случаях горком действовал в соответствии с принятой практикой, придерживаясь жестких требований курса, проводимого не первый год на искоренение взточничества, коррупции, борьбы с расхитителями народной собственности. Другой вопрос — степень его эффективности, адекватности в «лечении» социальных болезней, поразивших общество.

А насчет палаческих полномочий сообщил мне один из директоров крупного предприятия. Фамилия его, как и вся история цеховиков, которым он вроде бы покровительствовал, выветрилась из памяти, а вот некоторые признания, сделанные при личной встрече — он добивался ее так, словно брал штурмом неприступную крепость, — крепко засели в моей памяти.

— Я знаю, какой приговор вынесут мне. Я не оспариваю его, потому что точно знаю, откуда дует ветер. Это так же верно, как и то, что все, кто занимался проверкой, подготовкой заключительных документов о работе завода, прекрасно знали о левом цехе, причем не только у меня, но и на других предприятиях отрасли (речь шла о министерстве местной промышленности). Скажу больше. Всем известно: не цеха — целые заводы принадлежат частным лицам. Формально на них числятся люди, направленные райкомами, а все производство — от фундамента до выпуска продукции — принадлежит совершенно другим лицам. И их вклад в социалистическое производство, как и соцсоревнование, огромен. Они оплачивают не только покупку современного оборудования, сырья, материалов, но и труд тысячи людей,

их премиальные выплаты и красные знамена победителей соцсоревнования, ордена и медали. Они строят детсады, ясли, прокладывают дороги к предприятиям, а когда с рабочим человеком случается беда, он идет к настоящему хозяину, а не в партком или профком. Все, что вы сейчас слышите, прекрасно и давно известно ОБХСС, народному контролю, экономической службе КГБ, райкому и горкому. Не думаю, что существование «второго дна» является секретом для уважаемого Гейдара Алиевича. Заметьте, этот де-факто частный сектор никто не трогает, хотя он является ведущим в ряде отраслей: местпроме, легпроме, бытобслуживании, не говоря уже о Минторге, он прибирает к рукам Минсельхоз, Минпромстрой. И эту тенденцию не остановить...

Мой собеседник рубил отточенными фразами. Видно было, что он готовился к этой встрече, делился выстраданным. Он производил вовсе не то впечатление, которое сложилось у меня по материалам дела, внимательно изученного мною.

— Я мог бы привести имена и должности весьма высоких лиц , которые так или иначе «прихвачены» теневой экономикой с ее огромными капиталами и возможностями, сравнимыми с государственным бюджетом. Кто из них в последние годы привлечен к партийной или уголовной ответственности? Я добивался этой встречи вовсе не для того, чтобы вывести горком на теневиков, как вам может показаться. Если я передам вам исчерпывающую информацию и вы объявите теневикам бескомпромиссную войну, как комиссар Катанья сицилийской мафии, все равно у вас ничего не получится. Скорее всего, вы проиграете. И в этом нет никакого преувеличения. Я просто пришел сказать вам, что, по сравнению с теневым капиталом, ставшим двигателем перерождения республики, страны, по большому счету — социализма, я и такие, как я — честные труженики, добропорядочные граждане, достойные коммунисты. Вся вина моя состоит в том, что я, как смог, в интересах производства обходил многочисленные предписания, бюрократические препоны, и больше ничего. Есть обвинения и по поводу неучтенного оборудования и строительного материала. И то, и другое мы приобрели, как и все строительные тресты, в теневом

секторе. Он гарантирует качество. Поэтому проверяющие не смогли придраться к качеству наших досрочно сданных объектов. Я готов расстаться с партбилетом, как и с республикой. Жаль только покидать Баку. И последнее. Знаю, что лично вы не имеете ко мне претензий. Вы не заказчик, вы — исполнитель. Извините за прямоту. Я ведь не дипломат, вырос на стройплощадке. Я не угодил начальству только тем, что привлек внимание союзного министерства, и мне предложили возглавить точно такой же трест, только масштабы российские. Говорят, на это нужно разрешение партийных органов. Я ведь не в Израиль уезжаю, а в советскую республику. И не в купеческую, благоустроенную, благополучную Москву, поближе к начальству, а на Север. За это мне еще подъемные должны выдать и «спасибо» сказать. Меня убирают — место освобождают. И я знаю, для кого — родственничка Исы Алиевича. Я не против. Ведь я все равно уеду, пусть и беспартийным. Это все, что я хотел вам сказать. Вам небесполезно знать о процессах, которые происходят в жизни и которые вам неподконтрольны. Только вот кому польза от этого, что меня бесцеремонно выбрасывают из партии? Я ведь вступил в нее рабочим человеком и уважаемым строителем. Это нужно партии, производству, Баку, республике? Подумайте об этом. Вы молоды, росли в комсомоле, а значит — верите в идеалы. Я разуверился. Так что — прощайте.

Пребывание у власти предполагает своеобразный мониторинг людских судеб, каждая из которых накрепко привязана к тому, что обыкновенно называется карьерой. Мне пришлось наблюдать немало сложных судеб, как и ракетой взвившихся карьер. Пришлось быть причастным и к тому, и другому. Трудно сказать, чего было больше. Одно могу сказать: вершить власть, управлять районом, городом, областью, страной и быть в стороне от судеб людей, которые подчинены тебе или связаны с тобой узами государственных правил, обязательств, норм, неважно — хороших или плохих, — иллюзия, причем опасная.

Я никогда не питал иллюзий на сей счет. И все же в судьбе того посетителя, в которой уже трудно было что-либо поправить, мне увиделось нечто новое, нетипичное. Точнее,

сквозь крушение отдельно взятой карьеры мне на мгновение привиделось нечто большее. Подумалось: сколько же таких думающих, знающих, талантливых, и нет возможности спасти их от катастрофы...

Сказать, что я был потрясен этим признательным сообщением, было бы преувеличением. Но пищу для размышлений я получил обильную.

Я был не настолько наивен, чтобы не знать о цеховиках, лихоимстве в различных сферах экономики, социальных и партийно-государственных этажах власти. Но масштабы теневого бизнеса, опутавшего промышленный потенциал республики в описании опытного руководителя-производственника, поражали. Возможно, в его словах были преувеличения. Но он фактически свидетельствовал о другом: итоги борьбы с негативными явлениями впечатляли в справках и докладах, а действительность республики рисовалась иной. Вне руководящих этажей люди совершенно иначе воспринимали политику жестких мер по укреплению партийной и производственной дисциплины. Несомненно, на местах, в партийных комитетах многие прикрываются новым курсом ЦК КПСС для сведения счетов, протаскивания в управленческие структуры своих людей, родственников и близких.

Кадровая политика, подчиненная личным целям, при жестко централизованной политической системе может увести слишком далеко от декларируемых идеалов.

Неловко было признаться самому себе, что я уже обратил внимание на перемены, слишком напоминающие перекосы в резко обновившемся составе аппарата ЦК, секретарского корпуса, руководящих органов в целом. Выходцев из Нахчыванской автономии, Армении явно прибавилось. К ним примыкала земляческая группировка из Грузии, представительство которой в верхнем эшелоне управления республикой явно укрепилось (предсовмина Г.Н. Сеидов, секретарь по идеологии Г.А. Гасанов, секретарь по промышленности Ф. Алиев).

Об усилении процесса нахчыванизации шепчутся в кабинетах, открыто говорят и шуткуют на многих кухнях и междусобойчиках. Некоторые партийные «теоретики» склонны рассматривать происходящее как общую тенденцию в кад-

ровой политике, ориентированной на создание своеобразного земляческого альянса нахчывано-еревано-грузинского. Каждое из этих землячеств по количеству может соперничать, а то и превосходить исторически сложившиеся социальные группировки: карабахскую, бакинско-ширванскую, гянджинскую. А вместе альянс трансформируется в электоральную базу. Кому это нужно? — вот в чем вопрос.

Куда мы идем и в чем состоит истинное целеполагание политики чистки партийных рядов? Не обретает ли она репрессивные формы? Служат ли репрессии укреплению дисциплины, социалистическим целям или же машина устрашения запущена вследствие усиления авторитаристских тенденций в государственном устройстве СССР?

Азербайджанская Компартия со своим сильным, ярко выраженным авторитарным лидером являлась частью общей властной системы. И в ее практике отражались общие тенденции. Разразившийся вскоре скандал, в эпицентре которого оказался один из руководителей бурно развивающейся строительной отрасли, высветил многое из того, что было недоступно моему пониманию в кадровой политике Компартии, сформулированной ее лидером и за практическим осуществлением которого он зорко наблюдал.

В один из дней разлетается по Баку весть, в достоверность которой просто не верится, но которая, тем не менее, получает подтверждение в информации одного из районных комитетов города, — некто Ахундов, бывший генеральный директор «Трансстроя», одного из мощнейших предприятий отрасли союзного значения, слушатель не так давно учрежденной Академии народного хозяйства при Совмине СССР, арестован в Москве и этапирован в Азербайджан по месту прописки и партийного учета. Исключение из рядов КПСС в данном случае являлось делом чисто техническим. Коммунист не может, по определению, будучи осужденным, состоять в партии.

Архивы элитарных учебных заведений — партийных и правительственных (речь идет об управленцах высшего порядка) со времен Академии красной профессуры хранят много всяких занятных, а порой чисто детективных историй, приключившихся с будущими командирами социали-

стической идеологии и производства. Но чтобы за слушателем явились следователи в аудиторию и в наручниках, под конвоем, отвезли прямиком в Баиловский следизолятор! — такого ни в ЦК, ни в Совмине не припоминали. Разве что в 1930-е годы могло приключиться такое.

Пикантности ситуации придавал тот факт, что арестант был известен как перспективный руководитель, поскольку именно его тресту, под его личную ответственность, было поручено сооружение нового здания ЦК Компартии Азербайджана. Само собой ход строительства внимательно контролировал Первый. И проштрафившийся Ахундов не раз лично докладывал ему о работах на объекте — на частых совещаниях, при посещении стройки. Сказать, что последний был так уж безграмотен — значило бы кривить душой. Вина его, скорее всего, проистекала из амбициозности и склонности переоценивать собственную значимость, что обнаруживается часто в неопытных людях, почувствовавших высокое покровительство.

Ахундов поступил в Академию народного хозяйства, так сказать, по собственной инициативе. По положению, направление в академию осуществляется по рекомендации Бюро ЦК КП и Совмина республики. Гейдар Алиевич узнал о зачислении гендиректора слушателем из сообщения секретариата ЦК КПСС, уведомлявшего руководство республики о необходимости произвести все формальности, связанные с предстоящей учебой Ахундова в Москве. Произошедшее являлось грубым нарушением существующего порядка, зачисление слушателя в Академию без ведома республиканской партийной организации, ее руководства, возглавляемого Г.Алиевым, являлось актом, сравнимым с вторжением в поле суверенности Компартии.

Сказать, что Первый был взбешен — значит ничего не сказать. Делом бывшего гендиректора занялся он сам. Лично. Однако комиссия госконтроля, следователи МВД, прокуратуры, перекопошившие всю сметную документацию треста, один за другим вернулись с пустыми руками. Конечно, что-то накопали на ряде объектов, но ничего такого, что могло бы потянуть на самое дно. Оказался бессильным даже один из самых опытных и поднаторевших в такого рода

делах следователь из республиканской прокуратуры. Дело Ахундова стало уже забываться, когда следователя вызвали к Г. Алиеву.

— Значит, говоришь, что Ахундов чист как стеклышко? Запомни — таких не бывает! Сегодня же езжай и пересчитай шпалы на участке Степанакерт — Евлах.

Участок железной дороги, где не хватало каждой третьей шпалы, прокладывался, когда Ахундов работал там чуть ли не прорабом. Но нарушения условий железнодорожного строительства не имеют срока давности. Короче говоря, тот, кто счел возможным положить рельсы с таким риском для жизни трудящихся, может и не такое выкинуть при строительстве важнейшего административного объекта — здания ЦК.

Словом, Ахундову пришлось менять аудиторию Академии на бараки ИТК строгого режима...

Запомнились в этой истории не проступки гендиректора, не бесславный конец столь блестяще начатой карьеры и даже не судьба незадачливого слушателя Академии народного хозяйства. Всех поразило личное участие в следствии Первого, политический статус которого — кандидат в члены Политбюро! — никак не предполагал столь «земную» работу. Поразило то, о чем одни знали, другие догадывались, а третьи — подозревали, что для получения точной информации об интересующем его лице Первый пользуется не только данными соответствующих государственных служб. Не в меньшей степени он доверяет своим личным каналам информации, своим людям, которые имеются не только в аппарате, министерствах, ведомствах, но и обнаруживаются в совершенно неожиданных сферах. Кто они, эти люди? Не личная ли агентура? От такой догадки мороз проходит по коже. И не только у того, кто ненароком не уложил требуемого количества шпал на перегонах.

И все-таки что-то витает в воздухе...

Республика трудится по-настоящему, не зная передышки. В одном только Баку возводятся корпуса сотен производственных мощностей, строятся новые микрорайоны, прокладываются коммуникации.

Как обеспечить неукоснительное соблюдение предписаний ГОСТа, высокого качества и нужного количества промышленной продукции? На винзаводах цистерны заливают водой с сахаром, колхозы завозят хлопок из соседнего Туркменистана. Чем выше планы и рекордные урожаи, тем больше приписок, хищений, взяточничества. Попавший однажды в этот порочный круг становится заложником собственных амбиций и общей плановой лихорадки.

Выполнение и перевыполнение планов сулят премии, правительственные награды, продвижение по службе, почет, уважение начальства. Отличившихся привечают, выдвигают в депутаты. От этого хочется работать еще лучше, быстрее, качественней. Рапортовать о досрочном выполнении пятилетних заданий. Но без того, чтобы не доложить шпалы... Ведь когда-нибудь кто-нибудь обязательно об этом напомнит...

Не от того ли страх в глазах каждого функционера — независимо от ранга и возраста, — перешагнувшего порог Его кабинета. Не потому ли каждый, независимо от пола, возраста и занимаемой должности, вытягивается в струнку, когда Он вдруг на собрании обращается с вопросом? Странно все-таки, большинство номенклатуры — народ истинно штатский, мало кто служил в армии, а если и служил, то и не помнит когда. Однако ж, как быстро обретен армейский навык — вытягиваться при звуке командирского голоса.

Читатель, который вместе со мной прошагал почти большую часть моей жизни, наверняка обратил внимание на изменения, произошедшие в моем видении окружавшей действительности. Меняются даже пирамиды. Способность быть адекватным изменившимся условиям жизни есть важнейшая черта политика. Это больше того, что часто называют умением следовать правилам политической игры. В моем случае перемены во взглядах в самооценках и оценках имели тесную связь с переменой статуса, политической позиции.

Главная опасность, которая подстерегает политика, обнаружившего косность в сложившихся властных отношениях, — изменить все одним махом. Я интуитивно почувствовал тягу к этому и как мог сопротивлялся...

Что-то изменилось в самой атмосфере партийного сообщества. Что? Новые люди? Слишком много шума, фанфар, аплодисментов и подобострастия. Все хотят быть похожими на Него. Копируют Его стиль, манеры, методы работы. И отсюда — всеобщая неулыбчивость. Исключение, пожалуй, — Юрий Николаевич Пугачёв. В Баку он попал, когда подбирали замену С.В. Козлову. Может, и не стал бы проситься вызволить его из Киргизии, если бы не проблема с сердцем — врачи рекомендовали край с умеренным климатом...

Юрий Николаевич мягок, приветлив, но и принципиален, а когда надо — тверд. Он — своеобразный островок в бушующем море славословия, чинопочитания, нескончаемых дифирамбов. Последнее, кажется, становится партийным ритуалом. КПСС со сталинских времен не может избавиться от культовых традиций. Брежнев тоже воспринимает восхвалистику как должное. Но у нас другое — национальный колорит.

Касиды — поэтическая хвалебная форма из Средневековья, плавно перелились в творчество ашугов еще со сталинских времен, и простыми людьми воспринимается как естественная форма взаимоотношений поэта и властителя. Не можем мы без этого. Восточная ментальность, куда от нее денешься?

Ю.Н. Пугачёв морщится:

— Не можем? Может, кому-то неймется?Поощрять такие поползновения не следует. Мы Гейдара Алиевича уважаем и без дифирамбов.

Верно, но какое-то неуловимое отчуждение возникло в отношениях с Первым. Пожалуй, меньше стал звонить. Нет, он ничем не проявляет недовольства. Явно с удовлетворением встречает информацию о деятельности горкома по укреплению партийной дисциплины и повышению чувства ответственности у коммунистов. Похвалил однажды за хорошую организацию майских праздников: «Али Габибовичу ни разу так и не удалось заполнить площадь. Вагиф, молодец!» Четкое проведение праздничных мероприятий — не бог весть какое достижение. На фоне горкомовского разворота в сторону решения социальных проблем, кадрового об-

новления — свежая кровь! — майская демонстрация трудящихся — это, в общем-то, пустячок.

Похвала встречена снисходительными улыбками некоторых членов Бюро, особо чутких до оттенков настроения Первого. Впрочем, мне, как всегда, не до аппаратных тонкостей. У меня самого хватает вопросов к руководителям райкомов, от отлаженной работы которых зависит общая ситуация в столице.

...Принесли проект доклада на предстоящем торжественном собрании трудящихся столицы по случаю 64-й годовщины Великого Октября. Дата красная, но все же не юбилейная. То-то будет праздник через год! Как бы там ни было, а партия придает особое значение всему, что связано с Октябрем. Гейдар Алиев также просил внимательней отнестись к тексту доклада, отразить достижения Азербайджана, особенно трудовой подъем на данном этапе пятилетки.

Сразу возникает вопрос: а как быть с проблемами? В магазинах — шаром покати. На Бюро Первый потребовал, чтобы выбросили на продажу из резервов масло, мясо. Слава богу, бакинская бройлерная фабрика заработала — выручает курятиной. В ресторанах и шашлычных быстро перестроились — подают шашлык из курочек. «Выбросим запасы сейчас, а под Новый год что будем делать?» — ворчат, как всегда, снабженцы.

Там видно будет, а сейчас надо проследить, чтобы в рабочих районах была организована праздничная распродажа овощей и фруктов. Надо связаться с районами. Цены на базаре растут. А ярмарка — своеобразный регулятор ценообразования. Так что проводить ярмарки надо бы не по праздникам, а регулярно — по выходным.

Идем дальше по тексту. Первые два абзаца о том, что все прогрессивное человечество отмечает знаменательную дату. Затем абзац о вкладе КПСС под руководством верного ленинца. Н-да... Тоже ритуал... А далее — целая колонка об успехах трудящихся Азербайджана, ведомых Компартией во главе...

Раньше хоть требовали сбалансировать ритуальную часть. Сейчас спичрайтеров не остановить — клишированные фрагменты кочуют из выступлений в доклады. Как это читать? А

главное — как слушать? Когда-нибудь Первый взорвется: «Вы хотите, чтобы меня обвинили в создании собственного культа?!»

Сказал же он как-то, что в горкомовских текстах явный перебор успехов и явный недобор критики. «Мы все недорабатываем! И надо говорить об этом открыто!»

— В зале у нас собираются представители бакинской элиты. Каково им слушать эту дежурную восхвалистику? И с чего вы решили, что Гейдару Алиевичу нравятся такие низкопробные дифирамбы? В хорошем тексте все должно быть по-деловому, никаких излишеств, больше о возникших трудностях в строительстве социализма и о том, как мы собираемся их преодолевать. Проблемы и трудности всегда были, и мы с ними справились — в этом ключе показать роль Компартии и ее руководства. Не забывайте: у нас есть яркий, сильный, волевой лидер. Лидеров растит партия, Октябрь, страна. Но есть и руководство Компартии — коллективный орган Бюро ЦК Компартии. Кстати, Гейдар Алиевич не перестает это подчеркивать и с трибун, и на дискуссиях на Бюро!

«Писари» — мои помощники и сотрудники отдела пропаганды — явно несколько озадачены моим революционным спичем. По себе знаю: переделывать кондиционный текст с многократно апробированными положениями — само по себе муторное дело. А тут еще ставится задача отойти от штампов и изложить привычный текст под новым углом зрения.

— И освежить стиль. Сейчас и в «Правде» подача материалов меняется. А мы никак не избавимся от стереотипов...

Хорошо бы об этом — браваде во всем! — переговорить с Самим. Уверен, он правильно отреагирует. Реакция Первого следует на очередном бюро, и она совершенно неожиданна для меня: «Безобразие!Кто распорядился в кабинетах и по всему городу развешивать мои портреты?! Кому это нужно?!»

Никогда до этого собственное изображение где бы то ни было у него не вызывало раздражении. Даже напротив... В данном случае известно, что перед тем приезжала комиссия из ЦК КПСС, изучала, как обстоит дело с наглядной агитацией. Сделали и мне, и соответствующим лицам в ЦК за-

мечание: «Кругом портреты Брежнев — Алиев. Нет чувства меры!» Г.А. Алиев тут же собрал членов Бюро: «Сколько можно об этом говорить! Что это все носятся с моими портретами!» Хотя, если честно, никто не мог бы припомнить разговоров об этом на Бюро. Однако приняли к сведению. В том числе и я, произведя соответствующую подчистку в тексте доклада на предстоящем торжественном собрании актива города. За сим следует звонок, способный поставить в тупик человека и более опытного, чем я: «Нет в докладе роли Бюро ЦК Компартии Азербайджана! Мы все эти годы огромную работу проводим, боремся с негативными явлениями. Товарищ Брежнев ставит нашу партийную организацию в пример другим республикам. У тебя же получается так, словно все это само собой происходит. ЦК вроде бы тут ни при чем».

Я: «Вы сами говорили — не надо превозносить...»

— Да, говорил. Но не в такой же интерпретации!

И — гудки. Долгие, тревожные.

Молчание телефона шефа не тревога — беда. Даже если он сильно занят. Если честно, внутренне пытаюсь понять и оправдать новое в отношении шефа — дел у него невпроворот. Все приводные ремни управления республикой тянутся к нему, по каждому вопросу требуется его «добро», согласование. Без него, как больному без врача, не выдадут лекарство в аптеке. В Москве власть устроена так же, но там сохраняется на каждом этаже свой люфт самостоятельности, нет мелочной опеки. Пастухов даже с удовольствием поощрял инициативность. Кстати, приезжает Устинов, министр обороны СССР. Может, во время встречи с ним и удастся переговорить с Первым?

Г.Алиев дружит с Дмитрием Федоровичем. У них хороший контакт. Что и говорить — может Хозяин расположить к себе и простого труженика, и маршала, ближайшего соратника генсека.

Маршал Д.Ф. Устинов прибывает в Баку по вопросу чрезвычайной важности для безопасности СССР: лично ознакомиться с ходом сооружения радиолокационной станции в одном из районов Азербайджана. Название района вслух не произносится — секрет, но все знают: в Исмаиллы (нынешня

Габала) с 1976 года возводится нечто фантастическое. Отсюда советские радары будут отслеживать американские базы — от Каира до Равалпинди. Таких объектов в СССР несколько. Девять — уточнил перед встречей с маршалом Гейдар Алиевич. Судя по всему, до официального ужина с членом Политбюро, министром обороны СССР, маршалом Устиновым Д.Ф, на который приглашены все члены Бюро, он встретился с гостем у себя в резиденции, так сказать, в семейном кругу. Потому как Дмитрий Федорович — человек по-солдатски простой, сразу после приветственных слов, запросто обращается к хозяину застолья:

— А сын-то у тебя вымахал, будь здоров. Молодец!

А тот, Илюша, и в самом деле вытянулся, как карагач у арыка.

Все бы ничего, если бы только маршал через некоторое время вновь не вспомнил: «А сын-то у тебя вырос. Настоящий мужик». И так несколько раз между тостами. Гейдар Алиевич каждый раз встречает реплику как новую, свежую мысль и со свойственной ему находчивостью развивает тему в нужном направлении.

— У нас много молодых. И все растут, — подхватывает он после очередного маршальского «Да-а, ничего не скажешь, вымахал твой Илюша!». — Вот рекомендую: Вагиф Гусейнов — наш молодой глава Баку!

— Баку — большой город. Дерзайте, молодой человек! — дружелюбно ответствует маршал. — У вас великолепная стартовая площадка. Глядишь, взлетите высоко-высоко.

— Нам до вас далеко. Вы ведь в 32 года уже были министром вооружений СССР. При Сталине.

Напоминание о большом сталинском доверии явно пришлось по душе Дмитрию Федоровичу. Выглядел он, честно говоря, несколько староватым, даже старчески болезненным. Но держался молодцом, если не считать упомянутого выше эпизода: живые глаза, острый взгляд, мгновенная реакция.

В Баку было размещено немало предприятий обороны, и о каждом из них у него имелась точная информация. Нашел время посетить наиболее крупные из них. На «Азоне» переговорил с руководителями завода, выслушал рабочих, обе-

щал оказать помощь в улучшении социально-бытовых условий. Те ринулись к маршалу со своими проблемами.

— Вы что, хотите разорить Министерство обороны?! — отбивался Устинов.

Потом с искренним сожалением признался:

— Большое дело делается для страны. Помочь хочется каждому, да только как скажешь бакинским работягам, что по сравнению с коллегами на Урале, в Сибири у них райская жизнь? Край-то у вас благодатный: круглый год фрукты, овощи, море под боком...

А переговорить с Гейдаром Алиевичем о своих делах мне так и не удалось...

Похоже, что-то подкосилось в наших отношениях. Это пока на уровне ощущения, интуиция подсказывает, чутье, отточенное опытом пребывания в коридорах власти. Но вот уже и реальный симптом — звонят из орготдела по какому-то пустяшному поводу. В другое время можно было бы оставить без внимания — рабочая ситуация. Не то в данный момент. Неписаные правила аппаратной этики — основа субординации. Первому лицу города могут звонить только первые лица, но никак не работники отдела, даже если его возглавлет Рамиз Энверович Мехтиев, сменивший в кадровом направлении Исмаила Насруллаевича Аскерова. Того мягко вернули туда, где он пребывал большую часть карьеры до своего неожиданного возвышения, — в парткомиссию.

Низкорослый, важно надутый Мехтиев — фигура случайная в большой политике, но неслучайная в орготделе ЦК. Сюда сажают только своих. Каким образом втерся в доверие Первому этот серый, без царя в голове аппаратчик — тайна комбинационной игры хозяина... Одна из многих тайн, которыми, как облаками, окутаны всегда государственные вершины.

Я нахожусь вроде бы на самой верхней площадке. Вверху, но не рядом. Рядом иногда оказывается какой-нибудь инструктор, референт, помощник, докладчик, нужный своей информацией, осведомленностью. Один из таких — Рамиз Энверович, проделавший извилистый путь по этажам и кабинетам комсомола. Он — одна из первых ласточек «нахичеванской весны» в Баку, расцветшей в 1969 году, а теперь до-

стигшей буйного цветенья. Рамиз Мехтиев даже подвел под азербайджанский регионализм некую идеологическую базу, разъяснив в «Правде» революционные новшества своеобразием исторически сложившегося склада традиций и характера азербайджанского этноса.

Бакинцы, установил он, склонны к торговле (а мы-то, дураки, все уши прожужжали иностранцам и всему Союзу, что любимым занятием жителей азербайджанской столицы вот уже сто лет является нефтяное дело), карабахцы проявляют свои таланты в песенном творчестве (этакие горные неопалетанцы), остальных, мол, тянет к земле, а точнее — к хлопку, овощам, винограду с таким же магнетизмом, как выходцев из Нахичеванской автономии к партийным кабинетам. Ярчайший пример — Гейдар Алиев, лучшего главы республики не было ни при Сталине, ни позже. И ничего тут, мол, не поделаешь, — таково своеобразие ментальности азербайджанского народа. И народ, видите ли, полностью согласен с такой трактовкой национального своеобразия в кадровой политике Компартии. Народ-то согласен. Только Зия Мусаевич Буниятов никак не желает соглашаться с открытием Рамиза Энверовича. Академик, бывший командир штрафного батальона со звездой Героя Советского Союза на груди громогласно объявил мехтиевскую апологетику подрывом процесса формирования азербайджанской нации и пообещал при случае поговорить с заворгом так, как это делалось в штрафбате...

Рамиз Энверович надежно защищен броней аппарата и статусом главного кадровика республики. Он много чего не знает: историю, например, хотя вроде бы имеет диплом выпускника истфака, никогда не интересовался литературой — ни русской, ни азербайджанской, безразличен к музыке, живописи и даже к кино. Говорит, как пишет — целыми абзацами и оборотами из плохо сколоченной справки: «подайте соответствующий стакан». Зато умеет многозначительно молчать, причем при подчиненных — выпрямившись, надув щеки что есть силы, вот-вот лопнет. Этакий мыльный пузырь. Перед начальством — съежившийся так, как будто из него выпустили весь пар высокомерной значительности. Он врос в свой кабинет на третьем этаже ЦК, словно изготов-

ленный на фабрике «Красный Октябрь» вместе с несоразмерно огромным столом, креслом и книжным шкафом.

Рамиз Энверович силен знанием аппаратного чинопочитания, выдаваемого им с ловкостью фокусника за неукоснительное соблюдение правил, умение выуживать разнообразную информацию о сотрудниках, райкомах, министерствах: кто что думает, говорит, где, что творится или может случиться. Одним словом, он живой и в чем-то незаменимый неформальный канал связи с кабинетным и закабинетным миром. Как аппаратчик он незаменим именно в этом смысле, потому как данную функцию не всякому поручишь и не каждый успешно освоит ее. Такой функционер (данный термин с математической точностью соответствует сущности нового заворга) не может не знать установленных норм субординации и без ведома начальства не станет поручать подчиненным бесцеремонно названивать первому секретарю Бакинского горкома. Значит, получил добро, приказ. Это многократно опробованный способ лишения, так сказать, суверенитета городской партийной организации, постепенное превращение горкома в некий подотдел ЦК, со всеми вытекающими последствиями для руководства горкома.

Есть такой приемчик в аппаратных играх, с помощью которого сажают на место излишне ретивого руководителя. И ничего не скажешь по поводу такого своеволия орготдела — партийная демократия. Хотя все понимают — есть дирижерская палочка. Повода для такого толкования своих взаимоотношений ни с руководящей инстанцией, ни с районными комитетами я вроде бы не давал. Не верится, чтобы Гейдар Алиев прибег к такому чиновничьему способу одергивания подчиненного, если я в чем-то и оплошал. Скорее всего, Мехтиев берет на себя слишком много. Подобное за ним также наблюдается...

Формально орготдел выходит на Второго.

— Это непорядок, неуважительность не только к конкретным лицам, но и к аппарату в целом! Вызывающее игнорирование партийной этики, товарищества, дисциплины, — такова реакция Юрия Николаевича Пугачева.

Он, как всегда, спокойно, взвешенно оценивает ситуацию, одновременно дав мне понять, что в данном случае не вос-

принимает и прозвучавшую в моих словах иронию относительно того, что, может, есть смысл мне в дальнейшем решать вопросы на уровне инспекторов орготдела ЦК? Этот нюанс в реакции Второго логичен и обоснован. Надо бы учесть его, если хочу быть правильно понятым. Вообще-то кавказская вспыльчивость, как и неуместное иронизирование — худой советчик в партийных взаимоотношениях. Даже аппарат обтесал не до конца этот недостаток, способный сильно навредить в жизненных обстоятельствах и абсолютно недопустимый на официальном уровне.

При всех случаях исходить надо из того, что речь идет о дискуссиях с товарищами по партии, аппарату. Ведь, в сущности, партийную службу с армейской роднит строгая подчиненность, соблюдение дисциплины. Исполнительская же культура во многом близка к дипломатической практике. Не может быть, чтобы Гейдар Алиевич, человек дисциплинированный, оставил бы без внимания этакое своеволие орготдела. Так что дипломатичность никогда не помешает партийному работнику...

Связь с Первым прерывается

...Вместе с остальными членами Бюро я собираюсь покинуть зал заседаний после очередного совещания, когда Его голос возвращает меня на место.

— Ты что это стал общаться со мной через Пугачёва? Это что-то новое...

— К сожалению, у нас связь в последнее время односторонняя. И не по моей инициативе.

Никогда его лицо не казалось таким чужим. Я еще не хотел признать в его взгляде застывшую враждебность. Глаза хозяина недобро сверкнули, давая мне понять, что ему известно нечто такое, что я хотел бы скрыть, утаить от него.

Я почти физически ощущаю, как невидимым скальпелем, бесшумно и незаметно для окружающих, подрезаются нити, которые связывали нас... Я еще не предполагал, что это был последний искренний разговор с Гейдаром Алиевым.

Г. Алиев был зол и не считал нужным скрывать своих чувств. Что-то перевернуло в нем представление, как мне

казалось, довольно устойчивое, доверительное обо мне, как о младшем товарище, партийном партнере. Что? Неужели мое, в общем-то, безобидное и находящееся в рамках общепринятых аппаратных отношений обращение ко второму человеку в Компартии республики, кандидатура которого когда-то согласовывалась с ним и с которым он вполне сработался — это было хорошо известно?

Телефон Первого на моем столе смолк окончательно. На целых полгода. В дальнейшем его поручения за редким исключением доводились до меня в рабочем порядке. Хуже того, какая-то пустота возникла вокруг Ю.Н. Пугачёва. Тот, впрочем, не склонен был драматизировать значение объявленной ему «холодной войны»:

— Ничего сверхъестественного между нами не произошло. Обычный рабочий момент, в ходе которого я заметил: не надо противопоставлять аппарат ЦК горкому. Только и всего. Мог бы сказать больше. У меня имелось достаточно оснований для более предметного обсуждения. Я его приберег для нашего заворга, как и положено. Но у товарища Мехтиева, чувствую, иная выучка. И иное понимание взаимоотношений между партийными организациями.

Надо сказать, возникшая размолвка, мягко говоря, для меня явилась полнейшей неожиданностью. Если бы меня уличили в желании затеять какую-то аппаратную интрижку, вовлекая в нее Второго, что было бы не в моих правилах и чего я не мог бы допустить как человек, длительное время пользовавшийся благорасположением самого Гейдара Алиева, то реакция последнего была бы понятна и объяснима. Допустить, что заворг, получив взбучку от своего непосредственного начальника, доложил выше об инциденте как о моей совместно с Пугачевым линии против Первого, значило бы упрощать ситуацию.

Умолкший телефон Первого на моем столе, парализующее действие пустоты, сгустившейся вокруг , свидетельствовали о чем-то большем, значительном, не до конца понятном замысле, об истинных причинах и мотивах которого я мог только строить предположения. Но что такое наши догадки и предположения о намерениях руководителя, вдруг из покровителя-патрона превратившегося в босса-наставника, если вся инфор-

мация об этой неожиданной трансформации находится у него в голове? Это как в шахматах: можно просчитать все ходы видимой комбинации противника, но какое развитие может получить планируемая атака, так и остается секретом.

Нечто похожее позже выкинет М.С. Горбачёв с Б.Н. Ельциным. Последний, поставленный во главе Московского горкома партии, рвался встретиться с генсеком, чтобы решить многочисленные проблемы 10-миллионного города, погружавшегося в пучину социально-экономического и политического хаоса. А генсек-реформатор старым державным приемом отлучил его на три месяца от Кремля, дабы другим неповадно было заниматься критиканством. Кончились горбачевские игры куда как печально и вовсе не так, как он надеялся. Но то было уже другое время. То была схватка амбиций. Ничего похожего в моем поведении и устремлениях нельзя было обнаружить даже при очень придирчивом взгляде. Инцидент с Пугачевым, если он и вызвал раздражение, Первый мог разрядить хмурым взглядом, предупреждением, как это он не раз делал в прошлом.

Утаить от аппарата факт того, что один из членов Бюро не может попасть к Первому, — невозможно. К тому же последний не делал из этого большого секрета. По коридорам ползет шепоток: В.А. Гусейнов попал в немилость. Опытные, искушенные в кабинетных интригах бойцы делают безошибочный вывод — отказано в доверии!

В таких ситуациях главное — сохранить лицо. Продолжать работать так, словно бы ничего не произошло: взаимодействовать с руководством районных комитетов, не снижать уровня требовательности, подтягивать аппаратную дисциплину, взыскивать по всей строгости за разгильдяйство, халатность, которые вдруг овладевают всеми. Ибо начинается период увлекательнейшего ожидания — что-то вот-вот грянет, он, аппаратчик, это нюхом особенным чует. Лучший способ встряхнуть людей — поручить нечто оперативное и крайне ответственное. Например, подготовить аналитический документ о мерах по благоустройству города. В свете требований ЦК и конкретных поручений Первого секретаря. То-то все забегают, особенно шибко задумчивые. И вот в удивительно короткие сроки документ готов, Совмин реа-

гирует также на редкость быстро, выделив под это дело средства по ремонту трассы от аэропорта до центра города, приведению в порядок скверов и близлежащего жилья. Что ни говори, а горожанам польза практическая...

Первый проехался молча по трассе, оглядел посвежевшую панораму на подъезде к городу и, молча пожав руку, удалился.

Хорошо бы посоветоваться с опытным, мудрым человеком. У меня есть такой, старый партийный товарищ, много всякого насмотревшийся на аппаратных ристалищах.

«Он не ожидал от тебя такой прыти: твердости, решительности. Напугал ты его своим напором. О тебе заговорили как о наследнике. Кто пустил этот зловредный слушок? Ясно, что потенциальные соперники. И еще забыл ты про окружение, челядь барскую. Кстати, попомни — челядь изменяет первой. Среди этих людей почти нет ни одного, кто бы благоволил к тебе. А ведь с твоим появлением фактически в руководстве стал формироваться тандем. И это, как казалось, поначалу даже нравилось Первому — вспомни доверительные речи, долгие часы совместных обсуждений политических проблем, личностных отношений. Такого сближения он не допускал более ни с кем.

Что же такое случилось? Что так круто развернуло его от, казалось бы, удобной и перспективной — и для него, и для дела — связки? А может, ничего особенного с твоей стороны и не было допущено. Он играл с тобой — до поры до времени?

В аппарате, как и в политических отношениях, игра — элемент обязательный. Куда от этого денешься! Только у людей мелких все сводится к игре, как правило, мелкой, бесконечной вязкой интриге, заслоняя настоящую политику и настоящие человеческие отношения. Это уже от самой личности зависит. Вспомни, с чего все началось.

А мне и вспоминать особенно ничего не надо. Итак, помню — доклад к первомайскому празднеству. И мы вновь и вновь пристально просматриваем тот инцидент, то недоразумение, «прокручивая» ленту памяти с «записями» события, Его замечаний, наших диалогов.

И конфидент ставит последнюю точку: «А до доклада, вспомни, ты разворошил мафиозные гнезда в управлении

торговли, разогнал подпольных миллионеров, вырвал из рук чиновничьей цепочки жирные куски распреджилья. Неужто тебе неизвестно, что вся торговля, бытобслуживание, ширпотреб и пр., и пр. давно находится под контролем нахчыванского и грузинского кланов? Что в небольшой стране, каковой является наша солнечная республика, все связаны друг с другом родственными, земляческими, дружескими, корпоративными и черт еще знает какими связями. Это — такая же неизбежность и реальность, как и то, что наверху об этом всем известно. Всем! А ты носился по городу с шашкой наголо и с неистовством наводил свой революционный порядок. За порядок здесь отвечает один человек. И тот порядок, правила, отношения, которые приняты, установлены им. На то он и Первый! Не тебе их менять.

И далее рассказывает мне конфидент занятную историю. Принимает Первый группу вновь назначенных районных прокуроров. Ведет профилактическую беседу. Говорит, мол, ведите себя в районе, в общении с простыми людьми скромно. Не надевайте дубленок, дорогих костюмов — только униформа. Не позволяйте выходить на базар женам в роскошных одеяниях, увешанных драгоценностями. Людей все это раздражает. Рассказчик, молодой юрист, только что надевший прокурорскую форму, влюбленный, как и ты, в Гейдара Алиевича и его обновленческий курс, обомлел: Первый не может не знать, что на зарплату прокурора дубленку не купишь, не говоря уже о бриллиантах. Значит, ему известно, что вся правоохранительная система, как и другие командные сферы, живут на нетрудовые доходы, что они опутаны паутиной теневого мира! Разумеется, известно! Как и то, что весь дефицит, поступающий в республику, находится под личным контролем министров и руководителей соответствующих ведомств, которые и распределяют дубленки, машины — короче, весь западный импорт между женами первых лиц республики. И право первого доступа к дефициту закреплено сам знаешь за кем — Зарифой-ханум! Остаток передается на нижние этажи управления. Коечто выдается передовикам производства, точно так же, как и ключи от нескольких квартир. Вот тебе пример большой игры, принятой всеми. Ты нарушил общие правила, а это не прощается. Ибо угрожает главному принципу — круговой поруке».

Мой конфидент — умный, наблюдательный человек. Говорит: «Ты не переживай особенно. Ситуация не безвыходная».

Это он обратил внимание на то, что я ушел в себя. А я вспомнил один разговор с Первым, когда он звал меня в Баку, ставил во главе горкома. «А какая там зарплата, Гейдар Алиевич?». Он, кажется, слегка удивлен: «Я, честно говоря, не знаю. А сколько ты здесь, в Москве, получаешь?». Теперь уже моя очередь удивиться. «Оклад у секретаря ЦК ВЛКСМ плюс надбавки. На жизнь хватает». И в ответ: «Что ты говоришь!»

А ведь в решении Политбюро ЦК КПСС так и было записано: «Откомандировать в распоряжение ЦК КП Азербайджана с сохранением средней заработной платы». В том разговоре, помнится, я объяснл ему, что у меня две семьи — своя и мать с племянницей. Приходится часть зарплаты отдавать матери, тяжело больной диабетом женщине. Мог бы сказать больше — за последние три с половиной года я так и не смог приобрести ни одного приличного костюма. И это при постоянных загранкомандировках. Да его, как я заметил, эта тема не увлекла. Не странно ли, что так высоко парил человек, что над такими простыми вещами, как зарплата работника, не задумывался?

Немало смущает меня и непосредственный повод для выражения столь резкого недовольства — мои отношения с Ю.Н. Пугачёвым. Речь шла о Втором секретаре ЦК Компартии Азербайджана, «человеке Москвы», как стали позже именовать эту номенклатурную фигуру.

Согласиться с такой досужей оценкой того, кто считался одним из руководителей Компартии, обладавшим реальным весом, авторитетом и полномочиями, значило бы сильно погрешить против истины. Но утверждать, что Второй секретарь, фактически назначаемый ЦК КПСС и входивший в номенклатуру Политбюро — высший руководящий орган правящей партии, — потерял способность «рулить», также значило бы уходить, причем сознательно, от реального положения вещей.

Не тем человеком был Ю.Н. Пугачёв, чтобы стать чьей бы то ни было тенью. Слишком опытен, достаточно точно

представляет пределы своих полномочий и реальных возможностей. Лучше, чем кто-либо другой, знает, как непросто осуществлять их при таком сильном, умном и своенравном Первом, каким являлся Г.А. Алиев. Но и сдавать свои позиции ему никак нельзя, ибо, как никто другой, прекрасно осознает — отступить, закрыть глаза на грубый, вызывающий отход от партийных норм, за соблюдением которых он как человек высшей инстанции должен присматривать, значило бы потерять лицо, добровольно лишить архитектуру аппаратной структуры одной из важнейших несущих конструкций.

В глазах профессиональных партийно-государственных работников, не говоря уже об огромной армии управленцев разного калибра, рядовых коммунистов, статус Второго воспринимается как существенное, если не главное, звено в системе поддержек и противовесов внутрипартийной демократии и общего управления республикой.

Ю.Н. Пугачёв ничем не выдавал своего беспокойства. Он действовал открыто, строго в рамках партийных правил: заворготделу сделал замечание за то, что тот вольно или невольно спровоцировал сбой в доселе слаженной работе партийного руководства, со мной более к досадному вопросу не возвращался — инцидент исчерпан, рабочая ситуация, всякое бывает.

Так-то оно так, но то, что говорит Первый, пригласив меня в свой кабинет, свидетельствует о том, что в установившейся модели аппаратного устройства ничего случайного нет.

— Чистка, которую ты устроил в горкоме, вызывает недовольство в Москве. Не очень аккуратно работаешь. Исключенные тобой из КПСС люди засели в Москве и бомбардируют союзные органы жалобами. Это вызывает беспокойство соответствующих отделов ЦК КПСС, сеет сомнение в эффективности нашего курса.

Первый чеканит обвинительные фразы так, словно зачитывает итоговую справку о моей деятельности на посту руководителя Бакинского горкома. И в заключение — неожиданный поворот мысли:

— Фактически то, что делает горком, бросает тень на огромную работу, которую проделала Компартия на предше-

ствующем этапе по укреплению дисциплины и чувства ответственности каждого руководителя, каждого коммуниста.

Если бы все эти обвинения были произнесены в том же деловом ключе, что и год с лишним назад, когда мне предлагалось разделить ответственность за проведение очистительной работы в партийных рядах, я вправе был бы воспринимать как критику, продиктованную желанием выправить положение в партконтроле. Однако сказанное на языке аппарата означает, что кампанию борьбы с негативными явлениями, к чему не уставали призывать Первый секретарь ЦК и программные документы Компартии, горком вел с ненужными, компрометирующими общую линию перехлестами.

Исключение из рядов КПСС десятка лиц трактовалось как порочная практика горкома, а сотни, тысячи руководителей различного ранга, выброшенные на обочину жизни без права на политическую реабилитацию, являлись подтверждением правильности курса по борьбе с негативными явлениями! При этом — ни слова о том, что большинство дел было подготовлено в недрах ЦК или республиканских контролирующих организаций и переданы в горком по личному указанию Первого.

Я выглядел солдатом, бросившимся вслед за командиром в атаку и уже в рукопашной схватке обнаружившем, что крик «Вперед!» был ложным сигналом. Проверкой готовности. Так теряется вера в лучших товарищей.

Ни тон, ни то, как были высказаны серьезнейшие обвинения, не предполагали обмена мнениями, тем более, дискуссии. Я покидал его кабинет, вооруженный новой установкой — выправлять практику борьбы с негативными явлениями, что составляло одно из важнейших обязательств правящей партии перед своим многотысячным воинством, перед обществом, перед простыми людьми. Это было одной из тех практик, которые на целое десятилетие (1969–1979 гг.), а может, и больше, реанимировали угасавшее доверие к Компартии, вооружили ее, казалось, надежным инструментом от расползавшейся коррозии нравов, очищения и укрепления партийных рядов. Не побоюсь сказать: практика эта стала частью убеждений, причем не только моих, но и многих

командиров нового курса и, как теперь следовало понимать, вошла в противоречие с установками общего руководства, ослушаться которых никто не смел.

Приходилось думать, что курс постепенно переродился в растянутую по пятилеткам кампанию. И как практический метод превращался в способ самоутверждения партийного аппарата, но не всегда Компартии. С учетом того, что имидж непримиримого борца с взяточничеством, мздоимством и прочими негативными явлениями прочно закрепился за лидером — Гейдаром Алиевым, мне, по сути, предлагалось искоренять заразу выборочно, с одобрения ЦК.

Безжалостное, последовательное и постоянное выкорчевывание сорняка на ниве коммунистического строительства, что ни говори, оставалось если не единственным, то самым эффективным способом сохранения чистоты, оздоровления партийного организма и укрепления связи власти с народом. Надо ли говорить о том, что отказ от него довольно быстро угрожал тем, что нива зарастет бурьяном?

Лицо Гейдара Алиевича стало вдруг непроницаемо чужим. Сам он — недоступным. Что-то совсем незнакомое, непонятное прозвучало в его обвинениях. Я знал: подозрительность — недремлющая особенность его характера, профессиональная привычка, естественный спутник недоверия ко всему и всем, которое он умеет искусно маскировать или подолгу таить в силу другой черты — скрытности. В случае со мной и то, и другое выплеснулось наружу вместе с приступом плохо сдерживаемого гнева, причина которого для меня оставалась неясной. Ю.Н. Пугачёв?

Между Первым и Вторым

Их отношения остаются ровными, деловыми, подчеркнуто уважительными. Он предупредителен в отношении особого положения Второго, тот умело лавирует между двумя величинами — необходимостью считаться со статусом кандидата в члены Политбюро и взаимодействовать, не теряя лица, в привычном рабочем режиме с Первым при исполнении им своих многообразных обязанностей по руководству партийной организацией республики.

Для Компартии, как и для республики в целом, Г. А. Алиев являлся безусловным лидером. Для аппарата — еще и главным лицом, вершиной инстанции. Живой механизм управления — таков аппарат, выпестованный, вышколенный Им лично. И каждый должен ежедневно, ежечасно учитывать эту незримую двойственную подчиненность. Аппарат в целом, как все, с кем приходится работать Второму, так и воспринимают его — в качестве одного из двух главных руководителей республиканской партийной организации, членом которой он, как и все мы, является. Понимание того, что Второй олицетворяет собой в то же время представительство ЦК КПСС, никогда не вносило в отношения ничего больше этого официального факта. Ведь, являясь членами Компартии Азербайджана, мы оставались одновременно советскими коммунистами, рядовыми КПСС — единой политической организации. Это двуединство дополнялось общим советским гражданством, советским сознанием.

Можно сказать, общесоветская матрица являлась для партийцев определяющим мотивом, не отрицающим их национальную принадлежность, но стирающим этнические границы. Автономность национальных отрядов КПСС ограничивалась общим Уставом и Программой, и это вполне соответствовало норме и духу устройства правящей партии, ее историческому опыту.

В силу сказанного в повседневной практике какого-либо дискомфорта в отношениях со Вторым в данном случае ни я, ни кто-либо другой в Бюро или аппарате не ощущал. Для нас он оставался одним из руководителей Компартии, а потом уже посланцем союзного Центра ЦК КПСС. Да, конечно, он при этом еще и русский. Но русских в Компартии хватает и без Ю.Н. Пугачёва. Они возглавляют партийные организации в районах с преимущественным или значительным русскоязычным населением, избираются секретарями, достаточно широко представлены в аппарате вообще. Правда, это наши бакинцы, выросшие на тех же улицах и кварталах, что и мы, учившиеся в одних и тех же школах, представители, как нас стали именовать, титульной нации.

Одной из главных задач, стоявших перед Вторым, являлось пристальное наблюдение за состоянием межнациональ-

ных отношений. И вот что интересно: ни за Пугачевым, ни за Козловым я не замечал, чтобы они в проведении кадровой политики, при осуществлении тех или иных организационных задач, структурных преобразований проявляли предпочтительное отношение к своим «братьям по крови». Разумеется, у каждого из них появлялся определенный круг близких, симпатичных им людей. Однако в этом трудно было уловить стремление приблизить кого бы то ни было из «своих». Пожалуй, местные русские даже больше тянулись к нам, бакинцам, чем к москвичам, ибо лучше понимали и чувствовали нас. И вместе с нами посмеивались над слабостями и странностями россиян. Они разбирались в местных нравах, традициях, склонностях лучше москвичей, при случае могли подсказать что-то, связанное с обычаями, особенностями национальной ментальности. А Второй, в частности, Ю.Н. Пугачёв, не считал для себя зазорным посоветоваться с товарищами на Бюро по этим тонким, щепетильным вопросам.

Официальным партийным языком, как и языком документов, являлся русский. В городских партийных организациях общение на русском являлось нормой. В сельской местности говорили и писали на азербайджанском. Русский язык выполнял еще и функцию межпартийного общения. И это было нормально. Таким образом, Ю.Н. Пугачёв, как и его предшественники, не чувствовал какого-либо психологического дискомфорта, хотя надо сказать, что «соотношение сил» ощутимо изменилось со времен В.Е. Семичастного, единственного из партийных руководителей Азербайджана оставившего описание своего пребывания на партийном посту в Баку. Если молодой Владимир Ефимович, пусть и наедине, мог позволить себе обратиться к старшему по должности и возрасту (что немаловажно в общении с азербайджанцами) с предупреждением: «Исправляйтесь!», то Ю.Н. Пугачеву подобное и в голову не могло прийти. И не только в силу особого положения и крутого нрава Г.А. Алиева — времена изменились.

И все же в суровом предупреждении Г.А. Алиева прозвучало нечто такое, чего никогда не допускалось в отношении Второго: «Чужой! Не наш человек», — так любил харак-

теризовать Первый каждого, кто чем-то проштрафился, о ком ему было известно нечто компрометирующее и кому не следовало доверять. Ю.Н. Пугачёв не имел, как говорится, порочащих связей, но водились за ним и привычки, свойственные, как правило, многим россиянам: сидел на диете, заботился о сердце, перенесшем хирургическое вмешательство, и на застольях прикасался к рюмке приличия ради.

Имелась одна прерогатива Второго, вызывавшая ревность Г.А. Алиева, не склонного допускать ограничения собственной власти даже в малом. Второй имел свой персональный выход на Москву. Он обязан был информировать ЦК КПСС о положении дел в республике и партийной организации под собственным углом зрения.

Это касалось и важнейших событий, и «ЧП», и серьезных разногласий по основным вопросам текущей политики. Как правило, сообщения Второго редко выходили за рамки бюрократической переписки других каналов связи. И все же право такое за Вторым сохранялось. А хозяин очень не любил, когда информация просачивалась за пределы ЦК без его ведома. Несанкционированная информация, от кого бы она ни исходила, выводила его из себя, он не успокаивался, пока не удавалось наглухо прикрыть источник сообщений, и пристально следил за тем, чтобы за пределы ЦК не просочилось больше того, что положено было знать в коридорах власти в Москве.

Вот он останавливает меня после очередного заседания Бюро:

— Шутник ты, — говорит, — что это ты со мной стал через Москву разговаривать? Не ожидал от тебя. Звонят мне по поводу избрания тебя депутатом...

Этот вопрос встал еще в период выдвижения. Свободных мест не было, и Первый обещал представить кандидатуру В.Г. Гусейнова, как только представиться возможность. Возможность появилась, но кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР выдвинули другого. Вот Москва и напомнила — обычная обязательность орговиков ЦК КПСС, зорко блюдящих порядок. А Первый, ясное дело, трактует происходящее сквозь призму козней моих или Пугачева. Как тут быть? Что же такое позволил Юрий Николаевич?

— И все-таки, кто тебе подсказал обратиться в Москву? Кто?

Первый вновь возвращается к теме, которая, как видно, не дает ему покоя.

— Никто! — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Нет такого человека в природе и быть не может.

— И все-таки?

— И все-таки — нет! — повторяю я решительно и твердо. — И в том, что произошло, никакой моей вины тоже нет. И откровенно говоря, я не очень понимаю суть ваших претензий.

— Всё-то ты хорошо понимаешь,— холодно говорит он, пронизывающе смотря на меня немигающим взглядом.

— Если я, по-вашему мнению, не справляюсь со своими сегодняшними обязанностями, я готов освободить это место.

— Не в том дело,— говорит он, продолжая рассматривать мое лицо. — И ты знаешь, в чем именно.Но ты неискренен, и в этом вся проблема.

Я едва удерживаюсь от громкого возгласа негодования.

— Я никогда не лгал вам! — произношу эту банальную фразу медленно, с ударением на каждом слове, ненавидя себя за это. И тут же зачем-то добавляю: — Ни в чем! Ни в крупном, ни в мелочах.

— Ты стал другим, — невозмутимо возражает он.

Такое впечатление,что ему просто нравится смотреть, как я еле сдерживаю себя от неосторожного слова или какого-либо дерзкого жеста, а может, даже на то,как я внутренне корчусь от этого иезуитского разговора, больше похожего на допрос. Он заранее занял выгодную для себя позицию — молча внимать моим словам, не перебивая, не вступая в спор.

Куда мне было тягаться с ним — ни в чем не убедил, ничего не опроверг, но,несомненно,сильно огорчил. Даже не тем,что именно говорил, а тем, что так и не назвал имени несуществующего советника. Думаю, он очень хотел, чтобы им оказался Ю.Н. Пугачёв. Его имя, чувствовал интуитивно, нужно было ему позарез для какой-то очередной комбинации. Но именно потому,что я это чувствовал, нужное ему имя и не было произнесено. Ни разу. Ни им, ни мною.

В таком духе наше общение продолжалось довольно долго,пока нарастающее взаимное раздражение вскоре не заставило нас замолчать.

— Что ж, — говорит он после бесконечно долгой паузы. — Очень жаль...

А в моей душе мелькнула и погасла тревожная мысль: вот и повторяется история с отцом. Только в иное время, при иных обстоятельствах. А ведь предостерегал Алиовсат-киши не соваться в политику.

Увы, богаты мы ошибками отцов и поздним их умом!

Визит Л.И. Брежнева в Баку

Первый более не возвращается к неприятному нашему разговору. И ему, и мне не до этого — ожидается приезд в Баку Л.И. Брежнева, и все мы погружены в общую атмосферу ажиотажа, сопровождающего весь процесс подготовки к этому уникальному в своем роде действу.

Первый оценивает согласие генсека наведаться в Азербайджан — третий раз за 18 лет своего пребывания во главе СССР — как событие особой политической важности, признак особого отношения ЦК КПСС, Политбюро, как он говорил, лично Леонида Ильича к нашей республике, трудящимся и азербайджанской партийной организации. Под этой дефиницией подразумевается особое уважение, оказываемое генсеком руководителю республики, высокая оценка его деятельности на посту первого секретаря ЦК Компартии Азер-

Л.И. Брежнев в Баку. На снимке: Г. Алиев, 1-й заместитель председателя Совета Министров С. Татлиев, секретарь ЦК КП Ф. Мусаев, председатель КГБ Азербайджана З. Юсиф-азаде, 1-й секретарь горкома партии В. Гусейнов. Сентябрь 1982 г.

байджана. Все так и понимали и вполне согласны были устоявшимся мнением.

Решительность, с которой действовал руководитель Азербайджана с начала 80-х годов, ведя переговоры о третьем визите, обуславливалась не только его личными планами, но и тайными ходами кремлевских группировок, готовившихся к смене власти, о стремительном приближении которой лучше всех ведал Ю.В. Андропов.

Контактам с первым лицом КПСС и советского государства, поддержанию с ним дружеских, почти доверительных связей Г.Алиев всегда придавал особое значение. Можно считать, это являлось его постоянной заботой. Он упорно искал, находил и пестовал выходы на генсека, налаживал каналы постоянного воздействия на него. Этим искусством политического обольщения он владел мастерски, виртуозно используя рычаги данной ему власти, выжимая из своих необозримых, неафишируемых связей в коридорах державной государственности максимальную эффективность.

К описываемому времени, надо сказать, наш Первый весьма преуспел в этом деле. Брежнев, в котором когда-то бдительные армейские политработники заметили склонность выделять из среды подчиненных любимчиков, явно благоволил азербайджанскому лидеру, и об этом шептались на Старой площади давно.

Подготовить город, объекты посещения в ходе предстоящего визита Г.Алиев поставил передо мной в качестве первостепенной задачи. Это значило освежить внешний облик города, привести в порядок улицы, площади, по которым промчится генсек со своей свитой. Я не оговорился — именно промчится, ибо на остановки, предусмотренные программой пребывания, для коротких разговоров с представителями общественности, вручения ему почетных наград и т.д., отводились буквально минуты.

Сам же Первый сосредоточился на возведении резиденции в тенистых аллеях Зеленого театра, что неподалеку от зданий ЦК и Совмина — эпицентр города. Резиденция поражала ажурностью архитектуры — в стиле модерн, великолепием убранства и удобств, в числе которых бесшумный, прозрачный лифт — невидаль для тогдашнего Баку. Его пред-

усмотрели исключительно по требованию заказчика — Г. Алиева, что подчеркивало его заботу о здоровье своего босса. Резиденция готова была где-то в 1981-м, однако Первый держал ее взаперти, объявив, что ее двери откроются только для Леонида Ильича. Визит, однако, все время откладывался. Между тем резиденцию в народе успели назвать «брежневским домом», что, впрочем, вызвало у Гейдара Алиевича улыбку удовлетворения.

Программа все время менялась — посещение Нефтяных Камней заменялось поездкой на эстакады морского нефтепромысла, высадка на плавучую буровую прогулкой к разведчикам моря. Гвоздем программы, по замыслу авторов сценария, должно было стать праздничное шоу на площади им. Ленина — месте традиционных манифестаций трудящихся, первомайских демонстраций и октябрьского парада. Точное название этого действа — митинг представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции Азербайджана. На фоне пляшущих национальных ансамблей и стоголосого сводного хора знаменитый азербайджанский тенор Рашид Бейбутов должен был вручить высокому гостю медаль Почетного гражданина Баку.

Первоначально приезд планировался на весну-лето 1982 года. Однако в марте произошло «ЧП», точнее — самое настоящее несчастье в Ташкенте, куда Леонид Ильич прибыл, как бы открывая серию поездок по стране, встреч с трудящимися, призванных продемонстрировать прекрасную физическую форму лидера СССР, его высокую дееспособность. Во время посещения ташкентского самолетостроительного завода рухнули металлические конструкции, нависавшие над площадкой. Народу, как всегда, было предостаточно. Недосмотр организаторов заключался в том, что рабочим разрешили вскарабкаться на металлические конструкции цеха. Они не выдержали и рухнули в самый разгар встречи.

Трудно себе представить, но поездка к самолетостроителям фактически оказалась импровизированной. Брежнев и врачи первоначально решили, что программа перенасыщена мероприятиями, и посещение самолетостроительного завода отменили. Однако после пребывания на троллейбусном заводе и ткацкой фабрике Брежнев посчитал, что нельзя

обижать коллектив — люди готовились, чего доброго потом пойдут всякие разговоры. И гостеприимным хозяевам во главе с Ш. Рашидовым, тогдашним руководителем Компартии Узбекистана, пришлось уважить пожелание высокого гостя. В результате рабочие собрались в сборочном цехе, многие полезли на леса, и огромная деревянная площадка в верхней части цеха рухнула на Брежнева и Рашидова вместе с сопровождающими.

То, что сделали ребята из личной охраны генсека, можно считать профессионализмом высочайшего класса. Подняв огромный деревянный настил, они удерживали его на вытянутых руках, в то время как люди сверху сыпались на него, а руководители выбирались из-под человекопада. Леонид Ильич, надо сказать, также держался по-солдатски молодцом. Изрядно помятый (выяснилось, что он серьезно повредил ключицу), он довел программу визита до конца, несмотря на настойчивые предупреждения врачей, выступил на активе. В итоге получилось то, чего остерегался Брежнев: поползли слухи.

Первый был мрачнее тучи — в Кремле мгновенно перенесли дату приезда в Баку на неопределенные сроки. Потом визит и вовсе завис под вопросом — у Брежнева проблемы с ключицей. Но генсек довольно быстро пошел на поправку, и Первый объявил — «Леонид Ильич обещал приехать осенью». Назывались разные сроки: сентябрь, октябрь. Но тут возроптала Виктория Петровна, супруга Леонида Ильича. Говорили, она слезно умоляла «дорогого Гейдара Алиевича» отговорить Леонида Ильича от поездки в Баку, поскольку он нездоров и не до конца оправился от ташкентского обвала.

В ответ, с той огромной силой убеждения, на которую был способен Г. Алиев, было сказано, что в Азербайджане, где так бесконечно любят Леонида Ильича, так благодарны за все доброе и отеческое, что он делал и делает для республики, царит истинно праздничная атмосфера. Весь народ, как одна семья, готовится встретить главу советского государства. И его пребывание в обстановке столь необыкновенного душевного подъема прибавит сил Леониду Ильичу лучше любых лекарств. А насчет повторения недоразумений, подобных ташкентскому, не стоит даже беспокоиться. У нас умеют встречать гостей, за благополучие и безопас-

ность дорогого Леонида Ильича отвечает он, Гейдар Алиевич, лично.

Дополнительный свет пролило на историю с поездкой в Баку полубольного лидера СССР, обязательность которой ничем не диктовалась, признание, пожалуй, самого Л.И. Брежнева, якобы, на Политбюро: «Я обещал Гейдару Алиевичу...». Эти слова кажутся вполне достоверными — их цитировал не раз нам, членам Бюро, сам Первый. И как им не верить, если Брежнев не скрывал своего особого расположения к азербайджанскому лидеру. А из чего оно происходило, теперь уже до конца не узнать...

К 24 сентября, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев ступил на бакинскую землю, встреченный морем цветов и крепким объятием первого секретаря ЦК Компартии, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиева, азербайджанская столица, вымытая и вычищенная добела, сверкающая яркими лозунгами и транспарантами, а более всего — радостными улыбками трудящихся по всей трассе следования высокого гостя, олицетворяла собой точное подтверждение празднества, которое накануне Первый описал в телефонной беседе с Викторией Петровной.

С первой и до последней минуты пребывания на Апшероне Г.А.Алиев находился рядом с генсеком, контролируя каждый его шаг, давая нужные пояснения, не подпуская к нему никого и ничего, не предусмотренного программой, ни на минуту не упуская нити управления действом из своих цепких рук. Однако от нашего внимания, членов руководящего звена, находившихся в непосредственной близости от трапа самолета, не могла ускользнуть подстраховка передвижений генсека ребятами В.Т. Медведева — начальника личной охраны Брежнева, неотступно, словно тени, следовавшими за ним в ходе изнурительно долгого пути по трапу к встречавшим, опасному спуску с трапа на асфальт и преодоления главного препятствия — дверного проема в тяжелом бронированном «ЗИЛе».

Охрана помогла разместиться в машине теряющему на глазах подвижность старому и явно больному человеку, одновременно сгрудившись над ним, умеючи маскируя всю эту

процедуру от посторонних глаз, а главное — назойливых камер. Что и говорить, ловко, профессионально работает личная охрана, да разве немощь старческую скроешь?

Вся трасса от аэропорта Бина и до въезда на главную площадь, где священнодействует постановщик праздничного шоу Юлий Гусман, запружена людской массой, в ожидании торжественной минуты застыли танцоры, «готовые рвануться в гике», обливаются под лучами неутомимого апшеронского солнца знатные люди, видные поэты, общественные деятели, ветераны войны и труда.

«...Но вот призывно звучат фанфары, и на мгновение все вокруг затихает. На площадь въезжает машина, из которой выходит Леонид Ильич Брежнев. Взрывом ликования, тысячеголосым «Ура!», возгласами «Добро пожаловать в Азербайджан!», «Хош гялмисиниз!» встречают его собравшиеся. И словно в цветущий сад превратился гигантский асфальтовый прямоугольник, расцвеченный всеми красками золотой бакинской осени.

Усиленные динамиками, звучат слова приветствия в честь товарища Л.И. Брежнева. С именем Леонида Ильича, благодаря его повседневной отеческой заботе, широко шагает Азербайджан!

И как знак всенародной признательности исполком Бакинского городского совета присвоил генеральному секретарю ЦК КПСС, председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу звание Почетного гражданина города Баку.

Шквалом оваций встречают собравшиеся этот волнующий акт волеизъявления всех жителей Азербайджана.

К Леониду Ильичу подходит группа знатных людей столицы республики, долгожители, одетые в национальные костюмы. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Рашид Бейбутов от имени бакинцев вручает высокому гостю медаль Почетного гражданина города Баку.

«Позвольте пожелать Вам, дорогой и любимый Леонид Ильич, — говорит он, — долгих лет жизни и успехов в Вашей великой работе».

Школьники, выбежав на площадь, преподносят Леониду Ильичу яркие букеты цветов».

Стоп. Я цитировал репортаж, который опубликовали все бакинские газеты в тот незабываемый день. Незабываемый и неповторимый и абсолютно сюрреалистичный. Из того, что писали бедняги-корреспонденты, я помню звуки фанфар, огромное людское скопище, медленное, словно в съемке рапид, выползание Брежнева из машины, неестественную улыбку — на все лицо — Алиева, призывающего площадь демонстрировать всеобщую радость; Рашида Бейбутова, отчаянно пробивающегося к высокому гостю. Огромное, испепеляющее солнце, подобно гигантской лампаде нависшее над площадью. Суета охраны и стремительное, беззвучное исчезновение черной вереницы машин[25].

И речь Бейбутова, которую великий певец репетировал часами, и обращение многодетной матери, и феерические танцы, и плывущие по волнам людского моря автоплатформы с изображением книг «Малая земля», «Целина», «Возрождение» Брежнев уже не слышал и не видел. Он просто занемог чисто старчески, и охрана вызволила его из мейдана, всеобщего ликования, да так, что сам Гейдар Алиев не успел разобраться, что происходит.

Ясно было лишь, что высокому гостю нужны покой и его немедленно необходимо доставить в резиденцию. Ту самую, которая ждала генсека более года и давно именовалась бакинцами «брежневской».

Здесь-то и появился на генсековском пальце перстень, который на следующий день операторы прямого транслирования продемонстрировали всему миру. До исторического момента пробуждения телеоператорского сознания, подвигшего другого незримого героя пропагандистского фронта высвечивать крупным планом на экране дрожащие руки члена ГКЧП Г.Янаева, оставалось еще почти десять лет. Как стала возможной такая промашка постоянной группы прессобслуживания — история умалчивает. Как и некоторые другие странности пребывания в Баку руководителя СССР.

А на следующее утро Леонид Ильич побывал в гостях у морских нефтяников Каспия — «гвардейцев рабочего класса» Баку, как говорилось в сообщении «Азеринформа». Накануне

[25] «Баку». 25 сентября 1980 г.

Г.А. Алиев внял советам врачей и мольбам Леонида Ильича и отказался от мысли прогуляться с гостем по надраенной до блеска площадке плавучей буровой, над 58-метровой вышкой которой взвилось алое полотнище Государственного флага СССР.

Высыпавшие к борту бурильщики радостно приветствовали появление на причале генерального секретаря в сопровождении Гейдара Алиевича. СМИ сообщили, что Л.И. Брежнев осмотрел новейшую плавающую установку «Шельф-2»[26]. Леонид Ильич помахал им рукой и продемонстрировал в знак дружеских чувств рукопожатие, кортеж двинулся в город, к Дворцу имени Ленина — место проведения съездов, крупных государственных мероприятий и, само собой, концертов звезд эстрады.

Слава богу, обошлось без «ЧП», невольно подумалось по завершении этой, последней в программе, прогулки, призванной подчеркнуть авангардную роль рабочего класса, всего трудового Баку. И еще подумалось: «Приехать в союзную республику и не встретиться с простыми людьми — никак нельзя. Генсек в его нынешнем состоянии совершает свой очередной рабочий подвиг. Но подозревают ли о том работяги, весело машущие ему рукой?»

Все эти тревоги вместе с любопытством легко читаются на лицах участников актива представителей общественности, собравшихся во Дворце имени Ленина. И первые аккорды долгожданной политической увертюры свидетельствуют, что тревоги эти были небеспочвенны.

Поначалу с недоумением переглядываются сидящие в зале секретари партийных комитетов. Опытные аппаратчики, они не слышат в словах оратора номер один КПСС и Союза приличествующего случаю пафоса а ля Брежнев. Меж тем с трибуны микрофоны монотонно доводят до сведения трудящихся факты накопившихся проблем, имеющихся недостатков... Нет, это не юбилейный тост. Явно что-то не то. Сидящие в зале, оправившись от оцепенения, начинают с ужасом догадываться о происходящей ошибке, не желая верить в допустимость такой преступной халат-

[26] «Баку». 26 сентября 1982 г.

ности на столь высоком уровне непоколебимой партийной власти.

В президиуме Гейдар Алиев с застывшим на лице немым вопросом поворачивается к А.М. Александрову, помощнику генсека. Тот лихорадочно хватает лежащую перед ним папку с бумагами, и все видят, как из дрожащих рук главного спичрейтера сыплются на стол листы. В следующее мгновение происходит и вовсе невероятное: весь красный от скрываемого с трудом приступа раздражения Г. Алиев сгребает со стола у вконец обмякшего Александрова страницы и решительным шагом, словно у него не доклад, а переходящее красное знамя, направляется к трибуне.

Леонид Ильич с немалым удивлением поворачивается к фигуре, возникшей рядом с ним. Возможно, это был самый сильный и неординарный поступок в длительной дружбе Гейдара Алиева с Брежневым: на виду у обомлевшего зала он отбирает у генсека недочитанный доклад и кладет перед ним другой текст. Зал, наконец оправившись от шока, начинает, словно по команде, неистово аплодировать, пытаясь тем самым замять возникшую неловкость: кто-то перепутал папки с докладами.

А произошло вот что. Как всегда, предполагались два выступления генсека: одно — для широкой публики и прессы, другое — для руководящего состава республики, встреча с которым намечалась во второй половине дня. Надо ли говорить, что тексты отличались по форме и содержанию, как праздничное приветствие от телеграммы с соболезнованием?

— Я не виноват, товарищи. Мне приходится читать сначала, — разрядил ситуацию Леонид Ильич.

Нашелся, однако, сумел среагировать на нештатную ситуацию с юмором...

Далее зачитывание доклада шло по написанному, как говорится, без сучка и задоринки, если не считать того, что генсек, говоря о необходимости наращивать нефтедобычу на больших глубинах, поставил эту ответственную задачу, очевидно, чисто механически, не перед азербайджанскими, а афганскими нефтяниками...

Занятная история. Но остановился на ней вовсе не из-за желания позубоскалить вдогонку, в общем-то, пожилому че-

ловеку, организм которого к описываемому времени был вконец разрушен. Пробегитесь по биографии Брежнева — не простая и не такая уж гладкая жизнь выдалась ему. Повидал и голодные годы, и по дорогам войны потопал, и в послевоенные тяжелые времена пахал — то на Севере, то на целине.

Что касается казуса с докладом, то на трибуне с людьми его ранга, даже более молодыми, всякое случается. А перепутал тексты не А.М. Александров (дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол, советник А.М. Громыко, после Брежнева служил в том же качестве — помощником по международным вопросам у Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и даже у М.С. Горбачёва), хотя многие кивали на него. Свинью генсеку подложил генерал А.Я. Рябенко, начальник личной охраны, помимо непосредственных обязанностей по обеспечению безопасности носивший за генсеком его бумаги...

Но рассказ мой о злополучной брежневской речи не кончается. Вынужден вновь и вновь возвращаться к ней, потому что сейчас отчетливо видится то, что не разглядеть было в атмосфере всеобщей эйфории и рабочей круговерти, поглотившей меня целиком. Именно с того часа определился новый поворот в моей судьбе, пугающий своей внезапностью и потому непонятный ни мне, ни тем, кто находился со мной рядом.

И вроде бы ничего примечательного, значительного Брежнев не произнес. Одна-единственная фраза, каких в его докладах и речах при желании можно обнаружить сотни.

Фраза, изменившая мою жизнь

Вот это место из генсековской речи: «Необходим также самый строгий подход к распределению жилой площади. По этим вопросам в ЦК КПСС поступает много жалоб, в том числе и из Азербайджана. И правильно поступил Бакинский горком партии, дав принципиальную партийную оценку случаям нарушений установленного порядка в заселении освободившихся квартир» (аплодисменты)[27].

---

[26] «Баку». 27 сентября 1982 г.

Пока гремели аплодисменты, я пытался осмыслить произошедшее. Нет, я не ослышался, судя по улыбкам и дружеским подмигиваниям товарищей. Оно и понятно — попасть в доклад главы Советского Союза дорогого стоит. Не каждому из азербайджанских руководителей везло так. Бакинскому горкому повезло, значит — мы попали в точку, не зря создавали «социальный паспорт » и наказали кое-кого! В перерыве мне пожимают руки, поздравляют. Как говорится, мелочь, а приятно!

Несмотря на упомянутые сбои и накладки, программу удалось-таки благополучно довести до конца, хотя, честно признаюсь, физическое состояние высокого гостя республики вызывало опасение. И не только у хозяев. Явно волновалась вся сопровождающая обслуга генсека, особенно медики. Л.И. Брежнев покидает гостеприимный Азербайджан утомленный, но и вполне удовлетворенный вниманием и заботой, которыми окружил его Гейдар Алиевич. Проводы поражают великолепием, а подарки — роскошью. Не забыты даже члены экипажа и самые незаметные сотрудники обслуживающего персонала. «Голоса» уже трещат по поводу злополучного перстня. К тому времени, когда в Баку Брежневу вручался инкрустированный кинжал, осыпанный бриллиантами, его гараж в Москве давно был забит «мерседесами» и прочими иномарками, подаренными на переговорах по разоружению, сотрудничеству и безопасности в Европе.

КОНТЕКСТ

Как и у всех людей, у главы СССР имелись свои слабости. Таковыми являлись машины, ружья и женщины. Мудрено ли, что он от коллег по Политбюро и руководства республик, не имевших доступа к производству шикарных автомобилей, получает охотничьи ружья, кинжалы, всякие дорогие украшения. Ну, а женщин в молодости он умел покорять и без посторонней помощи, а когда вконец состарился, услужливые медики догадались пристроить к своему пациенту очаровательную медсестру. По воспоминаниям телохранителей, дама сия оказалась весьма расторопной и очень скоро стала принимать участие в конфиденциальных застольях с высшим руководством страны. Пришлось службе безопасности принимать экстренные меры по удалению больно сноровистой раскрасавицы. У нас же

в Баку подарками гостям из Москвы занималось Управление делами Совмина, как распорядительный орган.

Что же преподнести лично Леониду Ильичу, знал лишь Г. Алиев и его доверенное лицо в правительстве, как сказали бы сейчас, вице-премьер С.Б. Татлиев и еще директор Бакинской ювелирной фабрики. Что увез с собой Л.И. Брежнев в инкрустированных национальным орнаментом шкатулках и футлярах, знал только этот молчаливый исполнитель правительственного заказа. Разумеется, оплачены были дорогие подарки из правительственного бюджета, и директор не поскупился на драгоценные каменья, золото и серебро, что являлось строго подотчетным товаром.

После того как изделия были переданы в Совмин, директору, осторожно намекнувшему, что хорошо бы оформить прием-сдачу правительственного заказа по форме, сказали, мол, что за мелочные разговоры он ведет, когда все руководство республики занято ожиданием политического события судьбоносного значения.

После отъезда Брежнева ему заявили, что пока не до него — руководство занято разработкой мер по претворению в жизнь ценных указаний, предложений и рекомендаций генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР, большого друга азербайджанского народа Леонида Ильича Брежнева. «Понимать надо, товарищ. Вашим вопросом займутся вплотную, скорее всего, после праздников — поздняя осень, завершается сельскохозяйственный год, наступит период осенне-зимнего затишья — пора наград и отпусков управленцев. Кстати, награда и вам полагается». А после праздников и вовсе стало не до него, потому как Гейдар Алиев отбыл в Москву.

Так и сгинул несчастный директор ювелирной фабрики — то ли инфаркт, то ли покончил с собой. Тем и помог в последний раз заказчику закрыть дело, квалифицировав его как хищение в особо крупных размерах.

Не знаю, как совминовцы, но мне в те дни в горкоме было совсем не до пикантных подробностей, о которых заголосила мировая пресса и вовсю шептались на бакинских кухнях. Сразу после возвращения из аэропорта, когда Первый дает указания секретарям о неотложных мерах в связи с завершившимся визитом и все разбегаются незамедлительно выполнять поручения, меня просят остаться.

«Наверное, собирается поздравить и похвалить за высокую оценку работы горкома, прозвучавшую в речи Брежнева, — проносится в голове. — Вот и хорошо, на том и забудется тень недоверия, возникшая в последнее время между нами».

Мы одни. Я весь в ожидании, всматриваюсь в утомленное лицо Первого. Он молча, долгим, слишком долгим взглядом оглядывает меня. Холодный прищур в уголке глаз — предвестник недобрых предчувствий.

— А ты не так прост, как кажешься...

Я запомнил эти слова на всю жизнь. И как они были произнесены.

— Что вы имеете в виду?

Моя реакция — механическая. Я не могу собраться с мыслями, хотя догадываюсь, чем я обязан этой неожиданной злости, не убывающей в глазах моего собеседника.

Он, кажется, не слышит прозвучавшего вопроса. Он всецело погружен в вычисления, которые пульсируют в глубине его мозга, выстраивая логическую цепь умозаключений, подтверждающих все худшее, что подсказывали его особо доверенные шептуны и напоенная неиссякаемой подозрительностью бдительная память.

— Иди... Мне все ясно...

Это значило не просто разрыв. Он последние полгода и без того демонстративно не общался со мной, держал, как говорится, в подвешенном состоянии. При централизованном устройстве власти это значило, что ни один вопрос, относящийся к моей компетенции, не мог быть своевременно и на должном уровне решен. Их накопился целый ворох. Ясно, что в любой момент может быть брошено обвинение: «Годами не решаются городские проблемы. Важнейшие вопросы социально-экономического развития откладываются на потом. Запущена кадровая политика. Дело дошло до того...» И далее: перечень конкретных фактов, бьющих в самую десятку, способных возмутить кого угодно. И ведь не возразишь. И это притом, что для аппарата — и горкома, и ЦК — уже давно не секрет, что Первый не принимает В. Гусейнова. Недобрый знак. Само собой — ползут слухи,слышен шепот знатоков политической кухни. И как следствие ослабления позиций — растет поток анонимок и жалоб, организуемых «обиженными», хотя, если честно, писем трудящихся и без того хватало.

Ясно, что причина последнего приступа недовольства — брежневский комплимент горкому, руководимому мной. Пер-

вому не нравится, если кого-либо привечают в Москве, выдвигают или поощряют. Всякое возвышение может происходить исключительно с его соизволения. Строгое соблюдение данного требования обосновывается необходимостью считаться с мнением республиканской партийной организации, ее руководящих органов, уважать их автономность, самостоятельность. Москва с некоторых пор слишком восприимчива к столь вольной интерпретации принципов суверенитета республик, считается излишним посягать на местный авторитет. А в случаях, связанных с Азербайджаном, включается еще и чиновничья предосторожность: ведь Г.А. Алиев может выйти и непосредственно на генсека. И это ничего хорошего не сулит.

Недавно, кстати, был случай. Институт общественных наук при ЦК КПСС, где верховодит В.В. Загладин — близкий соратник Б.Н. Понамарёва, принял на свою кафедру бакинца И.А. Ахундова, бывшего ответственного работника ЦК Компартии республики. Тот без пяти минут доктор наук, специалист по современным проблемам Турции, в которых остро нуждался институт, готовящий, помимо прочего, особый контингент слушателей — нелегалов-марксистов из стран «третьего мира». Так вокруг него такой шум поднялся, что пришлось тюрколога-беднягу, не успевшего присесть на рабочем месте, увольнять и высылать обратно в Баку.

Та же история повторилась с моим журналистским товарищем Расимом Агаевым. После блестящей защиты диссертации по Ираку — оппонировал сам Г.И. Мирский— ему предложили доцентуру в том же ИОН и Дипакадемии — обычная практика. В Баку неожиданно уперлись: у нас, мол, у самих острая нехватка кадров такого профиля и уровня. В результате Р.Г. Агаев остался не у дел, а в связи с последними событиями вообще стало не до него. Моя попытка воспользоваться им для укрепления идеологического направления работы горкома была жестко пресечена.

Так что несколько слов, произнесенных Брежневым с высокой трибуны, мне дорого обойдутся. Хотя Первый не может не знать, что к составлению речей генсека ни я, ни кто-либо иной из горкома не имел ни малейшего отношения. Фактологическую основу, как и положено, писали в орг-

отделе ЦК, под Его неусыпным взором. Очень возможно, Первый каким-то образом связал появление без его ведома оценочного высказывания о работе горкома с подзабытым инцидентом со Вторым. На этой аппаратной связке тоже наблюдается напряжение. И тоже по ему одному известной мотивации.

Плохи твои дела, Вагиф Алиовсатович... Разобраться в истинных причинах «холодной войны», развязанной Первым, непросто, как и понять, зачем ему это нужно и к чему он ведет. Начинает новую игру? Одну из тех, которыми, как вехами, отмечены 13 лет руководства им компартией и республикой? И какую же роль он отведет мне?

Ответы на мучающие меня вопросы я получу скоро, причем даже намного быстрее, чем мог предположить.

Кончина Генерального секретаря

В пасмурное осеннее утро раздается звонок из Москвы: будь на месте, следи за правительственными сообщениями.

Что могло бы такое стрястись? Афган? А может, американцы что-то выкинули? С них станется. Мысль о Брежневе, стариках из Политбюро мелькнула — 7 ноября на трибуне мавзолея он был совсем плох. Простоять на морозе несколько часов кряду в его-то возрасте, принимая народ и приветствуя ликующие колонны нескончаемого людского потока — тут и организм помоложе не выдержит. Зато на официальном правительственном приеме по случаю 65-й годовщины Великого Октября перед иностранными дипломатами генсек держался молодцом! Его тост был емким, содержательным и в то же время немногословным. В нем нашлось место и для большой политики, и для простых советских людей, «счастья и благополучия каждой советской семье»!

Бакинские газеты опубликовали сообщение о приеме и речи на нем генсека только вчера. По указанию Первого по всей республике были проведены митинги и собрания по поводу поступившего от Леонида Ильича традиционного поздравления в связи с выполнением Азербайджаном своих обязательств по продаже государству основных продуктов сельского хозяйства: хлопка, винограда, овощей, чая и т.д.

Все, как всегда: незыблемо, стабильно, привычно.

Следующий звонок возвращает к действительности: «Леонида Ильича Брежнева не стало...»

Надо связаться с Алиевым. Не стал говорить открытым текстом — неизвестно, как воспримет недобрую весть.

— В Москве что-то происходит. Кажется, у генсека тяжелое положение...

— Я знаю, что у него неважно со здоровьем.

Я глянул на часы — прошло минут 15 после первого звонка. Трудно представить, чтобы я получил информацию после него. И не потому, что он кандидат в члены Политбюро, Первый. Быть в курсе всего происходящего в недрах власти — жизненно важный принцип его как политика и человека. Не скажу, что возникла тревога. Вспомнились, естественно, переживания марта 1953 года, репродукторы на площадях, плачущие взрослые... В ноябре 1982 года все по-другому: Первый по-деловому, с несколько озабоченным видом, отдает поручения, в партийных кабинетах, в государственных учреждениях люди предупреждены: необходимо провести траурные митинги, побывать в трудовых коллективах, сохранять спокойствие, ждать указаний «сверху».

Все вслушиваются в многократно повторяемое сообщение КПСС: «Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев»[28].

Казалось, вместе с этими несколькими строками стих и шум славословий, дифирамбов, торжественных церемоний, ритуалов, награждений. Сообщение, венчавшее эпоху брежневского правления, названное вскоре застойным, запомнилось своим содержанием. За исключением стертых эпитетов и введения покойного в ряды революционных борцов, акценты, характеризующие его личность, трудовую биографию, вполне соотносились с жизнью и деятельностью Л.И. Брежнева.

[28] «Баку», 12 ноября 1982 г.

Он, несомненно, являлся типичным представителем постсталинского поколения коммунистов, в характере и выучке которых не было особых романтических отметин революционного прошлого. Это были люди аппаратного мышления, практики социалистического строительства, не шибко грамотные в теоретических воззрениях, современных интерпретациях социализма, с довольно устаревшими представлениями о мире капитала, которому противостояли, тем не менее, с неистовством настоящих коммунистов. Готовы были с ним мирно сосуществовать, сотрудничать, но не доверяли до конца лидерам Запада и считали нужным оберегать мир социализма от тлетворного влияния Запада. Они немало преуспели в укреплении социально-экономического, военно-политического могущества СССР, но безнадежно отстали в совершенствовании государственного устройства Страны Советов, ее модернизации, обновлении партии и общества, всей страны, созданной в условиях неумолимых войн — Великой Отечественной и «третьей мировой» — холодной, навязанных социализму миром капитала.

Вина Л.И. Брежнева в последовавшей катастрофе, постигшей Советский Союз, огромна, но она несравнима с тайными и зримыми делами М.С. Горбачёва. Она вычисляема: он так и не смог преодолеть сталинскую инерцию авторитарного правления, хотя к 1970-м годам условия жизни и свобод были куда более благоприятными, чем в 1930-е, не говоря уже о 1940-х. Совершенно правильным и эффективным был курс на укрепление обороноспособности страны, но глубоко ошибочным явилось решение принять американский вызов в области вооружений и органически связанный с этим афганский провал.

Не будем скрупулезно перечислять иные прегрешения советского лидера, называвшегося таковым с полным на то основанием — по крайней мере, до 1977 года. Не будем забывать: при Брежневе был достигнут военный паритет между СССР и США; при нем Советский Союз утвердился в раскладе мировых сил в качестве супердержавы; при нем стал возможным Хельсинки в 1975 году. Этот великий, возможно, переломный год в истории Советского Союза, вес и влияние которого на ход мировой истории являлись определяющими.

Личный авторитет советского лидера ничем не уступал, не скажу — западным (Брандт, Миттеран, Крайский, Тэтчер), но американским — точно: Картеру, Форду, да и Рейгану, которому нарастил политические мускулы абсолютно неадекватный историческому моменту Горбачев — своим граничащим с откровенным предательством новым мышлением.

Много стрел было выпущено при Брежневе, ставшем удобной мишенью из-за того, что позволил, как считают некоторые историки и его современники, уговорить себя в 1977 году остаться на посту генсека после перенесенного инфаркта. Рассказывали об этом эпизоде в биографии Л.И. Брежнева и В.А. Крючков, и другие знатоки кремлевской «кухни». Особенно преуспели в уговорах А.М. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, как принято было говорить, политическое ядро Политбюро, костяк советского государственного механизма.

Часто в рассказах о брежневском прошении отставки проводится мысль об искреннем желании генсека удалиться от дел, ставших для него непосильными. Эти рассказы меня лично убеждают не больше, чем истории с неоднократными попытками И.В. Сталина оставить власть. Скорее, то были тесты на преданность...

Брежнев был достаточно искушенным в дворцовых интригах властитель. За внешним простодушием в критических ситуациях проглядывал опытный политический боец, знающий, на кого нужно ставить (участие в рискованнейшей операции ареста Л. Берия), умеющий точно рассчитать, что лучше противопоставить сопернику в борьбе за власть (самодурство Н.С. Хрущёва и ровный в отношениях с коллегами по союзному руководству Леонид Ильич), интуитивно предугадывающий, кто может представлять наибольшую угрозу его власти (на данный момент опала «Железного Шурика» — А.М. Шелепина).

Ну и последнее, что необходимо любому лидеру, — способность безошибочно формировать собственную команду преданных единомышленников. В условиях советской системы, с ее претензиями на коллективизм, при никогда не прекращающихся устремлениях на лидерство, это не такая простая задача, как представляется. Брежневу это удалось.

Брежневское Политбюро упрекают в дряхлости, сибаритстве, закостенелости мышления. И вполне справедливо. Забывая при этом, что до того, как лидер и его сподвижники состарились, многие из них проявили себя энергичными и опытными профессионалами (А.Н. Косыгин, А.М. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, П.М. Машеров, Н.Ф. Кулаков). М.С. Горбачёв, Г.А. Алиев, Э.А. Шеварднадзе появились в его окружении в поздний период — скорее, в качестве сложной игры Ю.В. Андропова. Но это — другая тема.

К концу 1970-х годов окончательно сформировалась брежневская команда, оставалось только сдвинуть еще хрущевского прихвостня В.Н. Подгорного, что, кстати, вскоре и сделал Л.И. Брежнев. Генсек, годом ранее жаловавшийся на обременительность обязанностей лидера КПСС, вдруг, не особенно церемонясь, убирает главу государства, чтобы нарастить к своему списку дополнительные полномочия!

Согласитесь, такой ход мыслей и политической интриги сильно противоречит намерениям отказаться от власти, которыми якобы снедаем был Брежнев.

Куда более правдоподобны рассказы телохранителей, оказавшихся, кстати, слишком словоохотливыми для своей профессии, о том, что в последние месяцы, особенно после ташкентского бедствия, Виктория Петровна, глядя на то, как тяжело и нехотя садится по утрам ее супруг в машину, чтобы отъехать на несколько часов в Кремль, слезно уговаривала его уйти на покой. Но и тут, в конечном счете, генсек предпочел остаться на своем многотрудном посту.

Будем откровенны: Леонид Ильич сам выпестовал образ невменяемого старца, ставшего героем бесчисленных анекдотов и притч. И эта неспособность расстаться с властью, когда время сурово и громко стучалось в двери, непростительна для руководителя и самой державы.

Надо было насмотреться на горбачевский провинциализм, несоответствие его самого и тех, с кем он собирался вытащить страну из трясины застоя, чтобы отдать должное практицизму Брежнева, политику которого на первом этапе отличала здравая доля консерватизма, без чего невозможны преемственность и стабильность поступательного движения.

Горбачевское безоглядное реформаторство потому и имело катастрофические последствия, что демонстративно игнорировало принцип политического реализма, чем сильны были все его предшественники.

КОНТЕКСТ

Идея необходимости новой модернизации, равной по масштабам и направленности имевшей место при переходе от монархического, феодально-капиталистического устройства к социалистическому, давно вызрела в недрах советских интеллектуальных элит, в том числе и партийной элиты. К ним готовы были и широкие социальные слои, это так же верно, как и то, что имелось общественное понимание неспособности стареющего политического руководства взяться за решение столь непростой задачи.

Совершенно правы были те, кто утверждал позже, что шанс на модернизацию не представлялся многим чем-то исключительным. Вера в творческий потенциал КПСС, советского общества также являлась распространенным убеждением. Эту миссию, по общему мнению, мог осуществить только один человек в Политбюро, и он уже давно стоял на капитанском мостике социалистического флагмана — СССР — в непосредственной близости от штурвала.

Имя его знали все. И что особенно удивительно — все были согласны с тем, чтобы страну возглавил именно он — Андропов Юрий Владимирович. Не странно ли, что именно эта фигура, о жизни и деятельности которой, а главное — об умонастроениях, мало что было известно?

Ю.В. Андропов не позиционировал в качестве преемника Брежнева, интеллектуальный потенциал и политические предпочтения его были неясны. И, тем не менее, он с некоторых пор стал восприниматься политическим лидером в советской правящей иерархии. В том числе и социальными массами, называемыми одним древним и нестареющим словом — «народ».

Из этого вовсе не следует категорический вывод о единодушном признании безальтернативности кандидатуры Ю.В. Андропова в руководящем политическом органе — Политбюро. Он уже год как работал секретарем ЦК КПСС, и это передвижение сильнейшей политической фигуры из закрытой организации — КГБ СССР — на непосредственный советский Олимп состоялось по решению руководящего ядра — силовиков.

Рассказывал В.В. Прибытков, мой давний комсомольский товарищ, переведенный в тот период в помощники К.У. Черненко, о некоторых подробностях траурного заседания Политбюро, последовавшего сразу после неожиданной кончины генсека. А было так.

После того как все члены Политбюро расселись по местам, поднялся Константин Устинович и неспешно, по-рабочему направился к пустующему креслу председательствующего, что находился во главе массивного стола заседаний.

Трудно сказать, чем завершилось бы это собрание, если бы Константин Устинович под молчаливыми взглядами присутствующих таки добрался до кресла и воссел в нем. В последние годы Леонид Ильич явно благоволил давнему, преданному другу, испытывал потребность в общении с ним. Черненко постепенно превратился в некое связующее звено между генсеком и руководством партией. В глазах многих он вполне смотрелся как преемник Брежнева, хотя, что и говорить, начисто был лишен харизмы и данных крупного руководителя.

Его тихое перемещение, являвшееся, по сути, попыткой молчаливого захвата штурвала власти, остановлено было зычным голосом маршала У.Ф. Устинова, прозвучавшим в столь неординарной обстановке командирским приказом: «Костя, подожди малость. Не надо спешить. Юра, займи председательское место и веди заседание».

Константин Устинович повиновался предложению. Юрий Владимирович согласился с ним и воссел в кресло. И все остальные поняли, кому быть главой Страны Советов. После этого-то и был подан мессидж всей партии народу, стране о безальтернативной кандидатуре на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Сделано это было традиционным способом — избранием будущего генсека председателем траурной комиссии.

К.У. Черненко отступил, потому что в политическом руководстве СССР вес и влияние днепропетровской группировки, состоявшей из лично преданных Л.И. Брежневу выдвиженцев, уравновешивались партией профессионалов-силовиков. А ведь существовало мнение, что бал правят днепропетровцы. Не случайно гуляла в московских элитных кругах шутка, согласно которой — история России знавала три эпохи: допетровскую, петровскую и днепропетровскую.

Распад группы силовиков и естественный конец днепропетровской эпохи расчистил дорогу М.С. Горбачёву, тем более, что его выдвижение фактически стало следствием сговора и менее всего соответствовало условиям преемственности. Тем и привлекателен был всем Горбачёв, что смотрелся молодым и энергичным. Мало кто задумывался над тем, что молодость нового секретаря является, в общем-то, единственным преимуществом перед другими возможными претендентами на верховную власть в партии (в должности секретаря, члена Политбюро, он занимался сельским хозяйством, курировал некоторые международные вопросы и кое-что в сфере валютной политики). И тут можно упрекнуть Л.И. Брежнева — не позаботился он о создании механизма преемственности,

хотя, в отличие от своих великих предшественников, временем и возможностями располагал достаточными.

И все же, иногда думается, рубежным в этом плане стал 1976 год — брежневский инсульт. Хватило бы ему мужества, воли и мудрости, а соратникам — политической проницательности, и история Советского Союза могла бы двинуться по иной колее, обрела бы иной имидж, иное направление. Не сумели поддержать процесс омолаживания, о котором столько говорилось, влить в механизм управления свежую кровь. В результате ротационная система дала сбой, а потом надолго застопорилась — признак того, что механизм кадрового обновления партии и государства требовал совершенствования.

Увы, методология, взятая на вооружение при Хрущёве — избавляться от молодых (Шепилова, например) — получила дальнейшее развитие при Брежневе (Шелепин, Мазуров, Полянский, Катушев). Сами рубили сук, на котором держались они и вся система. Старение руководства постепенно приобрело в СССР характер общей тенденции.

Сюрприз от Ю.В. Андропова

По большому счету все мы — партийная номенклатура — с профессиональным нетерпением наблюдавшие за ходом событий в Москве, восприняли произошедшую смену лидеров как нечто ожидаемое, естественное развитие в процессе формирования нового руководства страны.

Скажет читатель: ну что с того для Баку, для далеких окраин огромной державы — ушел один глава, пришел другой? Каким бы энергичным ни был новый лидер, а расшевелить, изменить естественное течение истории — сколько времени уйдет, сколько сил потребуется, пока удастся развернуть могучий корабль в нужном направлении с помощью новой команды, пока достучатся ее приказы и наказы до тех, кто на нижних этажах да в трюмах...

Так-то оно так. Да только никто еще не измерил и не определил взаимосвязь личности с ходом истории. В те тревожные дни слышны были сожаления, что Андропов оказался у руля государства слишком поздно. И все же доминирующим ощущением в настроениях были вздохи облегчения, что в критический момент будущее страны перешло в руки не малоизвестного выскочки, не самозванца, а деятеля опытного, профессионального, знающего.

Мне и сейчас представляется, что в Ю.В. Андропове подкупали именно эти качества, некая надежность, исходившая от его осторожных оценок положения в стране. Более всего, мне кажется, номенклатура, да и просто люди, опасались шараханий, резких поворотов, которыми сыты были с хрущевских времен. Андропов также подавал сигналы будущих перемен в сторону большей демократии, отказа от идеологических штампов, устаревшего, не соответствующего представлениям новых поколений хода и реалий социализма. В пользу этого говорила концепция урегулирования венгерского кризиса, разработанная им и — как следствие — привлекательный во многих отношениях опыт венгерского социализма.

Нет большей наивности, чем мнение о том, что смена власти затрагивает лишь судьбы тех, кто находится на ее вершине. Этот процесс затрагивает всех, если не каждого. Независимо от уровня демократии или жесткости авторитаризма. Сколько миллионов жизней спас «новый курс» Рузвельта? Де Голль не только вывел из политического тупика Францию, он положил начало новому мышлению французов, без чего не было бы ни новой Франции, ни устойчивости ЕС. Ведь речь идет о многосложном общественном процессе — появлении новых интеллектуалов, новых людей, формировании новых элит, их взаимодействии с плеядами традиционалистов.

КПСС так и не удалось гармонизировать сменяемость руководства страной с преемственностью и новыми взглядами на действительность. Перемены в СССР в послесталинский период были неизбежны. А вот явился бы не Н.С. Хрущёв, а, скажем, В.М. Молотов, и история Советского Союза получила бы иное направление и содержание. К правлению страной были бы призваны иные руководители, иные команды, иные люди.

Так что ожидания наши осенью 1982 года имели не только широкое общественное, но и глубоко личное значение. Что ждет страну и каждого из нас?

Нас ждал сюрприз от Ю.Н. Андропова. Едва ли не первым его кадровым решением стал перевод Г.А. Алиева в члены Политбюро, назначение его первым заместителем председателя Совета министров СССР.

Это известие в Баку произвело эффект долгожданной победы: одни искренне радовались успеху национального лидера, другие испытывали нечто похожее на чувство национальной гордости, третьи вспоминали багировские времена, когда Москва придавала особое значение нефтяному Баку, воздавала должное революционному прошлому азербайджанской столицы, что находило отражение в особых отношениях грозного Мир-Джафара Багирова с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Иные полагали, что с переходом Г. Алиева на новое, союзное поприще можно будет свободно вздохнуть, закончатся нескончаемые давление и страхи, злословили — пусть, мол, попробует навести порядок в Москве, Союзе, давно пора. Словом, в общественных настроениях витали смешанные чувства радости, надежд и привычного ожидания перемен. И тех, которыми объята была вся Страна Советов, и своими специфически азербайджанскими.

На мои искренние поздравлении сразу после возвращения из Москвы он реагирует без приличествующего моменту торжества, даже нервозно:

— С чем ты меня поздравляешь?!

И в том нет ни позы, ни рисовки,ничего, кроме искреннего раздражения.

— Разгребать хозйственные завалы, наводить порядок, поднимать трудовую дисциплину и укреплять ответственность в огромной стране с трехсотмиллионным населением? Маленький Азербайджан вон сколько сил, энергии и времени отнял.

И он устало махнул рукой, мол, что там говорить об этом, садись обсудим наши, республиканские дела...

Я знал — он давно нацелился на Москву и наверняка был в курсе предстоящей смены в руководстве страной. Но не той, которая произошла после 10 ноября 1982 года. На Старой площади ходили упорные слухи о предстоящей реконструкции Политбюро, вызванной необходимостью разгрузить как можно больше от непосильных каждодневных дел Л.И. Брежнева.

После его возвращения из Баку поступила информация, что учреждается пост председателя КПСС, который займет

Леонид Ильич, в результате чего Ю.В. Андропов станет Генсеком — политическим руководителем партии, а практическая реализация решений КПСС будет возложена на Первого секретаря. На это место Л.И. Брежнев рекомендовал Г.А. Алиева. Предложение обсуждалось в близком окружении Генерального, но судя по тому, что пришлось отложить до следующего рассмотрения, имелись если не возражения, то некоторые соображения. Какие? Это знали только участники предварительного заседания, те, кто составлял правящее ядро политического руководства.

Избрание членом Политбюро для него было ожидаемым решением. Но предложение Андропова о назначении первым заместителем Предсовмина по своему политическому статусу вовсе не соответствовало тому, что предлагал покойный генсек. Г.А. Алиев слишком хорошо понимал разницу между политическим руководством и хозяйственно-экономическим, сам не раз удалял в Совмин или придерживал на этом участке тех, кто мог претендовать на большее (Алиша Джамиловича Лемберанского, например, легендарного мэра Баку, вызванного из Москвы с обещанием поставить во главе правительства, но так и не ставшего премьером). Знал он и о старой партийной традиции сваливать крупные экономические провалы на Совмин, слишком свежа была память об участи Д.С. Полянского, М.Т. Мазурова, П.Е. Шелеста, крупных, подававших надежды деятелей, звезды которых были погашены при помощи точно такого же возвышения. Г.А. Алиев также понимал, что из лидера, пусть и республиканского масштаба, но самостотельного, национального значения он превращается пусть и в фигуру союзную, но исполнительскую в государственном механизме.

Власть в Москве как центр государственного управления была сконструирована вовсе не так, как привыкли ее видеть в остальном мире. Ей придавались иные функции, в том числе и наследуемые, традиционные. Имелись иные механизмы, часто скрытые от внешнего взгляда.

Политическое ядро формировалось годами совместного служения в штабе советской власти, и новобранец, кто бы им ни был, долго оставался пришлым человеком. Причем, нельзя утверждать, что у Алиева в Москве были сплошь доб-

рожелатели, хотя он к тому времени располагал огромными связями по всей властной вертикали. Одни завидовали его феерическому восхождению, другим не нравилось, как он прокладывал путь наверх, знали о его подспудных ходах. Не могли не возникать и вопросы, почему выдвигают руководителя небольшого Азербайджана, а не из другого региона.

Подобный ход мыслей не мог не одолевать его, политика опытного, умеющего рисковать, но и знающего цену осторожности. Не ошибусь, если скажу, что на утомленном лице Алиева, вернувшегося в Баку в новом качестве, в его размышлениях, окрашенных в пасмурные тона, читались признаки плохо скрываемого разочарования.

Мудрено ли, он стоял не перед мучительным выбором, а необходимостью начинать новый этап своей карьеры, блистательность которой не исключала пугающей неизвестности уже в ближайшем будущем.

Однако мысли тех, кто окружал его, кто работал с ним, как и тысяч других, кто привык наблюдать за политическими спектаклями, как самым захватывающим зрелищем, были о другом.

Г.А. Алиев делает выбор

Сущность ожидания таилась в коротком, полном сакраментального смысла и глубокого общественного значения вопросе: «Кто?» Кого оставит после себя Гейдар Алиевич? На ком остановит свой выбор?

— Как ты считаешь, кто из членов Бюро может наилучшим образом возглавить республику?

Он не говорит: партию, Центральный комитет. Не называет саму должность — первый секретарь ЦК компартии. Кто станет Первым, тот и главный — такова конфиденциальная логика.

— Вам виднее, Гейдар Алиевич. Мы все — члены вашей команды, можно сказать — ваши воспитанники. Вам и решать.

— Непростая эта задача, — продолжает он, глядя куда-то вдаль, за окна. — Если ты помнишь, я на тебя делал ставку. Но не успел... Не успел подготовить смену для себя — времени не хватило.

Он говорит с искренним сожалением. Он вообще выглядит в последние дни необычайно озабоченным. Но на лице его не читаются признаки радости (Он пока остается Первым, Бюро еще не рассматривало вопрос о его освобождении от обязанностей, которые он исполнял 13 с лишним лет. Чистая формальность, разумеется. Но к ней не подступиться, пока не будет ясности в вопросе, который решается в связке с упомянутой формальностью). Он явно не в себе и дело не только в неожиданной кончине Леонида Ильича.

Так кто же? Кто может заменить его на верховном посту? А есть ли такой среди нас, который тайно когда-либо помышлял занять его место? Вряд ли кому подобное могло прийти в голову все эти 13 лет. Другое дело сейчас, когда он вынужден оставить республику и доверить ее рулить другому. Не в том ли причина отсутствия признаков удовлетворения на его хмуром, сосредоточенном лице? Он словно не рад своему возвышению, новому крутому и завидному повороту в своей судьбе.

...Г. Алиев ждал этого часа давно. Как минимум, последние два с половиной года. С того самого дня, когда встал вопрос о его переводе в Москву. В связи с этим он и стал настаивать на моем отзыве в Баку — нужно было готовить преемника, а для этого требовалось время. Кончина Л.И. Брежнева ускорила развязку. До окончательного отъезда на новую работу нужно было определяться с новым руководителем ЦК КП Азербайджана — Ю.В. Андропов торопил.

...Первый проводит беседы о предстоящем выборе с членами Бюро, с каждым по отдельности. И получает ответ, ради которого и ведутся переговоры, — руководство партии готово согласиться с его личным решением. Имя будущего руководителя партии, в соответствии с принятой практикой, не разглашается вплоть до полного согласования кандидатуры с ЦК КПСС. Однако на этом важнейшем этапе миновать Второго секретаря не имеется решительно никакой возможности. Мнение Ю.Н. Пугачёва в данном случае, может, и не является решающим, однако не считаться с его позицией тоже нельзя (помните знаменитое требование В.Е. Семичастного: «Прошу внести в протокол мое особое мнение по данному вопросу»?).

И тут выясняется, что у Ю.Н. Пугачёва имеются возражения. Точнее, он ропщет. Блестящая по замыслу кадровая комбинация, настойчиво доведенная мастером власти до практического осуществления, повисает на виду предусмотрительно смолкших в ожидании скандального срыва немногочисленных зрителей.

— Багиров не обладает способностями руководителя столь высокого ранга. Нет необходимой широты кругозора, волевых качеств, принципиальности да и соответствующего уровня политической культуры. Возможно, он хорошо смотрелся бы в качестве секретаря по промышленности. К тому же он серьезно болен. Хотя надо бы добавить, что Кямран Мамедович уважаем аппаратом, имеет определенный партийный опыт, добрый, отзывчивый товарищ.

Это свое мнение Ю.Н. Пугачёв высказал последовательно Г.А. Алиеву (уже члену Политбюро!), а затем и главным оргвикам ЦК КПСС — И.В. Капитонову и Н.А. Петровичеву. Сама по себе такая позиция в вопросе кардинального характера, да и с учетом особых обстоятельств, уже выглядела экстраординарной. Но Второй вынужден был сказать нечто такое, о чем вслух, как правило, не говорилось, хотя опытные царедворцы и догадывались, о чем идет речь.

— Зачем же Гусейнов набирался в Москве политического опыта? И зачем надо было прерывать раньше времени его столь перспективную деятельность на международном поприще? Для чего мы его поставили во главе Бакинского горкома — крупнейшей партийной организации республики?

Московские товарищи приняли к сведению точку зрения Второго секретаря. Однако возражать новому члену Политбюро не стали: имя Г.А. Алиева в те дни было у всех на устах — человек, взятый в управление советским государством новым генсеком, самим Ю.В. Андроповым!

Теперь мне, и не только мне одному, стали понятны мотивы столь неожиданного и столь же настойчивого желания Первого снять меня с «московской орбиты». Продолжение работы в ЦК ВЛКСМ закрепляло мое положение в союзной организации, выдвигая в число потенциальных претендентов на первые роли в республике в предстоящей коррекции состава руководства ЦК. Избранием же первым секретарем

Бакинского горкома партии решались два замысла. Под жестким контролем оказывался я как возможный претендент на первые роли, радикально снималась проблема А.Т. Керимова, который в ожидавшейся смене властных фигур мог бы также составить конкуренцию К.М. Багирову. С учетом их реального веса и авторитета, особенно на союзном уровне, шансы «Габыча», как и мои, выглядели бы куда предпочтительней.

Особая позиция Ю.Н. Пугачёва в связи с планируемыми со стороны Первого кадровыми перестановками и провоцировала, судя по всему, вспышку подозрительности хозяина касательно моих отношений с «человеком Москвы». Стоит, пожалуй, подивиться психологическому потенциалу интриги, когда национальный политик, всей собственной карьерой обязанный своим связям в Москве, выражает нескрываемое недоверие к тому, кто по служебному положению являлся проводником позиции ЦК КПСС в республике. Удивительно ли, что на фоне скрытых маневров двух партийных боссов, мнения которых разошлись в принципиально важном вопросе — выборе нового руководителя Компартии, — брежневская реплика о «правильном подходе Бакинского горкома к решению жилищных проблем была расценена Первым как сигнал общественности республики по поводу того, кого бы в ЦК КПСС хотели видеть новым руководителем Компартии.

Я слишком хорошо знал Г. Алиева, чтобы рассчитывать на то, что он может согласиться позволить кому бы то ни было подбирать ему преемника. Но Ю.Н. Пугачёв, будучи человеком глубоко партийным, дипломатическому маневрированию предпочитал прямолинейное сопротивление, что, по его мнению, означало следование коммунистической выучке — оставаться во всем и всегда принципиальным, честно и открыто отстаивать свое мнение. Требовать от него тонкого знания этнических особенностей характера азербайджанцев не приходилось. Откуда он мог знать, что Кямран Мамедович Багиров приглянулся руководителю республики вовсе не из-за выдающихся знаний и опыта в области строительства, а исключительно ввиду ереванских корней своего генеалогического древа.

Об этом не значащемся ни в одной анкете штрихе биографии секретаря ЦК по идеологии не ведали не только доки-аппаратчики, но и те, кто вырос с ним на узких улочках Чемберикенда — самого что ни на есть типичного уголка старого Баку. Да если бы и знал о том Ю.Н. Пугачёв, ведавший вопросами оргпартработы, ему и в голову бы не пришло, что данная биографическая деталь может послужить достаточным основанием, чтобы в течение нескольких лет прокрутить бывшего выпускника политехнического института в отделах строительства Совмина, ЦК партии, Сумгаитского горкома. А затем счесть обретенный таким образом опыт достаточным основанием для того, чтобы сделать его идеологом номер один Коммунистической партии Азербайджана.

Это был не самый изящный ход в политической практике Г.А. Алиева. Но он никогда не отступал от задуманных планов. А в вопросе о том, кому оставить республику, в которой он привык себя чувствовать полновластным хозяином, он просто не мог уступить. И главное, неистребимая черта восточной ментальности — относиться к государственной должности как к своей собственности: мой магазин, мой завод, мой район, мой город, моя республика. Не только Ю.Н. Пугачёв, все мы забыли, что между собой называли его Хозяином. А какой хозяин отказывался от своего дома, своей земли, короче — собственности? Из-за нее, родимой, все политические страсти бушуют исстари на грешной земле, восстают народы, сокрушаются революциями государственные устои.

Отбытие Первого на место новой работы затягивается.

Первоначально в Москву на «смотрины» выезжает вроде бы Иса Мамедов. Но биография деятеля из субтропиков, изобилующая темными пятнами, как и его провинциальные суждения, и весь вид, не тронутый городским лоском, вызывает сомнения. Другое дело — Кямран Мамедович Багиров, высокий, голубоглазый атлет с хорошей русской речью, с вкраплениями партийной лексики.

Общение с претендентом на роль первого человека в республике вполне подтверждает анкетный портрет. Что и говорить — воспитанник краснознаменных 1970-х , верный продолжатель алиевского курса. Вопросов нет. За исключе-

нием одного. А что же Вагиф Алиовсатович Гусейнов? Он ведь значится в резерве кандидатов на место Первого после того, как Гейдар Алиевич настоял на переводе его в Баку. Да и Леонид Ильич в ходе своего последнего пребывания в Азербайджане похвалил его. Неувязочка выходит.

Новому генсеку, проявляющему в кадровых вопросах чисто чекистскую осведомленность и осмотрительность, может и не понравится такая непростительная небрежность. Как тут быть?

Новый член Политбюро, первый заместитель Председателя Совета министров СССР Г.А. Алиев знает, как действовать в подобных случаях.

— И Багиров, и Гусейнов — мои воспитанники. Как говорится, мои кадры. И оба зарекомендовали себя на партийной работе с самой лучшей стороны. Единственное упущение в отношении Гусейнова — это моя вина, я узнал об этом несколько поздно, и будет правильным проинформировать о нем ЦК партии. Вагиф Алиовсатович, работая в Москве, являясь секретарем ЦК ВЛКСМ, дружил с Игорем Щёлоковым...

Что ответствовал Юрий Владимирович Андропов на данное уточнение — история умалчивает. Известно, что любое упоминание о бывшем брежневском дружке Николае Анисимовиче Щелокове производило удручающее впечатление на сдержанного, умеющего маскировать свои эмоции нового генсека. Замкнутый, даже несколько аскетичный шеф советской службы безопасности, грозного КГБ, являлся антиподом главы милицейского ведомства, человека, любившего жить с размахом, по-барски...

Ю.В. Андропов переиграл ненавистного ему министра, которого он считал повинным во многих социальных болезнях, поразивших некогда мощный организм Страны Советов. Он довел долгую, тягучую подковерную игру с ним до логического конца. Но последнюю точку в своей захватывающей биографии маршал Н.А. Щёлоков поставил сам. Застрелившись, он в последнюю минуту избежал неминуемого ареста и тем лишил своего преследователя возможности всласть насладиться его, Щёлокова, позором, как долгожданным итогом многолетнего соперничества.

Теперь его сын, Игорь Щёлоков, сам того не желая и не ведая, ставил мне последнюю подножку, на что он был большой мастер. Впрочем, вряд ли узнает о том, что совершило простое упоминание его имени в беседе двух гигантов политической интриги. Мою фамилию в присутствии Андропова теперь лучше было бы не называть...

А Гейдар Алиевич, между тем, не спешит с организационным пленумом, где должно свершиться невероятное — он передает власть (теперь это всем известно) К.М. Багирову.

Уже и документы соответствующие готовы, и кое-кто из близких спешит со словцом, шуткой, особым рукопожатием поздравить Кямрана Мамедовича, мол, знаю, рад безмерно вашему успеху, надеюсь, не забудешь старых друзей. Друзья, разумеется, могут быть спокойны, Кямран Багиров — человек свой, городской, чужд крестьянских хитростей, каждое утро, по старой спортивной привычке, появляется на корте общества «Динамо», что на бакинском бульваре, и отыгрывает с Юрием Гусейновичем Мамедовым — заместителем заведующего административного отдела ЦК партии — пару сетов в теннис.

Его спарринг-партнер по корту, как и большинство аппаратчиков, пребывает в щепетильном положении небывалого переходного периода в истории ЦК. Даже самые опытные из них не могут припомнить из истории примера, когда бы действующий лидер партии сам, добровольно, передавал бразды правления одному из своих приближенных. Обычно избрание нового руководителя следовало за освобождением предшественника, которое подтверждалось доверительной и вполне достоверной информацией, утекавшей из московских кабинетов, о неблагополучии дел в Азербайджане и ожидающихся в связи с этим оргвыводах республиканского масштаба и значения.

Первый, еще восседавший в своем кабинете и безо всякого энтузиазма проводивший скучные совещания, как-то незаметно трансформировался в «бывшего», что легко читалось в глазах, в каждом движении подчиненных. Имя нового («Король умер? Да здравствует король!») являлось предметом вычислений до самого последнего момента. Карты раскрывались непосредственно перед пленумом, когда на

Бюро появлялся представитель Центра, называемый на бюрократически конспиративный манер ответственным сотрудником ЦК КПСС.

А тут всем все известно. Да только Первый работает в том же напряженном режиме, в том же кабинете, что и летом такого далекого, словно из учебника истории, 1969 года, когда хозяином вошел в кабинет на третьем этаже ЦК, который, казалось, он никогда не покинет: «Скинули, — ликует, — теперь я первый секретарь!»[29]

Итак, на 3 декабря назначается пленум ЦК Компартии Азербайджана. Повестка дня давно известна — организационный вопрос.

«Пленум освободил от обязанностей первого секретаря и члена Бюро ЦК Компартии Азербайджана тов. Г.А. Алиева в связи с назначением его Первым заместителем Председателя Совета министров СССР. Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана избран тов. Багиров К.М.»[30].

Все на удивление буднично, «по-семейному». Впрочем, это короткое сообщение заслуживает внимания, как редкий для политической истории Азербайджана пример бескровной передачи власти. Хотя историческая правда велит сказать и о том, что экс-первый не спешит покидать свой кабинет (чуть было не сказал — трон).

В ЦК направляются посланцы автономий, городов, сельских районов. Затем следуют визиты профсоюзных, комсомольских организаций республики, сотрудников МВД, КГБ, деятелей науки, литературы, искусства. Гейдар Алиевич тепло, по-отцовски, беседует с каждой делегацией, разъясняет значение своего высокого партийно-государственного назначения: «Что скрывать — в Москве на разных уровнях ответственные товарищи давно говорили, что масштабы Азербайджана уже малы для Алиева. Он — деятель крупного, союзного уровня».

После того как эта мысль прозвучала в выступлениях представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, следует призыв к ним работать еще лучше,

---

[29] *Гусейнов Ч.* Минувшее — навстречу. — М.: Флинт, 2009. — С. 258.

[30] «Бакинский рабочий», 4 декабря 1982 г.

своими трудовыми делами отметить столь значительное, можно сказать — историческое событие в жизни партийной организации, всего азербайджанского народа.

Г.А. Алиев говорил, как всегда, уверенно, четко, по-командирски. С некоторых пор в его ораторском искусстве появились новые штрихи. В конце речи — короткий взмах рукой, почти по-ленински. Жест отработан. Не так давно на съезде художников он с удовольствием давал рекомендации, как лучше рисовать: «Не советую вам, не разобравшись глубоко в каких-то новых веяниях, подпадать под влияние отдельных модернистских течений и калечить свой творческий подчерк, свою индивидуальность. Как и предполагалось, сейчас резко спала волна ажиотажа и бума вокруг абстрактного и некоторых других течений модернистского буржуазного искусства. К сожалению, кое-кто из вас не думал, что это произойдет и, естественно, ошибался»[31].

Вождь все знает. Невольно вспоминаются кадры из далекого детства: Сталин подходит к заглохшему на Красной площади грузовику, а через минуту после того, как мотор затарахтел, мудро сообщает чумазому шоферу, изумленно пялившему глаза на такого простого и такого великого человека: «Конечно, свечи!»

Наш вождь на прощание беседует с людьми без привычной строгости и недоверчивости. Напротив, он необычайно приветлив, по-товарищески доступен, как и полагается большому человеку. Эту тонкую перемену народ улавливает чутко и реагирует по-разному. Журналистская братия, как всегда, посмеивается: «Теперь и в Москве будет свой ЧК КП!» Номенклатура внемлет с трепетом. Один профсоюзный деятель, коротышка, схватив при прощании отеческую руку, подпрыгнул и под общий хохот чмокнул дорогого Гейдара Алиевича в щеку. Тот на мгновение оторопел, потом дружески похлопал бойкого функционера по плечу. Мамед Аскеров, министр сельского хозяйства, на правах земляка счел возможным, по древнему тюркско-курдскому обычаю, приложиться губами к протянутой руке. Тут оторопели окружающие.

[31] «Бакинский рабочий», 18 мая 1982 г.

Когда и каким образом в генерале КГБ проснулся глава восточного племени, а в государственном чиновнике — нукер? Вопрос непростой, и одним лишь следствием советского авторитаризма эти человеческие трансформации не объяснить...

В перерывах между встречами с представителями общественности, о которых ведут подробные репортажи все СМИ, Г.Алиев подписывает указы о присвоении почетных званий, раздает просителям квартиры из резервного фонда. На дню только мне поступают лично от него по пять-шесть «квартирных» поручений. Потом подсчитал: около 30 лучших квартир из фонда горкома раздал самым различным лицам, и хорошим поэтам, и посредственным. А что было делать?

Сообщения о необычном великодушии хозяина всерьез всколыхнули деятельность всех без исключения творческих союзов, запросившихся на прием к покидающему родной азербайджанский корабль капитану с просьбами напоследок о почетных званиях. «Ближайшие пять лет нам нечего будет делать», — прокомментировали ситуацию в отделе культуры ЦК.

Как говорил Штирлиц, запоминается последняя фраза. Гейдар Алиевич Алиев знал об этом и без кинематографического разведчика. Поэтому последним словом его прозвучал пленум ЦК Компартии Азербайджана, на котором общественности был представлен новый руководитель республики — Кямран Мамедович Багиров.

Начался он традиционными рукоплесканиями, которыми присутствующие встречали своего лидера, а закончилось... всхлипываниями выступавшего с трибуны с речью нового партийного босса. В том месте, где К.М. Багиров, переполненный чувствами искренней благодарности своему благодетелю, намеревался сообщить, что он никогда не забудет отеческой заботы дорогого Гейдара Алиевича, оратор невольно всхлипнул. Это было бы, может, по-своему трогательно и театрально, если бы он далее сумел совладать с бившими через край эмоциями. То ли из-за непривычного нервного напряжения, то ли из-за проснувшихся сыновних чувств он просто разрыдался, и этот его неподдельный эмоциональный порыв подхватил зал.

Собственно, после всеобщего плача и причитаний женской половины зала занавес можно было опускать.

«7 декабря из Баку в Москву отбыл член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров СССР тов. Г.А. Алиев. В Бакинском аэропорту его провожали: первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана К.М. Багиров, Председатель Президиума Верховного совета Азербайджанской ССР К.А. Халилов, Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР Г.Н. Сеидов, члены и кандидаты в члены Бюро ЦК КП Азербайджана»[32]. То есть все, кто входил в партийно-государственное руководство республики.

Последний акт долгих проводов завершился неожиданно быстро и без лишней суеты. И когда лайнер Г. Алиева исчез в пасмурной дали, наступило необычайное ощущение облегчения. Словно с плеч каждого из нас свалился неподъемный груз, который мы тащили на себе все эти, в общем-то, радостные и даже счастливые годы.

КОНТЕКСТ

Никакой острый ум, никакой анализ не мог проникнуть в сокровенные мысли руководителя авторитарно-вождистского плана, каковым, безусловно, являлся Г.А. Алиев, что, замечу, мало смущало большинство его соратников. Внутренний мир человека под железным натиском судьбы — можно ли определить его, охватить, распознать?

Конкуренция за благосклонность, следовательно, и за продвижение вверх, допускалась, причем даже поощрялась в стане соратников. При одном непременном условии: решительном отказе от каких бы то ни было попыток помышлять о желании стать преемником.

Странно даже, об этом знали, понимали, интуитивно догадывались все. С этим согласились в партийной элите, как с само собой разумеющимся положением. Таковы были правила игры, нигде никем не писанные и не им установленные. Он им придал лишь свою жесткую интерпретацию, как и всему, с чем ему приходилось соприкасаться. Не из этого ли осознанного требования к окружающим проистекала необъяснимая жестокость, которая не могла не диссонировать с общей атмосферой благодушия, откровенно поддерживаемой старцами в Кремле? Имелась и существенная разница в понимании власти им и всеми нами.

[32] «Бакинский рабочий», 8 декабря 1982 г.

Мы рассматривали партийное поприще как нечто принадлежащее всем, неким общегосударственным полем, где сама деятельность — дело, цель и результат не исключают самостоятельной игры. Мы все были коллективистами. Он — индивидуалист, рассматривающий коллективизм как лучшее прикрытие собственного самовластья. Даже в случаях, когда ему приходилось покидать свой командный пост, переходя на другую, верхнюю площадку, он сам подбирал себе преемника и считал, что тот вместе с дарованной ему властной площадкой становится его собственностью. Ничего общего ни со светскостью, гражданственностью, не говоря уже о традициях партийности, данное проявление индивидуализма не имело.

Это была темная, иррациональная воля. Воля владевшего почти неограниченной властью человека, уверовавшего не только в собственную непогрешимость, как полагают некоторые, но и, что особенно опасно, в свою абсолютную неподсудность. Именно это убеждение руководит авторитаристом любой окраски, определяя все его действия, помимо разума. Руководимые могут лишь рассчитывать на периодические, случайные минуты просветления, когда не они, а внутренний голос может намекнуть ему, что он поступает неправильно. Эта особенность азербайджанского лидера практически исключала способность взглянуть на себя со стороны.

Увы, эти рассуждения обрели законченность, системность позже. Увидеть бы много раньше, в то время, во всей полноте корневое свойство Его натуры, да только сказал поэт — большое видится на расстоянии...

В нескончаемых дискуссиях о роли личности — от Плеханова и до времен разоблачения культа личности — партия, как и все мы в отдельности, ухватились за идею, как утопающий за соломинку: лидер, герой, вождь может лишь исказить общую линию, природу организации, но не само движение вперед к великой цели. Глубоко это засело в закоулках сознания.

Понадобилось разрушение КПСС, чтобы понять простую вещь: то была не партия, а система государственно-политического управления. Сама по себе она ничего не значит без верных служителей великой цели. Без них легко и незаметно может произойти подмена самой Системы. Что, собственно, и произошло...

Тогда мы не задумывались о том, что взятые вместе пристрастия, черты, особенности психологии человеческой, повязанные в причудливое единство с профессиональным и жизненным опытом человека, выросшего в условиях жесткого подчинения, образуют особую политическую ментальность, называемую авторитаризмом. Особенность этого явления надо было изучать, а не рисовать одной краской.

1. Гейдар Алиев, генерал Валех Баршатлы, Вагиф Гусейнов. Баку, 9 мая 1981 г.
2. С министром цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако на встрече с лауреатами премии ленинского комсомола, молодыми героями труда, 1978 год, Москва.
3. Беседа в Бакинском горкоме партии с делегацией Эфиопии. 1981 г.

4. С командующим группой войск в Чехословакии Д.Т. Язовым. Чехословакия, 1979 г.

5. С 1-м секретарем Тбилисского горкома партии Т. Ментешашвили и дирижером, Народным артистом СССР З. Ниязи. Тбилиси, 1982 г.

6. С политическим обозревателем А. Каверзневым.

7. С Народным художником СССР Таиром Салаховым и первооткрывателем тюменской нефти Фарманом Салмановым. Это о нем А.Н. Косыгин сказал: «Если бы не Салманов, сидеть нам снова на продуктовых карточках, как во время войны».

Встреча со знаменитым советским разведчиком Шандором Радо, 1977 г.

◂ С Народным артистом СССР Михаилом Ульяновым

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Михайлович Тяжельников на митинге, посвященном Дню советской молодежи, в Кремлевском Дворце съездов ▸

Перед началом торжественного мероприятия в Варшаве.
Справа – Александр Оськин

APOLLO SOYUZ TEST PROJECT PRIME CREWMEN

Открытка из космоса с автографами участников экспедиции за подписью космонавтов Алексея Леонова и Валерия Кубасова – «Гусейнову Вагифу на память о программе «Аполло-Союз»

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 5

Пролог 8

Часть первая. НА ВЗЛЁТЕ

НАЧАЛО НАЧАЛ 17
«С каких краев будешь, земляк?» 17
Поэзия, распахнувшая окна в большой мир 32
Какая она, солдатская перловка? 36
«Говорит Баку!» 44

СТРАНА МОЯ – КОМСОМОЛИЯ 52
Найти свою тропинку 52
Новый руководитель республики 55
Комсомольский берег 57
Памятный вояж с писателем А. Рыбаковым 64
Спорт – дело серьёзное 68
«ЧП» всесоюзного масштаба 70
Путь наверх 76
В « Молодежке» 80
Меня забирают в ЦК ЛКСМ 85
Скандал в благородном семействе 91
А между тем... 95
В стремнине 97
Лицом к лицу с Самим 101
От съезда к съезду 106
Ох, нелёгкая эта работа!.. 110
Рука мастера 118
Комсомольская путёвка 121
Мои комсомольские университеты 124
Комсомольская свадьба 126
Главная задача 133
В обманчивой тишине коридоров власти 136
«Считать это первейшей обязанностью комсомола!» 148
Первый легальный диссидент 162

Блеск звёздного часа ... 169
Партийный съезд ... 178
Промышленная переориентация республики ... 183
Вызов как публичная пощечина? ... 187

ВОЗВРАТНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ... 200
Дела международные ... 200
Советско-румынский молодежный фестиваль ... 204
Погода в доме — лучше не бывает! ... 209
И снова поворот судьбы ... 214
Меня избирают секретарём ЦК ВЛКСМ ... 218
«Это — твоя кандидатура, не моя!» ... 222
Московская весна ... 227
Всемирный фестиваль молодежи ... 231
С корабля на бал ... 235
Ликующая Гавана ... 240
Будни международников ... 245
Поездки, встречи, размышления ... 255
Дремлющий вулкан ... 261
Главный вопрос всех войн — зачем? ... 264
Удар ковбоя ... 270
Человек, который знал всё ... 276
Таков его стиль ... 281

Часть вторая. ПОД ПРЕССОМ

Политические качели ... 289
Первое явление народу ... 295
Туго завязанный клубок проблем ... 298
Конвейер борьбы с негативными явлениями заработал... ... 306
И все-таки что-то витает в воздухе... ... 318
Связь с Первым прерывается ... 328
Между Первым и Вторым ... 336
Визит Л.И. Брежнева в Баку ... 341
Фраза, изменившая мою жизнь ... 350
Кончина Генерального секретаря ... 355
Сюрприз от Ю.В. Андропова ... 362
Г.А. Алиев делает выбор ... 366

Вагиф Гусейнов

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОДНА ЖИЗНЬ

Книга первая

Литературный редактор — *Ю.Д. Поройков*
Верстальщик — *А.Н. Багаев*

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Тираж 500 экз. Заказ № 488
Подписано в печать 19.02.2013 г.